

АЛЕКСАНДР II

Леонид
Ляшенко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ISBN 5-235-02479-6

9 785235 024793

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1015

(815)

Леонид Ляшенко

АЛЕКСАНДР II,

ИЛИ ИСТОРИЯ
ТРЕХ ОДИНОЧЕСТВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2002

УДК (974+957)«18»(092)

ББК 63.3(2)5

Л 99

Вступительная статья
А. А. ЛЕВАНДОВСКОГО

*Автор и издатели выражают искреннюю благодарность
работникам Российской государственной библиотеки,
Государственной публичной исторической библиотеки
и Государственного исторического музея.*

ISBN 5-235-02479-6

© Ляшенко Л.М., 2002
© Левандовский А.А., предисловие, 2002
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

При всем увлекательном многообразии истории в ней всегда будут выделяться эпохи особые, имевшие из ряда вон выходящее значение для того или иного народа, региона, всего человечества. Замечательный историк Т. Н. Грановский справедливо писал о том, что ученых и дилетантов влекут «великие повороты, которыми начинаются новые круги развития»¹. В истории нашей страны любой желающий легко выделит эти эпохи-«перевороты» — основные вехи на ее тернистом пути. Становление государства, принятие христианства, нашествие татаро-монгол и так далее, вплоть до последней «перестройки» включительно.

Эпоха, в которой герой книги Л. М. Ляшенко, русский царь Александр II, играл, безусловно, главную роль, занимает в этом ряду не только законное, но и, пожалуй, совершенно исключительное место. На мой взгляд, она вообще уникальна. В основе ее — грандиозная крестьянская реформа, в корне изменившая жизнь страны. Для того чтобы осознать все значение отмены крепостного права, нужно хорошо представить себе, какую из ряда вон выходящую роль сыграло оно в истории России. Ведь на протяжении четырех с половиной столетий все бытие нашей страны буквально нанизывалось на этот роковой стержень. Да и будучи сломленным, он долго давал о себе знать. Крепостничество ока-

залось живучим; оно долго коверкало русскую жизнь и после реформы 1861 года. Более того, мне кажется, что порой оно неожиданными судорогами проявляет себя и в наши времена — и на государственном уровне, и на бытовом, повседневном...

Корень зла

Если попытаться судить объективно и здраво, — что нам, земнородным, дается с трудом, а в отношении нашего исторического прошлого, может быть, в особенности, — то трудно уйти от впечатления: крепостное право в той тяжелой форме, в какой оно сложилось в России, было неизбежным, так же как и неразрывно связанное с ним самодержавие. Во всяком случае, это была жестко определенная плата за будущее...

Ведь надо иметь в виду, что в результате татаро-монгольского нашествия Русь оказалась в положении гибельном, аналог которому нелегко найти в мировой истории. Потеряв свои наиболее плодородные и перспективные в хозяйственном отношении юго-западные и западные земли, захваченные Литвой, она была оттеснена в северо-восточный, медвежий угол Европы, на бесплодный суглинок, в дремучие леса и болота. Под стать почве у нас и климат — жесткий, резко континентальный, с суровой зимой и знойным, нередко засушливым летом; в отношении амплитуды колебаний средних температур зимы и лета Московскую Русь вообще не с чем сравнивать. На этих широтах условия для земледельческого хозяйства хуже только в Сибири — так там оно и не существовало вплоть до присоединения этого региона к России.

А ведь сама Русь только земледелием и держалась — при всей скудости его плодов. Никаких особых природных богатств на ее территории не было, дороги же к морям перекрыли варяги. И на фоне этого хозяйственного неблагополучия — бесконечные феодальные усобицы, еще более его усугубившие. И главное горе — многовековое иго, сопряженное с регулярной выплатой дани: те немногочисленные излишки, которые давала русская земля, уходили в Орду; нередко же приходилось отдавать и самое необходимое, то, без чего сложно было выжить.

Обращаясь к этому тяжелейшему периоду в нашей истории, начавшемуся в XIII веке, поражаешься тому, что из подобной ямы вообще удалось выбраться... Хотя платить, конечно, пришлось дорого. «...Россия была спасена; она стала

сильной, великой — но какой ценой? Это самая несчастная, самая порабощенная из стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни»². Конечно же, на земном шаре были и остаются страны, куда несчастнее, чем Россия, — простим автору этих строк публицистический перефраз, вспомнив, в частности, что написаны они в 1850 году. Ночь накануне рассвета, как известно, кажется особенно темной... Зато Герцен, пожалуй, впервые в русской литературе так четко и ясно определил цену, уплаченную Россией, за возможность двигаться вперед по своему историческому пути. Платить пришлось постепенным подчинением, причем с каждым веком все более безоговорочным, двум беспощадным деспотам-близнецам: самодержавию и крепостному праву.

Сейчас совершенно очевидно, насколько взаимосвязаны эти явления, как подпитывали они друг друга в процессе своего становления. Великокняжеская, а затем и царская власть, собрав воедино Северо-Восточную Русь, стремилась всеми силами обезопасить ее границы, расширить пределы, пробиться к морям... На все это нужны были силы, а также средства, на которые эти силы можно было содержать. Между тем звонкой монеты в казне постоянно не хватало; скудные земли, собранные под единой властью Москвы, не стали от этого богаче и плодородней. Зато теперь этих земель было много и постепенно становилось все больше; они, по меткому выражению В. О. Ключевского, надолго составили единственный реальный капитал московских князей.

Землю стали давать в обеспечение службы. Именно в обеспечение: получив из рук власти поместье, хозяин-помещик должен был служить с него «конно, людно и оружно» — то есть не только по первому требованию власти являться на службу, но и обзавестись за свой счет боевым конем и оружием, привести с собой определенное количество пеших ратников. При скудных урожаях, низких ценах на хлеб (земледелием занималась подавляющая часть населения, более или менее обеспечивавшая себя всем необходимым) и постоянных служебных отлучках хозяина — все это было тяжким испытанием, не выдержав которое помещик неизбежно терял землю и выбывал из своего относительно привилегированного сословия. Чтобы избежать этого, ему волей-неволей приходилось выжимать максимум возможного из работавших на него земледельцев.

Между тем при обилии земель народу на Руси было относительно немного. Естественно, что свободные земли как магнитом притягивали тех, кому стало худо на обжитых. Ну

а если кого пугала целина — южные, открытые кочевникам степи или заволжские лесные дебри, — те и на земле обетованной могли поискать лучшей доли, переходя от хозяина к хозяину, из дворянского поместья на боярскую вотчину. Как остроумно заметил С. М. Соловьев, земледельческая масса в те времена представляла собой «жидкое тело» — чем больше на нее давишь, тем скорее она утекает...

Многим, если не большинству помещиков, подобное положение дел грозило разорением и социальной гибелью. Естественно, они возопили и столь же естественно, что власть эти вопли услышала. Не могла не услышать. Ведь она сама сознательно и целенаправленно создавала дворянское сословие как свою самую надежную военную и социальную опору и должна была заботиться о его хотя бы относительном благополучии. С конца XV века свобода земледельца в передвижении в поисках лучшей доли начинает ограничиваться и постепенно, шаг за шагом, сводится к нулю — знаменитое Соборное уложение 1649 года окончательно запрещает крестьянам переходить с места на место.

Крестьянский труд, таким образом, становится подневольным, что развязывает помещикам руки: «жидкое тело» структурируется, твердеет, теперь на него можно давить вплоть до полного разрушения. С другой стороны, проводя крепостнические меры, власть наводит необходимый для себя порядок на Руси, «дисциплинируя» основную массу населения, облегчая себе и полицейский контроль над ней, и сбор податей.

Еще раз отметим, что путь, по которому пошла Русь, представляется тяжелым, воистину тернистым, но — исторически оправданным. За счет крестьянской свободы было создано государство, которое сумело справиться со всеми внешними врагами, невероятно раздвинуть свои пределы, пробиться к морям. Однако, заложив в основу этого величия подневольный труд основной массы собственного трудового населения, государство само приобретало все более деспотический характер, стремясь все сферы народной жизни подчинить своему контролю и руководству. И не было у него в этом деле помощника более надежного и верного, чем поместное дворянство. Получив от власти землю и даровую, по сути, рабочую силу, дворянское сословие безоговорочно поддержало все ее самодержавные устремления. Опираясь именно на дворянство, последние Рюриковичи и первые Романовы не только успешно решали внешнеполитические проблемы, но и преодолевали сопротивление своего нравного боярства, подавляли крестьянские волнения, дик-

товали свою волю городскому населению. Наконец, именно дворянство послужило главным рычагом Петру Великому в его грандиозных преобразованиях, ознаменовавших окончательную победу самодержавного строя в России.

Повторяю, во всем этом сложном, двуедином процессе нетрудно отыскать внутренний смысл; более того — он кажется настолько ясным, что возникает даже соблазн сказать: «Иначе нельзя...» Условия, в которые попала Русь, требовали максимального напряжения сил всего ее населения. И государственная власть, приняв на себя роль жестокого, нередко беспощадного организатора, сумела-таки их напрячь — до почти полного изнеможения, но зато, с государственной точки зрения, с блестящими результатами. И к тому же в этом диктате долгое время сохранялось некоторое подобие социальной справедливости. Да, понятие «государство тягло» стало одним из определяющих в русской жизни — но это тягло, в той или иной степени, тянули все сословия: и черный люд городов, и купечество, и даже боярство. А главными тяглецами, от которых в значительной степени зависели успех или неудачи в решении жизненно важных задач, стоявших перед страной, наряду с крестьянами-земледельцами, были те же помещики-дворяне. Только первые решали эти задачи за счет своего каторжного труда на помещичьей земле, обеспечивая своих хозяев всем необходимым; вторые же — за счет службы, прежде всего военной. И была эта служба обязательной, постоянной и в высшей степени обременительной; проходила она в изнурительных походах и кровопролитных сражениях. Кто рискнет назвать легким это «тягло».

Именно за счет крестьянского труда и дворянской службы прежде всего власть смогла вывести страну из медвежьего угла на мировой простор, сумела превратить ее в великую державу, богатую и сильную. В XVIII веке в ее распоряжении были уже и плодородные черноземные земли, и богатейшие залежи полезных ископаемых, и контроль над важнейшими торговыми путями. Ее голос на равных зазвучал в хоре тех, кто решал судьбы мира. Казалось, что теперь народ, на протяжении многих веков отдававший государству все возможное, вздохнет свободней.

Однако именно XVIII век, окончательно решивший многие жизненно важные вопросы государственного бытия в пользу России, стал временем наибольшей социальной несправедливости в ее истории. Именно в этом веке, продолжая максимально укреплять свои собственные позиции, власть, прежде всего в лице Екатерины II, осыпала благами

лишь одно из двух определяющих сословий, причем в значительной степени за счет другого. Крестьянство же не только не получило ничего, но и потеряло то небольшое, что имело, вплотную приблизившись к положению быдла — рабочего скота.

В самом деле, дворянство в XVIII веке окончательно закрепляет за собой землю в собственность; а главное, такой же безоговорочной дворянской собственностью становятся и крепостные. Мы отмечали выше, что в прикреплении их к земле несомненно был определенный государственный смысл. Но ничто не могло оправдать превращение живых людей в штучный товар, предмет купли-продажи. Против этого протестовал даже сам русский язык, ведь если вдуматься, то от обычной фразы из диалога гоголевских героев, вполне порядочных представителей дворянского сословия дореформенной России: «А почему купили душу у Плюшкина?» — веет духом поистине сатанинским. Будто черные маги собрались и обсуждают богопротивное таинство — приобретение чужих душ... А чего стоит такое распространенное в то время определение крепостного крестьянина — то есть, христианина, подобия Божия — как «крещеная собственность»...

И в то же время, по мере того, как крепостное право становится все более всеобъемлющим и бесчеловечным, полностью подминая под себя земледельца, дворянское «тягло» по отношению к государству все легчает и, в конце концов, снимается вовсе. В 1762 году дворянство получает долгожданную свободу: Манифест о вольности дворянской снимает с плеч его представителей «тягло» обязательной службы, давая им самим возможность определить свою судьбу, выбрать свой жизненный путь.

Казалось бы, можно только порадоваться тому, что в XVIII веке на Руси, наконец, стали появляться относительно свободные люди. Но, как справедливо заметил в свое время В. О. Ключевский, — и автор этой книги последовательно развивает его мысль, — подобными действиями государство в корне искажало саму идею «государева тягла», которое тянут все сословия во имя общего блага. В самом деле, раньше дворянам давали землю и прикрепляли к ней крестьян во исполнение обязательной и весьма обременительной службы государству. Теперь же служба становится необязательной — многие помещики после Манифеста 1762 года полностью посвящают себя хозяйственным делам, в то же время за нее начинают платить деньги, как правило, достаточные для обеспечения жизненных нужд служащих. Тем

самым из государственной необходимости крепостное право превращается в систему привилегий, причем привилегий злостных, если вспомнить, что они покоились на рабском труде и искажении человеческого облика основной массы населения. И, кстати, все это было отлично понятно самому подневольному населению; когда пришла пора отмены крепостного права, крестьяне искренне рассчитывали получить волю наряду со всей, в том числе и барской, пахотной землей, исходя из того, что помещикам она ни к чему — «господа Государю служат, и он им за это жалование платит; с них и довольно...».

В то же время с XVIII века государство уже не только опирается на крепостную систему — оно сливается с ней. Система государственного управления России, оформившаяся в общих чертах в правление Екатерины II, имела всего три административно-территориальных уровня. Первый — центр, столица, где находились высшие органы власти во главе с самим Императором. Второй — губерния, со своей столицей и местными органами власти под началом губернатора. И третий уровень — уездный, где главную роль играл капитан-исправник со своими помощниками — земскими заседателями. Дальше властная вертикаль продолжения не имела. Естественно, возникает вопрос, каким образом несколько человек могли сколько-нибудь упорядоченно осуществлять властные функции по отношению к населению целого уезда, в каждом из которых, по самому скромному счету, обитало десятка два тысяч человек?

Ответ на этот вопрос предельно четко дала сама власть, устами внука Екатерины Николая I, заявившего как-то: «У меня сто тысяч даровых полицмейстеров», — что было совершенно справедливо. Столь же справедливо звучала бы подобная фраза и в отношении судей или податных чиновников, поскольку все эти государственные, по сути, функции в отношении крепостных крестьян — наведение и поддержание повседневного порядка, разбор спорных дел, сбор податей и прочее — осуществляли сами помещики. Официальные представители власти не более, чем корректировали (и то, как правило, весьма условно) все эти процессы, появляясь в поместьях в исключительных случаях. Государственная система, таким образом, последовательно и органично переходила в крепостную, составляя с ней единое целое.

Таким образом, к началу XIX века крепостное право достигло своего апогея, а государство окончательно приобрело крепостнический характер. Вся эта чрезвычайно цельная, как видим, система к этому времени предельно упрочилась,

разрослась, приобрела навыки в борьбе с недовольными, прежде всего с самим крестьянством. Этих «темных», разрозненных мужиков, не имевших ясного представления ни о стране, в которой они живут, ни о том, как ее сделать лучше, власть беспощадно разгромила при подавлении пугачевщины, взяв их затем, в тесном сотрудничестве с помещиками, под самый жесткий, беспощадный контроль. Что же касалось «бунтовщиков хуже Пугачева» — тех немногих людей, кто считал себя истинно просвещенными и именно поэтому воспринимал крепостное право как зло, то час их славы был впереди... Пока же их можно было пересчитать по пальцам, и перед властным произволом они выглядели столь же беспомощными, как и крепостные. Сила же, противостоявшая им, казалась непреодолимой... Воистину «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя...»³.

Государственный интерес

В общем, крепостная система, неразрывно сросшаяся с государственной, в эпоху своего максимального развития — в конце XVIII — начале XIX века — производит впечатление монолита, жуткого своей цельностью, непоколебимостью... Каково было эту глыбу свернуть! Пресловутое сравнение с авгиевыми конюшнями выглядит здесь, пожалуй, слабым — Геракл всего-навсего очистил их от зловонных завалов; здесь же нужно было не просто уничтожить, а преобразовать — то, что преобразованию, казалось, никак не поддается.

Для того чтобы система крепостного права, представлявшаяся предельно устойчивой, сменилась другой, нужны были соответствующие условия. И они стали складываться постепенно, исподволь, именно в то время, когда крепостное право достигло своего апогея. Об этом стоит сказать несколько слов, поскольку вопрос о причинах отмены крепостного права, сложный сам по себе, был еще и сильно запутан в нашей исторической науке.

Еще в досоветские времена А. А. Корнилов, один из наиболее авторитетных исследователей крестьянской реформы, пожалуй, первым четко сформулировал свое понимание этих причин. С его точки зрения, крепостное хозяйство в первой половине XIX века постепенно начинало приносить меньше дохода, то есть становилось невыгодным. И, во-вторых, крепостное право своей жестокостью побуждало крестьян к постоянным волнениям — то есть порождало постоянную опасность и для помещиков, и для государственной власти⁴.

Эти соображения были подхвачены советскими историками и развиты ими — без ссылок на Корнилова, — причем развиты по-марксистски, то есть предельно жестко и прямолинейно. Первый тезис — крепостное право невыгодно — прекрасно укладывался в русло привычных для марксизма рассуждений о необходимости соответствия производительных сил и производственных отношений. И в этих рассуждениях несомненно был смысл, поскольку крепостное право действительно все в большей степени превращалось в мощное препятствие на пути нормального хозяйственного развития России.

Дело в том, что крепостное хозяйство было стабильным и полностью себя оправдывало в тех условиях, когда носило натуральный характер, то есть воспроизводило то, что в нем и потреблялось. На протяжении долгого времени помещик требовал от крестьян, чтобы они кормили, поили и обеспечивали всем необходимым его и его семью. В амбарах должен был быть определенный запас хлеба, в леднике — битой птицы, в кладовой — солений и варений и тому подобное. И всего этого не требовалось слишком много (куда девать-то избыток? Перележит, испортится). Продать что-либо из сельскохозяйственной продукции было непросто — ее производили 90% населения России, обеспечивавшие себя всем необходимым.

В подобных условиях, когда требования помещика были ограничены самими условиями хозяйствования, уровень эксплуатации ими крепостных, как правило, имел какой-то разумный предел. В конце концов, нескольким десяткам или, тем более, нескольким сотням или тысячам человек содержать одно помещичье семейство было не так уж и накладно... Не случайно во второй половине XVIII века окончательно устанавливается господствующий в России тип крепостного хозяйства, в котором интересы барина и мужика-земледелца были взаимно уравновешены. Часть своей земли помещик предоставлял своим крепостным в надел с тем, чтобы с этого надела они содержали себя, свои семьи, рабочий скот, имели приличный инвентарь. Кроме того, с надела крестьяне поставляли помещику **натуральный оброк**. Часть земли помещик оставлял для своей, барской запашки — ее на **барщине** обрабатывали те же крестьяне, используя свой скот и инвентарь. Помещичье и крестьянское хозяйства оказывались, таким образом, связаны в одно неразрывное целое — и помещичье благополучие в известной степени опиралось на относительное благополучие его крепостных. Помещик неизбежно должен был озаботиться тем,

чтобы дать своим крестьянам, по мере возможности, надежды, достаточные для того, чтобы и сами земледельцы, и их скот, и инвентарь находились в приличном состоянии. И, соответственно, предоставить им **время**, необходимое для нормальной обработки этих наделов — то есть разумно ограничить барщину. Простая логика этой достаточно примитивной хозяйственной системы была доступна большинству нормальных хозяев-помещиков (хотя разнообразно невменяемых на этом пространстве тоже всегда хватало) и заставляла их держаться определенных пределов в эксплуатации своих крепостных. Тот же рабочий скот никто ведь не будет изнурять без особой надобности...

Однако именно с конца XVIII века подобная надобность появилась и стала проявлять себя все более ярко. Дело в том, что в это время в крепостном хозяйстве происходят серьезные перемены, порожденные общим ходом исторического развития страны. На огромном пространстве Российской империи складывается, наконец, единый внутренний рынок, потреблявший прежде всего сельскохозяйственную продукцию. Одновременно, в результате победоносных войн с Османской империей, Россия включает в свой состав плодородные южные территории, прорывается к Черному морю и начинает торговать той же сельскохозяйственной продукцией, прежде всего хлебом, с Европой. Таким образом, крепостное хозяйство теряет свой натуральный характер, становится товарным, прибыльным — точнее, может стать таковым. У основной массы помещиков появляется реальная возможность получить со своего хозяйства **деньги**, которых, как известно, **слишком много** никогда не бывает...

Не случайно именно в это время возводятся замечательные усадьбы, задаются роскошные балы, заводятся из ряда вон выходящие крепостные театры и оркестры. Потребности помещичьего дворянства стремительно растут — и удовлетворяются они, естественно, единственно возможным образом: за счет крепостных. Барская запашка расширяется, пожирая крестьянские наделы; барщина увеличивается, пожирая крестьянское рабочее время. Мало того, помещики все в большей степени заставляют крепостных продавать часть своего, крестьянского урожая в пользу барина, настойчиво вводя денежный оброк наряду с натуральным.

Я думаю, что эффект бумеранга, производимый такой хозяйственной политикой, ясен читателю без дальнейших пространственных рассуждений: увеличивая эксплуатацию крестьян сверх разумного предела, помещик подрывал крестьян-

ское хозяйство, а заодно, неизбежно, и свое собственное. Но столь же ясен должен быть и другой вывод, столь же роковой для крепостной системы: соблюдая «разумный предел», в ее рамках невозможно было увеличить производительность своего хозяйства, придать ему товарный характер, добиться повышения прибыли...

Получался, таким образом, заколдованный круг. Заявленный выше марксистский тезис выглядит как будто совершенно справедливо — крепостное право действительно превращалось в препятствие на пути нормального развития хозяйства. Оно становится все более невыгодным — и прежде всего для самих помещиков. Остается только объяснить, почему основная масса помещиков так отчаянно, до последнего цеплялась за это невыгодное, застойное крепостное хозяйство, а после крестьянской реформы так горько оплакивало его крушение...

Ответ на этот вопрос лежит, очевидно, в области психологии, которая в марксистской историографии всегда играла роль падчерицы, причем крепко нелюбимой. Между тем общим местом в ней является то очевидное положение, что и отдельные люди, и целые социальные группы и слои сплошь и рядом **привычное и удобное** (а второе, как правило, сливается с первым) решительно предпочитают разумному, выгодному, прогрессивному. В наших же широтах это положение справедливо, может быть, особенно... Для помещиков крепостное хозяйство было не просто привычным: оно на протяжении веков пронизывало их сознание, определяло их мировоззрение и бытовые привычки. Пристрастие к примитивной, не требующей особых умственных (а в XVIII — первой половине XIX века, пожалуй, и физических) усилий, хозяйственной системе вошло в их плоть и кровь. Конечно, она порождала все больше проблем, но жить с этими проблемами для подавляющего большинства помещиков было проще, чем решать их...

Тем более — что нужно иметь в виду — многим казалось: и проблем-то особых нет. Да, поприжали «мужичка», выжимая из него сверх возможного, закрепив планку его эксплуатации на новой высоте. Ну, что же, придется ему, лежебоке, потрудиться... При полной и безоговорочной поддержке со стороны хорошо организованной власти помещики чувствовали себя в безопасности. Черные для них годы пугачевщины все больше воспринимались как призрак прошлого, как страшное предание. О будущем же по обычной русской беспечности большинство помещиков не задумывалось — на жизнь хватало — и слава богу!

А на жизнь, судя по всему, хватало. Даровая рабочая сила продолжала кормить и в изменившихся условиях. И не только кормить... М. Е. Салтыков-Щедрин на склоне лет, в 1880-х годах, вспоминая предреформенные времена, дал выразительную картину «пошехонского раздолья», возможно, наверное, только в эту эпоху. Не очень надежного, с постоянной головной болью о завтрашнем дне — и все-таки раздолья: относительно обеспеченной, сытой и пьяной жизни с массой специфических помещичьих удовольствий и развлечений, в основе которых были, как правило, насилие и издевательства над живыми людьми. И многими источниками, включая официальные документы, это общее ощущение, которое испытываешь, читая «Пошехонскую старину», подтверждается: как будто в запустелую теплицу попал — гниль кругом, воздух затхлый, зато тепло и не дует... Бить же стекла, ради притока свежего воздуха, помещное дворянство не собиралось.

Теперь относительно второго интересующего нас тезиса: крепостное право становилось все более опасным... Он тоже был с восторгом подхвачен и развит в советской историографии — поскольку полностью соответствовал знаменитому ленинскому положению о том, что либеральные реформы могут быть лишь побочным результатом революционной борьбы. И с этим положением в ряде случаев невозможно не согласиться; в частности, оно выглядит совершенно справедливым для той эпохи, когда было сформулировано, — в конце XIX — начале XX века царская власть во главе с Николаем II шла на либеральные уступки, как правило, лишь под мощным нажимом революционного движения.

Однако как раз в отношении предреформенной эпохи тезис об «опасности» не работает совершенно. По одной простой причине: не было тогда проявлений недовольства сколько-нибудь серьезных, способных произвести на власть впечатление настолько сильное, чтобы заставить ее разрушить то, что, как казалось, составляет надежный фундамент русской жизни... Крестьянские волнения, конечно, бывали (когда их в царской России не было?). Но они носили разрозненный, эпизодический характер. Покойный П. А. Зайончковский, помнится, рассказывал, какие невероятные усилия употреблялись составителями советского многотомного издания «Крестьянское движение в России» по подбору соответствующего материала: известия о потравах барской запашки крестьянским скотом, об убиении нескольких помещичьих кур и пр. — все шло в ход. А все-таки количество этих «революционных актов» было относительно неве-

лико и никак не желало переходить в нужное качество... При Николае I власть, как писалось выше, жестко и умело держала народные массы под своим контролем. Когда же по Руси прошел слух, что новый царь собирается дать волю — крестьянское движение вообще пошло на убыль.

Что же касается общества, то при Николае I, особенно в последние годы его царствования, оно было полужадушено властью и никак не проявляло не только революционных, но и либеральных стремлений. Первый же приступ Александра II к отмене крепостного права поверг общество в состояние эйфории, не проходившей у большинства его представителей вплоть до 1861 года. Так что бояться вроде бы было некого...

Итак, господствующее сословие, обладавшее реальным влиянием на власть, отмены крепостного права не желало. Существующее положение вещей его вполне устраивало. Что же касалось тех, кого это положение не устраивало — умученных помещичьим игом крестьян и немногочисленных антикрепостнически настроенных общественных деятелей, — то они были явно не в силах оказать необходимое давление на власть, заставить ее пойти на уступки. Следовательно, власть пошла на грандиозные преобразования не потому, что захотела угодить помещикам, разочаровавшимся в крепостной системе, и не потому, что испугалась крестьян, эту систему ненавидевших. Следовательно, власть, прежде всего в лице ее главы Александра II, принимала решение **самостоятельно**, по доброй воле, исходя из высших соображений.

Соображения эти загадкой не являются. В свое время их четко сформулировал один из самых гибких и вдумчивых русских экономистов П. Б. Струве (тоже, кстати, бывший марксистом, но — «легальным», что означало прежде всего добросовестным). В своих статьях, посвященных крепостному хозяйству, Струве решительно отвергал все соображения о кризисе, более того, заявлял, что оно находилось «в цветущем состоянии» и накануне реформы (о чем, конечно, можно поспорить). Ликвидация крепостного права, писал Струве, явилось произвольным актом правительства, которое пошло на это из-за **общегосударственных** нужд, требовавших развития техники «во всех ее формах: форме техники промышленной и в особенности в форме техники транспортной и военной», а «всякий здравомыслящий человек должен был видеть, что строить в стране сеть железных дорог и поддерживать в ней крепостное право невозможно».

Эта точка зрения представляется нам совершенно справедливой. Только исходя из нее, можно понять, почему Николай I, официально провозгласивший курс на сохранение существующего порядка вещей — то есть самодержавия и крепостничества — упорно, раз за разом, собирал секретные комитеты по крестьянскому вопросу, заставляя своих сановников, совершенно к этому не расположенных, обсуждать вопрос о смягчении крепостного права. И точно так же она объясняет, почему сын и наследник Николая I, консервативно настроенный и совершенно не соответствующий стереотипу «великого реформатора», так последовательно, преодолевая многочисленные препятствия, вел дело к крестьянской реформе — и сумел-таки ее провести, переломив крепостной стержень русской жизни.

Освободитель

Теперь, наконец, мы можем перейти к главному герою этой книги — царю-Освободителю. Я надеюсь, что читатель согласится: все вышеизложенное позволяет говорить о жизненном **подвиге** этого человека. Одно только освобождение крестьян, не говоря уже о последующих реформах, заслуживает подобного определения. Ведь речь шла о том, чтобы **в корне** изменить русскую жизнь, как, наверное, не менял ее еще никто...

Любопытно и поучительно сравнить в этом отношении Александра II с другим великим преобразователем. Петр I — фигура несравненно более выразительная, чем герой этой книги, настолько, что многим подобное сравнение может показаться надуманным и неуместным. Избыток мощной, бьющей через край энергии, неsgiбаемая воля, последовательность и целеустремленность во всех своих действиях, умение подбирать себе сотрудников и заставлять их действовать с полной отдачей — все эти и многие другие черты Петра заставляют нас называть его Великим, и справедливо. Александр же, несомненно, лишен подобных замечательных черт и по сравнению с Петром выглядит человеком вполне заурядным.

Но попробуйте назвать **великими** Петровские реформы — не все сразу, а каждую по отдельности. По-моему, язык не повернется, если, конечно, в понятие «величие» мы вкладываем хоть сколько-нибудь возвышенный смысл, не ограничивая его исключительно широтой, размахом и количеством человеческих жертв... В самом деле — подушная перепись, окончательно закабалившая крестьян в их отношениях с го-

сударством и помещиками; распространение крепостных отношений на сферу мануфактурного производства; создание чиновной бюрократии, получившей под свое начало все население России; рекрутчина... Можно сколько угодно говорить при этом о необходимости, целесообразности, блестящих результатах всех этих мер с точки зрения государственной, — искренне восхищаться ими, по-моему, трудно; для этого надо полностью подавить в себе те свойства, которые так или иначе присущи, наверное, каждому из нас (или должны быть присущи): человечность, стремление к свободе, неприятие насилия... А вот реформы, проведенные Александром II: **освобождение** крестьян; создание органов местного **самоуправления**, гласный, **независимый** от бюрократии суд; **всеобщая** воинская повинность...

Петр, энергично и последовательно, максимально радикальными средствами проводил в жизнь традиционную политику последних Рюриковичей и первых Романовых: наводил порядок, подчинял регионы центру, выжимал все возможное из населения и т. д. Его политика, действительно, принесла грандиозные плоды, максимально укрепив государство, расширив его пределы, превратив в великую державу — и платить за это пришлось свободой, еще более полной и безусловной мерой, чем при предшественниках Великого преобразователя. Тут с Герценом не поспоришь... Да и в дальнейшем преемники, при всех оговорках, от этой линии, в общем, не отступали, Александр же — отступил...

При всей непоследовательности проводимых им реформ, при всей сомнительности их конечных результатов Александр II, несомненно, назван *Освободителем* по заслугам. Более того, до недавнего времени ни один глава Российского государства, кроме него, не мог претендовать на этот титул. И пусть, с точки зрения самого Александра, человека, как показывает Л. М. Ляшенко, достаточно консервативного, все это освобождение было в значительной степени делом вынужденным — что ж, тем выше его цена. Ведь как ни сложно воплощать свои заветные идеалы в жизнь, отказаться от них, ощущая, что жизнь властно требует чего-то иного, — согласитесь, в подобной позиции немало истинного величия. Конечно же, Александр II требует самого пристального внимания историков — и как государственный деятель, и как человек.

Тем более характерно, что до недавнего времени подобное внимание ему практически не уделялось. О реформах 1860-х годов написаны многие тома, о Реформаторе — почти ничего. Дореволюционные историки либерального лаге-

ря — Г. А. Джаншиев, И. И. Иванюков, А. А. Корнилов и многие другие, уделявшие эпохе реформ самое пристальное внимание и посвятившие ей серьезные исследования, как правило, отдавали должное доброй воле Александра II, отмечали отсутствие у него ясного понимания дела и сильной воли и — переходили к характеристике самих реформ. Сколько-нибудь ясного представления о царе-реформаторе их работы не дают — так, силуэт без четких очертаний... Образ же Александра II, создававшийся советской историографией, — если здесь вообще можно говорить об образе, — напоминает негатив с либеральных работ: добрую волю у царя отняли безоговорочно и заменили ее заячьим испугом за свое царское положение: четкости же не прибавилось.

Определенные перемены в оценке Александра II стали происходить лишь в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Нельзя сказать, что отношение советских историков, марксистов по неизбежности, к Александру II и прочим самодержцам принципиально изменилось к лучшему. Но благодаря серьезной, целенаправленной работе П. А. Зайончковского и его последователей, а также историков ленинградской школы по введению в научный оборот массы новых источников, благодаря максимально добросовестному их использованию весь процесс подготовки и проведения в жизнь реформ 1860-х годов стал значительно яснее, детализированней. Неизбежно все больше выяснялась реальная роль в этом великом деле и самого Александра II, и его ближайших сотрудников⁵.

И все-таки здесь, как правило, речь шла о фрагментах, эпизодах — сколько-нибудь цельного образа царя в советской историографии создано не было — да, очевидно, и не могло быть создано. При жестко постулированном марксистско-ленинском подходе к истории царь оказывался либо вроде как и не нужен, поскольку совершал лишь то, к чему неизбежно вел общий ход исторического процесса, либо, еще чаще, вреден, так как мешал совершиться тому, к чему неизбежно вел общий ход исторического процесса... Лишь в последние годы стали появляться сборники материалов, отдельные статьи и очерки, посвященные непосредственно Александру II⁶. Царю-реформатору, наконец, начинают отдавать должное; хотя — в полном соответствии с тем плюрализмом мнений, по поводу которого весьма справедливо выражает свою радость Л. М. Ляшенко — в современных изданиях встречаются иногда и оценки, на мой взгляд, весьма удивительные⁷. В общем, победу здесь праздновать пока не приходится.

Следует отметить, что все вышеизложенное имеет отношение не только к Александру II, но и ко всем прочим самодержцам, за исключением, может быть, Петра I. «Революционер на троне», естественно, заслужил более пристальное внимание и более снисходительное отношение со стороны советских историков. Но среди этих *person non grata* были и такие, которые своими яркими чертами характера, выразительными, порой парадоксальными действиями как бы сопротивлялись схоластической, предельно объективизированной схеме исторического процесса и, разрушая ее, невольно выставлялись на первый план. Екатерина Великая, Александр I, Николай I — какая схема могла устоять перед ними?!.. О них приходилось писать с сугубо «классовых позиций», искажая или заведомо пристрастно оценивая их слова и поступки, предельно негативно оценивая их деятельность и все же, волей-неволей, воздавая им должное как историческим героям, окрашивая историческую эпоху в их цвета...

К тому же тут на помощь приходила еще и художественная литература — **настоящая** литература — позволявшая, исподволь, незаметно скорректировать представление о том или ином монархе. Свидание Маши Мироновой с Екатериной, гениальный эскиз Александра I в «Войне и мире», незабываемые Николай и тот же Александр в лесковском «Левше» — да и еще мало ли что можно вспомнить. Совершенно разные по масштабу, идейной направленности, стилю эти и многие другие произведения **очеловечивали** самодержцев — тех, кто в исторических работах в лучшем случае производили впечатление более или менее прилично смонтированных чучел.

На месте же Александра II, при всех оговорках, зияла черная дыра — и в нашей историографии, и в нашей литературе, в том числе и классической. При всех своих несомненных достоинствах он не обладал ни той внутренней силой, ни той внешней яркостью, которые способны были оказать воздействие на историков марксистского профиля и заставить их пойти на уступки. Очевидно, по той же причине не попал он и на страницы сколько-нибудь значительных художественных произведений. Сколько я ни вспоминал — пришло на ум только несколько строк «Из воспоминаний рядового Иванова» Всеволода Гаршина, писателя, который по лестной оценке одного из ведущих советских литературоведов (право, они стоили историков) Г. Бялого, заслужил «законное место в почетном ряду писателей-демократов» благодаря «страстному гуманизму... горячей любви к своей

замученной родине» и «искреннему демократизму». Тем более не могу удержаться, чтобы не напомнить эти строки.

Речь в них идет о смотре, устроенном Александром II одному из полков, направляющихся на театр военных действий в годы Русско-турецкой войны, в ходе которой, по словам Г. Бялого, «царское правительство было меньше всего заинтересовано, чтобы освобождать угнетенные народы; оно стремилось утвердить свое влияние на Балканах и лицемерными фразами о сочувствии делу славянской свободы обмануть общественное мнение». Приведу изображение «страстным гуманистом» царя-«лицемера»: «И он знал, что мы готовы были умереть... Вокруг была пышная свита, но я не помню никого из этого блистательного отряда всадников, кроме одного человека на сером коне, в простом мундире и белой фуражке. Я помню бледное, истомленное лицо, истомленное сознанием тяжести взятого решения. Я помню, как по его лицу градом катились слезы, падавшие на темное сукно мундира светлыми, блестящими каплями; помню судорожное движение руки, державшей повод, и дрожащие губы, говорившие что-то, должно быть приветствие тысячам молодых, погибающих жизней, о которых он плакал. Все это явилось и исчезло...».

Какая сила в настоящем, искреннем художественном слове! — да простит меня читатель за этот банальный, наверное, восторг. В извинение мне может, наверное, послужить то, что эти строки — так же, как и все, что писал Гаршин, — произвели на меня глубокое впечатление еще в юности; затем, конечно же, потускнели, ушли на край сознания: но, вот, не забылись же... И с тех пор меня уже было не обмануть. Учась в университете, читая то, что рекомендовалось, приобщаясь к той научной литературе, о которой речь шла выше, я уже не верил ходульным оценкам Александра II. Не мог поверить, потому что помнил гаршинские строки, помнил созданный им образ и знал, что царь был добр, человечен, что у него было чувство ответственности за свои дела — так же, как знал, что он не был сильным государем... Самое же главное, Гаршин породил ощущение сложности образа и, очевидно, сложности эпохи.

Об этих строках, несмотря на всю их исключительность, наверное, не стоило бы писать так много, если бы в книге Л. М. Ляшенко я не почувствовал тот же дух — не скрою, несколько неожиданно для себя самого. Я ни в коем случае не сравниваю уважаемого автора с Гаршиным — разные эпохи, разные задачи, разный слог, но, повторяю, дух в его книге витает тот же; дух серьезного, человеческого отноше-

ния к своему герою, дух искреннего сочувствия, без которого, очевидно, не может быть понят ни один человек, ни одно явление.

В этом, как мне представляется, главное достоинство книги Л. М. Ляшенко. Пожалуй, впервые в нашей литературе мы видим попытку — и попытку очень серьезную — дать живой, полнокровный образ царя-реформатора, разобраться в его характере, мировоззрении, побудительных мотивах его действий, преодолевая при этом уже устоявшиеся и, как правило, злостные стереотипы, опровергая ходячие, чисто внешние оценки.

И в этом отношении первая часть книги, посвященная именно «частной» жизни Александра, — если у самодержца вообще может быть частная жизнь — представляется мне наиболее значимой. Можно спорить с отдельными соображениями автора, не соглашаться с некоторыми его выводами, но «царский образ» задан, он живет на страницах книги. И это несомненная и серьезная удача автора.

Более того, мне представляется, что этот образ в целом близок к реальному. За исключением некоторых — немногих — эпизодов, автор не льстит своему герою, а воздает ему должное. И, в сущности, свое впечатление от образа Александра II, развернуто и обстоятельно создаваемого Л. М. Ляшенко на страницах книги, я могу свести к тому, которое производят короткие строки Гаршина... Царь в изображении автора книги выглядит достойным человеком — добрым, искренним, обладавшим чувством ответственности за свое нелегкое «царское дело», но не наделенным ни силой воли — так ярко выраженной у его отца, Николая I, ни из ряда вон выходящими способностями, которыми обладал его дядя Александр I. И тем не менее, не они талантливые и сильные, а именно этот, в общем-то, по-человечески, достаточно заурядный Государь, взвалил на себя непосильную ношу и, как мог, тащил ее до своего рокового конца. В этом, наверное, было его величие, и в этом, несомненно, была его трагедия. Мне представляется, что автор глубоко осознал всю сложность исторической ситуации эпохи реформ и сумел воспроизвести ее на страницах своей книги.

Несколько слов хотелось бы сказать о стержневой идее Л. М. Ляшенко, заявленной уже в подзаголовке, — идее царского одиночества, точнее, «трех одиночеств». Возможно, некоторым читателям эта идея автора, как видно выношенная и дорогая ему, может показаться несколько надуманной. Во всяком случае, на мой взгляд, для этого есть определенные основания. Ведь соображение об экзистенциальном

одиночестве любого смертного — это, пожалуй, по нынешним временам общее место. И жизненный путь Александра Николаевича как будто не является в этом отношении каким-то особым уникальным явлением, позволяющим сделать его основой всей биографии царя. Более того, обращаясь непосредственно к тексту книги, видишь, что он в этом отношении был, скорее, счастливец — во всяком случае по сравнению с другими самодержцами. Он счастливо прожил начало жизни — у него были прекрасные учителя. Да и Николай в общем-то оказался прекрасным отцом; попытки автора несколько драматизировать его отношения с сыном, по-моему, не очень убедительны. На разных этапах своего царствования Александру II удавалось найти дельных и умных сотрудников, умело решавших сложные проблемы — таких, как Я. И. Ростовцев или М. Т. Лорис-Меликов. Были в его окружении и люди в государственном отношении незаметные, но способные на искреннюю и преданную дружбу — например, Фредерикс. Ну и наконец, довольно значительная часть жизни царя прошла под знаком настоящей, искренней любви — редким явлением вообще, а уж в высших сферах представляющейся чем-то невероятным (кстати, страницы, на которых описан роман Александра Николаевича с Катенькой Долгорукой, мне кажутся очень удачными — по-моему, автор сумел найти правильный тон и, рассказав обо всем, проявил максимум такта).

И все же, при всех оговорках, обращение к теме одиночества в этой книге, я думаю, вполне оправданно. Правда, может быть, не стоило его — это царское одиночество — дробить, делить на трое... Мне кажется, что оно было как раз очень цельным и единым — грандиозное, глобальное, безысходное одиночество самодержца. Вот тут с автором, посвящающим этой теме многие прочувствованные страницы своей книги, не поспоришь. Действительно, на той вершине, где самодержавие воздвигло свой престол, было место только для одного... Предельно добросовестно относясь к своей миссии, воспринимая помазание на царство не как формальную процедуру, а как таинство, совершая которое монарх брал на себя тяжкие обязательства за свой народ перед Богом, будучи при всех своих слабостях **самодержцем** по духу и по убеждениям, Александр был обречен на одиночество. И, наверное, не случайно, что единственным человеком, с которым он пытался это одиночество разделить, с которым был свободным и откровенным до конца, стала Катя Долгорукая — глупенькая, предельно далекая от понимания государственных дел, но любящая и преданная беспредель-

но; ее Александр II, несомненно, воспринимал как часть самого себя.

Л. М. Ляшенко, сумев, на мой взгляд, создать живой и убедительный образ Реформатора, подробно освещает и сами реформы, анализируя весь ход их подготовки и проведения в жизнь. И здесь вполне можно спорить с автором о частностях; но нельзя, по-моему, не оценить его общую позицию, которая, как мне представляется, до сих пор не совсем обычна для нашей научной литературы. Ведь мы в общем-то привыкли представлять перед читателем в судейской мантии и выносить приговор своим героям; и, как полагается при этой процедуре, стремимся сформулировать этот приговор предельно ясно, четко и однозначно. Для этого нам свыше, в духе нашей единственно верной идеологии, задавались определенные формулировки, как то: «прогрессивный», «реакционный», «буржуазно-либеральный», «дворянско-помещичий» и т. п. Приговор выносился окончательный и обжалованию не подлежал — вплоть до очередного «колебания» и видоизменения самой передовой идеологии. Сейчас вроде бы идеология эта пала — но навыки остались и изживаются с большим трудом. Категоричность, безусловная убежденность в своей правоте по-прежнему являются характернейшей чертой постсоветской историографии. Переодеваться в штатское, очевидно, неохота, хотя суд давно уже — лет десять — законных полномочий лишен...

Л. М. Ляшенко от роли судьи отказывается, по-моему, совершенно сознательно. Зато он стремится — иногда это удается, когда в большей, когда в меньшей степени — показать всю сложность ситуации в России на роковом переломе, всю предельную запутанность, порой, кажется, просто неразрешимость вставших перед Реформатором проблем.

Как, отменяя крепостное право, найти равнодействующую в соблюдении интересов помещиков и крестьян? Как, создавая местное самоуправление и свободный суд, совместить их с самодержавными устоями? Как, отказываясь от коренных устоев, сохранить в государстве порядок и стабильность? Для большинства наших историков ответы на эти, так же, как и на прочие вопросы, известны заранее. Меня всегда поражало, с какой детской простотой и непосредственностью решают важнейшие проблемы государственного бытия люди, нередко неспособные воспитать своих собственных детей, поддерживать нормальные отношения с близкими, работать в коллективе. В личной жизни все валится из рук, сложно, все в тумане, а на бумаге — предельно четкие соображения о том, что нужно было сделать в

1809-м, как нужно было действовать в 1825-м, чего недоучили в 1861-м...

Осторожность в конечных выводах, корректность и сдержанность характеристик, та позиция, которую я бы определил как добросовестное недоумение перед сложностью исторической ситуации, — все это мне кажется своевременным и плодотворным. Приветствуя в своей книге плюрализм в научной сфере, сам автор работает в его духе. Нам предстоит еще долго и мучительно осознавать прошлое, которое всегда будет присутствовать в нашей современной жизни. Подниматься по лестнице исторического самосознания нелегко; я думаю, что книга Л. М. Ляшенко для многих станет надежной спутницей на этом пути.

А. Левандовский

ВЛАСТЬ И ОДИНОЧЕСТВО (несколько слов для начала разговора)

*Одиночество, как пророчество, —
каждому — свое.*

(То ли подслушанное, то ли придуманное автором этой книги)

В так называемое Новое время мировой истории начало каждого века заставляло Россию на том или ином перепутье. В начале XVII столетия — Смута, в начале XVIII — реформы Петра I, подозрительно напоминавшие революцию многими ее атрибутами, в начале XIX — нашествие Наполеона и искренние обещания Александра I преобразовать страну, в начале XX столетия — революционные события 1905 и 1917 годов. Да и в наступившем XXI веке мы не можем со спокойной душой сказать, что нам все ясно с направлением развития страны. По выражению, популярному в недавнем прошлом, есть мнение, что начало каждого из последних веков является неким мистическим порогом для нашей страны, так что впереди нас, хотим мы того или нет, ждет еще много неожиданного. С этим заключением можно было бы согласиться, тем более что с утверждениями мистиков дискутировать очень сложно, а главное, бесполезно, однако стоит напомнить, что один из важнейших переломов в истории России произошел не в начале, а в середине XIX века. Это несколько портит загадочность картины развития страны, связанного с началом столетий, но из песни слова не выкинешь. О событиях именно этого периода мы и намерены начать разговор. Вернее, не только и не столько о событиях, сколько о людях, которые силой обстоятельств или во-

лей Судьбы оказались в 1850—1880-х годах во главе Российской империи.

То, что человек сам по себе интересен и даже, можно сказать, является высшей ценностью, давно стало общим местом для философов, писателей, историков и вообще всех, кто интересуется изучением роли людей в совершившихся или совершающихся событиях и процессах. Может быть, это и справедливо, но на бытовом уровне это прежде всего так, когда дело касается родных, друзей, соседей, сослуживцев или героев сугубо литературных, то есть выдуманных авторами произведений. Однако, когда речь заходит о документальных биографиях властителей, полководцев, ученых, деятелей искусства или лидеров общественных движений, выясняется одно немаловажное обстоятельство.

Оказывается, что человек сам по себе (то есть переживания и движения его души, раздумья, семейная жизнь и т. п.) не так уж и интересны читателям. Он значим для них тем, что открыл, преобразовал, завоевал, написал и, может быть, самое главное тем, чем он расплатился с Судьбой за свои великие дела или чем Судьба наградила его за них. Говоря иначе, он интересен, с одной стороны, благодаря конкретным обстоятельствам места и времени, в которых жил, при условии, что эти обстоятельства важны и значимы для других поколений; с другой стороны, он вызывает интерес у читателя своими **личными** потерями или приобретениями, являющимися обязательными спутниками человека, отмеченного Историей.

С этой точки зрения, короли, императоры, султаны и президенты находятся вне конкуренции: что может быть интереснее, значимее судьбы человека, вознесенного волей Провидения или выбором сограждан на вершину власти? От его действий зависит благополучие миллионов подданных, к его голосу прислушиваются на международной арене; помня о прошлом, он работает в настоящем, зная, что его деяния, с тем или иным знаком, будут позже занесены в анналы истории. Если же правитель является еще и неординарной личностью, то долгая память поколений ему безусловно обеспечена. Только как различить — перед нами ординарная или неординарная личность, каковы критерии ее обычности или исключительности? А коли существуют сомнения и неясности в определении основного положения, то все ли полностью справедливо в тщательно охраняемых традицией и ее защитниками анналах истории?

Пьедестал власти высок, а потому успешно скрывает многое из того, что могло бы разочаровать подданных во

властителя. Однако именно высота этого пьедестала зачастую помогает увидеть то, что делает властителей обычными людьми, порой безутешно несчастными, порой невероятно счастливыми, а оттого еще более интересными для современников и потомков. Конечно, когда речь заходит о главах государств, мы невольно обращаемся не только к их личностным качествам, но и к конкретным обстоятельствам их правлений. Реформы и войны, отношения с обществом и ближайшим окружением, народная молва и литературные анекдоты характеризуют властителя не меньше, чем добрые и бесчеловечные поступки, совершенные им в качестве обычного частного лица. Магия власти, вознесенность над людьми и обстоятельствами, изначальная, автоматическая принадлежность истории... Есть между тем еще одна характеристика, резко отличающая руководителей государств, особенно государств монархических, от иных смертных.

В разговоре о жизни самодержцев Запада или Востока, далеких или недавних времен, мотив одиночества звучит с упрямым постоянством и особой силой. Сама исключительность, единичность монаршего поста делает, видимо, неизбежным обращение к этой теме. Говоря о конкретных фигурах на тронах и их конкретных судьбах, мы не найдем, что совершенно естественно, ни одной полностью одинаковой личности, сходной с другими. Но тем не менее от заунывного мотива одиночества монарха уйти вряд ли удастся. Если попытаться дать определение этому одиночеству, то получится, что это состояние человека, в силу обстоятельств давшего суровый обет постоянно заниматься важнейшими проблемами, стоящими перед государством, и в рамках этой несвободы свободного, насколько это вообще возможно, в своих действиях. Упомянутым обетом является монарший долг, жестко диктующий правила поведения властелина; ответственность за принятие решений, лежащая на царе, постоянно оставляет его один на один с важнейшими вопросами жизни страны; наконец, истинная свобода возможна только как одиночество (именно поэтому многие и многие люди опасаются свободы, лишаящей их не столько подсказки со стороны, сколько коллективной ответственности за принятие решения).

Вам никогда не приходилось задумываться о том, почему в сказках (причем всех народов мира без исключения) счастливыми победителями гораздо чаще становятся не монархи, а царики, королевичи, принцы, то есть наследники престолов, а не коронованные носители власти?

Именно они, будущие правители, жизнерадостны, исполнены жажды приключений, именно с ними, бурлящими энергией, происходят волшебные превращения, ведущие, в конце концов, к победе. Когда же они восходят на престол, сказка заканчивается, обрывается. Бывшие наследники престола, с удовольствием или без него, взваливают на свои плечи тяжелую ношу ответственности за судьбу страны, династии, и приходят долгие тягучие будни правления. Их жизнь наполняется постоянной борьбой с массой внешних и внутренних обстоятельств, связанных с существованием государства, всегда весьма важных и требующих срочного решения, отнюдь не волшебных, хотя часто и превышающих человеческие возможности. Теперь бы и появиться всемогущему магу, Коньку-Горбунку или доброй фее, но возврата к сказке, к поэзии ее приключений почему-то не происходит...

Несмотря на сказанное выше, можно, конечно, задаться целью и попытаться найти среди реальных королей, императоров, султанов и других венценосных особ тех, кто наиболее пострадал от «надмирности» своего положения, от семейных неурядиц или политического противостояния одного — всему остальному свету. В этом невеселом соревновании трудно найти единственного абсолютного чемпиона — слишком много претендентов на звание наиболее вознесенного над подданными, совершенно непонятого, неоцененного по заслугам и сверходинокого монарха. Однако в ряду самых несчастных самодержцев для россиян одним из реальнейших претендентов на это звание будет император Александр II.

Когда автор известной триады: православие, самодержавие, народность, давшей начало теории «официальной народности» или «казенного патриотизма», С. С. Уваров писал: «Трудно родиться на троне и быть одного достойным», — он отнюдь не имел в виду, что достойные трона люди должны рождаться не в царских семьях. Умный консерватор подразумевал, что рождение «на троне» ставит ребенка в тяжелейшие условия, вызванные исключительностью положения наследника, званием будущего вождя нации, традиционным обожанием окружающих, ролью непогрешимого судьи, которая свойственна Провидению, но непереносима для нормального человека. Ожидания подданных настолько велики, что соответствовать им простому смертному вряд ли дано даже в теории. Впрочем, это касается всех монархов без исключения, что же до нашего будущего героя, Александра II...

Скажем, его дед, Павел I, прослыл не только странным, но и очень одиноким императором. Но его семейные неурядицы были во многом выдуманы самим монархом, который безо всяких на то оснований не доверял всецело преданной ему жене и старшим сыновьям. В итоге, он пытался всеми силами оградить себя от несуществующей угрозы, не заметив подлинной беды. Кроме того, Павел Петрович искренне наслаждался ролью всемогущего властелина, имевшего возможность по собственному разумению исправлять «оплошности», допущенные матерью, бесконтрольно распоряжаться судьбами подданных, непредсказуемо заключать и внезапно разрывать договоры с ведущими державами Европы. У его венценосного внука все было совершенно иначе...

Загадкой, сфинксом российской истории называют императора Александра I, но и его отдаленность от окружающих выглядит не столь непроницаемой, как у нашего героя. Загадка Александра I является, скорее, совпадением появления на престоле незаурядной личности и складывания уникальных обстоятельств ее правления, а потому одиночество этого монарха не ощущается как всеобъемлющее или необъяснимое. Тяжесть положения самодержца, по поводу которой Александр Павлович не раз сокрушался, в то же время давала ему приятное чувство причастности к истории, возносила на вершину европейской славы. К тому же его общественно-политическая позиция во многом разделялась дворянским авангардом. Будущие декабристы, при всей своей радикальности, не только внимательно прислушивались к словам, доносившимся из Зимнего дворца, но и временами надеялись на поддержку императором своих замыслов.

Знаменитая формула Александра I: «Не мне их судить», произнесенная в ответ на донесение полиции о существовании тайных обществ, свидетельствует не только о боязни императора спровоцировать очередной дворцовый переворот, не только о понимании им того, что декабризм во многом был вызван его, монарха, либеральными посулами и начинаниями. Она говорит и о понимании Александром Павловичем того, что он не был одинок в желании избавить Россию от крепостного права и дать ей конституцию. Пусть его возможные союзники были крайне немногочисленны и не слишком влиятельны, но они были... У его венценосного племянника все происходило иначе...

Что говорить, даже смерть Александра II оказалась явлением уникальным. Он был не первым и не последним российским самодержцем, умерщвленным своими подданными. Однако в 1881 году монарх впервые стал жертвой не

дворцового переворота, не династических интриг, а столкновения власти и общества. Причем жертвой этого столкновения сделался не самодур на престоле, а император, заслуживший от своих политических противников высокий титул **ОСВОБОДИТЕЛЯ**, император, пытавшийся, так или иначе, вывести свою страну на дорогу более быстрого прогресса, разрушивший варварскую крепостническую систему и нарушивший безгласие общества.

Впрочем, может быть, поэтому (следуя загадочной логике российской истории) его и убили. Может быть, поэтому (как бывает достаточно часто) он и был так безнадежно одинок. Позвольте! А о каком, собственно, одиночестве монархов идет речь? Они ведь всегда окружены родней, придворными, высшими чинами государства, восторженными толпами обожающего их народа, наконец! Так-то оно так, но не является ли от этого положение монарха самым тяжелым видом одиночества — одиночеством в многолюдстве? Недаром же императоры Китая, гордо и несколько претенциозно именовавшиеся в официальных документах Единственными, сами себя предпочитали называть довольно грустно, Гуцзя — «Осиротелый господин». По-своему это ведь синоним слова «единственный», в смысле не только неповторимый, но и одинокий. Можно вспомнить и о том, что слова «монарх» (греч. *monos* — «один», плюс *arhos* — «правитель») и «монах» (греч. *monahos* — «уединенный», «одинокий») являются не только этимологическими близнецами, но и выразительно близки по смыслу. Оба они подразумевают некое служение, следование долгу, нарочитое одиночество. Правда, нарушение уставов и правил заканчивалось для монаха и монарха различно: монах, пожелавший уйти из монастыря, то есть нарушивший обет, становился расстригой; монарх, ломающий привычные для венценосца правила поведения, делался... Впрочем, о том, кем он становился, и пойдет наш разговор.

И, пожалуй, последнее здесь. Каким предстает наш герой со страниц исследований и учебников по русской истории? Сказать, что Александру II не повезло с оценками историков, — значит, сказать слишком мало. Он оказался совершенно заслоненным реформами, проводимыми в период его царствования. Но и это еще не все. В работах дореволюционных ученых преобразования указанного периода, пусть нечасто и как-то сквозь зубы, но все же назывались реформами Александра II. Однако начиная с 1920-х годов исследователи напрочь отказались от этого определения, почему и возник безликий термин «реформы 1860—1870-х годов».

Вот так безлико неизвестно, кем вдохновляемые и все равно в чье правление проведенные.

Более того, в научной литературе можно встретить мнение, будто бы реформы, особенно отмена крепостного права, шли не столько благодаря, сколько вопреки воле императора, вдохновляемые и подгоняемые спасительным «духом времени»¹. Можно подумать, что, скажем, Петр I или Екатерина II в периоды своих царствований творили нечто такое, что до них не витало в воздухе, что они на многие десятилетия опередили ход исторического развития России, указав своими деяниями само направление этого развития. Во всяком случае, при произнесении имен великого императора и чуть менее великой, если следовать общепринятой историками табели о рангах, императрицы, «дух времени» исследователями упоминается редко. Видимо, и Петр, и Екатерина сумели подружиться с этим полумистическим понятием или сделать его послушным себе.

Что же касается Александра II, то создается впечатление, что до поры до времени этот дух счастливо водил его на помочах, а затем почему-то отпустил их, предоставив слабому, ограниченному и неготовому к миссии реформатора монарху набивать шишки и себе лично, и стране в целом. Впрочем, даже такое нелестное для нашего героя представление говорит о нестандартности, уникальности его судьбы. С другими монархами «дух времени» вел себя куда более определенно — они, в главных своих деяниях, или соответствовали ему, или упорно действовали вопреки «зову прогресса». В случае же с Александром II какая-либо определенность отсутствует полностью². О чем же говорит непохожесть нашего героя на своих предшественников и наследников?

Нет, не будем пытаться «объять необъятное» и стараться ответить на все вопросы во введении к беседе, ведь речь шла лишь о нескольких словах для завязки разговора. Дабы завязь беседы не стала ее основным содержанием, что выглядело бы странно и слишком противоречило всем законам жанра, давайте остановимся на этом, чтобы в течение следующих бесед, не торопясь, поговорить о судьбе нашего героя. Именно она (эта судьба), может быть, станет лучшим и наиболее беспристрастным арбитром в тех спорах, которые до сих пор вызывает личность Александра II.

Часть I ОДИНОЧЕСТВО ПЕРВОЕ. ПУТЬ

*Где начало того конца, которым
оканчивается начало?*

Козьма Прутков

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ (конец 1810-х годов)

Итак, ощущение времени... А что это, собственно, такое? Наверное, это одна из тех счастливых тем, которые дают автору возможность отправиться в свободное плавание и напрямую пообщаться не только с героями своей книги, но и с гораздо более широким кругом заинтересованных и заинтересовавших его лиц. Узнать их мнение, пережить их понимание того или иного периода истории нашей страны. Важно также и то, что в данном случае автор имеет полное право не прятаться за полупрозрачными ширмами или в суфлерской будке, стремясь придать своему тексту хотя бы видимость полной объективности. Нет, здесь он равноправный участник общего разговора. Ведь ощущение времени — вещь многозначная, это чувства людей **той** эпохи, но и **наши** тоже. Через них, через событие, через документ, но — **наше!** И какая, в сущности, разница, что они жили в XIX веке, а мы — на рубеже XX и XXI столетий? Мы можем ошибаться, что-то преувеличивать или недооценивать, но вряд ли будем настолько наивны и самоуверенны, чтобы читать нотации предкам с высоты прошедших полутора-двух веков.

Александр Николаевич Романов, главный герой нашей книги, родился в очень непростое для России время — славное и переломное одновременно. Его появлению на свет

предшествовали: таинственная деятельность Негласного комитета (многие называли его кружком молодых друзей), на заседаниях которого велись довольно сумбурные, но искренние разговоры об освобождении крепостных крестьян и ограничении самодержавия; планы государственных преобразований М. М. Сперанского, вызвавшие такую панику в придворных и чиновных кругах, такую злобу столичного и провинциального дворянства, что привели их автора в ссылку по глупейшему обвинению в государственной измене; Отечественная война 1812 года, заставившая россиян, победивших самого Наполеона, по-новому взглянуть и на себя, и на западноевропейские идеи и порядки; желание императора Александра I умиротворить Европу созданием Священного союза монархических государств и преобразовать Россию, проведя в ней кардинальные изменения.

К 1818 году реформаторские намерения монарха приобретали все большую и все более сенсационную известность. Циркулировавшие в столицах и в провинции слухи о том или ином его высказывании с жадностью ловились внимательными слушателями и быстро разносились от великосветских салонов до самых глухих уголков страны. Молва о «несчастном» или «счастливом» (это уж кому как казалось) «предубеждении» императора против крепостного права и политического бесправия общества находила все новые и новые подтверждения. Чтобы не быть голословными, давайте просто перечислим те основные события, которые имели место в 1818—1820 годах. Речь Александра I на открытии польского сейма (парламента) в Варшаве в марте 1818 года, проект отмены крепостного права, подготовленный в канцелярии нового любимца царя А. А. Аракчеева, подготовка проекта Конституционной хартии Российской империи, грозившего превратиться в настоящую конституцию страны, проект министра финансов Д. А. Гурьева о прекращении крепостного состояния, первые разговоры Александра I с великим князем Николаем Павловичем (отцом нашего героя) о желании императора отказаться от престола и передать его именно Николаю, образование декабристского Союза благоденствия...

Обществу было от чего потерять голову, было от чего разбиться на несогласные и яростно спорившие друг с другом группировки, было от чего возликовать или, наоборот, опечалиться. Печалей и ожиданий катастрофы оказалось явно больше, чем ликования и веры в светлое будущее. Мнение многих и многих дворян того времени выразил сенатор Н. Г. Вяземский, заявивший: «Для благоденствия крестьян

наших не нужно мыслить о химерическом новом положении, но токмо стараться поддержать во всей силе истинно доброе старое, приложить попечение о повсеместном его наблюдении и утверждении в пользу крестьян». Сенатора поддерживал некий швейцарец Ф. Криспин, проживавший в ту пору в Москве: «Разговоры по сему предмету (об освобождении крестьян. — *Л. Л.*) заставляют содрогаться. Надеюсь, что в Петербурге известно общее настроение умов». Почему швейцарец, не имевший ни поместий, ни крепостных, «содрогался», сказать очень трудно (если только за компанию с русским дворянством).

Насчет «общего настроения умов» Криспин, пожалуй, погорячился, но то, что подавляющее большинство дворян не разделяло намерений Александра I, сомнению не подлежит. М. М. Сперанский, возвращенный императором в столицы, но не участвовавший более в реформаторских замыслах Зимнего дворца, сообщал в письме приятелю, что речь монарха в Варшаве в марте 1818 года, которую поняли как свидетельство близящегося освобождения крестьян вызвала в Москве «припадки страха и уныния». «Опасность, — продолжал он, — состоит именно в сем страхе, который теперь везде разливается». Проще говоря, крестьяне, услышав о том, что император хочет их освободить, легко поймут, что именно помещики не дают ему это сделать. К чему могла привести подобная ситуация, действительно страшно себе представить. Страшно, но не трудно, если припомнить недавнюю для начала XIX века пугачевщину.

И все же русское образованное общество состояло далеко не из одних сторонников сохранения крепостного права. Упирая на нравственную сторону проблемы, военный губернатор Малороссии Н. Г. Репнин гордо провозгласил: «Всяк... жертвующий собственным спокойствием и личными выгодами для пользы общей может гордиться сею мыслью». Заявление Репнина особенно ценно, если учесть, что ему было что терять. Как, впрочем, и графу М. С. Воронцову, владельцу тысяч крепостных душ, человеку, принадлежавшему к элите дворянского общества. Однако и он в 1817—1818 годах всерьез намеревался приступить к освобождению своих крестьян. Видимо, граф хорошо понимал, что, говоря словами П. А. Вяземского: «Рабство — одна революционная стихия, которую имеем в России, уничтожив его, уничтожим всякие пребудущие замыслы». Иными словами, сохранение крепостного права — и бунт, а то и революция, отмена его — и установление более или менее прочного гражданского мира. Друг А. С. Пушкина и многих де-

кабристов Петр Андреевич Вяземский знал, что говорил, когда упоминал о «пребудущих замыслах».

Дворяне-радикалы внимательно прислушивались к скупому доносившемуся из Зимнего дворца слухам об облегчении участи крепостных крестьян. По свидетельствам многих декабристов, они с сочувствием относились к намерению Александра I отменить позорящее Россию рабство и были готовы всеми силами содействовать императору в столь благородном деле. Кто знает, как бы развернулись события дальше, прими монарх руку помощи, протянутую ему передовым дворянством. Однако Александр Павлович давно привык полагаться только на себя и протянутых ему рук старался не замечать. Когда один из «отцов-основателей» декабристского Союза спасения А. Н. Муравьев подал императору собственный проект освобождения крестьян, тот лишь досадливо буркнул: «Дурак! Не в свое дело вмешался». Может быть, и действительно не в свое, но ведь искренне хотел помочь монарху, поддержать его...

А тот, как вспоминал декабрист С. П. Трубецкой, шел напролом, вроде бы не страшась никакого противодействия. «Пред самым отъездом своим из Петербурга (в Варшаву. — Л. Л.), — вспоминал Сергей Петрович, — государь объявил... что он непременно желает освободить и освободит крестьян от зависимости помещиков, и на представление князя (П. П. Лопухина. — Л. Л.) о трудностях и сопротивлении, которое будет оказано дворянством, сказал: «Если дворяне будут сопротивляться, я уеду со всей фамилией в Варшаву и оттуда пришлю указ». И ведь действительно мог уехать и прислать. Александр I временами умел быть твердым, точнее, упрямым, так как твердость от упрямства отличается тем, что заставляет человека стоять до последнего, защищая свои принципы. Как бы то ни было, казалось, что дни крепостного права в России сочтены...

И если б только крепостного права! Как мы уже говорили, в марте 1818 года, выступая на открытии польского сейма, самодержец всероссийский заявил: «... вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних пор ему приуготовил и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Тут уж головы российских дворян совершенно пошли кругом! Оказывается их монарх с давних пор «приуготовил» России конституцию и парламент! Кто бы мог подумать? Одни, например В. Н. Каразин, возопили: «Теперь с той же дерзостью, почти с тем же унынием, наполняющим мою душу, предсказываю я великие беспокойства в отечестве нашем и весьма

не в отдаленном будущем... Дух развратной вольности более и более заражает все сословия».

Другие сетовали на то, что власть слишком рано и чересчур откровенно высказала свои намерения, чем разорила себя перед оппонентами. Так, заслуженный генерал А. А. Закревский в письме своему давнему другу П. Д. Киселеву неодобрительно заметил: «Речь государя, на сейме говоренная, прекрасная, но последствия для России могут быть ужаснейшие, что из смысла оной легко усмотришь». Ему вторил недавний московский градоначальник Ф. В. Растопчин: «Из Петербурга пишут конфиденциально, что речь императора в Варшаве, предпочтение, оказанное полякам, и дерзость тех вскружили головы; молодые люди просят конституции». О том же поэту и сановнику И. И. Дмитриеву сообщал писатель и историк Н. М. Карамзин: «Варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах; спят и видят конституцию; судят, рядят... И смешно, и жалко!» Но тут хоть речь идет о преимуществах и недостатках неограниченной и конституционной монархии. А ведь было и совсем другое.

Многие русские дворяне, среди них и декабристы, обиделись на Александра I за то, что первой конституцию и парламент получила Польша, а не вся Российская империя целиком или, по крайней мере, ее великорусские губернии. Недовольство подогревалось слухами, будто император собирается вернуть полякам земли, отошедшие к России в результате разделов Польши в конце XVIII века. Дело дошло до того, что в среде декабристов созрел так называемый «московский заговор», целью которого стало убийство монарха. Парадокс чисто нашенский, российский: революционеры собираются убить императора, который намерен уничтожить крепостное право и дать стране конституцию, — но что поделаешь, у нас от власти или ждут всего и сразу, или, если у нее все и сразу не получается, начинают неистово с ней бороться... А ведь разговоры о конституции в 1818 году не были простым сотрясанием воздуха.

В Варшаве, в канцелярии наместника в обстановке строжайшей секретности был подготовлен проект Конституционной хартии Российской империи, который мог стать поворотным пунктом в истории нашей страны. Не стал. Как не было отменено в первой четверти девятнадцатого столетия и крепостное право. Александр I, в конце концов, не решился на столь радикальные перемены. Упрямство все-таки мало чем напоминает твердость, да и... Впрочем, о том, что из себя представляет это «да и...», речь еще впереди. А по-

ка — прав оказался мудрый военачальник А. П. Ермолов, который в 1818 году писал: «Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец и все остается при одних обещаниях всеобъемлющей перемены». П. А. Вяземский, один из активнейших участников работы над Конституционной хартией, также понял тщетность своих надежд, хотя и случилось это несколько позднее. В 1820 году он писал Н. И. Тургеневу: «Злоупотребления режутся на меди, а добрые замыслы пишутся на песке. Грустно и гадко!».

Действительно, картина получалась грустная. Как заметил знаток александровской эпохи С. В. Мироненко: «Вместо освобождения крестьян... последовал ряд указов, резко ухудшивших положение крестьян... Вместо конституции — фактическая передача всей полноты государственной власти в руки всесильного временщика... А. А. Аракчеева. Вместо развития наук и просвещения — изгнание наиболее прогрессивных и талантливых профессоров из университетов». В общем, хотели... но не получилось.

Энтузиазм и замешательство пополам со страхом, планы реформ и поворот к ретрограду, надежды и разочарования, пробуждение национального самосознания и рабство, тайные революционные организации и создание тайной полиции... Не случайно, ох, не случайно наш герой появился на свет в эти беспокойные и так много обещавшие России годы...

ОБРАЗОВАН ПОЭТОМ, ВОСПИТАН ДВОРЦОМ

Великий князь Александр Николаевич родился 17 апреля 1818 года в Москве, в доме митрополита Платона при Чудовом монастыре в Кремле. Чудов монастырь был основан в 1385 году, а в XVIII веке здесь располагалось греко-латинское училище. Отцом Александра был третий сын императора Павла I великий князь Николай Павлович, матерью — дочь прусского короля Фридриха III принцесса Шарлотта, ставшая после православного крещения, необходимого для свадьбы с Николаем Павловичем, Александрой Федоровной. Она доводилась племянницей и крестной дочерью английской королеве Шарлотте, супруге короля Георга III, а значит, являлась родственницей будущей главы Великобритании королевы Виктории¹. Забегая вперед, скажем, что это никак не повлияло на улучшение отношений между Англией и Россией, которые (имеются в виду страны) на протяжении всего XIX века враждовали друг с другом в различных

концах Европы и Азии. Нашему герою тоже не раз придется столкнуться с королевой Викторией, и эти столкновения, за редким исключением, не доставят ему большого удовольствия.

Семья Николая Павловича с 1817 года переехала на временное жительство в Москву, чтобы своим присутствием морально поддержать обитателей древней столицы, пострадавших от нашествия Наполеона и страшного пожара 1812 года. Рождение первенца принесло Николаю и Александре огромную радость, и это чувство разделялось не только ими, так как имело важное государственное значение. Спустя год они узнали о намерении императора Александра I объявить наследником престола Николая Павловича, и дело было не только в том, что его брат великий князь Константин Павлович наотрез отказался от российского трона²; свою роль сыграло рождение именно Александра Николаевича, поскольку на протяжении двадцати лет в царствующей фамилии рождались только девочки. Таким образом, наш герой, не подозревая об этом, укрепил положение Романовых на престоле. Император Александр I получил радостное известие о рождении племянника на пути из Варшавы в Одессу и назначил маленького родственника шефом лейб-гвардии гусарского полка. Со временем Александр Николаевич станет шефом 30 российских и зарубежных воинских частей, да еще будет числиться офицером более чем в 20 подразделениях.

Однако к радости родителей Саши примешивалась изрядная доля грусти, объясняемая предчувствием неизбежно трудной участи сына. «В 11 часов (утра. — *Л. Л.*), — вспоминала Александра Федоровна, — я услышала первый крик моего первого ребенка. Никс (Николай Павлович. — *Л. Л.*) целовал меня... не зная еще, даровал нам Бог сына или дочь, когда матушка (вдовствующая императрица Мария Федоровна. — *Л. Л.*), подойдя к нам, сказала: “Это сын”. Счастье наше удвоилось, однако, я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будет со временем императором». Эти слова, хотя они и написаны задним числом, можно считать первым предостережением нашему герою. Материнское сердце, как говорят, вещун.

201 орудийный залп и площадки повсеместной иллюминации возвестили москвичам о рождении будущего наследника престола, положив начало соответствующим торжествам по городам и весям Российской империи. Крещение новорожденного произошло в церкви Чудова монастыря, где в

свое время крестили детей Ивана Грозного и Алексея Михайловича (в том числе и преобразователя России Петра Великого). В первые годы своей жизни Саша попал в ласковые руки женщин: его воспитательницами стали Ю. Ф. Баранова и Н. А. Тауберг, а боннами (то есть нянями) — М. В. Косовская и А. А. Кристи (тезка знаменитого автора детективных романов действительно была англичанкой, что не удивительно, поскольку именно англичанки считались в то время лучшими няньками в мире). До шестилетнего возраста жизнь великого князя не была обременена чрезмерными заботами. Зимой он жил с родителями в Аничковом дворце, а летом выезжал в Павловск к бабушке Марии Федоровне, которая успешно командовала маленьким внуком. Впрочем, эта властная и решительная дама считала себя главой клана Романовых и стремилась, с большим или меньшим успехом, руководить ими всеми. Жены Александра и Николая Павловичей перед ней трепетали, можно представить себе, как воспринимал ее команды маленький Николаевич.

С шестилетнего возраста компания воспитателей великого князя становится, как это было принято, чисто мужской. Ее главой был назначен Карл Карлович Мердер, ротный командир школы гвардейских подпрапорщиков, ветеран войн с Наполеоном³. В. А. Жуковский, близко знавший заслуженного офицера и работавший вместе с ним над образованием наследника, отмечал: «Отменно здравый ум, редкое добродушие и живая чувствительность, соединенные с холодной твердостью воли и неизменным спокойствием души — таковы отличительные черты его характера». Сестра нашего героя, Ольга Николаевна писала о Мердере в своих воспоминаниях: «Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал Семье: действительно драгоценный человек!».

Главной задачей, поставленной перед ним родителями Саши, являлось военно-физическое воспитание великого князя, включавшее обучение верховой езде, знакомство с военными уставами, «фрунтом» (строевой подготовкой и приемами с оружием), гимнастические упражнения. Вскоре Александр увлеченно гарцевал на парадах и разводах, отдавая звонким голосом команды гвардейским гусарам. Однако только военными занятиями воспитатель великого князя ограничиться, к счастью, не захотел. В своем дневнике, к которому мы будем еще не раз обращаться, Мердер писал: «Государь дал мне то, что для него и для целой России всего драгоценнее. Да поможет мне Бог исполнить свое великое дело... Буду считать себя несчастным, если не достигну

того, что он (наследник. — Л. Л.) будет считать единственным наслаждением — помогать несчастным».

В своем желании пробудить в наследнике сострадание, человеколюбие Карл Карлович не был ни оригинален, ни одинок. Лучшие люди России, в том числе один из ее крупнейших поэтов В. А. Жуковский, желали видеть в Александре Николаевиче образец нравственного совершенства. Василий Андреевич, в частности, выразил свое желание в следующих строках, обращенных к великому князю:

Жить для веков в величии народном,
Для блага **всех** — **свое** позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смиреннием дела свои читать...

Ему вторил еще один поэт и будущий декабрист К. Ф. Рылеев:

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства дух неблагородный,
Неправосудье истреби...
Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран,
Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан.

Проникновенные, хотя и несколько тяжеловатые строки обоих поэтов позволяют подчеркнуть одно весьма важное для нашей беседы обстоятельство. С самого раннего возраста на Александра Николаевича обрушились огромные и, честно говоря, маловыполнимые ожидания современников. Помимо всего прочего, они хотели, чтобы, совершая на ниве служения отечеству поистине геркулесовы подвиги, будущий император оставался скромным гражданином и человеком. Видимо, от каждого венценосного ребенка современники требовали или, по крайней мере, ожидали того, чего они не нашли у предшествующих монархов, и от царствования к царствованию требования росли как снежный ком, а ожидания делались все нетерпеливее. Наследники же престола, прислушиваясь к подобным пожеланиям, пытались сопоставить их со своими реальными возможностями, и трудно сказать, что они при этом испытывали — то ли гордость от своего положения, то ли ужас от невозможности исполнить пожелания подданных.

Как бы то ни было, благие намерения Мердера получили конкретное воплощение, особенно после воцарения Ни-

колая I в декабре 1825 года. О событиях на Сенатской площади у Александра, которому в ту пору не исполнилось и восьми лет, не могло остаться ярких и отчетливых воспоминаний. День восстания декабристов он провел в Зимнем дворце вместе с матерью и бабушкой под охраной гвардейского саперного полка, шефом которого был его отец. Однако нервный тик Александры Федоровны, начавший мучить ее после восстания, и частые упоминания отцом «друзей 14-го» не давали ему забыть об этом страшном для Романовых событии⁴.

Регулярное обучение наследника престола началось с 1826 года, когда Александру исполнилось восемь лет. План обучения, рассчитанный, как бы мы сейчас сказали, на десять классов, поручили составить все тому же Василию Андреевичу Жуковскому. Причем литературные заслуги Василия Андреевича вряд ли принимались Зимним дворцом в расчет. На решение родителей наследника повлияло то, что поэт состоял чтецом при вдовствующей императрице Марии Федоровне и успешно преподавал русский язык Александре Федоровне. Данное назначение еще раз убеждает нас в том, что иногда совершенно случайные решения необычайно точно попадают в цель.

Жуковский отнесся к почетному и ответственному заданию весьма серьезно. Он отпросился с придворной службы для лечения за границей, но использовал отпуск вовсе не для хождения по докторам, а для ознакомления с новейшими педагогическими системами и приемами. В результате его шестимесячных занятий педагогикой появился план обучения наследника российского престола. В основу своего плана Жуковский положил идеи швейцарского педагога Песталоцци, который считал, что в воспитании человека участвуют три фактора: личность воспитателя, то есть его влияние на питомца своим примером и убеждениями; сама жизнь, то есть условия, в борьбе с которыми вырабатывается самостоятельность и закаляется характер; наконец, чувство человеколюбия, сознание долга перед людьми, деятельная любовь к ним.

Главную идею своего плана Василий Андреевич ясно изложил в письме к императрице Александре Федоровне. «Его величеству, — отмечал он, — нужно быть не ученым и просвещенным. Просвещение должно ознакомить его со всем тем, что в его время необходимо для общего блага... Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью». Иными словами, основной идеей плана стало образование для добродетели, разви-

тие добрых природных качеств наследника престола и искоренение его дурных наклонностей.

История России и до Жуковского знала интересных воспитателей великих князей, достаточно вспомнить имена Порошина при Павле I или Лагарпа при Александре I. Однако все они, помимо обучения наследника, ставили перед собой определенные политические цели (правда, эти цели так и не получили реального воплощения)⁵.

Александр II воспитывался, не испытывая прямого политического давления со стороны педагогов. Основой его образования, как уже говорилось, стало нравственное начало, этические принципы и ценности. Именно этим целям были подчинены все три периода плана Жуковского. Первый из них назывался «Приготовление к путешествию» (эпоха романтизма давала себя знать даже в названиях разделов педагогических сочинений) и охватывал период с 8 до 13 лет ребенка. Он включил в себя краткие сведения о мире, человеке, понятие о религии, знакомство с иностранными языками. Второй период плана, собственно «Путешествие» (13—18 лет) содержал занятия науками в полном смысле этого слова. Жуковский разбил науки, как это было принято в его время, на «антропологические» (история, политическая география, политика и философия) и «онтологические» (математика, физическая география, физика и т. п.). Третий этап — «Окончание путешествия» — время от 18 до 20 лет. Он сопровождался чтением «немногих истинно классических книг», завершая образование «совершенного человека».

Николай I в целом одобрил этот план, сделав лишь одно замечание. Он потребовал, чтобы из него было выброшено изучение древних языков и чтение в оригинале латинских авторов. Осведомленные люди утверждали, что на решение императора повлияло то обстоятельство, что он сам был слишком измучен в детстве латынью и древнегреческим. Травма, нанесенная ему учителями в юные годы, не забылась и в зрелом возрасте, что уберегло его сына от многотрудного знакомства с классической латынью. Поскольку речь шла не только об изучении школьных предметов, но и о высоких нравственных целях, которых должно было достичь воспитание наследника, то по часам оказались расписанными не только учебные, но и неучебные (выходные, праздничные, каникулярные и т. п.) дни. Воспитание нравственно-идеальной личности не должно было знать ни перерывов, ни каникул.

Путеводной нитью образования, главным его предметом Жуковский не без оснований считал историю, на примере

которой должны были вырабатываться правила поведения, нормы жизни будущего монарха. Если попытаться воспроизвести их вкратце, то они гласили следующее: верь, что власть царя происходит от Бога, но не делай эту власть насмешкой над Богом и человеком... Уважай закон, если законом пренебрегает царь, он не будет храним и народом... Люби и распространяй просвещение. Народ без просвещения есть народ без достоинства. Им кажется легко управлять, но из слепых рабов легко сделать свирепых мятежников... Свобода и порядок — одно и то же... Окружай себя достойными помощниками... Уважай народ свой...

Отметим, что эти правила, во всяком случае некоторые из них, наследник усвоил так прочно, что позднее старался, насколько это ему казалось возможным, действовать в соответствии с ними. Когда мы говорим о плане обучения, разработанном поэтом, то речь идет не только о наборе предметов и общих установках. Жуковским тщательно была продумана обстановка классной комнаты, зала для гимнастических упражнений, мастерской ручного труда. Он вообще старался превратить обучение наследника в своего рода священнодействие. «Дверь учебной горницы, — писал Василий Андреевич, — в продолжение лекций должна быть неприкосновенна... из этого правила не должно быть ни для кого исключения». Исключения не было действительно ни для кого, включая императора.

Жуковский не побоялся вторгнуться даже не в свою «епархию» — в военное обучение Александра, которым ведали Мердер и сам Николай I. Василий Андреевич опасался, что его воспитанник, чрезмерно увлеченный красотой балетной шагистики рот и батальонов, яркостью их мундиров: «... привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве — казарму». Мужественный и оправданный демарш поэта-учителя значительных последствий не имел. Николай Павлович согласился с тем, что любовь Александра к внешней стороне военных дел может быть опасна, но настоял на том, чтобы соответствующие науки изучались наследником более серьезно. По мнению Николая I из него должен был выйти «военный в душе», без этого наследник рисковал быть «потерян в нашем веке»⁶.

К выбору учителей для своего первенца император, надо отдать ему должное, подошел очень серьезно. Кроме Жуковского, читавшего русскую историю и новейшую отечественную словесность, великого князя обучали такие знатоки своего дела, как К. И. Арсеньев — историк, географ, статистик. Незадолго до своего назначения учителем наследника

он, по доносу П. Рунича, был уволен из Петербургского университета «за безбожие и революционные идеи». Эта аттестация профессора вряд ли соответствовала действительности, во всяком случае не помешала ему попасть в Зимний дворец. К тому же ряду относился и П. А. Плетнев — профессор русской словесности того же Петербургского университета, приятель А. С. Пушкина, издатель журнала «Современник».

Чтобы Александру не было скучно в одиночку «грызть гранит науки», в соученики ему определили двух его сверстников — Иосифа Виельгорского и Александра Паткуля. Выбор сделан далеко не случайный, содержавший, как оказалось, двойное дно. Иосиф Михайлович Виельгорский происходил из семьи польского некогда мятежного графа М. Ю. Виельгорского. Последний был не только прощен Николаем I, но и сделанся другом императорской семьи, во всяком случае, был приглашаем к царскому столу, сопровождал императорскую чету в театр, развлекал ее музыкальными пьесами собственного сочинения. Иосиф же остался в памяти окружающих наследника людей примерным мальчиком, благородного поведения, всегда умным, бодрым, веселым, то есть служившим неким ориентиром для своего венценосного товарища, подхлестывавшим его честолюбие. Позже он стал офицером лейб-гвардии Павловского полка, обещал вырасти в крупного военачальника, но умер от туберкулеза, не дожив и до 24 лет.

Александр Владимирович Паткуль как по способностям, так и по прилежанию заметно отставал от своих товарищей, а потому под рукой всегда был человек, которого наследник легко опережал в учебе, никогда не оставаясь последним среди «одноклассников». Паткуль и позже не сделал той карьеры, которую можно было бы ожидать от человека, имевшего высочайшие связи при дворе. Он стал генералом свиты, петербургским обер-полицмейстером, затем генерал-адъютантом, но на всех этих постах не высказал никаких талантов. Жизнь трех товарищей оказалась четко расписанной на многие годы вперед. Изю дня в день их ожидал подъем в 6.00, с 7 до 12 — занятия с одночасовым перерывом, с 12 до 14 — прогулка, с 14 до 15 — обед и вновь занятия до 17, с 19 до 20 часов — гимнастика и подвижные игры, в 22 — отход ко сну. Даже во время прогулок по Петербургу их обучение не прекращалось, так как, по замыслу Жуковского, они должны были «обозревать» общественные здания, учебные и научные учреждения, промышленные заведения и прочие достопримечательности.

Еженедельно у двух Александров и Иосифа набиралось по 46 часов уроков, а зимой и летом их ожидали еще и экзамены, продолжавшиеся по четыре дня. Эти экзамены имели для них достаточно неожиданное значение. Мердер и Жуковский настояли на том, что право делать добро является величайшей наградой, и предложили создать особую кассу благотворительности, взносы в которую составлялись из сумм, полученных тремя воспитанниками за высшие баллы на экзаменах. Так и шло из года в год: история, русский язык, математика, физика, философия, геология, французский, английский, немецкий и польский языки, рисование, музыка, гимнастика, плавание, фехтование, танцы, военные науки, токарное дело — а два раза в год серьезное подведение итогов, на котором обязательно председательствовал строгий Папá, император Николай I, с особым пристрастием экзаменовавший старшего сына.

Он любил повторять детям: «Всякий из вас должен всегда помнить, что только своей жизнью может **искупить** происхождение великого князя». Оказывается, факт случайного рождения в императорской семье надо было искупать то ли как грех, то ли как особую отметину судьбы. Мердер и Жуковский, внимательно следившие не только за успехами наследника в учебе, но и за становлением его характера, регулярно докладывали императору о проявлении тех или иных черт личности Александра. «Я теперь гораздо больше на него надеюсь, — писал в 1828 году Жуковский, — вижу, что имеет он здравый ум, что в этом уме все врезывается и сохраняется в ясном порядке; вижу, что он имеет много живости; вижу, что он способен к благородному честолобию, которое может завести его далеко, если соединится с ним твердая воля; вижу, наконец, что он способен владеть собою, посему и имею право надеяться, что он, как скорее поймет всю важность слова **должность**, будет уметь владеть собою». Под словом «должность» надо понимать, конечно, долг — слово-символ, слово-ключ, которое отныне будет незримо сопровождать наследника как тень на протяжении всей его жизни.

Тогда же 10-летний Александр, получив задание от учителей нарисовать эскиз герба для своего флага, изобразил на полулисте ватмана скалу, омываемую водой, муравья и якорь, а вокруг рисунка шел девиз: постоянство, деятельность, надежда. Оставим в покое девиз — он, скорее всего, выражал то, что от мальчика хотели слышать наставники, а вот рисунок... Одиноким утес, неизвестно как занесенный на него, но без усталости снующий муравей, и якорь — символ

и надежности и непомерной тяжести. Невеселые представления были у наследника о своем блестящем будущем. Вообще же, он рос резвым, физически крепким подростком, многое схватывал, что называется, на лету, умел нравиться людям, был добр и сентиментален, обожал своих родных, особенно мать и сестер. Доброта и сентиментальность быстро стали чертами его характера, а черты характера — это те инструменты, с помощью которых мы пытаемся приспособиться к окружающей нас действительности. Так что наш герой выбрал не самый плохой набор инструментов.

Однако наставники постоянно отмечали и те негативные черты характера великого князя, которые требовали, по их мнению, исправления и даже искоренения. Самым неприятным и непонятным и для них, и для родителей Александра была странная апатия, хандра, нападавшая на ребенка совершенно внезапно и погружавшая его в некое подобие транса. В такие минуты для него не существовало ни уроков, ни игр, ни соучеников или наставников, и он, разоткровенничавшись, начинал говорить, «что не хотел бы родиться великим князем». Это состояние особенно усиливалось, когда наследник сталкивался с задачей, которую ему не удавалось решить сразу, одним махом. И кто знает, были ли такие проблемы связаны только с учебными занятиями? Прежде чем порассуждать на эту тему, приведем еще одно свидетельство из «Записок воспитателя» Мердера.

«В великом князе, — растерянно свидетельствовал генерал, — совершенный недостаток энергии и постоянства; малейшая трудность или препятствие останавливает его и обессиливает. Не помню, чтобы когда-нибудь он чего-нибудь желал полно и настойчиво. Малейшая боль, обыкновенный насморк достаточен, чтобы сделать его малоспособным заняться чем бы то ни было... Ему случается провести час времени, в продолжение которого ни одна мысль не придет ему в голову; этот род совершенной апатии меня приводит в отчаяние...». Мердер, понятно, говорит здесь о не слишком частых минутах хандры, которая иногда нападала на наследника, потому что вообще-то, как отмечал во многих местах своего дневника генерал-воспитатель, его воспитанник рос энергичным и веселым мальчиком. Интересно, а откуда генерал знал, что ни одна мысль не приходила в голову Александру во время его «транса», если ребенок в такие минуты практически ни с кем не разговаривал?

Другой чертой характера наследника, волновавшей воспитателей, была его, как они это называли, «невыдержанность». Тот же Мердер вспоминал, как во время прогулки по

реке Виельгорский, дурачась, неосторожно вел шлюпку и зачерпнул бортом воду. Великий князь так рассердился, что схватил Иосифа за шею и дал ему несколько пинков, прежде чем вмешались воспитатели, сделавшие выговор наследнику. Уже став императором, Александр Николаевич мог накричать на незадачливого собеседника, в сердцах плюнуть в него, но тут же обнять и просить прощения. Подобные сцены не являлись, конечно, нормой поведения монарха, но они действительно случались. И кто знает, не были ли эти крики и плевки человека, родившегося наследником престола, подавленного контролем воспитателей, мстью или протестом за отсутствие у него нормального детства. Тем более что вообще-то Александр Николаевич умел прекрасно владеть собой, что он не раз доказывал и на охотах (однажды спас егеря, попавшего в лапы к медведю), и во время покушений террористов, и во время тушения многочисленных пожаров, случавшихся в Петербурге.

Так откуда же это бралось: шармерство и равнодушие к людям, острота мысли и апатия? Чтобы нащупать один из возможных ответов, обратимся к очередному наставлению-нотации, которыми Жуковский постоянно потчевал царственного воспитанника. «На том месте, — говорил учитель, — которое вы со временем займете, вы должны будете представлять из себя **образец** всего, что может быть великого в человеке». Представляете, читатель, что происходило ежедневно, если не ежечасно? От наследника, сначала мальчика, потом юноши постоянно требовали не просто хорошей учебы и приличного поведения, а образцовости, эталонности во всем. Для ребенка, да и для взрослого, такой груз неподъемен, психологически травмоопасен. Александр должен был всегда быть настороже, в полной готовности захватить пальму первенства в учебе, танцах, гимнастических упражнениях, светской беседе, и ни в чем не ошибиться, не «засбоить». В юношестве стимулом для него была не столько внутренняя потребность к лидерству, сколько тщеславие учителей и родителей, а также благоприобретенное желание угодить взрослым, избежать выговора или, еще хуже, разноса.

И дело здесь, конечно, не в природных качествах Александра, а в тех установках, которыми руководствовались его воспитатели и ближайшее окружение. Самые простые вещи — раздумья наедине с собой, желание разобраться попросту, по-мальчишески с Виельгорским или Паткулем — трактовались учителями и родителями как «апатия» или «гнусное чувство мести». Понятно, что внешнее «ничегонеделание» отнюдь не означает внутреннего бездействия. Мо-

жет быть, именно в такие минуты и происходит взросление человека, его осознание себя в мире. Да и мальчишечьи драки — это не только «варварство» и выплеск злобы, но и необходимая разрядка, проявление детского умения постоять за себя, детское понимание лидерства.

Жуковский же старался наставлять в том же духе не только наследника престола, но и его родителей. «Смею думать, — писал он Николаю I, — что государь император не должен никогда хвалить великого князя за прилежание, а просто оказывать свое удовольствие ласковым обращением... Чем будет оно реже, тем более будет иметь цены, тем сильнее будет действие... Его высочество должен приучиться действовать без награды: мысль об отце должна быть его тайной совестью... Его высочество должен трепетать при мысли об упреке отца». Отец как тайная совесть, устрашение, страх упрека — весьма распространенные методы обучения и воспитания; настолько же распространенные, насколько и бессильные...

Неумное усердие учителей, как ни странно, подстегивало любовь Александра прежде всего к военным занятиям. Дело в том, что за удачные действия на разводе или параде легче было заслужить похвалу отца, а особенного умственного напряжения плац-парадные экзерциции не требовали. Видимо, и чрезмерная чувствительность наследника («слезливость», по определению близких) проистекала от того непосильного гнета, под которым с ранних лет находилась психика царственного ребенка. Еще раз повторим, что плаксо́й, в обычном понимании этого слова, он отнюдь не был. Скажем, в 1831 году, катаясь на любимом коне Малек-Адели, Александр не удержался в седле, упал и сильно ударился о мостовую. Врачи констатировали «сильное помятие мускула правого плеча», сам же ребенок ни на что не жаловался, продолжая улыбаться, несмотря на жгучую боль, которая отпустила только через несколько дней.

Впрочем, особенности психики наследника по-настоящему скажутся позднее, в детстве наш характер достаточно пластичен, то есть легче компенсирует те тяготы, которые выпадают на долю каждого из нас. Пока же Александр рос достаточно обычным ребенком из образованной дворянской семьи. К четырнадцати годам он прочитал «Илиаду» Гомера, «Дон Кихота» Сервантеса, «Недоросль» Фонвизина, «Полтаву» Пушкина, «Путешествие Гулливера» Свифта, басни Крылова. Николай I подарил детям остров на одном из прудов Царского Села, названный Детским, и Саша с товарищами соорудили на нем дом из четырех комнат с сало-

ном, проделали дорожки через кустарник, где до того жили одни кролики. Небольшое возвышение на острове дети называли «Мысом доброго Саши», в чем позже видели доброе предзнаменование. Здесь же позже (в 1854—1855 годах) были установлены бюсты Жуковского и Мердера как символ беззаботного детства. На другом конце острова дети выстроили некое подобие крепости и часто играли с гостями, штурмуя и защищая ее.

По воскресеньям и в праздничные дни, кроме соучеников, в Зимний дворец приглашались сверстники из аристократических семейств, молодые Адлерберги, Барановы, Нессельроде, Шуваловы, Фредериксы. Самым любимым их развлечением была военная игра. Перед ее началом императрица Александра Федоровна бросала жребий, определявший, у кого из юных полководцев начальником штаба будет государь, охотно принимавший участие в этой забаве. У молодежи в памяти навсегда осталось лихое развлечение, когда по сигналу Николая Павловича мальчики, стартовав от фонтана «Самсон», бросились вверх по каскаду работавших на полную мощь фонтанов, стремясь первыми достичь верхней площадки, где их ждала императрица с призами. Александр не был первым в этом штурме, но вошел в призовую тройку.

Да и в учебе дела у наследника складывались достаточно хорошо. После одной из экзаменационных сессий Николай I писал Жуковскому: «Мне приятно сказать вам, что я не ожидал найти в сыне моем таких успехов... Все у него идет ровно, все, что он знает, знает хорошо, благодаря вашей методе и ревности учителей». Чтобы еще больше развить творческий потенциал воспитанников, Василий Андреевич предложил им издавать журнал «Муравейник», в котором деятельное участие приняли и наследник престола, и его сестры Мария и Ольга, и Виельгорский с Паткулем.

Первое большое горе, а затем и по-настоящему радостное волнение пришли к цесаревичу в 1834 году. В начале этого года после долгой и продолжительной болезни умер Карл Карлович Мердер, и Александр, от которого долго скрывали роковую болезнь учителя, оплакал свою первую потерю (узнав о смерти Мердера, он зарыдал, повторяя: «Боже мой! Я все надеялся, что скоро увижу бесценного Карла Карловича!»). А 17 апреля великому князю исполнилось 16 лет, и в соответствии с законом и традицией он был объявлен совершеннолетним. Интересно, что в этот день финский геолог Норденшильд открыл на Урале неизвестный ранее драгоценный камень и назвал его в честь наследника александритом. При всем обилии предзнаменований и

предсказаний, сопровождавших царствование Александра II, разговоры, связанные с этим камнем, запомнились современникам особо. Цвет александрита весьма изменчив и ассоциировался у очевидцев событий 1860—1880-х годов со светлым началом царствования царя-освободителя и его кровавым финалом.

Оставим на время в стороне предзнаменования. Александру Николаевичу (пора называть его именно так, без фамильярного — Саша или юношеского — Александр) предстояло принести присягу на верность императору и России, а также, продолжая учебные занятия, включиться в работу государственных органов. Николай I повелел совершеннолетнему отныне сыну присутствовать на заседаниях Сената, а с 1835 года он стал членом Святейшего синода. Произошли изменения и в учебных занятиях наследника, что немедленно сказалось и на составе учителей, и на форме занятий.

Жуковский, как преподаватель, теперь отходит на второй план, а на роли главных педагогов выдвинулись государственные мужи, призванные подготовить Александра Николаевича к практической деятельности на благо отечества. Знаменитый министр-реформатор времен Александра I и видный чиновник при Николае I Михаил Михайлович Сперанский читает ему курс лекций под названием «Беседы о законах»⁷. Начинался этот курс следующей сентенцией: «Слово неограниченность власти означает, что никакая другая власть на земле... не может положить пределов верховной власти российского самодержца. Но пределы власти, им самим поставленные, извне государственными договорами, внутри словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны... Ни в коем случае самодержец не подлежит суду человеческого, но во всех случаях подлежит... суду совести и суду Божию».

Кроме лекций Сперанского, пробудивших у наследника интерес к законотворческой деятельности, военный историк Жомини⁸ читал ему военную стратегию и тактику (популярность бывшего французского генерала среди русского офицерства зафиксирована Д. Давыдовым в известных строках: «...Но что слышу от любого? Жомини да Жомини, а об водке ни полслова»). Финансовую ситуацию в России Александру Николаевичу освещал один из лучших министров финансов за всю историю страны Канкрин, а хитросплетения внешней политики — старший советник МИДа барон Брунов. Лекционные курсы, читавшиеся высшими сановниками империи, не предполагали ни домашних заданий, ни полугодичных экзаменов. Школярство кончалось, вместо него

начиналась серьезная теоретическая и практическая подготовка к реальной государственной деятельности.

Весной 1837 года 19-летний Александр Николаевич сдал комиссии, состоявшей из всех его преподавателей во главе с императором, последнюю, «выпускную» сессию по всем предметам. К этому времени он получил блестящее образование, равноценное, по мнению знающих иностранцев, подготовке к защите докторской диссертации в лучших европейских университетах. Воспитан же... Воспитан наследник был обстановкой тех дворцов, в которых жила или отдыхала царская семья. Иного влияния, кроме влияния наставников или семьи, он не знал, а это означало, что цесаревич ощущал себя одиноким именно потому, что был призван со временем занять престол. Как говорят психологи, ребенок, выросший в обстановке преклонения со стороны взрослых, в обстановке постоянного напоминания о том, что он выше остальных людей, чаще всего со временем превращается в необузданного деспота. Что ж, посмотрим, у нас впереди еще весь разговор.

В том же 1837 году Александр Николаевич предпринял семимесячное путешествие по России, которое в XIX веке стало обязательным элементом образования для наследников престола. Маршрут поездки великого князя оказался гораздо шире, нежели у его предшественников и преемников. Наследника сопровождала внушительная свита, состоявшая из его учителей и молодых офицеров гвардейских полков. Путешествие выдалось утомительным, поскольку железных дорог в российской глубинке еще не существовало и передвигаться пришлось на лошадях, целой кавалькадой колясок и экипажей всех цветов и фасонов.

Основную задачу этой поездки Жуковский в письме императрице Александре Федоровне сформулировал следующим образом: «Я не жду от нашего путешествия большой жатвы практических сведений о России... главная польза — вся нравственная, польза глубокого неизгладимого впечатления». Василий Андреевич остался верен себе, рассматривая поездку, как шлифование **нравственных** качеств наследника, заложенных в результате 10-летнего обучения. Маршрут для Александра Николаевича был выбран сложный и для царственной особы не совсем обычный. Он включал в себя: Новгород Великий, Вышний Волочек, Тверь, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Ялуторовск, Курган, Оренбург, Уральск, Казань, Симбирск, Саратов, Пензу, Тамбов, Калугу, Москву. Этот долгий вояж по стране неисправимый романтик Жуковский назвал «все-

народным венчанием с Россией». Под Россией, видимо, подразумевался наследник престола.

Восторженные подданные встречали великого князя повсюду настолько горячо, что иногда становилось тревожно за здоровье путешественников. Видимо, прав был великий англичанин Ч. Диккенс, который писал, что наши предки обладали особым «органом почитания» (не совсем, правда, понятно, почему он наделял этой особенностью только предков? Судя по всему, мы и сейчас сохранили «орган почитания» почти в неприкосновенности). Флигель-адъютант Александра Николаевича С. А. Юрьевич в письме к жене рассказывал о приеме их на улицах Костромы: «Нельзя описать того, можно сказать, ужаса, с которым народ... толпился к великому князю. Беда отдалиться на полшага от него; уже более нельзя достигнуть до него, и бедные бока наши и ноги будут помнить русскую любовь, русскую привязанность к наследнику... Вчера при выходе из собора (в знаменитом Ипатьевском монастыре. — Л. Л.) толпа унесла... далеко от дверей архиерея; он долго не мог попасть назад в церковь».

Обаяние трона действительно имело силу то ли легендарную, то ли мистическую. В той же Костроме, как, впрочем, и в Ярославле, многие тысячи людей, собравшихся на берегу Волги, чтобы только увидеть наследника, часами стояли по пояс в воде: так лучше можно было рассмотреть его плывущего мимо в лодке. Крик «ура!», постоянно сопровождавший путешественников, настолько навяз в ушах, что слышался великому князю и его свите даже в полной тишине, заставляя их просыпаться по ночам⁹.

Во время своего путешествия Александр Николаевич виделся не только с официальными лицами и толпами народа. По просьбе или подсказке Жуковского, он побеседовал со ссыльными декабристами и А. И. Герценом и обещал им обратиться к отцу с прошением о смягчении участи политических ссыльных (в результате ходатайства наследника престола Герцену был разрешен переезд из Вятки во Владимир; к лучшему были изменены и условия жизни декабристов). Вообще же Александр Николаевич объехал 30 губерний России, первым из Романовых посетил таинственную Сибирь. Ему было подано 16 тысяч прошений (сам он, понятно, в большинстве случаев ничем не мог помочь просящим, но исправно обращался с ходатайствами к отцу). По приказу Николая I в ознаменование путешествия наследника каждая губерния, которую тот посетил, получила по восемь тысяч рублей для раздачи наиболее нуждающимся. А возвращение из путешествия у нашего героя вышло странным и, как говорили поз-

же, символичным. Еще в Тосно, к которому кавалькада подъехала в сумерки, стало видно зарево над Петербургом. Горел Зимний дворец — так что возвращался наследник на пепелище. Вот и не верь после этого предзнаменованиям...

Спустя год после путешествия по России Александр Николаевич отправляется в большой заграничный вояж, который, по замыслу того же Жуковского, должен был официально подвести черту под годами ученичества великого князя. Каким увидел наследника российского престола Запад? Внимательный, желчный и не всегда объективный наблюдатель маркиз де Кюстин, столкнувшийся с цесаревичем в Германии, нарисовал следующий его портрет: «Выражение его взгляда — доброта. Это в прямом смысле слова — государь. Вид его скромнен без робости. Он прежде всего производит впечатление человека прекрасно воспитанного... Он прекраснейший образец государя из всех, когда-либо мною виденных». Добрый отзыв де Кюстина о будущем российском самодержце дорогого стоит, ведь, скажем, его отца он отнюдь не жаловал.

Картины зарубежной жизни замелькали перед наследником, как в калейдоскопе, однако и не ослепили его, и не прискучили ему. В 1864 году, напутствуя своего старшего сына перед его первой поездкой в Европу, Александр II вспомнит о собственном путешествии за границу и впечатлениях от него. «Многое тебе польстит, — писал он, — но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложимо быть не может, — мы должны всегда сохранять свою национальность, наш отпечаток, и горе нам, если от него отстанем... Но чувство это не должно, отнюдь, тебя сделать равнодушным или еще более пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае любопытного или оригинального есть... Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты многое узнаешь и увидишь полезного и часто драгоценного тебе в запас для **возможного** подражания...». Отношение к иностранным порядкам, как можно заметить, не совсем в духе времени. Скорее, это смесь настороженности к чужеземцам, свойственной жителям Московии XV—XVI веков, с практической любознательностью, энергично насаждавшейся в России Петром Великим.

Здесь, в данном месте нашей неспешной беседы, выделим лишь один эпизод поездки Александра Николаевича за границу, эпизод, достаточно мимолетный в обширной программе вояжа, — визит в Дармштадт в середине апреля 1839 года. Встреча с великим герцогом Дармштадтским Людви-

гом II в официальной программе не значилась, и наследник, утомленный постоянными переездами и официальными приемами, попытался ее избежать, дабы не скучать на очередном званом ужине. Однако генерал А. П. Кавелин, заменивший при нем покойного Мердера, и Жуковский уговорили цесаревича нанести визит герцогу, чтобы не обижать монарха, заранее подготовившегося к приему высокого гостя. За ужином Александр Николаевич познакомился с 15-летней принцессой Марией и некоторым образом увлекся ею. Во всяком случае, он отправил родителям письмо с просьбой посвататься к принцессе, а сам продолжил запланированную поездку по маршруту: Майнц, Голландия, Англия. Но о Дармштадте все-таки не забывал, тем более что по дошедшим до него слухам, принц Вильгельм Прусский вскоре начал переговоры о браке русского наследника с родителями Марии.

Нетерпение великого князя усиливала не только юношеская влюбленность, но и то обстоятельство, что, по свидетельствам очевидцев, он не раз говорил, что вовсе не желает царствовать, а заветной его мечтой является женитьба на достойной особе и создание прочного семейного очага. В подобном намерении он отнюдь не был оригинален. Еще его дядя, император Александр I, выражал желание поселиться с женой на берегу Рейна в Германии и вести в приятном уединении жизнь частного человека. И если Александр I не пошел дальше мечтаний, то его племянник... Впрочем, обо всем в свое время.

Поскольку наследник престола завершает свое образование, попытаемся, хотя бы бегло, перечислить основные черты его характера при переходе от юности к зрелости, тем более что позже Александр Николаевич вряд ли имел возможность меняться кардинальным образом. Итак, он определенно сознавал важность и тяготы престолонаследия и его слова о желании родиться простым смертным не надо воспринимать ни как кокетство, ни как стремление отречься от престола сию же минуту. Цесаревич постепенно привык находиться в центре внимания и принимать знаки поклонения от всех, включая родных и близких (а может быть, просто смирился с этим). Привычка первенствовать во всем и над всеми развила в нем обидчивость, ревность к чужим успехам, и в отличие от отца он не очень умел выслушивать справедливые упреки или здоровое несогласие со своей точкой зрения даже в разговорах наедине.

Душа его оказалась по необходимости динамичной, в ней умещалась и сентиментальность, и желание охватить все и

все перечувствовать, и равнодушие. Равнодушие рождалось не столько от нелюбви к людям и миру вообще, сколько как средство защиты от болей мира, которые он не мог уменьшить при всем желании. Постепенно в наследнике развилась подозрительность (особенно по поводу того, что им управляют), в ней, помимо естественной тяги к самостоятельности, чувствуется отголосок школьных времен, когда опека воспитателей оказывалась зачастую мелочной, а потому непереносимой. Отметим, что все эти годы наследник престола напряженно искал свое место в не слишком гармоничном мире взрослых, этот поиск был особенно труден для будущего монарха, человека, у которого на долгие глубокие раздумья всегда оказывалось недостаточно времени, а потому в его действиях часто преобладали первые впечатления, первые движения души.

Пока же в июне 1839 года наш герой вернулся в Россию, и Николай I счел необходимым более серьезно приобщить его к государственной деятельности. Александр Николаевич стал членом Государственного совета, а с 1840 года обязательно присутствует на заседаниях Комитета министров. В апреле этого же года состоялась его помолвка с принцессой Марией, их свадьба была сыграна через год в Большой церкви Зимнего дворца. У молодой четы появился свой двор, на первых порах заметно отличавшийся от «большого двора», в первую очередь, простотой, отсутствием сложного и обязательного церемониала. На ежедневных вечерах у «молодых» (зимой — в Зимнем дворце, летом — в Александровском Царскосельском) господствовали веселье и непринужденность: занимались чтением вслух, музицировали, играли в вист и другие карточные игры. Царственная чета жила счастливо, во всяком случае, до коронации у Александра Николаевича и Марии Александровны родилось две дочери и шесть сыновей¹⁰. Однако одной из самых раздражающих черт идилий было и остается то, что они не могут длиться вечно, впрочем, в противном случае, их называли бы как-нибудь иначе.

С каждым годом досуг наследника сокращался как воспетая Бальзаком шагреновая кожа. Постепенно он становится членом Финляндского комитета, Комитета министров, Кавказского комитета, канцлером Александровского университета в Финляндии, членом Комитета по постройке моста через Неву и Петербургско-Московской железной дороги, председателем секретных Комитетов по крестьянскому делу в 1846—1848 годах. Кроме того, с 1842 года Александр Николаевич начал постоянно замешать отца во время отъез-

да того за границу или путешествий императора по России. Скажем, в 1846 году, отправляясь в Палермо на очередной съезд глав Священного союза, Николай I облек старшего сына такой властью, что за границу высылались только такие проекты указов, которые требовали исключительно высочайшей подписи, да мемории Государственного совета. Цесаревич сделался вторым главой государства, но временная передача ему самодержавной власти была проведена столь секретным циркуляром, что оставляла в полном неведении даже членов Сената. Подобная секретность, столь свойственная «закрытым» государствам, зачастую приводила к неприятным накладкам, но постепенно высшая бюрократия привыкла к тому, что в стране существуют как бы два одинаково важных для нее хозяина. Кстати, именно за отправление высшей государственной должности в 1848 году наследник получил свой первый орден — Святого Владимира I-й степени.

Его роль в управлении государством в эти годы становится настолько значительной, что ее не могли не заметить иностранные наблюдатели. Английский посол в Петербурге лорд Кланикард докладывал своему правительству о том, что «в России как будто правят два императора». В 1850 году наследник впервые принял живое участие в разрешении вопроса большой государственной важности. По инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева капитан Невельской заложил в заливе Счастья на Дальнем Востоке крепость Петровское зимовье, а в устье Амура основал укрепленный Николаевский пост (ныне город Николаевск), взяв под покровительство России местное население. На заседании Комитета министров, посвященном этому вопросу, государственный канцлер (глава внешнеполитического ведомства) Нессельроде, военный министр Чернышев, министр внутренних дел Перовский и министр финансов Вронченко высказались против присоединения к империи территории в устье Амура. Они мотивировали свое решение тем, что на эти земли претендуют Китай и в случае возникновения военных столкновений с ним Россия окажется в затруднительном положении ввиду отдаленности спорных территорий. Муравьев же доказывал, что Китай присутствует в данном регионе только номинально и что Невельской упредил захват этих стратегически важных для России земель англичанами. Александр Николаевич, прочитав секретный доклад Муравьева и переговорив с ним лично, поддержал мнение генерал-губернатора, санкционировав тем самым присоединение к империи значительной части Приморского края.

Во многих исследованиях с непонятным удовлетворением отстаивается тезис о том, что до кончины Николая I наследник ничем не проявил себя как реформатор, полностью разделяя отцовскую систему взглядов. Даже в Секретных комитетах по аграрному вопросу он выступал с позиций противника перемен, сопротивляясь минимальным сдвигам в крепостной деревне — четкому определению размеров повинностей крестьян в пользу помещиков (эту меру одобрил даже император, которого трудно заподозрить в антидворянских настроениях). Все это верно, но любопытно, а как в условиях принципиально устойчивой политики Николая I цесаревич мог проявить свои преобразовательные устремления, если бы они у него и были? Скорее же всего, что в 1840-х годах Александр Николаевич вовсе не стремился к реформам, что опять-таки не удивительно, поскольку он не только вырос как государственный деятель в недрах николаевской системы, но и до поры искренне верил в ее жизнеспособность и необходимость для России. Похоже, что работа историков, о которых мы говорили чуть выше, является правотой чисто формальной.

Истинное лицо руководителя государства познается не по тому, готовит он или не готовит перевороты и пертурбации существующей системы, а по тому, умеет ли он извлекать уроки из функционирования этой системы, может ли он, используя сильные и отбрасывая слабые стороны системы, направить развитие страны к лучшему. Нет никаких оснований полагать, что великий князь на все смотрел глазами своего отца, был его слепым подражателем, не видел проблем, стоящих перед страной. Правильнее было бы предположить, что он не знал путей разрешения этих проблем, и пока лишь смутное чувство, что не все благополучно в отечестве, начинало тревожить наследника престола, становясь с годами все более отчетливым. Оно особенно усиливалось в годы войн, когда стране приходилось прикладывать сверхусилия, чтобы одержать победу над противником или хотя бы сохранить свое лицо.

Александр Николаевич, как уже отмечалось, любил армию и военные занятия, но отнюдь не жаловал войны. Не то чтобы он был пацифистом и отрицал вооруженные столкновения с высоких идейных позиций. Нет, но по его мнению, войны стали стоять слишком дорого, ведут к неоправданным человеческим и материальным потерям, разрушают финансовую систему, а кроме того, портят саму армию, нарушая заведенный в ней порядок. Так уж получилось, что, несмотря на нерасположенность нашего героя к войнам,

они сопровождали его всю жизнь, с юности до последних лет правления. Империя в XIX веке продолжала «округлять границы», и самодержец не находил в себе сил противостоять этому процессу. Впрочем, две первые свои войны Александр Николаевич встретил, будучи еще цесаревичем, причем оба этих вооруженных конфликта заканчивать пришлось именно ему (имеются в виду Кавказская и Крымская войны), хотя начинал их совсем не он.

В первой половине XIX столетия Кавказ являлся в этническом, культурном, языковом, религиозном и экономическом отношениях территорией весьма пестрой. Был он к тому же страной еще и беспокойной; из Осетии и Кабарды, Чечни и Дагестана совершались постоянные набеги на «старые» российские земли (земли, давно присоединенные к России). Гордое и воинственное население Северного Кавказа, говорившее почти на сорока языках и находившееся в соседстве с Россией, угрожало ее спокойствию, да к тому же являлось постоянным союзником Турции и Персии.

В 1828 году в ответ на попытки Петербурга подчинить себе горские народы мулла Мухаммед призвал правоверных объявить джихад (священную войну) России. Империю влекли на Кавказ чисто стратегические соображения (соединение с Закавказьем, уже принявшим русское подданство, возможность угрожать Турции и Персии, усиление влияния Англии в Малой Азии), никаких иных выгод она здесь найти не надеялась. В конце 1820-х годов Дагестан, Чечня и другие территории этого региона приняли некую разновидность ислама, получившую название «мюридизм». Смысл мюридизма состоял в соединении идеи духовного самосовершенствования с идеей священной войны против неверных. Иными словами, духовное совершенствование, приобщение к числу «избранных» легче и проще всего достигались в ходе военных действий за правое дело. Истинным путем спасения («тарикутом») могли следовать только люди, проникшиеся сознанием и верой в величие Бога, а также убежденные в ничтожестве земной жизни. Кровь, пролитая за Него, заслуживала большей награды, чем месяцы поста или молитв. Падшего на поле боя ждал истинный рай, удовлетворявший всем желаниям человека.

Наиболее напряженный и упорный характер война на Кавказе приняла, когда в 1834 году во главе горцев встал Шамиль. Именно при нем Дагестан и Чечня объединились в единое государство — имамат, в котором вся полнота светской и духовной власти принадлежала имаму Шамилю. Ему удалось создать единую государственную казну, куда все жи-

тели имамата были обязаны вносить 1/10 часть своих доходов. Шамиль уничтожил работорговлю, ввел единый арабский язык, признанный государственным, заменил традиционное право шариатом. Опираясь на помощь Турции и Англии, горцы получили современное вооружение, научились создавать укрепления по последнему слову военной науки.

Шамиль объявил мобилизацию в армию всех мужчин в возрасте от 15 до 50 лет, которые должны были ежедневно упражняться в ружейной стрельбе и верховой езде. Войска горцев были разбиты на десятки, сотни и тысячи, а главную силу в них составляла легкая конница. В некоторых кампаниях против русских войск число воинов Шамиля доходило до 30—40 тысяч человек. В течение четверти века имамат упорно сопротивлялся попыткам присоединить Северный Кавказ к империи. Подвижные, привычные к действиям в горах, его войска легко укреплялись в неприступных местах. Правда, в 1837 году, после ряда поражений Шамиль был вынужден признать российское подданство, но через год он снова поднял восстание. Клятва, данная «неверным», не имела ценности в глазах истинно верующих.

Трудное для России положение сложилось в этом регионе в годы Крымской войны. В 1853 году весь Восточный Кавказ представлял собой мину замедленного действия, но Шамиль упустил момент наивысшего воодушевления подданных имамата. Решившись приступить к активным действиям только в 1854 году, он, правда, доставил царским войскам массу неприятностей и в июле, и в октябре этого года. Однако пыл горцев постепенно, но заметно начал остывать, а Турция с Англией не смогли оказать им ожидаемой поддержки.

После подписания Парижского мирного договора Россия получила возможность сосредоточить на Кавказе 200-тысячную армию, и положение Шамиля стало безнадежным. Тем более что дух населения, религиозный фанатизм, вера в мудрость имама заметно сходили на нет.

Борьба горцев безусловно носила национально-освободительный характер. Эмиграция 493 тысяч адыгов, абхазов и представителей других национальностей в Турцию под давлением русских войск стала подлинной трагедией. Решать вопросы соседства разных национальностей силой оказалось опасно и ненадежно. С другой стороны, религиозный фанатизм, нетерпимость к «неверным», свойственные мюридизму, не несли в себе творческого начала и не помогали решению задач, стоявших перед народами Кавказа. Изоляция от соседей, воспитание ненависти к инаковерующим не явля-

лись путем к созданию подлинно цивилизованных отношений между людьми.

Боевое крещение нашего героя произошло в годы Кавказской эпопеи и выразилось в случайной схватке с чеченцами в октябре 1850 года около крепости Ачхой. Вблизи воспетого Лермонтовым Валерика наследник заметил отряд неприятеля и тотчас поскакал к нему, увлекая за собой свиту, казаков конвоя и приданную конвою артиллерию. Чеченцы, выстрелив по Александру Николаевичу, бросились бежать, но были окружены превосходящими их силами русских. Оружие командующего чеченским отрядом, убитого в коротком столкновении, преподнесли наследнику престола. Наместник Кавказа князь Воронцов, сопровождавший высокоую персону в поездке по краю, ходатайствовал перед императором о награждении отличившегося наследника (поступок которого, по правде говоря, был достаточно безрассудным) крестом Святого Георгия 4-й степени. Александр Николаевич получил награду, будучи еще на Кавказе, из рук своего старого знакомого Паткуля, специально посланного Николаем I с этим приятным поручением.

Наш герой тогда и представить себе не мог, что кавказская бойня, начавшаяся в 1810-х годах, растянется до середины 1860-х, унесет десятки тысяч жизней, заставит сосредоточить на Кавказе целую армию, которую, правда, будут по-прежнему стыдливо называть Кавказским корпусом. Только в 1859 году удастся пленить руководителя и вдохновителя горцев имама Шамиля (но и это, как мы знаем, не стало окончательным решением вопроса. Вряд ли у подобных вопросов вообще существует чисто военное решение). По распоряжению ставшего к тому времени императором Александра II к пленному имаму относились как к главе иностранного государства (почетный конвой, осмотр достопримечательных мест России и т. п.). По пути к новому месту жительства, в Калугу, Шамиль встретился с Александром II в Чугуеве, близ Харькова, где в честь почетного пленника состоялся военный парад.

Хорошо понимая, как тяжела участь вождя горцев, император отнесся к поверженному противнику по-христиански доброжелательно и даже разрешил ему взять с собой в Калугу родных и слуг (всего 22 человека). Доброта — такое качество характера, которое обычно не тускнеет с годами. Стоит отметить, истины ради, что нашим героем руководила не только приверженность христианской морали, скорее всего, у него просто не оставалось иного выхода. Смерть Шамиля в бою или на эшафоте превращала имама в свя-

шенный для горцев символ; прощение или высылка за границу делала бы его источником постоянной опасности для империи; оставалось одно — Шамиль как заложник мира и спокойствия на Северное Кавказе. Его плен был достаточно комфортабелен и необременителен: содержание имама и его родных брало на себя правительство России. Позже ему даже разрешили совершить два хаджа в Мекку (во время второго из них Шамиль умер, и похоронен в Медине). Его старший сын Кази-Магома со временем сделался турецким генералом, воевал против России в 1877—1878 годах и прославился своими зверствами во время боев на Кавказе. Средний сын Магомет-Шафи поступил в русскую кавалерию, стал примерным воином и достиг генеральского чина, оставаясь в глазах однополчан добрым малым и умелым командиром. Как бы то ни было, после пленения Шамиля Александру II удавалось в течение следующих десятилетий удерживать мир на Северном Кавказе.

Крымскую войну 1853—1856 годов Александр Николаевич встретил в звании главнокомандующего гвардейским и гренадерским корпусами. В продолжение всего 1854 года царевич был главным помощником императора в деле обороны российских рубежей, умножения ее боевых сил. Когда гвардия выступила в крымский поход, она была заменена в Петербурге резервистами и запасными частями, сформированными под непосредственным наблюдением Александра Николаевича. Он же отвечал за защиту балтийского побережья от Выборга до Нарвы. Многочисленные заботы и хлопоты наследника не могли скрыть от него того тяжелого положения, в которое попали русские армия и флот в Крыму. Высадка франко-английского экспедиционного корпуса на полуострове, поражение русских войск на реке Альма, осада крупнейшей на Черном море военно-морской базы — Севастополя, безуспешные попытки разблокировать его, гибель Черноморского флота — показали всем и каждому непригодность крепостнической России к ведению современных войн. В который уже раз война сыграла для нашей страны роль индикатора уровня развития империи в сопоставлении с Западом, послужила способом проверки собственной экономики, армии, устойчивости социально-экономического строя, финансовой системы и других сфер жизни государства.

Героизм защитников Севастополя, их многомесячная борьба с превосходящими силами противника лишь подчеркнули отставание николаевского государства от развитых стран Европы. Наследник понимал, что ситуация складыва-

лась катастрофическая, но насколько она ужасна, он узнал из докладов товарища (заместителя) военного министра Д. А. Милютина. К этому человеку Александр Николаевич начал присматриваться в ходе Крымской войны и, судя по всему, примерял его к посту военного министра (то, что Долгорукова придется уволить с этого поста после окончания военных действий, наследнику было совершенно ясно).

Основные положения докладов Милютина говорили о следующем. Огромная держава, сражавшаяся с 70—90-тысячным экспедиционным корпусом двух европейских государств, к 1856 году исчерпала прежде всего... людские ресурсы. Нет, никакой демографической катастрофы в России не произошло. Просто ее армия и флот насчитывали к тому времени 2 миллиона человек, что составляло примерно 3% от общего количества жителей страны. Как показывают исследования специалистов, для крепостнической державы эта величина являлась предельно допустимой, поскольку дальнейший рост вооруженных сил грозил острым экономическим и социально-политическим кризисом. Понятно, что вся российская армия не могла быть использована в Крыму, значительная ее часть охраняла границы империи, а кроме того, воинские гарнизоны были расположены внутри страны, дабы охранять покой в городах и деревнях России.

В 1856 году империя исчерпала не только людской потенциал, но и запасы оружия. Из миллиона с лишним ружей, хранившихся в арсеналах, осталось только 30 тысяч, остальные вышли из строя во время боев или остались на полях сражений. То же самое произошло и с артиллерией: из 1656 полевых орудий крымская армия могла рассчитывать только на 263. В том же году в России было произведено 300 тысяч пудов пороха, но только оборона Севастополя требовала 250 тысяч пудов, и это при том, что на 8—10 выстрелов неприятельской артиллерии русские канониры отвечали одним-двумя. К этому следует добавить явную опасность финансовой катастрофы, рубль стремительно терял силу. В результате дефицит бюджета России, который в 1845 году составлял 14,5 миллиона рублей, вырос в 1856 году до 307 миллионов рублей — страна находилась на грани военного и финансового краха. Участвуя во всех совещаниях на высоком уровне, наследник собирался чуть позже подробнее обсудить с министрами экстренные меры для спасения Севастополя и выхода страны из кризиса, но эти консультации пришлось отложить из-за трагического для империи и царской семьи события.

18 февраля 1855 года неожиданно для всех скончался император Николай I. Внезапность его кончины породила устойчивую легенду о том, что он не выдержал позора крымского поражения и принял яд. По слухам, циркулировавшим в Петербурге, яд самодержцу, по его же требованию, дал лечивший Николая Павловича доктор Мандт. Опасаясь за свою жизнь, он позже был вынужден навсегда покинуть Россию, что еще более усугубило подозрения публики. На самом деле все, видимо, обстояло гораздо проще. Император, заразившись гриппом и понадеявшись на свое все еще крепкое здоровье, больным отправился прощаться с гвардейскими полками, отбывавшими на фронт. Простуда перешла в воспаление легких, от отека которых он, безусловно, подтачиваемый мыслью о грустном завершении своего царствования, скончался.

Чего стоили наследнику болезнь и смерть отца, свидетельствует его речь в Государственном совете, произнесенная сразу же после вступления на престол. Обратив внимание членов Совета на самоотверженное служение Николая I России, Александр Николаевич сказал: «В постоянных и ежедневных трудах его со мною он говорил мне: “Хочу взять все неприятное и все тяжелое, только бы передать тебе Россию устроенную, счастливою и спокойною...”. Я отвечал ему: “Ты — мы всегда говорили друг другу “ты” — ты, верно, будешь и там молиться за твою Россию и за дарование мне помощи”. “О, верно, буду”, — отвечал он. В этой надежде и уповании на помощь Божию, на которую я всегда надеялся и надеюсь, я вступаю на родительский престол...». Александр Николаевич не читал, а просто рассказывал это собравшимся со слезами на глазах, что называется, делился своим огромным горем. Плакали и все присутствующие...

Последние разговоры монарха со старшим сыном известны историкам в двух вариантах. Согласно первому из них, император сказал Александру Николаевичу: «Сдаю тебе команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот». В другой редакции слова Николая I звучат несколько иначе. «У меня было две мысли, два желания, — будто бы говорил он, — и ни одного из них я не смог исполнить... Первое: освободить восточных христиан из-под турецкого ига; второе: освободить русских крестьян из-под власти помещиков. Теперь война и война тяжелая, об освобождении восточных христиан думать нечего, обещаю тебе освободить русских крепостных крестьян».

Второй вариант разговора отца и сына мог служить развитием первой беседы, но что-то мешает поверить в это.

Может быть, излишняя литературность записанной речи, может быть, то, что в нем чересчур точно предугаданы главные деяния Александра II: отмена крепостного права и освобождение балканских народов из-под власти Османской империи. Создается впечатление, что Александр Николаевич всю оставшуюся жизнь трудился исключительно ради того, чтобы выполнить предсмертную волю покойного родителя. Вряд ли вообще последние слова Николая I, при всей их важности для его первенца, послужили ускорителем процессов, происходивших в России с конца 1850-х и до 1870-х годов. Скорее хорошо знакомое всем поколениям россиян настроение: «Так дальше жить нельзя!» — охватило в середине 1850-х годов широчайшие слои общества, что в совокупности с военно-экономическим и внешнеполитическим кризисами и решило дело.

Начиная с 1854 года в империи наступила эра «рукописного безумия» — на публику обрушилась лавина как подписанных, так и анонимных записок, авторы которых внимательно анализировали положение в стране и страстно критиковали правление Николая I. Одним из зачинателей рукописного жанра в публицистике 1850-х годов стал историк М. П. Погодин, пустивший по рукам свои «Письма о Крымской войне». «Медлить нечего, — говорилось, в частности, в них. — Надо приниматься и вдруг за все: за дороги... за оружейные, пушечные, пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочие не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, деньги, финансы, за все, за все».

С этими «Письмами...», появившимися в конце 1854 года, успел ознакомиться император Николай I, который нашел в себе мужество объявить их автору благодарность и признать, что снизу, оказывается, иногда видно лучше, чем сверху. С публицистическими записками Кошелева, Самарина, Валуева, Мельгунова, Кавелина, Чичерина и другими знакомился уже новый император — Александр II¹¹. Он соглашался с их основными выводами, но, думается, ему было горько оттого, что он ничем не может защитить память отца. Действия в стиле небезызвестного полковника Скалозуба ему претили, а по существу возразить авторам записок было нечего.

«Наследство» нашему герою досталось действительно тяжелое: сбившаяся с ритма система управления государством, финансовый кризис, неразбериха на транспорте, брожение в

обществе, разраставшиеся слухи о «воле» среди крестьянства, а главное, проигранная, но неоконченная война. К войскам Англии, Франции, Турции в любой момент могли присоединиться армии Австро-Венгрии, Швеции, Испании и даже Сардинии. Кроме папы римского, которому проявление миролюбия положено по статусу, только Неаполитанское королевство обнаружило дружеское расположение к России и то лишь потому, что боялось экспансии Франции и готово было поддерживать тесные контакты с любым ее противником. Международная изоляция страны, угроза низведения ее до уровня второстепенной державы — вот что являлось наибольшей угрозой для Петербурга, сильнее всего било по самолюбию властей и общества.

Однако поначалу и в этих грозных условиях Александр Николаевич не собирался складывать оружия. 28 августа 1855 года русские войска оставили южную часть Севастополя, взорвав пороховые склады и затопив последние корабли Черноморского флота. 349-дневная осада города закончилась, унеся более 100 тысяч жизней россиян. В ознаменование героизма защитников города была выбита специальная медаль, а военнослужащим — защитникам Севастополя — месяц осады был засчитан за год службы. По распоряжению нового самодержца в Николаев прибыли великие князья Константин и Николай Николаевичи, а 13 сентября 1855 года — и сам император вместе с братом Михаилом. В тот момент, когда англо-французский флот курсировал под Одессой, а десант союзников высадился под Очаковом, Александр II прибыл в Крым, чтобы ознакомиться с положением дел и принять окончательное решение о дальнейших шагах руководства России. Проще говоря, монарх размышлял о том, есть ли смысл продолжать Крымскую кампанию. Именно эта поездка убедила его в полной невозможности не только выиграть, но и просто продолжать войну.

В очень непростых условиях, сложившихся в начале его царствования¹², Александр Николаевич держался уверенно и внешне спокойно. Американский дипломат А. Уайт так характеризовал российского монарха: «Он был высок, как все Романовы, красив и держался с большим достоинством, но у него гораздо меньше величественности и полностью отсутствует неуместная суровость отца». Может быть, Александра II поддерживало предчувствие близких, пусть и трудных, но необходимых стране перемен? А может быть, он радовался тому, что лед безгласия и бесправия общества трещал и начинал ломаться? Чувствовал это не только монарх. Очевидец

событий, происходивших в середине 1850-х годов, свидетельствовал: «...отъявленные крепостники готовы были согласиться на большие пожертвования и на всякое, самое для них убыточное прекращение крепостного состояния, лишь бы освободили их от страха, возбуждаемого в них возможностью провозглашения вольности при вторжении врагов в наши пределы». В скобках заметим, что подобные настроения быстро испарились у помещиков после заключения Парижского мирного договора между Россией и воевавшими с ней союзниками.

Передовая часть общества тем временем внимательно присматривалась к новому монарху, ожидая от него, как это обычно бывает при переменах на престоле, чего-то чудесного и сверхпрогрессивного. Кое-кому взошедшее «святило» виделось при этом совершенно без темных пятен. «На Александра Николаевича, — писал известный либерал-западник К. Д. Кавелин, — нельзя смотреть без участия и сожаления... Он исполнен лучших намерений (интересно, откуда Кавелин мог это знать? Или он просто на это надеялся? — Л. Л.) и держит себя очень хорошо... Любовь к царю растет видимо... Признаюсь... что доброта и чистосердечие царя и меня начинают побеждать и привязывать к нему лично». Кавелину вторил глава семейного клана славянофилов С. Т. Аксаков: «Мы на каждом шагу видим, что государь хочет правды, просвещения, честности и свободного слова... Едва веришь, что наступает время, в которое честному человеку можно будет говорить без страха».

Наивно было бы предполагать, что грядущие перемены совершенно не страшили Александра II или что у него имелся готовый и подробный план глобальных преобразований. Проблема крепостного права была слишком сложной, чтобы к ее решению можно было относиться без опасений. Да и чисто политические вопросы, особенно установление диалога между властью и обществом, являлись для империи проблемами абсолютно новыми. Вообще-то этот вопрос был не менее назревшим, чем отмена крепостного права, но к его решению до Александра II никто из монархов так и не пытался приступить. Однако новый самодержец верил в себя и в Россию, в конце концов, он просто не имел возможности отступить, выбрать какие-то менее радикальные варианты решений. Его долг главы нации призывал действовать осмотрительно, но смело и быстро. Трудности, как известно, ломают слабых, сильных же заставляют с утроенной энергией бороться с ними. Россию же никто и никогда слабой не считал.

МОНАРХ В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОНАРХ

Автор прекрасно сознает, насколько неуместны в историко-биографических книгах академические отступления, неизменно пугающие читателя специальной терминологией, суховатостью стиля и вообще ломающие своим многоумием ткань повествования или, если брать наш случай, рвущие нить разговора. Осознавая все это, автор тем не менее полагает, что порой отступления совершенно необходимы для лучшего понимания эпохи в целом и отдельных ее сюжетов в частности. Единственное, чем он может немного порадовать читателя, а заодно и успокоить свою совесть, заключается в том, что противники подобных отступлений спокойно могут пропустить их, следя за перипетиями судьбы нашего героя. Внимательные же, тем более дотошные читатели увидят, что отступлений в нашем разговоре встретится всего лишь три, и каждое из них будет, по возможности, небольшим.

Проблема «Монарх как психологическое и теологическое явление» — слабо разработана и в психологической, и в философской, и в исторической литературе, а потому нам ничего не остается, как погрузиться в мир «голой» эмпирики. Для читателя это может быть даже более интересным, поскольку историческая практика чрезвычайно богата, занимательна, поучительна, несмотря (а может быть благодаря) своей дву-, а то и трехзначности. Человек, любящий и привыкший размышлять над историческими событиями, проводить временные параллели, искать замысловатые аналогии, всегда отыщет в историческом материале подтверждения своим раздумьям и построениям. Правда, его оппоненты с необыкновенной легкостью проделают то же самое, но ведь в споре рождается не только истина, но и происходит становление нас самих, как людей мыслящих. Поэтому давайте думать и спорить...

Вряд ли для кого-то является большим откровением то, что одна из главных причин особенности исторического лица России заключается в своеобразии ее государственности. У российского самодержавия имеются глубокие и весьма разветвленные корни, многие из которых сходны с западноевропейскими аналогами, другие же относительно специфичны. Для лучшего понимания предмета разговора напомним о главных этапах становления этого института власти, а также об основных чертах его характера. Начнем с того, что Древняя Русь, как и многие другие государственные объединения того времени, была «государством силы». Создавае-

мый ее населением прибавочный продукт господствующему слою приходилось изымать насильно, да и война, вперемежку с регулярными грабежами ближних и дальних соседей, долгое время сохраняла статус своеобразного «средства производства».

В результате глава Древнерусского государства становился в первую очередь защитником и добытчиком, а потому вершителем судеб, средоточием полезной для населения власти. Экономическая значимость княжеского «стола» наряду с военной, полицейской, судебной и т. п. значимостью, умение князей удовлетворять нужды господствующего (и не только господствующего) слоя населения тормозили развитие системы самостоятельного крупного феодального землевладения, то есть образование российской аристократии — политического и экономического противовеса княжеской, а позже царской власти. Строй, сложившийся в Древней Руси, ученые называют «властью-собственностью», а если проще, то таким строем, при котором князь являлся не только главой государства, но и самим этим государством (его землями, казной и т. п.).

Позже, в Московском царстве, частное землевладение также никогда не было ведущей формой земельной собственности. Земельные угодья оставались во владении государства, а все население считалось «держателем» земли, обязанным платить за это налоги и выполнять определенные повинности. Социальный строй, таким образом, оказывался своеобразной иерархией «держателей». Долгие века крестьяне сел и деревень, принадлежавших боярам, монастырям или дворянам, видели в них не полноценных хозяев вотчин и имений, а лишь «высших арендаторов», которым они по воле царя обязаны платить оброк или исполнять барщину.

Политический вес главы Русского государства значительно вырос в период монголо-татарского ига. Роль «хранителя земли» и ее освободителя от чужеземного гнета помогла московским князьям стать собирателями огромного царства. В результате завоевания Руси монголами и господства в ней Золотой Орды изменились и отношения между великими князьями и боярством; умерло право подданных менять сюзерена, отошла в прошлое самостоятельность земель и княжеств, гордых и относительно независимых бояр стало теснить служилое, а потому более зависимое от князя дворянство — вассалитет успешно вытеснялся подданничеством. Особенно усилились элементы деспотизма власти в годы правления Ивана IV Грозного, когда проблема подконтрольности трона обществу или подчинения общества трону бы-

ла окончательно решена в пользу последнего. Тогда же главной опорой монархии безоговорочно становится служилое дворянство, выполнявшее роль как военной силы, так и средневековой бюрократии.

В те же годы утверждается новый, чиновный принцип строения правящей группы служилого сословия. Из общей массы дворян выделяется ее московская верхушка. Лишенная связи с уездным дворянством, она жестко проводит политику самодержавия, вопреки сословным интересам самого же дворянства. Сходные процессы протекают и в среде купечества, где образуются свои привилегированные слои «гостей». Иными словами, развитие сословий в России шло не по линии их консолидации, а по линии все большего дробления на чины. Это приводило к утрате ими способности отстаивать перед верховной властью особые социально-политические интересы, а значит ко все большему возвышению трона.

XVII и XVIII века привнесли в этот процесс новые краски, но не изменили его сути. Во времена Алексея Михайловича самодержавие и «вся земля» уже не находятся в состоянии, пусть и неустойчивого, но равновесия. Сословия продолжают дробиться на московское и уездное дворянство, детей боярских и дворянство, «лучших», «средних» и «худших» горожан, что продолжает усиливать власть царя. Окончательную форму эти процессы принимают в правление Петра I, реформы которого способствовали безвозвратному превращению государя в абсолютного монарха, а дворянства — не просто в служилое сословие, но в сословие, служащее именно императору. В политической системе России единственным действенным элементом остается монархическая государственность. По справедливому замечанию польского историка К. Валишевского, начинания теперь могут идти и не от монарха, но его содействие необходимо даже в мелочах.

С другой стороны, личные качества властителей, восходивших на престол после Петра Великого, увеличивали зависимость верховной власти от столичного дворянства, бюрократии и гвардии. Все большее влияние начинают оказывать правления фаворитов: А. Д. Меншикова, Э. Бирона, А. И. Остермана, Шуваловых, братьев Орловых, Г. А. Потемкина, М. М. Сперанского, А. А. Аракчеева. В XIX веке царь фактически пребывал на вершине бюрократической пирамиды в одиночестве. По словам одного из историков, «учреждений, систематически помогавших ему в управлении страной и способных хоть в какой-то мере разделить с им-

ператором ответственность за результаты работы государственной машины, не существовало».

Позиции самодержавия чрезвычайно усиливала мощная поддержка его Православной церковью. Последняя часто представляла монарха чуть ли не живым божеством, приписывая ему особые качества и возможности. В данном случае, конечно, имелась своя постепенность событий. До XVI века цари рассматривались подданными, главным образом, как земные судьи, чья власть над людскими судьбами уподобляла их Богу, иными словами, правитель был равен Богу по праву судить и решать. Полного тождества между ними еще не существовало. Важным шагом на пути дальнейшего обожествления монарха стало наименование его царем, так как царский титул на Руси имел не столько иерархический и политический, сколько религиозный характер. Ведь этим титулом в священных текстах именовался Бог.

Поступки царей отныне делаются, в принципе, неподотчетными людям и не нуждаются в оправдании перед ними. В отношениях с подданными монарх начинает выступать как Божество, и лишь в отношениях с Богом еще проявляется его человеческая сущность (но эти отношения надежно спрятаны от посторонних глаз). Его коронование называется священным, так как сопровождается особым таинством — миропомазанием. В ходе него царь получал от Бога силу и мудрость для осуществления власти над государством. Обряд коронации имел настолько мистический и глубоко религиозный характер, что даже предметы, участвовавшие в нем (царские регалии) становились могучими символами. Корона знаменовала собой величие, венец; скипетр — справедливость, мудрость, милосердие; держава — владычество над землей; трон — возвышение над другими властями; порфира — покровительство подданным. Для сравнения скажем, что при всей огромности власти, которой обладал, к примеру, во Франции Людовик XIV, Католическая церковь, а значит, и подданные, считала его «правой рукой Церкви», «старшим сыном Церкви» и не более того. Уподобление короля Богу было возможно только в поэтических метафорах или даже придворной лести, но никак не в официальных церковных или государственных документах.

В России же с XVIII столетия императоры в проповедях и церковных текстах начинают называться кем-то вроде Христа. Скажем, во времена Александра II покушавшихся на его жизнь террористов сравнивали с Иудой, предавшим, как известно, Сына Божия. Став с XVIII столетия главой Православной церкви, монарх к своему, и без того уникально-

му, образу добавил еще и авторитет патриархов. После этого вряд ли стоит удивляться тому, что перед Екатериной II крестьяне, встречавшиеся ей во время поездки по Малороссии, норовили поставить свечи, как перед живой иконой; солдаты, отвечая на приветствие Николая I, крестились, как при звуках благовеста; железнодорожные сторожа, встречая поезд Александра II, крестились и клали земные поклоны, как будто имели дело не с привычным средством передвижения, а с чем-то сверхъестественным.

В XIX столетии события жизни царя не только продолжают пониматься и оцениваться по образу и подобию земной жизни Христа, но и начинают праздноваться в церквях, отмечающих эти события (рождения, совершеннолетия, женитьбы, рождения детей, дни ангела и прочее) торжественными молебнами и проповедями. Сакрализация монарха захватывала самые разнообразные сферы жизни страны: государственное управление, национальное самосознание, богослужение, культуру. По словам одного из исследователей, «...сферой приложения сил искусства и мысли был, в первую очередь, дворец, игравший роль и политического, и культурного центра... и храма монархии, и театра, на котором разыгрывалось великолепное зрелище, смысл которого заключался в показе мощи, величия, неземного характера земной власти...». Следует отметить, что монархов восхваляли не потому, что они были тщеславны, и не потому, что восхваляющие желали добиться для себя каких-то благ (вернее, не только поэтому). Как заметил французский историк Ф. Блюш: «Фимиам — средство национальной, а не только королевской пропаганды». Великолепие царского дворца, блеск царского двора являлись одним из неперенных условий возвеличивания нации и государства.

Религиозный взгляд на власть коснулся, естественно, и военных событий первой половины XIX века. Отечественная война 1812 года пропагандировалась Церковью и воспринималась народными массами, как продолжение извечной борьбы Христа и Антихриста. Разговор Александра II со знаменитым проповедником Иннокентием о Севастополе уподоблялся беседе Христа с Моисеем и Илией о Голгофе на Фаворской горе. Примеров подобного перенесения религиозных сюжетов на абсолютно мирские события можно привести достаточно много. Все они, однако, будут говорить об одном и том же — об укоренившейся привычке Церкви и россиян видеть в монархе Бога или, в крайнем случае, Сына Божия.

В создании и предощущении грядущего помазанничества воспитывались и наследники российского престола. Воз-

можно, не богословские хитросплетения и не уроки закона Божьего, а беседы с глазу на глаз царя с наследником из века в век формировали некую идею монархии, идею особого русского царства. Мы вряд ли сможем восстановить во всей полноте такие доверительные беседы, но тезисной расшифровке они, на наш взгляд, вполне поддаются. Речь, видимо, шла о том, что монарх смертен, но бессмертна идея монархии. Ради этой идеи, объединяющей нацию, люди готовы пойти на многие жертвы и подвиги, а потому монархия более абсолютна, нежели монарх. Самодержец царствует, то есть царит. Возможно, есть политические деятели более способные, но им не дано стать незаменимыми. Поэтому император и вынужден постоянно заботиться о славе, чести, репутации как своей, так и страны в целом, ведь эти понятия относятся не только к нему лично, но и к спасительной для государства идее монархии. И не только к ним, но и к единственно истинно христианской православной религии.

Он должен помнить, что любое проявление им чувств удесетеряется в глазах окружающих: вспыльчивость превращается в царский гнев, награда — в царскую милость, решение — в царскую правду. Искушение монарха гордостью, к счастью, смягчается христианством, ведь Божественное право налагает на него свои нелегкие обязанности. Император должен быть немногословен; он знает, насколько значительны его слова, и никогда не злоупотребляет речами. Современники сумеют понять каждое его слово, каждую интонацию, оценят короткие замечания монарха. В глазах же будущих поколений он останется своими деяниями и тем, как его изобразят современники событий, насколько поймут его и оценят.

Он обращается к прошлому не для того, чтобы избавиться от него, но чтобы отвести грядущие бедствия, сохранить память о династии и стране, выстроить преемственное будущее. Только для императора существует постоянная живая связь между прошлым и будущим и на этом строится его политика. Наверное, неправильно было бы после всего сказанного сомневаться в искренности слов Александра II, обращенных им в ноябре 1861 года знаменитому канцлеру Пруссии Бисмарку: «Во всей стране народ видит в монархе посланника Бога, отеческого и всевластного господина. Это чувство, которое имеет силу почти религиозного чувства, дает мне корона, если им поступиться, образуется брешь в нимбе, которым владеет вся нация». Понимание царя как Отца русского народа и помазанника Божьего, предполагало не только особый эффект, но и особую ответственность

монарха перед подданными. Царь, получая власть от Бога, тем самым не только получал санкцию на ее безмерность, но и брал христианские обязательства перед ведомым им народом. Даже в загробной жизни он нес ответственность за все неурядицы во вверенном ему государстве, и именно поэтому имел право на принятие полностью самостоятельных решений.

Положению российских монархов соответствует несколько определений, но одно из них представляется наиболее емким и убедительным — всеобъемлющая патриархальность. Причины удивительной живучести патриархальности заключаются в многозначности самого этого понятия. Оно является и исторической категорией, заключенной в определенные хронологические рамки, то есть преходящей, смертной, и содержит в себе некий универсальный смысл, а потому готово к возрождению в любую эпоху. Именно патриархальность в XIX веке (да и только ли в девятнадцатом?), как в частном, так и в государственных отношениях, вызывала в России драматические диссонансы, но она же неизменно восстанавливала гармонию, позволяла власти и обществу совершать необходимое некое нравственное и волевое усилие для установления нового компромисса между ними. Ее естественная замкнутость была притягательна потому, что не оставалась неизменной, пропитываясь духом новой культуры. Иными словами, патриархальность, в глазах многих и многих, являлась именно той прогрессивной постепенностью, по которой так тоскует человек, подсознательно опасющийся безоглядной ломки старого, бега вперед «сломя и очертя голову».

Отметим, что после Петра I традиционные опоры монархии: провозглашение монарха Богом на земле, система дворянской службы — дополняются идеями «общественного договора», «естественного права». Последние говорили о заключении определенного договора между обществом и властью, о гражданском долге или обязанности монарха перед подданными. Однако в России эти теории звучали нарочито туманно, ведь четко определенные условия или обязанности монарха устанавливали бы границы священной власти государя. Тем не менее, начиная с царствования Екатерины II, самодержавие утрачивало грубо-деспотические признаки. Российские монархи были озабочены тем, чтобы не давать повода для обвинения себя в «азиатчине», да и само время заставляло власть менять свое отношение к сословиям и вести поиски путей к установлению новых межсословных отношений. С необходимостью укрепления, обеспечения са-

модержавия более современной идеологией связано появление таких понятий, как «законная монархия», «народное самодержавие», «истинная монархия». Однако сознание земной вседозволенности и ответственности лишь перед Богом не покидало правителей России. Да и только ли в правителях, в их охранении своего всемогущества было дело?

Первый раздел первого тома Свода законов Российской империи начинается следующим определением: «Россия управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих... Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Государь был единственным законотворцем и автором законоподобных распоряжений. Согласно статье 51 Свода законов, «...никакое место или правительство не может иметь своего совершения без утверждения Самодержавной Власти». Иными словами, всемогущество монарха являлось одним из основных законов страны, и властители были обязаны строго его исполнять, если хотели считаться законопослушными гражданами.

Со второй половины XVIII века император, воплощая верховную власть внутри страны, одновременно превратился в одну из главных фигур на европейской арене. Расширение сферы его деятельности, с одной стороны, отвлекало его внимание от проблем внутренней жизни империи, а с другой — заставляло постоянно соотносить экономические системы и социальные структуры России и ведущих европейских государств и анализировать соотношенное. Иными словами, новое положение империи в Европе заставляло их вновь и вновь возвращаться к мыслям о состоянии собственной страны. Ведь только от верховной власти зависело решение насущных проблем государства, она (эта власть) долго являлась единственной политической силой в империи, способной реально оценивать и регулировать ситуацию в нужном направлении. Признавая за самодержавием преобладающую (до определенного времени) силу, нельзя не отметить ощутимого противоречия: эта сильная и по большей части умная власть имела недоброе обыкновение делать неверные (или неуверенные) шаги в самые критические моменты. Главной причиной такого противоречия было то, что в такие моменты монархи начинали прислушиваться не к здравому смыслу и не к законам естественного развития страны, а к инстинкту самосохранения, к голосу династического интереса. Полное отождествление себя (как династии)

и государства начинало играть с ними злую шутку, что печально сказывалось на состоянии империи.

Вообще же понятие монархической власти трудно определяемо. Видный русский юрист С. А. Котляревский писал: «Положение монарха часто имеет гораздо более глубокое историческое, чем юридическое обоснование. Правовые определения этой власти... только поверхностный слой, который накинута на веками отлажавшиеся плоды побед и поражений в борьбе с окружающими социальными силами, на отпечатлевшиеся привычки, верования, чествования». На языке юристов, всегда требующем пояснений, власть императора являлась крайней, чрезвычайной, последней и безответственной.

Первое означало право крайних решений в минуту особой опасности, которой подвергается страна. Такие крайние решения зачастую выглядели нарушением традиций, даже богохульством, но являлись необходимыми и, с точки зрения верховной власти, единственно возможными. Говоря словами одного из героев В. Гюго: «Да, я разорвал завесу алтаря, но я перевязал раны страдающего отечества». Государю принадлежало и право чрезвычайных, надправных решений там, где законы оказывались бессильны или несовершенны. По выражению одного из толкователей этого положения, «давая законы, Государь, очевидно, сам стоит выше законов, как его источник». Ему же принадлежало право последних решений в делах государства, что давало возможность устранить почву для внутригосударственных конфликтов, оставляя последнее слово за монархом. В действительности это право иногда, напротив, приводило к возникновению конфликтов, особенно в интересующем нас XIX веке. Наконец, государю зачастую приходится принимать безответственные решения (термин, как вы понимаете, не имеет ничего общего с легкомысленностью и самодурством), что не только не упрощало его деятельности, а усугубляло положение самодержца. Ведь безответственными эти решения были по отношению к обществу, но совесть самого монарха и его религиозные убеждения требовали строгого и нелицеприятного ответа.

Честно говоря, при всей видимой четкости юридических определений власти венценосца мне больше по душе слова короля российских адвокатов Ф. Н. Плевако, который, отчаявшись научно определить, что из себя представляет власть монарха, сказал: «Не прикасайтесь к Помазаннику Божию... Бывают минуты, когда Цари действуют подобно пророкам под высшим наитием Божества». Или более про-

заичное, но не менее точное замечание П. А. Столыпина: «Теория скоро перешла в верование, верование в догмат, догматы же трудно опровергать какими-либо рассудочными доказательствами». Не правда ли, эти слова более точно выражают и искреннее уважение к царской власти, и умную растерянность перед ее бескрайностью.

В XIX столетии одной из центральных идей, посвященных самодержавию, стала идея о его цивилизаторской, прогрессивной роли, которая возникла не на пустом месте. Ее разделяли не только ретрограды и консерваторы, но и люди либерального и даже радикального склада ума и образа действий. Прислушаемся, например, к А. С. Пушкину, который в свое время писал: «Не могу не заметить, что со времени восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образовательности и просвещения... правительство все еще единственный европеец в России. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависит стать во сто крат хуже».

Действительно, неограниченная монархия, как форма правления, имела много преимуществ для проведения преобразований: возможность быстрого принятия единоличных решений, непрерываемость обновлений или, наоборот, постоянства кадрового состава высшего чиновничества, подталкивание исполнительной власти в нужном самодержцу направлении, подчинение всех и вся поставленной задаче. Однако непричастность России к правовой государственности не означала, что проблема правовых действий автоматически снималась. Ее нерешенность усугубляла социальные противоречия, деформировала общественную жизнь, вызывала противодействие растущих политических сил. До поры до времени выручало то, что власть в России осознавала свои интересы прежде, чем общество спохватывалось о своих. Но вечно так продолжаться не могло.

ШАПКА МОНОМАХА

Теперь пришла пора вернуться к нашему герою и посмотреть, что ему лично принесла «шапка Мономаха», а прежде — насколько он был готов к вступлению на престол и действительно ли оказался одиноким «по определению», в силу занимаемого им поста. Начнем с того, что Александр II искренне верил в преимущества неограниченного правления. Он вполне мог бы разделить взгляды одного из самых умных и пылких защитников монархической государствен-

ности Л. А. Тихомирова, если бы основные труды последнего вышли на несколько лет раньше, и монарх мог бы с ними ознакомиться. Тихомиров, в частности, писал: «Династическая идея делает личность царя живым воплощением того идеала, к которому стремится нация». Далее он вычленил основные принципы монархической власти, которые нам будет бесполезно припомнить:

- самообладание;
- следование долгу;
- справедливость;
- соблюдение законности;
- сознание своей безусловной необходимости нации;
- осуществление назревшего и недопущение нации до роковых ошибок.

Понятно, что каждому из нас трудно сегодня вообразить себя реальным самодержцем, но никто не мешает нам оценить не только тяжесть власти, сложность задач, стоявших перед Александром II, но и груз надежд, которые возлагались на него. Не по себе становится от одних только определений качеств личности: вершитель судеб; гений нации; защитник справедливости, законности и прогрессивной эволюции — ведь их надо понимать в самом что ни на есть прямом смысле. Никаких послаблений, никакого отдыха и непрерывный самоконтроль, как необходимое дополнение к постоянному контролю со стороны окружающих. При том авторитете, которым обладал монарх, он должен был прежде, чем высказать свое мнение, обдумывать, кому какие слова можно или нельзя говорить. Он вообще всегда был должен. При всей своей независимости любой самодержец неизбежно попадал в полную зависимость от того положения, которое занял. Сказать, что ощущаешь себя при этом на сцене под лучами софитов, значит не сказать ничего. Это не сцена, не трибуна, не амвон — человека просто нет. Вместо него — образ, лик, на который истово молится вся страна, ожидая не реальных свершений, а чудес, возлагая не понятные надежды, а неразумные упования.

Фрейлина новой императрицы Марии Федоровны А. Ф. Тютчева (дочь знаменитого поэта Ф. И. Тютчева)¹³ сочувственно и со знанием дела писала о положении самодержцев: «Жизнь государей так строго распределена, они до такой степени ограничены рамками не только своих официальных обязанностей, но и условных развлечений, забот о здоровье, они до такой степени являются рабами традиций, что неизбежно теряют непосредственность. Все живое навсегда вычеркнуто из их жизни. Никогда они не имеют воз-

возможности с увлечением погрузиться в чтение, беседу или размышление. Им по часам надо быть на параде, в Сенате, на прогулке, на приеме, не считаясь с тем, что у них на уме или на сердце...»

Да, человек, вступающий на политическое поприще, перестает быть только самим собой и невольно пытается сделать то, чего от него требует характер занимаемой должности. В этом отношении ранг самодержца является одним из самых трудных и даже показательных в своей сложности. Сегодняшние политики во многом сами выстраивают ту стену, которая отгораживает их от всех, во всяком случае, они сами выбрали себе политическую стезю и, видимо, знали, на что идут. Да и стена-то эта зачастую выглядит чем-то игрушечным, искусственным, ненужным. У наследственных монархов положение было совсем другое. Им по укоренившейся традиции доставался тот образ правителя, который сложился в сознании народа веками, и вряд ли они могли что-то изменить в нем кардинальным образом. Тяжело и больно выдавливать из себя по капле раба, но каково выдавливать собственное «я»? А ведь Александр Николаевич не принадлежал себе задолго до того, как вступил на престол. В подтверждение этому можно привести следующий случай. Однажды во время заграничного путешествия, о котором речь шла выше, он сильно простудился. Среди сопровождавшей его свиты поднялся переполох, но каким странным был этот переполох! Генерал Кавелин вызвал к себе доктора Епихина и, грозя ему кулаком, кричал: «Чтобы завтра его величество было здоров! Если завтра его величество не выздоровеет совершенно, то я упеку тебя на гауптвахту здесь же в Копенгагене!» Интересно, в столице Дании действительно существовала гауптвахта для иностранцев, да и чем могло помочь больному заключение на нее доктора? Если бы такое средство помогало при недомоганиях, то врачами были бы заполнены не больницы, а исправительные учреждения.

Но что поделаешь, протокольные мероприятия срывались, разве здесь до здоровья наследника престола? Впрочем, простого человеческого сочувствия и не разбавленной государственными соображениями заботы великий князь или монарх и не может ожидать. Как у него не могут возникнуть и простые человеческие отношения с кем бы то ни было из окружающих (о неокружающих речь вообще не идет: как они могут, в принципе, общаться с монархом?) Слишком высок, важен и единствен ранг самодержца, чтобы занимавший его человек имел возможность откровенничать с министрами, придворными, друзьями юности. Для

них, как уже отмечалось, он был не столько реальной личностью, сколько символом нации и государства. Символ же не должен иметь человеческих слабостей и пристрастий, с ним не ищут дружбы, ему поклоняются, перед ним заискивают, его уважают и чтят.

Маркиз де Кюстин, не преминувший заметить данное обстоятельство, писал в 1839 году: «Мое путешествие по России началось как будто уже в Эмсе. Здесь я встретил наследника, великого князя Александра Николаевича, прибывшего в сопровождении многочисленного двора в 10 или 12 каретах. Первое, что бросилось мне в глаза при взгляде на русских царедворцев... было какое-то исключительное подобострастие и покорность. Они казались своего рода рабами, только из высшего сословия... Впечатление было таково, что в свите царского... наследника господствует дух лакейства, от которого знатные вельможи столь мало свободны, как их собственные слуги. Это не походило на обыкновенный дворцовый этикет, существующий при других дворах... Нет, здесь было худшее: рабское мышление, не лишённое в то же время барской заносчивости».

Лакейство идет рука об руку с доносительством, желанием проникнуть в чужую жизнь и мысли, с головокружительными и жалкими интригами. Не удивительно, что ко времени восшествия на престол Александр II оказался под неусыпным ежеминутным контролем. Знаменитый анархист князь П. А. Кропоткин, учившийся в Пажеском корпусе и одно время близкий ко двору, вспоминал: «Система шпионства, практиковавшаяся во дворце, а особенно вокруг самого императора, покажется совершенно невероятной непосвященным... По свидетельству чиновника III отделения: «Слова и мнения Его Величества должны быть известны нашему отделению. Разве иначе можно было бы вести такое важное учреждение, как государственная полиция? Могу вас уверить, что ни за кем так внимательно не следят в Петербурге, как за Его Величеством». В данном случае, как вы понимаете, речь идет не о безопасности монарха, не о выслеживании «врагов отечества» и раскрытии их коварных замыслов, а о пошлой слежке за каждым шагом императора и вынюхивании его отношения к окружающим, улавливании каждого его слова. Находиться «под колпаком» собственной тайной полиции — положение унижительное, но, видимо, привычное для власть имущих, неотъемлемое от той роли, которую они играют.

Привычно было и другое. По словам знакомой нам А. Ф. Тютчевой, «государи вообще любят быть объектами

любви, любят поклонение, с чрезмерной важностью верят в культ, который внушают. Поэтому их доверие легче приобрести лестью, притворной привязанностью, чем привязанностью подлинной... Искреннее чувство может показаться им неудобным: оно внушает им недоверие, тогда как чувства неискренние и официальные легко идут на всякого рода уступки и... снисхождения». Справедливо указав на слабости самодержцев, фрейлина не права лишь в одном. Слова «любят» или «не любят» предполагают выбор, который якобы существует у монарха. Но человеку, с детства воспитанному в определенном духе, не видевшему никаких других отношений, кроме почитания, угодничества, преклонения, трудно, если не невозможно представить себе, что общение между правителем и подданными может быть иным. Мир перевернутых человеческих отношений диктует свои правила игры, и хорошо, если носитель верховной власти смирился с этими правилами. В таком случае он, может быть, будет страдать, мучиться, но имеет возможность утешить себя тем, что «так надо», «не нами заведено» и к тому подобному замусоленными, но успокоительными сентенциями.

С каким же «багажом», с какими ощущениями вступал на престол наш герой? Большинство историков на редкость единодушно утверждают, что участие Александра Николаевича в бытность его наследником престола во всех отцовских учреждениях мало что дало ему как государственному деятелю. Подобные учреждения вряд ли можно принять безоговорочно. Если даже согласиться с тем, что у Николая I и его сановников нельзя было научиться ничему полезному, то не будем забывать о том, что существует учеба «от противного», о том, что негативный опыт — это тоже опыт. Но дело не только в такой негативной учебе, ведь и позитивные уроки в годы правления Николая Павловича, что называется, имели «место быть» (ведь министрами у него были не только клейнмихели и вронченки, но и Киселев или Канкрин). Начнем с того, что мысли и даже разговоры о необходимости реформ возникали в российских «верхах» достаточно часто, в том числе и в царствование отца нашего героя. Уместно предположить, что именно в 1840—1841 годах наследник впервые услышал о попытках своего дяди, императора Александра I, уничтожить крепостное право и изменить политическое устройство России. Напомним вкратце то, что могло быть известно Александру Николаевичу о проектах преобразования страны, составленных в первой четверти XIX века.

В 1818—1820 годах в канцелярии наместника императора в Польше Н. Н. Новосильцевым и его сотрудниками был

подготовлен проект российской конституции. Он получил название «Конституционной хартии Российской империи», и претворение его в жизнь могло превратить Россию в конституционную монархию типа шведской или английской. Законодательная власть по этому проекту переходила к императору и двухпалатному законодательному органу, а исполнительная — к Государственному совету, состоявшему из Общего собрания и Комитета министров. В те же годы в нескольких ведомствах, по распоряжению Александра I, были созданы проекты отмены крепостного права, не получившие, как и «Конституционная хартия...», высочайшего одобрения.

Для Александра Николаевича не составляло секрета то, почему его дядя не решился провести в жизнь подготовленные по его же приказу проекты преобразований. С одной стороны, он не нашел ни достаточного количества сторонников их вокруг себя, ни мощной социальной опоры для проведения в стране реформ. С другой стороны, Александру I явно не повезло с моментом начала преобразований. Общеευропейский экономический подъем, в частности рост цен на русское зерно, явное оживление торговли и промышленности в стране создали видимость устойчивого благополучия империи. Победа в Отечественной войне 1812 года, освобождение Европы от наполеоновской экспансии убедительно подчеркивали мощь крепостнической системы и традиционного самодержавия. Начинать в таких условиях перестройку основ социально-экономического и политического быта было бы со стороны правительства неразумно, ведь оно рисковало остаться непонятым большинством населения. В результате важнейшие вопросы российской жизни оказались нерешенными и перешли в виде своеобразного наследства к Николаю I.

Тридцать пять лет, значительную часть своей жизни, Александр Николаевич рос и приобретал опыт государственного управления под руководством своего отца. Это обстоятельство заставляет нас обратить самое пристальное внимание на особенности системы управления Николая Павловича, а также на его личные пристрастия. Он далеко не был тупым солдафоном и бездушным манексеном, каким его зачастую изображали в недавнем прошлом. Отличительной чертой императора являлись не грубость и бездушие, а исключительное доктринерство, приверженность к чисто теоретическим и не слишком сложным схемам. Все остальное оказывалось лишь производным от зашоренности, увлеченности одной-единственной идеей, если можно так выразить-

ся, одностороннего монарха. Еще до своего восшествия на престол Николай I усвоил несколько абстрактных и не очень оригинальных идей о сущности самодержавия и роли государственного аппарата в жизни общества. С их помощью он пытался позже стабилизировать ситуацию, расшатанную, по его мнению, либеральными посулами старшего брата. При этом он всегда искал причины неудач не в несовершенстве своих формул, а в конкретных исполнителях высочайших повелений.

Современникам многое импонировало в Николае Павловиче, особенно в первые годы его правления. Им нравилось и то, что он провозгласил образцом для подражания Петра Великого, и то, что пообещал оживить работу государственного аппарата, и его приверженность к дисциплине, и его статная фигура и строгость контроля за принятием и исполнением решений. Император работал по 18 часов в сутки и вел весьма умеренный образ жизни. Ел Николай Павлович очень мало и большей частью овощи, ничего не пил, кроме воды, на ужин кушал всякий раз тарелку одного и того же супа из протертого картофеля, никогда не курил и не любил, чтобы курили в его присутствии. Алкоголя практически не употреблял, позволяя себе лишь иногда выпить рюмку водки перед обедом. Два раза в день совершал обязательные пешие прогулки, утром и после обеда. Спал на тоненьком тюфячке, набитом сеном, укрываясь шалью или шинелью.

Однако многое для современников было неприемлемо как в самом Николае I, так и в его системе управления. Требовательность монарха легко переходила во вспыльчивость и грубость, и если он бывал чем-то недоволен, то строгость наказания виновных почти не знала границ. Защита царского достоинства зачастую принимала у него странные формы. Барон М. А. Корф вспоминал, как кто-то из министров отважился возражать императору по поводу одного из дел, обсуждавшихся в Комитете министров. Николай Павлович позже жаловался П. Д. Киселеву (слова которого и записал Корф): «Ты знаешь, что я терпелив в разговоре наедине и выслушиваю всякий спор, принимаю всякое возражение... Но чтобы называли меня дураком публично перед Комитетом или другою коллегией, этого, конечно, никогда не допущу». Дураком его, естественно, никто не называл, просто любое публичное возражение правителю расценивалось Николаем Павловичем как вызывающий подрыв авторитета монарха.

Ранее мы уже говорили о том, что на протяжении всего XVIII века российские самодержцы по-прежнему сосредото-

чивали в своих руках огромную власть. Однако значило ли это, что император лично был в курсе всего того, что происходило в государстве и что он мог квалифицированно решать любые вопросы, встававшие перед страной? Николай I в этом нисколько не сомневался и добросовестно пытался вникнуть во все проблемы, решаемые государственным аппаратом, считая это святой обязанностью самодержца. Давайте посмотрим, насколько эффективной оказалась такая система управления, тем более что наследник престола имел возможность и время для того, чтобы оценить усилия отца и сделать необходимые для себя выводы.

Николай I, взойдя на престол, прежде всего укрепил карательные органы, поставив во главе их знаменитое III отделение собственной императорской канцелярии¹⁴. Далее он позаботился о провозглашении непогрешимости государственных служащих, то есть непогрешимости их действий для общественности, а не для начальства. Иными словами, монарх объявил чиновников своими личными слугами, выведя их из-под критики журналистики, литературы, театра и т. п. Он считал, что для пользы дела и большей централизации власти его слуги (министры, дипломаты, генералы, священнослужители и проч.) должны прислушиваться к чему-то одному, а именно к его словам, а не к оценке общественного мнения. Чем-то иным трудно объяснить запрещение не только критиковать, но и одобрять работу правительства и его агентов в печати и на сцене. Даже дворянство теперь могло сопровождать лишь гулом одобрения действия власти в центре и на местах. Естественным следствием такого положения дел явилось не компетентное и справедливое правление самодержца, опиравшегося на тщательно подобранные кадры чиновников (именно такая картина рисовалась в воображении Николая Павловича), а появление на ответственных постах людей, которые не блистали никакими талантами, кроме личной преданности императору. Самое печальное заключалось в том, что теперь любой, даже самый недобросовестный и некомпетентный чиновник освящался авторитетом самодержавной власти. Подобное положение дел объясняет и появление при дворе Николая I «немецкой партии» — занятие важных должностей остзейскими немцами, выходцами из Прибалтики. По словам императора, они нравились ему больше российских дворян тем, что служили ему, а не какому-то абстрактному отечеству. Хотя в представлении Николая I слова «монарх» и «отечество» являлись синонимами, предпочтение отдавалось первому из них как реальному главе нации.

Заметно влияло на четкость управления страной и уже упоминавшееся желание Николая Павловича быть в курсе буквально всех дел, творившихся в государстве. В серьезных вопросах «всепроницаемость» самодержца часто приводила не к достижению поставленной цели, а к дезорганизации аппарата; не смеявшего иметь своего мнения и шагу ступить без санкции сверху. Понятно, что чиновничество, и без того склонное к формализации своей деятельности, теперь еще больше пропитывалось не просто формализмом, но особым бюрократическим цинизмом и начинало сообщать Зимнему дворцу только то, что тому было приятно слышать. Особый вес в годы правления Николая I приобретали не квалифицированные специалисты, а люди, умевшие составить «красивый» отчет, наполненный приписками, «фанфарностью», тем, что желало видеть начальство. Стоит ли удивляться после этого тем странным назначениям на высшие посты государства, которые современники, не находя разумных объяснений действиям высшей власти, называли «метаморфозами».

Прославленный генерал и не менее известный острослов А. П. Ермолов по поводу очередного протезе Николая Павловича как-то воскликнул: «Вот если перед кем колени преклоню, то пред Незабвенным (титул, присвоенный Николаю I придворными. — Л. Л.): ведь можно же было когда-либо ошибиться, нет, он всегда как раз попадал на неспособного человека, когда призывал его на какое-нибудь место». Впрочем, это ведь с точки зрения Ермолова назначенцы императора были неспособными, монарх же считал иначе. Уникальный девиз императора: «Мне нужны не умники, а верноподданные!» — нашел замечательное воплощение в кадровой политике Николая I.

Не обремененный многознанием генерал В. И. Назимов становится попечителем Московского учебного округа; Ф. П. Вронченко, о котором злые языки говорили, что он осилил математику лишь до дробей, сделался министром финансов; гусара Н. А. Протасова — лучшего исполнителя мазурки в Петербурге и неугомимого гуляку — назначили обер-прокурором Святейшего синода. Когда brave гусар узнал о своем назначении, то в сердцах сказал приятелю: «Министр, не министр, а черт знает что такое!» Услышавший его слова петербургский митрополит едко заметил: «Последнее совершенно справедливо». Но главное заключалось не в людях, в конце концов, как мы уже отмечали, на высших постах империи попадались и весьма квалифицированные работники. Главное заключалось в том, что кадры

высшей бюрократии в массе своей являлись производным от того формального, замораживавшего живую жизнь порядка, который истово насаждал император во всех сферах государственного и общественного существования.

Николаевская система оказалась методом управления, доходившим порой до абсурда, отдававшим чем-то запретным или, как сейчас принято говорить, виртуальным. В правилах для школ в Царстве Польском, например, содержался параграф, определявший длину и качество розог, которыми вбивали науку в головы нерадивых учеников. Интересно, а что случалось, если розги не соответствовали утвержденному начальством стандарту? Учеников прощали или в таком случае пороли лиц, ответственных за этот важнейший атрибут педагогики? Известный писатель В. А. Соллогуб вывел замечательную меткую и убийственно точную формулу любого уездного города империи: застава-кабак-забор-храм-забор-кабак-застава. Это и было то место, откуда, согласно Н. В. Гоголю, «три года скачи, никуда не доскачешь». Угрожающих высот достигла, по свидетельству А. И. Герцена, официальная статистика. В качестве примера он приводил в «Былом и думах» один из разделов отчета о происшествиях за определенный период в некоем уездном городке. Так вот, пункт отчета, заполненный местными тружениками канцелярии, гласил: утонувших — 2, причины утопления неизвестны — 2. Итого — 4. Что означало это «4», никого не интересовало, главное заключалось в том, чтобы все графы казенной бумаги были аккуратно заполнены.

Впрочем, что статистика! В царствование Николая I она считалась наукой подозрительной, вмешивавшейся в прерогативы власти. Давайте поговорим об армии, о той части государственного организма, которая являлась предметом пристального внимания императора и объектом его особой гордости. Оказывается, во времена Николая Павловича и в армии, мягко говоря, далеко не все было в порядке. В 1836 году действующая армия в европейской части России насчитывала 231 088 человек. Из них 173 891 солдат и офицер были в той или иной степени нездоровы, что составляло более двух третей армии! Добавим, что 11 023 человека, или одна двадцатая часть больных, скончались в госпиталях и лазаретах. В конце XVIII столетия на 500 здоровых солдат приходился один больной, за полвека соотношение стало обратным: на одного здорового — 500 больных. Беспрестанная шагистика с полной выкладкой, издевательства над солдатами, постоянная угроза быть изуродованными шпицрутена-

ми, плохое питание, полное равнодушие офицеров к нуждам рядовых быстро сделали свое дело.

Уникальных размеров достигло воровство офицерами казенных сумм, кстати, отпускавшихся на питание солдат. Поражает уверенность военачальников в собственной безнаказанности. Дело дошло до того, что в 1855 году (шла Крымская война!) некий командир бригады (минимум — полковник, максимум — генерал) обещал дать в приданое за своей дочерью половину того, что он «экономит» из сумм, отпускаемых на его бригаду. Стоит ли говорить, что свадьба состоялась и была отпразднована пышно и весело¹⁵. После всего сказанного надо ли удивляться тому, что российские вооруженные силы оказались оснащенными устаревшими гладкоствольными ружьями вместо нарезных, а флот продолжал оставаться парусным, совершенно беспомощным перед паровыми броненосцами противника.

Убийственную, но верную по сути своей оценку дал николаевскому царствованию известный историк и очевидец событий С. М. Соловьев. «Лень, стремление делать все кое-как, на шерамыгу, — писал он, — начали усваиваться, поощряемые развращающим правительством. Т. о. правительство испортило целое поколение, сделало из него не покорных слуг, но вздорную толпу ленивцев, неспособных к зидительной деятельности и, следовательно, способных к деятельности отрицательной, как самой легкой».

Отметив наиболее броские последствия утопии Николая I, посмотримся теперь повнимательнее к ней самой, ведь внутри именно этой утопии и выросал наш герой. Первая из ее составляющих тесно связана с именем Петра Великого. Именно он, с одной стороны, всячески приветствовал инициативу, профессионализм своих подданных, а с другой — требовал от них беспрекословного подчинения трону. Попытку воспитать инициативных рабов вслед за своим предком предпринял Николай I, но и он потерпел неудачу. Следующая черта правительственной утопии второй четверти XIX века также имела корни в петровских временах. Николай Павлович попытался, по примеру Петра I, опираясь на немногочисленных помощников и свою канцелярию, управлять всеми отраслями жизни огромной державы, не забывая и о частной жизни подданных. Однако А. Орлов, Нессельроде, Клейнмихель, Бенкендорф ничем не напоминали Меншикова, Шафирова, Ягужинского, Остермана. Дело даже не в личностях, просто положение служивших за страх, но и за совесть «птенцов гнезда Петрова» резко отличалось от ситуации, в которой оказалась

служившая за страх и за кусок пирога бюрократия николаевского времени.

Кроме того, император в начале XVIII столетия действительно являлся гарантом задуманных «верхами» перемен. Поэтому его появление во главе администрации, еще недостаточно развитой, не организованной в единое сословие, было исторически оправдано. Это был премьер-министр милостью Божией, с авторитетом и правами, не снисшими к никакому реальному премьеру. Во времена Николая Павловича картина разительно изменилась: участие императора в решении всех проблем и проблемок лишь тормозило их снятие, мешало работе разветвленного государственного аппарата, приучала чиновников к безответственности.

Третья черта царской утопии 1830—1840-х годов представляла собой идею о возможности разрешить крупные государственные вопросы путем частичных «нечувствительных» изменений привычного порядка. Как следствие, у Николая I сохранялась надежда провести необходимые изменения при помощи тех органов, которые сами являлись звеньями традиционной системы. Это привело к тому, что все-мощной в России становилась не только и не столько высшая бюрократия, сколько простые канцелярии и столоначальники. Именно последние знали о реальном положении дел в стране, а все, кто располагался выше по иерархической лестнице, «питались» отчетами и докладами, в той или иной степени искажавшими действительную картину. Безнаказанность и бесконтрольность чиновничества довольно быстро привели к тому, что некоторые учреждения приобрели характер разбойничьих притонов. В 1843 году в Московском уголовном суде сенатская ревизия обнаружила грубейшие нарушения законов. Соответствующие бумаги и улики было решено отправить в Петербург, чтобы затем примерно наказать виновных. По дороге в столицу сорок (!) подвод с лошадьми и возчиками, везшими бумаги, бесследно и навсегда исчезли.

Николаевское царствование, безусловно, могло дать и дало наследнику богатый опыт государственного управления. Но дело этим не ограничилось. Одна из особенностей внутренней политики Николая I заключалась не в недостатке попыток преобразований, а в той самонадеянности, с которой высшая бюрократия бралась за разработку коренных проблем. Мысль о необходимости решения сложнейших социально-экономических задач владела Николаем Павловичем буквально со дня его вступления на престол. Уже в 1826 году был создан первый Секретный комитет (впрочем, в те

времена все комитеты, обсуждавшие крестьянский вопрос, объявлялись секретными) для составления закона о прекращении продажи крестьян без земли. Александр Николаевич слышал о том, что, несмотря на одобрение законопроекта отцом и большинством Комитета, законом он так и не стал. В последний момент Зимний дворец испугался непредсказуемой реакции помещиков на потерю ими пусть и мелкой, но все же привилегии.

Тем не менее крестьянский вопрос продолжал мучить главу государства. Во время встречи с делегацией дворян Смоленской губернии Николай I заявил: «Земли принадлежат нам, дворянам, потому что мы приобрели их нашей кровью, пролитой за государство; но я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе как хитростью и обманом с одной стороны, и невежеством — с другой». В конце 1820-х годов в доверительной беседе с П. Д. Киселевым император говорил: «Я хочу отпустить крестьян с землей, но так, чтобы крестьянин не стал отлучаться из деревни без спросу у барина или управляющего; дать личную свободу народу, который привык к долголетнему рабству, опасно. Я начну с инвентарей: крестьянин должен работать на барина три дня и три дня на себя; для выкупа земли, которую он имеет, он должен будет платить известную сумму по качеству земли и надобно выплатить в несколько лет; земля будет его. Я думаю, что надобно сохранить круговую поруку (общая взаимозависимость в крестьянской общине. — Л. Л.), а подати должны быть помнее». Без всякой иронии можно сказать, что благие замыслы были у главы государства, и трудно представить, чтобы рано или поздно он не поделился ими с наследником престола.

С 1835 по 1849 год поочередно заседали девять Секретных комитетов по аграрной проблеме, обсудившие ее, казалось бы, со всех сторон. Среди поднимавшихся вопросов были и такие, как улучшение быта помещичьих крестьян, меры против их обезземеливания. По приказу императора казна выделила 100 тысяч рублей для помощи дворовым крестьянам, обсуждалась и возможность разрешить крестьянам выкупаться на волю при продаже имений, к которым они приписаны, с аукциона. Однако большинство этих благих пожеланий осталось на стадии долгих, но безрезультатных разговоров, единственным же реальным делом оказалась новая система управления государственной деревней, установленная в конце 1830-х годов Киселевым. Нет ничего удивительного в столь скромных результатах деятельности комитетов. Поддержка начинаний императо-

ра и его немногочисленных единомышленников из среды дворянства оказалась весьма слабой. Еще в 1834 году Николай I признался: «Я говорил со многими из моих сотрудников и ни в одном из них не нашел прямого сочувствия; даже в семействе моем некоторые были совершенно против». Говоря о царствующем семействе, император отнюдь не имел в виду наследника престола (да тот в это время был еще слишком мал), речь идет о братьях Николая Павловича.

К тому же императору не хватало не только единомышленников, но и просто профессионалов, знающих, как решить возникшую проблему с наименьшими потерями. В 1838 году барон Корф сетовал: «... при необходимой надобности подкрепить Совет (Государственный совет. — Л. Л.) еще несколькими членами... мы с графом Васильчиковым прошли весь Адрес-календарь (книга, содержащая сведения о действующих чиновниках. — Л. Л.) и не нашли никого, кто мог бы настоящим образом годиться и быть полезным в этом звании. Бедность в людях ужасная и не только в таком высшем разряде, но и в должностях второстепенных». Может быть, и по этой причине крестьянское дело напомнило историку А. А. Кизеветтеру привычную пьесу в трех действиях. Действие первое: появление обширной записки, намечающей ряд мер для того, чтобы сдвинуть вопрос с мертвой точки. Действие второе: полное одобрение Комитетом этих мер, соединенное с признанием несвоевременности их непосредственного исполнения. Действие третье: закрытие Комитета на том основании, что спокойнее оставить все по-старому.

При несомненной образности и справедливой едкости данного определения, оно страдает некоторой поверхностностью. Во-первых, настойчивое обращение императора к крестьянскому вопросу означало признание им целесообразности отмены крепостного права или смягчения этого права. Другое дело, что монарх сомневался в своевременности такой меры и откладывал ее претворение в жизнь на неопределенное будущее, но важно то, что он не отрицал необходимости ее решения в принципе. Во-вторых, преобразования следующего царствования были вызваны, конечно же, не желаниями правительственных канцелярий и членов секретных комитетов и даже не требованиями передовых кругов российского общества. Они диктовались ходом объективного развития страны. Однако какими быть реформам и когда именно проводить их в жизнь во многом зависело от расстановки общественных сил и от того опыта, который

приобрели к тому времени «верхи». Опыт же приобретался ими на протяжении всей первой половины XIX века, в том числе и в царствование Николая I.

Важнейший Секретный комитет, в заседаниях которого наследник, правда, не принимал участия, работал в 1839—1842 годах. Несмотря на то, что его труды были окутаны еще большей, чем обычно, тайной, Александр Николаевич знал о них достаточно много. По сути, этот Комитет рассматривал общий план постепенной ликвидации крепостного права, и именно его заседания в полной мере отразили противоречия в «верхах» по поводу освобождения крестьян. Он обозначил и тот предел, до которого был готов идти Николай I в своем стремлении провести реформу.

Комитет попытался, по мере возможности, упорядочить взаимоотношения помещиков с крестьянами и запрограммировать уменьшение повинностей крепостных. Автор обсуждаемого проекта, уже не раз упоминавшийся нами Павел Дмитриевич Киселев помимо официального документа подготовил и неофициальную записку, предназначавшуюся только для императора. В ней говорилось, что начиная с конца XVIII века верховная власть в России хотела ограничить, а затем и отменить крепостное право. И вот время для решительных действий наступило. Чтобы не испугать коллег по Комитету, Киселев называл предложенный им проект не самостоятельным законом, а лишь пояснением и развитием старого указа о «вольных хлебопашцах» (указ 1803 года, разрешавший помещикам отпускать своих крестьян на волю без согласования с вышестоящими органами). Далее, он предлагал устроить положение дворовых крестьян (крестьян, не имевших собственных наделов и выполнявших обязанности слуг в поместьях), ограничить барщинные работы тремя днями, усилить ответственность помещиков за злоупотребления своей властью и устроить, в том или ином виде, крестьянское самоуправление. «Сим способом, — писал Киселев, — нечувствительно мог бы совершиться переход крепостных крестьян к прежнему обязательному положению, к земле без личной зависимости от помещиков, а сии послания, сохранив при себе права вотчинничества на землю, получили бы за пользование ею от крестьян соразмерный доход».

Все эти меры содержала неофициальная записка. Проект же, предложенный Киселевым Комитету, был куда более скромным. Однако и он мог стать реальным шагом к постепенному освобождению крепостных крестьян с землей. Сам Павел Дмитриевич писал по этому поводу: «Я всегда пола-

гал, что крестьянская земля должна остаться (с вознаграждением помещикам) в полной и неотъемлемой собственности крестьян». Он же высказал важную для грядущих преобразований мысль о зависимости пореформенных крестьянских повинностей от количества земли, которую они получают от помещика.

Проект Киселева (ближайший предшественник документа об отмене крепостного права в 1861 году) был реалистичен, по крайней мере, в том смысле, что его автор исходил из принципиального недоверия к способности большинства помещиков поставить государственные интересы выше сословных, а значит ратовал за постепенную реформу, проводимую строго «сверху». Несмотря на два уровня секретности (создание Комитета оставалось тайной для страны, а об истинных целях царя не подозревали даже члены Комитета) и хитроумную тактику Киселева, который на каждом заседании открывал коллегам только часть правды, его план оказался отвергнут большинством членов Комитета. Спасение проекту не принесло даже принципиальное согласие с ним государя.

Последние Секретные комитеты в царствование Николая I заседали в 1846 и 1848 годах под председательством наследника престола, что, безусловно, свидетельствует о том, что Александр Николаевич был в курсе того, чего желал добиться в аграрном вопросе его отец. Обычно отмечается, что, работая в них, наследник не только не проявил никаких реформаторских наклонностей, но был иногда более консервативен, чем Николай I. Вряд ли этим, однако, исчерпываются те уроки, которые наследник извлек из работы отцовских Секретных комитетов. Именно из их трудов он узнал о полутайном и давнем желании Зимнего дворца уничтожить или смягчить крепостное право. Более того, ему стала понятна настоятельная необходимость того или иного решения крестьянского вопроса. Постепенно для наследника начали проясняться и некоторые немаловажные детали будущего освобождения крестьян.

В частности, когда перед ним встала дилемма, заключающаяся в безземельном освобождении крестьян или выделении им пахотного надела и усадьбы (дома с огородом), Александр Николаевич, пусть и не сразу, но все-таки пришел к наиболее безопасному решению вопроса. Видимо, тогда же цесаревич определил для себя ту силу, опираясь на которую можно было провести крестьянскую реформу. Такой силой стала умело подобранная и тщательно контролируемая монархом высшая бюрократия. Наконец, ему стали

ясны и главные опасности, сопровождавшие отмену крепостного права: крестьянские беспорядки, с одной стороны, и недовольство помещиков — с другой. Ни дядя Александра Николаевича, ни его отец не осмелились задеть интересы дворянства, хотя и понимали, насколько беспощадным, в случае дальнейшего промедления правительства, может быть стихийный крестьянский протест. Организованное противостояние помещиков казалось им опаснее. Теперь этот важный выбор вставал перед нашим героем.

После всего сказанного, думается, понятно, что царствование Александра II никак не могло быть простым слепком с правления Николая I. Во второй четверти XIX столетия принцип личной неограниченной власти оказался доведенным до своего апогея. Дальше можно было или пытаться удержаться на вершине абсолютизма, или искать иные методы управления государством. Позже мы посмотрим, сумел ли Александр II сделать окончательный выбор. Но уже сейчас можно сказать, что, как правитель, он совершенно не был похож на своего отца, будучи гораздо терпимее, мягче, осторожнее. Он, если можно так выразиться, был менее абсолютен, самодержавен. Их отличали даже чисто внешние признаки, скажем, двор Александра Николаевича уступал двору Николая I в пышности, балы — в блеске, приемы — в парадности, представительности. Здесь, конечно, сказались и веяние времени, но не в меньшей степени — личные вкусы и пристрастия нового монарха.

Да! Но мы ведь еще не побывали на коронации нашего героя — самом торжественном дне его жизни, это упущение необходимо исправить. Коронационные торжества проходили в Москве с 14 по 26 августа 1856 года. Для их проведения в старую столицу доставили Большую и Малую короны, скипетр, державу, порфиры, коронные знаки ордена Андрея Первозванного, Государственную печать, меч и знамя. Большая императорская корона, которую и возлагали на голову нового самодержца, была создана в 1762 году известными ювелирами Георгом-Фридрихом Экартом и Жереми Позье по специальному заказу Екатерины II. Знаменитым мастерам поставили только одно условие — корона должна была весить не более 5 фунтов (2 килограмма). Сделанная из чистого золота, она украшена множеством бриллиантов и других драгоценных камней. Самым известным из них был рубин на дуге, разделявшей две половины короны. Поверх него находился крест из пяти больших бриллиантов. К началу 1880-х годов ювелирная стоимость изделия Экарта и Позье превышала 1 миллион рублей.

Золотой скипетр, сделанный по заказу императора Павла I, имел в длину 81 сантиметр и был украшен уникальными камнями. В середине ручки и внизу его опоясывали два бриллиантовых обруча, а наверху вделан знаменитый бриллиант «Орлов» в 185 карат. Как ни противны в данном случае меркантильные соображения, но следует заметить, что стоимость скипетра оценивалась в 2,5 миллиона рублей, и он считался одним из самых дорогих ювелирных украшений своего времени.

Впервые в истории государства церемониальный въезд в Москву осуществился не торжественно-медленным кортежем, состоящим из карет, а достаточно скромно — по железной дороге. 17 августа 1856 года Александр Николаевич с семьей и блестящей свитой проехал по Тверской улице под звон многочисленных московских колоколов и грохот артиллерийского салюта. У часовни Иверской Божьей матери царь и вся свита сошли с коней (императрица с детьми вышла из экипажа) и приложились к чудотворной иконе, пройдя после этого пешком на территорию Кремля.

Церемониал коронации следовал утвержденным Петром I наметкам плана, разработанного для коронации его супруги Екатерины I. Шествие открывал взвод кавалергардов, который позже выстраивался по обе стороны паперти Успенского собора в Кремле. Следом за ним шли 24 пажа и столько же камер-пажей, проходивших через собор и ожидавших окончания церемонии в Синодальной Палате. Затем за верховным маршалом князем А. Ф. Голицыным следовал император под балдахин, который несли шестнадцать генерал-адъютантов. Во время коронации Александр Николаевич восседал на престоле Ивана III, а Мария Александровна — на троне Михаила Федоровича Романова. После окончания церковной службы, венчавшей всю церемонию, император с супругой прошли в Архангельский собор, чтобы поклониться могилам русских царей из рода Рюриковичей.

Возвращаясь к предзнаменованиям, которыми столь богато царствование нашего героя, отметим, что не обошлась без них и его коронация. Стоявший с «державой» старик П. Д. Горчаков внезапно потерял сознание и упал, выронив подушку с символом. Шарообразная «державка», зазвенев, покатилась по каменному полу. Все ахнули, и лишь монарх спокойно сказал, имея в виду Горчакова: «Не беда, что свалился. Главное, что стоял твердо на полях сражений».

ЦАРЬ И КОРОНА

Итак, Александр Николаевич стал императором Александром II — апостолом и культовым героем, призванным действовать, сообразуясь не столько с собственной логикой, сколько с логикой своего нового поста. Может, он и имел определенные исторические пристрастия, но в отличие от предшественников никогда не ссылался на Петра Великого или Екатерину II, как на некие ориентиры в своей деятельности. В начале царствования новый монарх робко попытался опереться на опыт государственного управления отца, Николая Павловича, но время и обстоятельства заставили его действовать вопреки этому опыту. Он был призван помочь стране сделать резкий рывок и догнать ведущие державы мира, надеясь осчастливить этим своих подданных. К сожалению, как показала история, их могли осчастливить или чудеса, исходившие от верховной власти, или резкое ограничение и слом этой власти. Александр же Николаевич собирался заниматься всего-навсего проведением реформ.

Можно спокойно и с достоинством нести бремя власти, гордясь тем, как богатеет, становится все более могучей держава. А если не становится или это происходит слишком медленно, незаметно для глаза?.. Можно погрузиться в рутину каждодневных дел и монотонно исполнять роль директора огромного департамента, именуемого державой, империей. А если к подобному роду занятий не лежит душа, а то и просто нет таланта к бюрократической работе?.. Можно попытаться рывком совершить почти невозможное, переменить вековой быт страны, подстегнуть ее неторопливое перемещение по пути прогресса. А если результаты подобных рывков сказываются далеко не сразу, да и не все из них однозначно благотворны?.. И возникает мысль облегчить монаршью ношу, оставить участок деятельности своим наследникам.

Впрочем, до подобных настроений, до усталости от власти Александру Николаевичу в 1856 году было еще очень далеко. Он полон сил и замыслов, он нравится окружающим его людям, да и российское общество присматривается к нему достаточно доброжелательно. Так был ли он готов к тому, чтобы не только занять престол, но и совершить, утвердись на нем, те действия, которых ждала от него страна? По этому поводу в исторической литературе существуют самые разные точки зрения: от утверждения, что наш герой был бледным эпигоном своего отца, до мнения, будто на российский престол вступил прирожденный реформатор. Для того чтобы разобраться в этой разноголосице, попробуем не

столько начать с начала, сколько подвести некоторые итоги первой части нашего разговора.

Во-первых, кто и чего ждал от нашего героя? Не секрет, что единодушия в российских ожиданиях не было и не могло быть, слишком пестрым оставалось общество, а значит, слишком противоречивыми оказывались интересы разных его слоев. Высшая бюрократия в лице старых николаевских служак жаждала наведения порядка в стране, то есть отлаживания работы государственного аппарата, разболтанного за годы Крымской войны. Ни о каких серьезных переменах, кроме разве что кадровых, эти люди не думали, поскольку николаевская система правления представлялась им единственно возможной, а Крымская война — досадным недоразумением.

За этими деятелями, как вскоре оказалось, располагался относительно широкий и достаточно влиятельный слой средне-высшей бюрократии, многие представители которого имели свое видение решения возникших перед Россией проблем. Оно включало в себя реформирование разных сфер жизни империи, вплоть до введения в будущем конституционного правления. С точки зрения чиновников-реформаторов, Александр II должен был встать во главе преобразований и своим авторитетом помочь им (чиновникам) вести Россию по пути прогресса, то есть дальнейшей европеизации страны. Этот слой средне-высшей бюрократии не верил в способность разобщенного, неорганизованного общества помочь Зимнему дворцу в деле преобразований, допуская участие отдельных членов этого общества в реформах в качестве экспертов или проводников перемен на местах.

Поместное дворянство, несмотря на свою неоднородность, ожидало от нового императора прежде всего наведения порядка в растревоженной войной деревне и финансах. Подавляющее большинство из этих дворян и не думало ни о каких серьезных переменах в социально-политической области, с трудом представляя себе некрепостническую Россию. Конечно, среди помещиков имелись люди, просчитывавшие варианты отмены крепостного права и даже приветствовавшие их, однако они составляли ничтожную часть провинциального дворянства. Что касается изменения системы управления страной, то большинство помещиков придерживалось убеждения своих дедов и прадедов, считавших, что абсолютная власть монарха справедливее и выгоднее для первого сословия, чем олигархическое правление нескольких аристократических фамилий. Конституционные мечты либералов упрямо ассоциировались в головах помещиков с

хаосом Смутного времени или «затейкой верховников» в конце 1720-х годов.

Наконец, для городских слоев и крестьянства воцарение нового императора связывалось с надеждами на выравнивание правового положения российских сословий, вплоть до освобождения помещичьих крестьян и отмены ряда проявлений крепостного права. Ожидания широких народных масс весьма трудно точно классифицировать и потому, что эти ожидания слишком широки, и потому, что они чрезвычайно неопределенны. Можно сказать, что массы надеялись на улучшение своей жизни, подразумевая под этим прежде всего улучшение своего материального положения. Однако не будем и слишком упрощать народные требования. Шеф III отделения А. Х. Бенкендорф еще в 1827 году отмечал: «Среди этого класса (крепостных крестьян. — Л. Л.) встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда». О чем же рассуждали эти крепостные «головы» и что они противопоставляли существующему порядку вещей?

Первую половину XIX столетия недаром считают временем наибольшего распространения народной социальной утопии, отразившей представления крестьянства об идеальных формах человеческого общежития. Эти формы были облачены в религиозные одежды, обращены в далекое прошлое и включали в себя принципы всеобщего братства, совместного и посильного труда, организацию артелей-коммун, дающих каждому их члену равные права и возможности с другими. Описания идеального человеческого сосуществования в народных утопиях живо напоминают картины Царства Божия, обычно рисуемые людьми, искренне верующими, но не слишком сведущими в богословии.

Насколько соответствовал этому пестрому набору надежд и чаяний наш герой, какие из перечисленных выше слоев населения страны могло удовлетворить его воцарение, что он был в силах сделать, а против чего оказался бессилён? Александр Николаевич являлся одним из образованнейших монархов, когда бы то ни было вступавших на российский престол. Он обладал не только широкими теоретическими сведениями, но и достаточными практическими навыками управления государством. В последнем случае особенно важно знание принципов деятельности бюрократического аппарата, так как направление его деятельности во многом зависит от мнений монарха и его умения направлять эту деятельность в нужном ему направлении. С механизмом работы государственной машины наш герой был знаком очень неплохо.

Второе, о чем следует поговорить, анализируя его готовность к преобразованиям или, напротив, к защите традиционных устоев, является тот самый дух времени, на который так любят в трудных случаях ссылаться историки. Когда пишут о Крымской войне, то единодушно отмечают, что она стала рубежным моментом именно для России. Это утверждение совершенно справедливо, и у нас еще будет время в этом убедиться. Однако при этом как-то забывается, что Крымская война стала своеобразным водоразделом для всей Европы. В середине 1850-х годов происходят важнейшие престижные потери, заметно повлиявшие на дальнейшее развитие стран континента. Во-первых, был положен конец политическому и военному диктату России, которыми упивались не только императоры, но и большинство образованных русских людей.

Во-вторых, завершается духовный диктат французской революции конца XVIII века, финал которого был предreshен рядом революций 1830—1840-х годов. Закончился великий революционный кризис в Западной Европе и началась стабилизация ее политического и гражданского устройства. Абсолютизм сменяется конституционализмом, феодальное право — буржуазным, демократическим, отменяются сословные привилегии. В-третьих, с Крымской войной заканчивается «первый тур» европеизации России, «тур» политический, когда происходило становление имперских высших и местных органов, утрясались взаимодействия церковных и светских властей, нарождалось общественное движение.

Иными словами, перед правительством Александра II вырисовывалась задача начать «второй тур» европеизации страны, прежде всего ее социальных отношений (отмена крепостного права, судебная и военная реформы, изменение финансовой и образовательной систем). Заметим в скобках, что этот «тур» обещал быть более трудным, чем предыдущий, так как надо было ограничить или уничтожить тот самый механизм, с помощью которого до Александра II европеизация производилась, то есть саму крепостническую систему.

Однако если качества личности нашего героя и дух времени благоприятствовали восшествию его на престол, то в чем, собственно, сущность разногласий по поводу того, был ли он именно тем императором, которого ждала Россия? Судя по всему, сложность заключается в идейной и, если хотите, психологической предрасположенности или нерасположенности Александра Николаевича к тем или иным шагам на новом посту. И здесь мы вступаем на зыбкую почву

предположений и догадок, когда можем руководствоваться только тем, что знаем о его детстве и юности, а также о том, что будет совершено им позже. Тем не менее позволим себе задержаться на данной теме, поскольку она во многом определяет наше отношение к императору.

Если говорить об идеологии, то позицию Александра Николаевича вряд ли удастся определить однозначно, как либеральную или, скажем, консервативную. И вовсе не потому, что наш герой был политически всеяден или, как выражаются политологи, являлся конформистом. Он искренне и убежденно был готов действовать по обстоятельствам, но эти действия определялись не столько его политическими симпатиями, сколько личным пожеланием главы государства, монарха. В силу исторических обстоятельств хозяин Зимнего дворца и его ближайшее окружение, как уже отмечалось, лучше кого бы то ни было в России ощущали дыхание времени и, если не зашоривались, не пытались навязать времени свою точку зрения, то имели реальный шанс вести страну по пути постепенных, но необходимых изменений без ненужных потерь и потрясений.

Говоря иначе, Александр Николаевич являлся эволюционистом и ради постепенного, но непрерывного движения вперед был готов поддерживать либералов либо консерваторов, то есть тех, чьи позиции в данный конкретный момент жизни России наиболее соответствовали, с точки зрения монарха, историческим реалиям. Именно эти реалии задавали курс государственному кораблю, а задача капитана корабля заключалась в том, чтобы вверенное ему судно не получило критического крена ни на один борт и благополучно достигло промежуточной гавани. Ведь каждое царствование — это благополучное или не очень благополучное плавание от одного порта к другому.

Когда ближайшие соратники Александра II сетовали на невнятность позиции императора (а это случалось достаточно часто), они, при всей своей формальной правоте, не понимали главного. Определенность политической позиции важна и обязательна для члена партии или политической организации. Монарх же, даже самый жесткий, обречен на немыслимые компромиссы, внезапные и не всегда осознанные изменения курса. Он не может стать членом какой-то одной партии, потому что сам по себе является уникальной партией, в которую нет доступа посторонним и которая обречена на одинокое существование.

Если говорить о характере, о личности Александра Николаевича, то давайте в первую очередь вспомним, что он

вступил на престол в возрасте 37 лет, то есть совершенно зрелым человеком. О каком-то психологическом взрослении, изменении черт характера и т. п. в такие годы говорить уже не приходится. Родившийся наследником престола и воспитанный Зимним дворцом, он усвоил традиционное отношение к положению монарха. Это положение требовало полнейшего самоотречения, растворения царствующего лица в том, что называется монаршим долгом, подчинения каждого дня жизни императора, всех сторон его существования выполнению этого долга.

Однако, когда речь заходит о нашем герое, во всех этих вроде бы бесспорных сентенциях начинает проклевываться некая особенность, привлекательная для любителей загадок хитрость, характерная не столько для Александра II, сколько для времени его правления. Абсолютная монархия, иными словами, все абсолютное, связанное с монархией, изживало себя, постепенно отмирало, в том числе и абсолютное одиночество монарха, абсолютное отличие его от других людей, вознесенность над ними. В силу черт своего характера наш герой был готов к такому развитию событий более, чем любой из его предшественников и преемников. Можно сказать, что он с детских лет мечтал об изменении имиджа российского самодержца.

Те исследователи, которые считают Александра II недостаточно подготовленным к миссии, выпавшей на его долю, по сути, укоряют его в том, что он не был новым Петром Великим. Но, во-первых, как он мог им стать, если ему предстояло разрушить как раз ту крепостническую систему, на которой Петр возвел здание новой России? А во-вторых, дело заключалось в том, что освобождение крестьян от безграничной власти помещиков, слова от цензуры, армии от рекрутчины и т. п. переплелось для Александра Николаевича со своим собственным освобождением от абсолютизации положения монарха, отсутствия у него частной жизни. Он хотел быть на престоле человеком, а не символом. Стоит ли его за это осуждать или надо призывать восхищаться смелостью решения императора? Не будем спешить с выводами, посмотрим, к чему привели попытки нашего героя сделать монарха в глазах россиян обыкновенным человеком.

Впрочем, почему только россиян? Уже упоминавшийся в ходе нашего разговора Бисмарк был неплохим психологом, во всяком случае, он умел подмечать незаметные на первый взгляд, но «говорящие» черточки характеров своих собеседников. Так, вот, прусский канцлер однажды записал в дневнике следующее: «Я всегда чувствовал симпатию к нему

(Александр II.— Л. Л.) на обедах у нашего императора, где подают немецкое шампанское и по одной котлетке на человека; царь ел и пил с отвращением и не очень умело старался это скрыть. Он бывал мил за столом... Я более типичного русского не видел... А эта способность влюбляться... Он всегда был влюблен и потому почти всегда блажелателен к людям».

Можно вести долгие и достаточно интересные теоретические споры о человечности или бессердечии того или иного монарха — вряд ли подобные дискуссии прибавят что-то значимое к нашим знаниям об этих людях. Ясно лишь, что одиночество монархов, связанное с чином, который они приняли, неотъемлемая часть их жизненного пути. И так же ясно, что полноценного разговора о конкретном правителе не получится до тех пор, пока мы не углубимся в изучение всех сфер его жизни, пока не попытаемся посмотреть на него не только как на самодержца, но и как на общественно-го деятеля, сына, брата, мужа, отца. Куда же нам теперь направить наш разговор, какую тему затронуть? Забавную фразу бросил Бисмарк, помните: «Он был всегда влюблен...» Вас она не заинтриговала? А вот меня, признаться, задела за живое...

Часть II ОДИНОЧЕСТВО ВТОРОЕ. БЕГСТВО

Трудно привыкнуть к жизни, которая целиком проходит в приемных залах, в дворцовых подъездах и на лестницах.

Жан де Лабрюйер

В КРУГУ РОДНЫХ

Если бы наш разговор был посвящен только событиям и процессам, происходившим в России в 1850—1880-х годах, то сейчас, конечно, следовало бы побеседовать о реформах, проведенных в царствование Александра II, о непростых отношениях Зимнего дворца с общественно-политическими лагерями страны, о надеждах и разочарованиях, поочередно охватывавших как государственных или общественных деятелей, так и простых обывателей России, наконец, об обстоятельствах трагической гибели героя этой книги. Однако тема нашего разговора: Александр Николаевич — человек и монарх, а потому речь сейчас пойдет о его пребывании в семье родителей, создании им собственного домашнего очага, а в дальнейшем — о попытках найти счастье и успокоение за пределами семейного круга.

Хочется верить, что многое в судьбе и поступках Александра II станет понятнее, если мы обратимся именно к событиям его личной жизни. В конце концов, реформы и прочие деяния определили величие и особенности его царствования, но вряд ли сильно воздействовали на человеческую сущность Александра Николаевича, его симпатии и антипатии. Да и не из одних лишь величественных моментов состояло его правление, как и правление любого другого монарха. Все они были людьми, желавшими тепла, заботы, по-

нимания, пытавшимися укрыться от жизненных невзгод за прочными стенами своего дома.

Наш герой всегда был окружен многочисленной родней: бабушка, отец, мать, братья, сестры, жена, шесть сыновей, две дочери. Казалось, что еще нужно, если не для полного счастья, то хотя бы для того, чтобы не чувствовать себя одиноким как в семье родителей, так и в собственной семье? На первый взгляд все верно, но... Сколько таких «но» встречалось на жизненном пути Александра Николаевича! Однако прежде чем углубляться в обстоятельства личной жизни нашего героя, скажем несколько слов о воспитании дворянских детей в России первой половины XIX века. Это поможет нам оценить типичность или уникальность воспитания наследника престола в 1820—1830-х годах.

В России в указанный период существовали три типа отношений между родителями и детьми. Первым отметим так называемый английский, при котором детям разрешалось практически все. Считалось, что таким образом из детей вырабатываются подлинно свободные личности, не стесненные неуместными запретами, не искаленные контролем со стороны взрослых. На самом деле родители, отстаивая абсолютную свободу ребенка, на деле потакали его прихотям и чаще всего растили отнюдь не идеальных английских джентльменов, а черствых эгоистов и самодуров.

Вторым типом внутрисемейных отношений было спартанское воспитание, при котором мир детей и взрослых оказывался разделенным непреодолимой стеной. Отношения старшего и младшего поколений в таких семьях напоминали отношения начальства и подчиненных в присутственных местах. Особой теплоты в подобной обстановке существовать не могло и не существовало, хотя жесткость домашнего воспитания зачастую давала неплохие результаты: дети росли физически здоровыми, у них вырабатывался твердый характер, готовый к суровым жизненным испытаниям. С другой стороны, людям, выросшим в такой обстановке и подчинившимся ей, порой не хватало душевной тонкости, сопереживания ближнему.

Но имел место и третий тип отношений между родителями и детьми, окрашенный многообещающей гармонией. Привычная для России идиллическая *патриархальность* дополнялась в этом случае действенным *интересом к мировой культуре*, что образовывало духовное равновесие в семье, тщательно выстраиваемое и сохраняемое. Гармонично и высоко развитые дети вырастали чаще всего именно в таких семьях. Примеры подобной высокой педагогики не были в

России правилом, но не являлись и столь уж редким исключением. Дворяне постепенно дорастали до понимания простой истины, заключающейся в том, что в воспитании детей надо думать не о потребностях современного общества, не о будущем страны, а только и единственно о самом конкретном ребенке, развитии его личности, души. Готовить его нужно не для будущего (тем более не для такого будущего, каким его представляют себе воспитатели), а для него самого. А уж он потом решит, как и чем может оказаться полезным для страны, для мира, для отдельного человека, оказавшегося рядом с ним.

Какой же тип отношений между родителями и детьми господствовал в семье, где довелось родиться нашему герою? В его отце, императоре Николае I, воплотилось российское самодержавие в самом чистом виде и на самом высоком уровне. Николай Павлович чувствовал себя властелином и Богом миллионов людей, что нисколько не сковывало его, не пригибало плеч, наоборот, гордое чувство власти и силы естественно отражалось в облике и существе императора. Он был деспотом из принципа, в соответствии со своим пониманием требований момента, и чья-то независимость от монарха или превосходство над ним воспринимались Николаем Павловичем как оскорбление. Дело здесь не в обычной человеческой мелочности или пошлой зависти, а в попытках сохранить чистоту и недоступность для простых смертных того поста, который занимал император. Может быть, еще и поэтому армия была для Николая I не просто любимым государственным институтом, но эталоном для выстраивания образа жизни всех своих подданных, включая и членов собственной семьи. Объясняя свою симпатию к армейским установлениям, он еще в 1821 году писал: «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одного из другого... никто без законного основания (то есть без команды сверху. — Л. Л.) не становится впереди другого, все подчиняется одной справедливой цели, все имеет свое назначение... Я смотрю на человеческую жизнь, только как на службу, так как каждый служит». Честно говоря, взгляд довольно-таки унылый, но что было, то было.

К концу 1840-х годов казалось, что императору удалось повсеместно привести свою мечту в исполнение и подчинить мысли и устремления подданных долгу непрерывного служения родине и трону. По отзыву одного из тогдашних литераторов, «...все казалось поконченным, запакованным и за пятью печатями сданным на почту для выдачи адресату,

которого заранее предложено было не разыскивать». Впрочем, оставим в покое подданных, для нас сейчас важно, что названные идеи и чувства Николая Павловича в полной мере распространялись и на его семью, в которой он ощущал себя в какой-то степени восточным владыкой. Он требовал от детей полной покорности, корил их за малейшую провинность, то есть, желая того или нет, ежеминутно подавлял их личность.

Одна из фрейлин его жены вспоминала, как Николай I строго следил «за стоянием своих детей в церкви; малолетние были выстроены перед ним и не смели пошевелиться». Он совершенно спокойно мог приказать дочерям, собравшимся на бал, снять драгоценности, обозвав их «мартышками». Понятно, что дети отвечали отцу восточным же чувством почитания с изрядной долей лицемерия. Вряд ли можно назвать это любовью, точнее будет обозначить как вынужденное уважение, основанное на укоренившейся привычке к безраздельному господству взрослых. Все это проистекало отнюдь не только из-за деспотических черт характера императора, но и потому, что он прекрасно понимал, что их ждет в будущем. Его дочь, великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «Папа требовал строгого послушания, но разрешал нам удовольствия, свойственные нашему детскому возрасту... Когда ему доносили о наших шалостях, он отвечал: “Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных”».

Все вышесказанное об отношениях отца и детей полностью и в первую очередь было характерно для первенца Николая Павловича. Иного и трудно было ожидать, ведь с наследника престола спрос особый и начинался этот спрос с раннего детства. Графиня М. М. Медем вспоминала: «В 1821 году после нашего выпуска из Екатерининского института отец повез меня... представить великой княгине Александре Федоровне. После нескольких приветствий великий князь Николай Павлович ... объявил, что желает похвастаться своим сыном, и, несмотря на протест великой княгини, ввел всех... в спальню сына, отодвинул ширму, разбудил спящего ребенка и вынул его из кровати, утверждая при этом, что солдат должен быть готов во всякое время. Потом, поставив сына на пол, стал рядом с ним на колени, взял огромный барабан и под звуки выбиваемого им марша заставил сына маршировать».

По свидетельству другого очевидца: «Государь бывал строг к своему наследнику, скажу даже, в некоторых случа-

ях немилосерд... что могло остаться в памяти сына в виде болезненных ощущений, которые вызываемы были резкими замечаниями, запрещениями выражать мнение молокососу, как он его называл... Никогда не забуду горьких слез цесаревича после прочтения ему официальной бумаги... в которой ему было сообщено высочайшее повеление... чтобы он никогда не утруждал себя ходатайством по прошениям, на имя цесаревича поступающим»¹.

Любящий отец, общавшийся с сыном посредством официальных бумаг — это сильно, хотя и несколько странно. Однако повторим еще раз, законы николаевской системы одинаково распространялись на всех, в том числе и на наследника. Впрочем, Александру Николаевичу приходилось переживать и более неприятные мгновения, ведь в минуты гнева Николай I забывал о своем величии и вел себя с детьми самым оскорбительным образом. Он был законченным педантом, соблюдавшим распорядок дня (а может быть, просто установленный им для всех порядок) по минутам. Так вот, однажды за то, что цесаревна Мария Александровна опоздала явиться в назначенный час, император прилюдно обозвал Александра Николаевича «коровой» (правда, так и не пояснив, чем виновато это животное, а также чем виноват наследник в опоздании своей супруги). Наверное, монарх посчитал, что тот распустил свою жену и не сумел установить дома требуемую императором военную дисциплину. Конечно, перед таким отцом дети трепетали и старались скрывать истинные мысли и чувства.

Некоторые авторы утверждают, что Николай I не очень любил старшего сына и даже будто бы подумывал об устранении его от престола. Такие прецеденты в семье Романовых, как известно, случались, но тут было скорее другое. Действительно, однажды на параде Николай I вслух и непристойно обругал Александра Николаевича перед строем. В другой раз, заехав к сыну на дачу под Петергофом, государь увидел, что тот посреди дня играл с придворными в карты, и надавал ему пощечин, но все это было в порядке вещей, дело житейское. Слухи же об отлучении наследника от престола кажутся явным преувеличением, они не в духе, не в правилах Николая Павловича.

К тому же не будем сгущать краски, иначе жизнь царской семьи представится одноцветно-черной. По-своему Николай I был внимательным отцом, но, тем не менее, отцом-императором, больше владыкой, нежели родителем. Он позаботился о прекрасном образовании сыновей и дочерей, тщательно следил за их успехами, карал за неудачи,

мальчиков назначал шефами гвардейских и армейских полков, а наследника престола еще и активно приобщал к государственной деятельности. Однако трудно поверить, что Александр Николаевич ощущал неизбывное семейное тепло и постоянное родительское внимание. Вмешательство же Николая I в учебный процесс сыновей, общение его с ними носили характер набегов сеньора на владения вассалов, вассалы трепетали, но ближе сеньор им от этого не становился.

Николай I был суров не только к сыновьям, но и к дочерям. Скажем, великая княгиня Мария Николаевна была замужем, и весьма счастливо, за одним из Богарне, но ее отец считал этот брак мезальянсом и терпеть не мог мужа дочери. Во время визитов молодой четы в Россию Николай Павлович даже запрещал упоминать о новом титуле дочери, требуя, чтобы она по-прежнему звалась великой княгиней. Другая его дочь, Ольга Николаевна, страстно любила князя А. И. Барятинского, блестящего гусарского офицера. Император отправил его на Кавказ и всячески препятствовал продвижению по службе. Дочь же выдал за принца Вюртембергского, хотя о противоестественных наклонностях последнего шептались все европейские дворы.

Мать Александра Николаевича, Александра Федоровна, была женщиной приветливой и приятной во многих отношениях. Образованная и одаренная большим художественным вкусом, она всю жизнь была склонна к меланхолии и мечтательности, прерываемыми периодами бурной, но несколько непонятной активности. В молодости будущая императрица считалась «богиней красоты и грации». Именно ее Жуковский назвал «гением чистой красоты» (эта удачная строка прославилась благодаря Пушкину, который переадресовал ее А. П. Керн в широко известном стихотворении). Тот же Жуковский посвятил Александре Федоровне следующие строки:

Все — и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной, —
Все в ней было без искусства
Неописанной красой!

Александра Федоровна никогда не употребляла слов «приказание» и «приказывать», говоря, что произносить их имеет право только самодержец, а она — всего лишь его су-

пруга. О скромности притязаний императрицы свидетельствует и ее дочь Ольга Николаевна: «Главным назначением Мама́ было быть любящей женой, довольной своей второй-степенной ролью...» Улыбка и доброе слово были у императрицы всегда наготове, но все это как-то походя, свысока, мельком. К тому же доброта ее никогда не выходила за пределы достаточно ограниченного круга тех лиц, кого судьбе было угодно к ней приблизить. Всю жизнь Александра Федоровна, по словам Тютчевой, прожила в золотой клетке, сооруженной ей мужем, и относилась к числу тех правительниц, которые способны спросить, почему народ не ест пирожных, если у него не хватает хлеба. Может быть и так, но... Когда некоторые дамы жаловались Московскому митрополиту Филарету на то, что императрица танцует и гоняется за развлечениями вместо того, чтобы думать о спасении души, тот обычно отвечал: «Возможно, но я думаю, что она танцуя попадет в рай, в то время, как вы еще будете стучаться в двери».

Как мы уже говорили, Александра Федоровна временами любила разнообразие, предпочитала, чтобы вокруг нее было оживленно, красиво, даже блестяще, отчего семье и придворным приходилось нелегко. Суматоха и бестолковщина перемещений двора, вызванных очередной причудой императрицы, достигала своего апогея летом: по дорогам между Царским Селом и Павловском, Петергофом и Гатчиной кочевали кареты и обозы, перемещая из одного пункта в другой придворных, мебель, прислугу, съестные припасы, гардеробы и т. п. Мало того, по распоряжению Николая I в нижней части Петергофа на берегу моря был разбит огромный парк, названный в честь любимой супруги Александрией. Здесь наскоро возвели несколько десятков построек, но все эти швейцарские шале, китайские пагоды, голландские мельницы и итальянские палаццо не были рассчитаны на долгую жизнь в суровых российских условиях. Они оказались настолько сырыми и холодными, что на стенах комнат императрицы росли грибы, а жаркая погода приносила другую беду: в помещениях становилось абсолютно нечем дышать. Зато со стороны этот городок выглядел не просто красиво, но и по-царски великолепно. В общем, хотели, как лучше...

К сорока годам Александра Федоровна заметно изменилась внешне. По словам очевидца: «Императрица обладает изящной фигурой и, несмотря на чрезмерную худобу, исполнена неопишуемой грации. Ее манера держать себя далеко не высокомерна, а скорее обнаруживает в гордой душе

привычку к покорности... Нервные конвульсии (память о 14 декабря 1825 года. — Л. Л.) безобразили черты лица, заставляя даже трести головой. Ее глубоко впавшие голубые глаза выдавали сильные страдания, переносимые с ангельским спокойствием...» Сильные страдания — это о постоянных мигренях и невралгических болях, мучивших Александру Федоровну.

Женщина слабая и болезненная, она, как это часто случается, пережила мужа на пять лет, хотя ей приходилось трудиться зачастую не меньше венценосного супруга. По свидетельству маркиза де Кюстина: «Трудовой день императрицы начинается с раннего утра смотрами и парадами (она обязана была в них участвовать вместе с мужем. — Л. Л.). Затем начинаются приемы. Императрица уединяется на четверть часа, после чего отправляется на двухчасовую прогулку в экипаже... По возвращении — опять приемы. Затем она посещает несколько состоящих в ее ведении учреждений или кого-нибудь из своих приближенных. После этого сопровождает императора в один из лагерей (имеются в виду военные лагеря гвардии или армейского столичного гарнизона. — Л. Л.), откуда спешит на бал. Так проходит день за днем...»

Именно она, а не Николай Павлович, могла написать Жуковскому письмо, в котором содержались не педагогические сентенции и требования жестче и больше спрашивать с наследника, а простые рассказы о том, чем повседневно заняты дети, во что они играют, что их тревожит и радует. Кстати, Александра Федоровна в отличие от своего мужа не переставала думать о том, какая печальная участь уготована ее первенцу. В 1826 году она пишет Жуковскому, находившемуся за границей: «Саша горько плакал перед троном, на котором он когда-нибудь будет коронован, я молила Бога о том, чтобы Он не допустил меня дожить до того дня!» Эти мольбы остались не услышанными.

Мать была для наследника престола безусловно понятнее и ближе, чем отец. Видимо, поэтому его память навсегда сохранила предрождественские праздники, устраиваемые в Зимнем дворце. Накануне Рождества в сочельник у императрицы обязательно ставилась елка (этот обычай был завезен в Россию из Пруссии именно Александрой Федоровной. Первая елка устроена ею в 1818 году, в год рождения наследника престола)². Елочные праздники проводились для царских детей, но на это семейное торжество приглашалась вся свита. Каждый усаживался за отведенный ему стол, на котором стояли маленькие елки и лежали подарки (игруш-

ки, книги, платье, серебро), а в гостиной возле большой елки проводились шуточные аукционы с ценными призами. Однако таких теплых воспоминаний у наследника сохранилось не много. Его мать, занимавшаяся по должности широкой благотворительностью, участвовавшая в обязательных официальных мероприятиях, также не могла уделять Александру Николаевичу достаточно много внимания. Его же доброе и влюбчивое сердце хотело гораздо большего.

Некоторое сближение Николая I с наследником началось слишком поздно, чуть ли не после женитьбы последнего. Может быть, этому сближению поспособствовало и то, что в конце 1830-х годов император стал жаловаться на ухудшение здоровья: его одолевали головокружения, колотье в боку, приливы крови к голове. Судя по симптомам, у монарха развилось какое-то заболевание сердечно-сосудистой системы, что в общем-то не удивительно при столь напряженном образе жизни. Именно в те годы Александр Николаевич смог по достоинству оценить степень увлечения отца историей, особенно биографиями великих государей. Он начал понимать, что ничто человеческое Николаю I не чуждо: тот свободно говорил на трех европейских языках, прилично рисовал, любил музицировать и играть в пьесах Мольера во время домашних спектаклей.

Николай Павлович и Александр стали совершать совместные прогулки, во время которых отец без утайки рассказывал сыну, как Екатерина II заставила Петра III отказаться от престола, как его убили в Ропше, о судьбе своего отца Павла I. Подобные откровения, понятно, были сугубо конфиденциальными и доверительными, думается, что они способствовали выработке у нашего героя определенного отношения к власти. Правда, к этому времени у него появилась собственная семья, да и вообще свободного времени оставалось все меньше и меньше. Иными словами, запоздавшее сближение отца и сына получилось для обоих приятным, но несколько формальным; скорее всего император, наконец, заметил, что первенец вырос из коротких штанишек, стал помощником, на которого можно переложить часть государственных забот.

Различия же между монархом и его старшим сыном, хотя и проявлялись поначалу редко, выглядели довольно существенными; иначе и не могло быть, так как по уровню образования, по складу характера они оказались достаточно разными людьми. Свидетельством тому служат несколько случаев, замеченных и пересказанных окружающими их придворными. Так, однажды, узнав, что Жуковский анализиро-

вал с наследником события 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, Николай Павлович, имея в виду декабристов, спросил сына: «Саша, как бы ты наказал их?» Мальчик подумал и ответил: «Я бы их простил». Николай I вздохнул и, ни слова не говоря, вышел из классной комнаты. Вряд ли его умилило мягкосердечие сына, скорее он подумал о том, как легко рассуждать о прощении, будучи наследником, и как трудно решиться простить врагов престола, став самодержцем³.

Во всяком случае, после этого разговора Николай Павлович упорно пытался внушить первенцу мысль о необходимости твердой руки в деле управления государством. Как-то Александр Николаевич в ответ на его вопрос сказал отцу, что Россия держится самодержавием и законом (именно этому учили его Жуковский, Сперанский и другие учителя). «Законом — нет! — возразил Николай I. — Только самодержавием и вот чем, вот чем, вот чем!» — трижды махнул он крепко сжатым кулаком. Даже предсмертная его фраза, обращенная к сыну, была весьма характерна для их отношений: «Держи все, держи все», — сказал император и сопровождал свои слова энергичным жестом, показывая как это **все** надо держать. Но подобные советы и наставления Николая Павловича пропадали втуне, Александр II не мог и не собирался им слепо следовать, хотя и отказываться от строгости и твердости действий не был намерен.

Из братьев и сестер ближе всех к наследнику престола и по возрасту, и по образу мыслей стоял великий князь Константин Николаевич. Его фигура для нас особенно интересна, так как роль великого князя в реформах 1860—1870-х годов была очень велика. Константин с детства готовился отцом к руководству Морским ведомством, недаром воспитателем его стал знаменитый полярный исследователь и моряк Ф. П. Литке. В семье, где отличались высоким ростом, крепкими мускулами, военной выправкой, великий князь рос ребенком относительно хилым, тщедушным. Его дядя, великий князь Михаил Павлович, душевной чуткостью отнюдь не отличавшийся, без обиняков называл племянника Эзопом. В семье, где предпочитали чтению физические упражнения, он рос любителем литературы и музыки (в зрелые годы профессионально играл на виолончели и фортепиано, чуть хуже — на органе). За это на него зачастую сыпались насмешки и упреки: «Костя с книжками, Костя скучен, Костя педант». А этот «педант», хотя и любил общество взрослых, мог при случае расшуметься и разрезвиться так, как все его братья и сестры вместе взятые.

С помощью постоянных упражнений Константин Николаевич избавился от физической немощи и сутуловатости, но блеск военной славы, в отличие от многих других Романовых, не слишком его прельщал. В юности он написал записку о возможности взятия Константинополя с моря; а в 1849 году получил из рук фельдмаршала И. Ф. Паскевича Георгиевский крест за боевые заслуги в Венгерском походе (честно говоря, никаких ратных подвигов в этом походе великий князь не совершил). Вот, пожалуй, и все его достижения на поле брани.

Морское же ведомство под руководством Константина Николаевича быстро набирало силу. Его руководитель пожертвовал 200 тысяч рублей личных средств на строительство новых паровых кораблей, в то время как правительство отказалось выделить деньги, ссылаясь на отсутствие их в казне⁴. Однако прославился великий князь не только этим. Он, видимо, хорошо усвоил слова Жуковского, наставлявшего его в юношеские годы: «Революция есть безумно губительное усилие перескочить из понедельника прямо в среду. Но и усилие перескочить из понедельника назад в воскресенье столь же... губительно». Будучи моложе наследника на девять лет, Константин Николаевич, похоже, раньше брата понял, что реформы в России необходимы и неизбежны. Причем, как он считал, речь должна идти не только об отмене крепостного права. Иначе «Морской сборник» — сугубо официальный орган Морского ведомства вряд ли бы стал одним из самых либеральных печатных изданий в стране, поднимавшим темы суда, отмены телесных наказаний, свободы слова. Кроме того, в недрах ведомства готовилось изменение флотского судопроизводства, во многом предвосхитившее аналогичную общероссийскую реформу 1864 года.

Константин Николаевич уже с середины 1850-х годов ясно представлял себе, **что именно** в государстве требует перемен. «Положение, — отмечал он, — становится тем важнее, что теперь явились с новою силою... важно жизненные вопросы... а именно: о крепостном праве, о раскольниках, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицию нашу так, чтобы народ находил где-нибудь суд и правду, чтоб приказания правительства исполнялись и чтоб высшие правительственные лица не были вынуждены для достижения благих целей прибегать к незаконным средствам». Заслуга великого князя состояла и в том, что он вырастил в буквальном смысле этого слова целую плеяду деятелей будущих реформ. Один из них, П. П. Семенов, взял на

себя труд подсчитать, что из пятидесяти человек, игравших достаточно важные роли в разработке крестьянской реформы, двадцать вышли из недр Русского Императорского Географического общества, которым долгие годы руководил Константин Николаевич и которое было своеобразным штабом реформ 1860-х годов.

Среди высшей петербургской бюрократии великий князь приживался с трудом и так никогда и не стал для нее «своим человеком». В конце 1850-х годов он первым принял на себя огонь, открытый реакционерами по деятелям, поддерживавшим планы реформирования страны. Противники преобразований, не осмеливаясь критиковать императора, дружно обрушились на его брата, называя того «якобинцем», «красным» и распуская о нем всяческие нелестные слухи. Будучи человеком высокообразованным, инициативным, реформатором по убеждениям, он одновременно имел несчастье быть заносчивым, высокомерным с министрами и сановниками. Как отмечали современники, внимательным и чутким Константин Николаевич оставался только с членами небольшого кружка, сплотившегося вокруг него (эти люди назывались «константиновцами»). Немудрено, что большая часть дворянства недолюбливала великого князя — одни из-за того, что считали его «отцом» крестьянской реформы, другие потому, что видели в нем символ бюрократического, верхушечного проведения реформ, отстранения от них представителей общества.

Однако у главы Морского ведомства непросто складывались отношения не только с дворянством и высшей бюрократией. Случались у него недоразумения и со старшим братом. В феврале 1855 года он, принося присягу на верность новому императору, заявил: «Я хочу, чтобы все знали, что я первый и самый верный из подданных императора». Почему Константину Николаевичу потребовалось специально подчеркивать свою верность брату-венценосцу? Видимо, это был не слишком завуалированный ответ на слухи (упорные, но совершенно неосновательные), согласно которым великий князь якобы во всеуслышание заявлял, что наследником престола должен считаться он, так как Александр родился тогда, когда их отец был еще только великим князем; **первенцем** же императора Николая I является именно он, Константин. Эти слухи, по словам очевидца, «...возбуждали недовольство императора и беспокоили его». Подобная реакция Александра II вполне естественна, впрочем, вряд ли дело было только в слухах. Константин Николаевич, решительно преобразовавший не только аппарат

Московского ведомства, но и российский флот, горячо отстаивавший отмену крепостного права, судебную, земскую и другие реформы, многим современникам представлялся истинным инициатором и мотором преобразований. Императора же, стоявшего во главе реформаторских процессов и считавшего сделанное им в 1860-х годах украшением и смыслом своего царствования, громкая слава брата не могла не раздражать.

В результате, отношения между ними были не всегда равными и, что называется, братскими. На протяжении своего царствования Александр II, с одной стороны, использовал главу Морского ведомства на самых важных и «горячих» постах, а с другой — всячески пытался поставить великого князя на место, указывая на его подчиненное положение по отношению к венценосцу. В 1859 году, выговаривая Константину по поводу серьезной размолвки того с братом Николаем, император заявил: «Ты и брат Николай, вы оба **служите мне**, и ваше дело состоит в том, чтобы друг другу помогать, а не ссориться». Через три года, отправляя великого князя в Польшу, Александр Николаевич писал ему: «Не забывай, что будучи **моим** наместником... **служи мне** верою и правдою в Польше...» По уже знакомой нам схеме Россия и монарх сливаются в этих словах в единое целое, подчеркивая тем самым, что великий князь является лишь первым подданным среди всех подданных императора. После трагической гибели Александра II Константин Николаевич оказался невостребованным новым главой государства (отношения с наследником престола Александром Александровичем, будущим Александром III, не сложились у него с давних пор). Он прожил остаток жизни в Крыму в окружении друзей и семьи.

С другими братьями и сестрами особо близких отношений у нашего героя не получилось. Они были гораздо моложе его, поэтому детские воспоминания связывали их мало, к тому же постоянное подчеркивание особого положения Александра отдаляло их от него. Для постоянного общения с братьями и сестрами позже у наследника, а затем монарха, не оставалось достаточно времени, да и политические их симпатии порою не совпадали. Великий князь Николай Николаевич не был ни одарен никакими особыми талантами, ни воспламенен какой-то высокой идеей, что он блестяще продемонстрировал во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, являясь не более, не менее как главнокомандующим русской армии. По замечанию злого на язык, но умного насмешника П. В. Долгорукого⁵, великий князь

«...имеет особую слабость, в которой он вряд ли найдет себе соперника, Он выводит и улучшает породы кур». Справедливости ради скажем, что Долгорукий ошибся, поскольку в выборе хобби Николай Николаевич не был так уж одинок. Римский император Диоклетиан в свое время тоже не без успеха занимался сельским хозяйством и даже оставил ради выращивания то ли спаржи, то ли капусты все государственные посты, чего великому князю, к сожалению, сделать не разрешили.

Другой брат Александра II великий князь Михаил Николаевич по своим способностям находился, как говорили знающие люди, «на полдороге» между Константином и Николаем. Он был чрезвычайно высокомерен и горд, что делало его непопулярным и среди высшей бюрократии, и в обществе. К преобразованиям старшего брата Михаил Николаевич относился подчеркнуто негативно, поскольку не переносил ни либеральных, ни, тем более, радикально-демократических идей и начинаний. Сестры же Александра II, как и положено великим княжнам, были достаточно рано выданы замуж, и их пути со старшим братом разошлись. Да и в детстве, как вспоминала Ольга Николаевна, им постоянно напоминали, что Александр — это особая статья, его ждет престол, а потому относиться к нему необходимо то ли с почтением, то ли просто не докучать ему своими детскими «глупостями».

Нельзя, наверное, безапелляционно утверждать, что в отцовской семье Александр Николаевич был постоянно одинок и несчастен. Он очень любил мать и сестер и с удовольствием проводил с ними свободные часы. Однако вряд ли приходится спорить с тем, что особое положение наследника престола, заметная разница в возрасте, а иногда и в уровне образования сказывались в его отношениях с родными. Может, он и не был одинок, но постоянно ощущал холодок одиночества (избранности); может, он и не был отчаянно несчастлив, но крайне редко чувствовал себя счастливым. Так неужели великому князю Александру Николаевичу, а позднее императору Александру II ни разу не довелось испытать теплоту истинной любви, ощущения человеческой заботы о себе, не затуманенного государственными соображениями? Ведь у него со временем выстроилась собственная семья: жена, сыновья, дочери... Впрочем, это слишком важная и деликатная тема, настоятельно требующая отдельного и серьезного разговора, к которому мы, не откладывая дела в долгий ящик, и перейдем.

ОТ ПЕРВОЙ ДО ПОСЛЕДНЕЙ ЛЮБВИ АЛЕКСАНДРА II

Повышенная чувственность, необходимость ощущения постоянной влюбленности были, видимо, одной из отличительных черт психологического облика всех Романовых. В качестве иллюстрации этого утверждения можно было бы сослаться на многочисленные любовные истории Петра Великого, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I... Однако, думается, у читателя эти сюжеты благодаря заботам литераторов и вообще людей, пишущих об истории, в последние годы и так, что называется, на слуху, поэтому подобные отсылки в нашем разговоре кажутся совершенно излишними. В то же время сказать несколько слов по этому поводу безусловно придется, хотя бы для разгона, то есть для того, чтобы начать разговор о личной жизни нашего героя с некой предыстории, а не брать быка за рога, ведь речь пойдет об очень тонкой материи.

Вспоминая о любовницах и любовниках тех Романовых, которым довелось взойти на престол, менее всего хочется размышлять о том, к чему приводит вседозволенность и, принимая вид сурового моралиста, грозить в прошлое пальцем. Конечно, без изрядной доли распушенности, без человеческой слабости здесь не обошлось, но вообще-то проблема видится гораздо серьезнее, чем обычно представляют ее ревнители нравственности или любители «клубнички». Не были ли любовные истории Романовых в XVIII—XIX столетиях поиском выхода из монаршего одиночества, попытками прорыва к искренней, простой человеческой любви? Ведь бегство «в женщин», в частную жизнь, даже в скандалы — это и есть бегство от трона, от официального «надо» или «нельзя», это бунт, протест против навязанных родителями и государственными соображениями семейных союзов, каждый из которых представлялся даже не лотереей (это характерно для любой семейной пары), а «русской рулеткой». Правда, убегая на поиски обычной, «земной» любви, властители, не подозревая об этом, из одиночества монаршего попадали в одиночество человеческое. Свободная смена любовников и любовниц — не то средство, которое делает людей счастливыми прочно и надолго.

Возвращаясь к нашей теме, отметим, что различия в проявлении чувственности у Романовых были достаточно существенны, индивидуальность каждого из них окрашивала влюбленности государей в особые краски, требовала различ-

ных нюансов в отношениях с женщинами. Кроме того, времена менялись, а вместе с ними менялись и отношения между полами, хотя перемены здесь были менее разительны, чем в экономике, общественной жизни или художественной культуре. Если вспомнить самодержцев, правивших в первой половине XIX века, то можно заметить, что Александр I предпочитал вызывать восхищение окружающих дам, ему нравилось их, как говорили любители смеси «французского с нижегородским», шармировать и он не слишком упорно настаивал на чем-то большем. Его отношения с фрейлинами жены трудно назвать исключительно платоническими, но в их основании лежал нарциссизм, самолюбование, желание нравиться и очаровывать⁶.

Николай I, со свойственными ему прямоотой и неумением тратить время попусту, старался покорить, завоевать, взять приступом приглянувшихся ему фрейлин, актрис или светских дам. Если же это не удавалось, то он разыгрывал перед предметом своей страсти роль средневекового рыцаря или усталого воина (как говорил один из персонажей «Тётушки Чарлея»: «Я старый солдат и не знаю слов любви»). Впрочем, эти различия лишь подчеркивали главное — Романовы не могли, да и не считали нужным скрывать свою повышенную чувственность, неумное желание находиться в состоянии перманентной влюбленности.

Заметим, что мемуаристы и мемуаристки, которые, уважая истину, не могли вообще закрыть глаза на подобные сюжеты великосветской хроники, в то же время далеко не всегда умели найти верный тон, впадая то в уродливое пуританство и нудное морализаторство, то в совершенно несвойственную им странную игривость. Так, к примеру, баронесса М. П. Фредерикс, рассказывая об альковных похождениях императора Николая Павловича, делала порой удивительно лихие замечания и выводы. «Известно, — писала баронесса, — что он (Николай I. — Л. Л.) имел любовные связи на стороне — какой мужчина их не имеет, во-первых (так их, мужчин! — Л. Л.), а во-вторых, при царствующих особах нередко возникает интрига для удаления законной супруги, посредством докторов стараются внушить мужу, что его жена слаба, больше, ее нужно беречь и т. п., а под этим предлогом приближают женщин, через которых постоянное влияние могло бы действовать... Хотя предмет его постоянной связи (фрейлина императрицы Александры Федоровны В. А. Нелидова. — Л. Л.) и жил во дворце, никому и в голову не приходило обращать на это внимание; все это делалось так скрытно, так порядочно...»

В последних замечаниях баронессы не грех и усомниться. И обращать внимание на Нелидову было кому (взять хотя бы императрицу и наследника престола), и благородство, порядочность этой ситуации вызывают законные сомнения. Однако не будем впадать в бесполезное морализаторство, тем более что до нас этим занимались десятки мемуаристов и исследователей, не согласных с игривой куртуазностью оценок баронессы Фредерикс и иже с ней. Важно другое: в отношениях с женщинами Александр II не был исключением из общепринятых правил. Но в отличие от дяди или отца он, похоже, не пытался лишь очаровывать дам или брать приступом их добродетель, он хотел просто любить и быть любимым, искал настоящую привязанность, покой, тепло... Впрочем, обо всем по порядку.

Из воспоминаний весьма осведомленной А. О. Смирновой-Россет, и не только из них одних, известно, что Александр Николаевич уже в пятнадцатилетнем возрасте увлеченно флиртовал с фрейлиной матери Натальей Бороздиной. Первая юношеская влюбленность наследника престола не осталась тайной для окружающих (что вообще могло остаться для них тайной?), да он и не считал нужным особенно скрывать ее, не видя в своих чувствах никакого криминала. Мы не знаем, что говорил Николай Павлович сыну (а страшно интересно, что он мог ему сказать, помня о Нелидовой, проживавшей в соседних покоях?), но реакция родителей на пока что невинное увлечение великого князя оказалась быстрой и решительной. Бороздина была немедленно удалена из дворца и вместе со спешно появившимся у нее мужем-дипломатом незамедлительно оказалась в Англии.

В восемнадцать лет Александр Николаевич стал предметом горячего обожания Софьи Давыдовой, дальней родственницы известного поэта-гусара Дениса Давыдова. Одна из чувствительных современниц, посвященная в сердечную тайну девушки, писала в духе то ли вышедшего уже из моды сентиментализма, то ли модного еще романтизма: «Она любила наследника так же свято и бескорыстно, как любила Бога, и, когда он уезжал в свое путешествие по Европе (1836—1840 годы. — Л. Л.), будто предчувствовала, что эта разлука будет вечной. Она простилась с ним, как прощаются в предсмертной агонии, благословляя его на новую жизнь...» Чувство Давыдовой к цесаревичу было чисто платоническим. Не одна российская барышня испытывала нечто подобное к Александру Николаевичу, но только Софье Дмитриевне удалось попасть на станицы литературного произведения (о ее любви написана необычайно дамская по-

весть), а потому чувство именно этой девушки нашло заметный отклик в душах современников и осталось в истории.

В двадцать лет наследник престола впервые влюбился самым серьезным образом. Предметом его страсти стала опять-таки фрейлина (что делать, если именно они, фрейлины, были всегда перед глазами и под рукой) императрицы Александры Федоровны некая Ольга Калиновская. Когда придворные заметили симпатию красивой девушки и Александра Николаевича друг к другу, то немедленно доложили об этом императрице. Любовь наследника к Калиновской оказалась для царской семьи еще более неприемлемой, чем флирт с Бороздиной. Ольга была не только «простой смертной», то есть в ней не текло ни капли королевской крови, но еще и являлась католичкой — сочетание для Зимнего дворца сколь знакомое (великий князь Константин Павлович, брат Николая I, был женат на польской графине Лович), столь и скандальное. Эта история заставила императорскую чету поволноваться и оставила след в переписке супругов. В одном из писем жене Николай I передает ей свой разговор с Х. А. Ливеном: «Мы говорили про Сашу. Надо ему иметь больше силы характера, иначе он погибнет... Слишком он влюбчивый и слабовольный и легко попадает под влияние. Надо его непременно удалить из Петербурга...» Александра Федоровна, в свою очередь, записала в дневнике: «Что станет с Россией, если человек, который будет царствовать над ней, не способен владеть собой и позволяет своим страстям командовать собой и даже не может им сопротивляться?» И вновь из письма Николая I: «Саша недостаточно серьезен, он склонен к разным удовольствиям, несмотря на мои советы и укоры...»

Скандал в благородном семействе набирал силу, пока, наконец, не было решено всерьез и надолго разлучить влюбленных и поспешить с поисками подходящей партии для наследника престола. С этой целью Александр Николаевич был отправлен за границу, тем более что такое путешествие соответствовало плану его обучения. Ему повезло в том, что Жуковский, сопровождавший ученика в его европейском турне, был крупным поэтом-романтиком, специалистом в выражении возвышенных романтических чувств, к тому же он прекрасно помнил о собственных горестях на любовном фронте⁷. Поэтому, как нам представляется, поэт оказался идеальным попутчиком для разочарованного в жизни и убитого горем юноши.

Жуковский чутко ощущал страдания будущего самодержца, разлученного с возлюбленной, и не раз восхищался его

выдержкой и верностью долгу. Сам же Александр Николаевич, похожий в тот момент на кого-то вроде гетевского Вертера, только в письмах к отцу позволял своей боли выплескиваться наружу. «Ты, наверное, заметил, — писал он в одном из них, не подозревая, насколько отец «заметил» то, о чем он ему писал, — мои отношения с О. К. ...Мои чувства к ней — это чувства чистой и искренней любви, чувства привязанности и взаимного уважения». Отцу же нечем было утешить сына, кроме обещания позаботиться о достойном будущем его возлюбленной.

Как уже упоминалось, в Дармштадте наследник российского престола познакомился с пятнадцатилетней Марией, носившей, как и положено германской принцессе, пышный шлейф имен: Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария. Вряд ли между молодыми людьми тотчас вспыхнуло чувство шекспировского или шиллеровского накала. Страдающему от насильственной разлуки с Калиновской Александру Николаевичу казалось, как это часто бывает в юности, что все потеряно, единственная, настоящая любовь разбилась о непонимание окружающих, о подножие престола. Можно предположить, что именно с такими ощущениями он, помня о долге монарха, написал отцу письмо, в котором говорил о возможности своего брака с симпатичной дармштадтской принцессой.

Однако на пути этого, казалось бы, со всех сторон приемлемого союза возникло неожиданное препятствие. Дело в том, что по европейским дворам давно ходили глухие слухи о незаконном происхождении принцессы. Задолго до рождения Марии ее родители фактически разошлись, жили порознь и имели любовные связи на стороне. Поэтому настоящим отцом принцессы молва называла не герцога Людвига, а его шталмейстера, красавца барона де Гранси. Эти слухи, дошедшие до Петербурга, чрезвычайно взволновали императрицу Александру Федоровну, которая яростно воспротивилась браку своего первенца с «незаконнорожденной» дармштадтской. Император Николай I, слава богу, оказался гораздо хладнокровнее и мудрее супруги. Понимая, что еще одна любовная неудача может всерьез надломить наследника и заставить его надеть глупостей, он решил изучить вопрос всесторонне. Прочитав отчеты Жуковского и Кавелина о событиях в Дармштадте и ознакомившись с циркулировавшими по Германии слухами, император решил проблему кардинальным образом. Он раз и навсегда запретил своим подданным (значит, и супруге), а заодно и германским дворам, обсуждать вопрос о происхождении Марии. Нарушать

приказ монарха не осмелился никто ни в России, ни в Европе. Николаевское самодержавие с его грозной репутацией зачастую оказывалось весьма полезным институтом.

Тем временем продолжавший путешествие по Европе наследник престола умудрился завязать очередной роман, еще более бесперспективный, чем предыдущие. На этот раз дело происходило в Англии. В 1839 году королеве Великобритании Виктории исполнилось двадцать лет, и она, повиная долгу монарха, была озабочена выбором мужа, принца-консорта⁸. Напомним, что Россия не была для Виктории только далекой экзотической страной, как для большинства ее подданных. Ее крестным отцом являлся император Александр I, именно в честь него, победителя Наполеона, новорожденная получила имя Александры, о котором позже никто не вспоминал под впечатлением ухудшения англо-российских отношений. Иногда политические причины не давали монархам возможности сохранить даже данное при крещении имя.

Итоги первого же бала, устроенного английским двором в честь высокого русского гостя, оказались не совсем обычными. Первый адъютант Александра Николаевича полковник С. А. Юрьевич записал в дневнике: «На следующий день после бала наследник говорил лишь о королеве... и я уверен, что и она находила удовольствие в его обществе». Тон адъютантской записи, как видим, легкомысленный, даже несколько игривый, мол, знай наших! Юрьевич пока не видит опасности в легком царственном флирте. Однако через два-три дня тон записей в дневнике полковника меняется почти на панический. «Цесаревич, — пишет Юрьевич, — признался мне, что влюблен в королеву, и убежден, что и она вполне разделяет его чувства...»

Перспектива превращений наследника российского престола в британского принца-консорта совершенно не входила в планы Зимнего дворца. Наследники — товар, если можно так выразиться, слишком штучный, чтобы ими можно было легко разбрасываться. Конечно, нам с вами было бы любопытно пофантазировать о том, как изменилась бы карта Европы и мира в результате подобного союза. Однако оставим описание того, что было бы, если бы... историческим маңберистам, у нас еще появится возможность поговорить о вариативности исторического процесса.

Пока же английское правительство, запаниковавшее не меньше Зимнего дворца, удалило Викторию в Виндзорский замок, затруднив тем самым встречи молодых людей. Решение оказалось своевременным, так как Александр Николае-

вич не ошибался по поводу чувств, которые королева питала к нему. Во всяком случае, в своем дневнике Виктория, еще не выработавшая своего стиля, который так и назовут викторианским, в те дни писала: «Я совсем влюблена в Великого князя, он милый, прекрасный молодой человек...» Сейчас трудно сказать, насколько чувства Виктории и Александра были сильны и долговременны. Во всяком случае, вскоре, как и следовало ожидать, государственные интересы двух стран возобладали над их то ли любовью, то ли увлечением друг другом. Молодые люди осознали неосуществимость своей мечты и сочли за благо принести ее в жертву долгу. Расставание их было печальной неизбежностью, и с этим они оба, скрепя сердце, смирились⁹.

Таким образом, к началу 1840-х годов женщины, в которых влюблялся Александр Николаевич, оказались для него, по тем или иным причинам, недоступны. Вернувшись в Россию, он, правда, попытался вновь встретиться с Калиновской, но Николай I пресек продолжение этого романа со свойственной ему решительностью. Калиновская была выдана замуж за супруга ее покойной сестры, богатейшего польского магната Иринья Огинского. Позже старший сын этой четы будет утверждать, что он является сыном Александра II, но доказательств этому ни он, ни мы привести не можем. Впрочем, не можем мы привести и доказательств, свидетельствующих об обратном. Под влиянием обстоятельств и давлением родителей Александр Николаевич вернулся к «дармштадтскому варианту», и, честно говоря, этот вариант оказался совсем не плох.

Начнем с портрета великой княгини Марии Александровны, оставленного ее фрейлиной Тютчевой. «Прекрасны ее чудесные волосы, — пишет та, — ее нежный цвет лица, ее большие голубые, немного навывкат глаза, смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок немного отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами, без малейших признаков к воодушевлению и порывам, а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст с выражением глаз».

Мария Александровна хорошо разбиралась в музыке, прекрасно знала новейшую европейскую литературу. Вообще широта ее интересов и душевные качества приводили в восторг многих из тех, с кем ей довелось встречаться. «Своим умом, — писал известный поэт и драматург А. К. Толстой, — она превосходит не только других женщин, но и большинство мужчин. Это небывалое сочетание ума с чисто

женским обаянием и... прелестным характером». Другой поэт, Ф. И. Тютчев, посвятил великой княгине пусть и не самые лучшие, но возвышенные и искренние строки:

Кто б ни был ты, но встретишь с ней,
Душою чистой иль греховной,
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный...

В России Мария Александровна скоро стала известна широкой благотворительностью — мариинские больницы, гимназии и приюты были весьма распространены и заслужили высокую оценку современников. Всего она патронировала 5 больниц, 12 богаделен, 36 приютов, 2 института, 38 гимназий, 156 низших училищ и 5 частных благотворительных обществ — все они требовали от великой княгини неусыпного внимания. На них Мария Александровна тратила и государственные деньги, и часть своих средств, ведь ей выделялись на личные расходы 50 тысяч рублей серебром в год. Она оказалась человеком глубоко религиозным и, по свидетельству современников, ее легко можно было представить в монашеской одежде, безмолвную, изнуренную постом и молитвой. Впрочем, для будущей императрицы такую религиозность вряд ли можно было считать достоинством. Ведь ей приходилось выполнять многочисленные светские обязанности, а чрезмерная религиозность приходила с ними в противоречие.

Переезд в Россию стал для Марии Александровны не простым делом, явившись для нее подлинным потрясением. Блеск и роскошь двора, частью которого она должна была стать, угнетали ее до слез. Первые годы она боялась всего на свете: свекрови, свекра, фрейлин, придворных, своей неловкости, «недостаточного французского». По ее собственным словам, будучи цесаревной, она жила «как волонтер», готовый каждую минуту вскочить по тревоге, но еще не слишком хорошо знающий, куда бежать и что именно делать. Положение жены наследника престола, а затем императрицы требовало от Марии Александровны слишком многого. Она была нежно привязана к мужу и детям, пыталась добросовестно исполнять обязанности, налагавшиеся на нее, но, как это часто бывает, чрезмерные усилия лишь подчеркивали отсутствие у нее столь необходимой государственному деятелю ответственности. Она по природе своей была слишком не императрицей. «В моей голове, — говаривала Мария Александровна, — все попеременно... смех и слезы, благоразумие и сумасбродство, сильные увлечения и мелочность, доброта и жела-

ние посмеяться над ближним, а при случае, быть может, даже героизм». Трудно сказать об остальном, но своеобразный героизм ей приходилось проявлять чуть ли не ежедневно.

Женщина далеко не безвольная, она направляла все свои усилия на выполнение долга, соответствие занимаемому посту. Может быть, поэтому супруга Александра Николаевича многим казалась осторожной до крайности, что делало ее в жизни слабой, нерешительной, а то и тягостной в общении. Мария Александровна, естественно, особо ценила уединение и малочисленное собрание знакомых лиц, что для императрицы являлось или считалось (а по отношению к царствующим особам это, по сути, одно и то же) пороком. Ее вскоре начали обвинять в чрезмерной гордости (чего на самом деле не было и в помине). Даже такой умный и внимательный наблюдатель, как Б. Н. Чичерин¹⁰, признавая за императрицей ум, образованность, возвышенную душу, говорил о том, что впечатления от общения с ней: «... подрывались непонятной апатией, которая делала ее неспособной к долгой работе». Почему Борис Николаевич не предположил, что императрице было тяжело или попросту неинтересно с ним беседовать?

К тому же до восшествия вместе с мужем на престол у Марии Александровны начала развиваться тяжелая болезнь (туберкулез), спровоцированная промозглым петербургским климатом и частыми родами. В 1860 году, когда она родила последнего ребенка, ей исполнилось 36 лет, и болезнь уже ни для кого не составляла секрета. Придворные шептались по углам, что императрица страшно похудела, превратилась почти в скелет, покрытый толстым слоем румян и пудры. Изменилась и обстановка вокруг нее. В. П. Мещерский вспоминал: «Так, например, гостиная императрицы была уже не та. Прежде, с начала царствования, в Петербурге говорили об этой гостинной, потому что в ней раз или два раза в неделю бывали небольшие вечера, где велись оживленные беседы о вопросах русской жизни... Но в 1864 году уже этих вечеров исчезли и следы. И все знали с грустью, что императрица старалась отстраниться от всякого прямого вмешательства в дела... Вечера бывали, но они имели характер светский и абсолютно не политический... Только по средам, когда император уезжал на охоту, императрица собирала у себя за обедом иногда людей для политической беседы...» Впрочем, виной тому, о чем рассказывает Мещерский, была не одна болезнь, но об этом чуть позже.

И все же в конце 1850-х — начале 1860-х годов императрица и не помышляла о самоустранении от государственных

забот, да и как она могла от них устраниваться? В 1857 году известный либерал-западник К. Д. Кавелин, находясь за границей, был принят лечившейся на водах Марией Александровной и говорил с ней о проблемах воспитания наследника престола (великого князя Николая Александровича) и о необходимости освобождения крепостных крестьян. Императрица поведала ему, что отмена крепостного права всегда была заветной мечтой ее супруга (оставим на ее совести это «всегда», являющееся явным преувеличением, для нас важно, что Александр II твердо желал этого в конце 1850-х годов). Что же касается вопросов воспитания и образования, то, по словам Кавелина: «... эта женщина разбирается в них лучше педагога». Помимо педагогики, Мария Александровна живо интересовалась политикой и нередко присутствовала при чтении дипломатических депеш и военных донесений. Нет ничего удивительного в том, что Александр II охотно советовался с супругой, которая всегда была в курсе докладов его министров.

Впрочем, идиллия совместных трудов на благо отечества продолжалась недолго, иной поворот событий выглядел бы чересчур благостно и малоправдоподобно. Доверие императора к супруге вызвало ревность его ближайшего окружения (к тому же оно было слишком не похоже на отношения между Николаем Павловичем и Александрой Федоровной), и придворные начали нашептывать ему, что по Петербургу ходит слух, будто Мария Александровна им руководит, а значит, является соправителем государства. Этот шепоток упал на подготовленную почву, с детских лет предположение о том, что он может быть чьим-то «ведомым», было наиболее обидным для Александра Николаевича. Слух же о том, что он находится «под каблуком» у жены, оскорбителен не только для монарха, но и для всякого взрослого мужчины (совершенно не важно при этом, справедлив подобный слух или нет). Не удивительно, что государь вскоре перестал говорить с императрицей о делах и вообще начал обходиться с ней довольно холодно. Отныне, если она хотела за кого-нибудь хлопотать, то вынуждена была обращаться к министрам, у мужа ее просьбы вызывали лишь резкую отповедь.

Выше приводился портрет императрицы, нарисованный Тютчевой. Будет небезынтересно посмотреть глазами той же фрейлины на нашего героя. «Черты лица его, — пишет Анна Федоровна, — были правильны, но вялы и недостаточно четки; глаза большие, голубые, но взгляд мало воодушевленный; словом, лицо его было маловыразительно и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при пуб-

лике считал себя обязанным принимать торжественный или величественный вид... когда он позволял себе быть самим собой, все его лицо освещалось добротой, приветливой и нежной улыбкой, которая делала его на самом деле симпатичным».

Даже учитывая огромную привязанность Тютчевой к императрице, а также силу женской солидарности, крепнувшей перед лицом мужской неверности (об этом подробная речь пойдет чуть позже), учитывая и то, что император часто вынужден был играть столь нелюбимую фрейлиной роль сурового, но справедливого владыки, держа в голове все это, отдадим должное проницательности Анны Федоровны. Она абсолютно права в том отношении, что Александр и Мария, видимо, представляли собой далеко не идеально совместимую пару. Императрица была в этом дуэте чересчур возвышенным началом, а ее муж представляется абсолютно земной, даже несколько приземленной личностью.

Им пришлось пережить вместе немало тяжелых минут, даже потрясений (так, в 1849 году умер первый ребенок Александра и Марии, дочь Александра), но испытания до поры только сближали великокняжескую чету. Переломным моментом, неким водоразделом в их отношениях стала, по мнению большинства современников и исследователей, болезнь и внезапная смерть наследника престола, великого князя Николая Александровича. Он заболел вследствие то ли падения с лошади, то ли от удара об угол мраморного стола во время шутилой борьбы с принцем Лейхтенбергским. Причем в первое время на ушиб позвоночника родные не обратили особого внимания, не замечая, что цесаревич бледнел, худел, иногда не мог выпрямить спину и ходил немного согбленным. На его долю доставались лишь упреки окружающих за то, что он специально «ходит стариком». Болезнь же тем временем прогрессировала.

Впрочем, недостаточно внимательными оказались не только родные великого князя, но и наблюдавшие его специалисты-медики. Они пользовали Николая Александровича от ревматизма или какой-то иной невралгической хвори, болезнь же начинала приковывать наследника к постели, сначала на недели, затем и на месяцы. Лишь после этого ему посоветовали отправиться на лечение в Ниццу, где французские врачи поставили роковой диагноз — туберкулез позвоночника. Весной 1865 года состояние наследника стало критическим, и на юг Франции прибыла царская чета с сыновьями Владимиром и Алексеем. Царский поезд пересек Европу с небывалой для тех лет скоростью, всего за 85 часов.

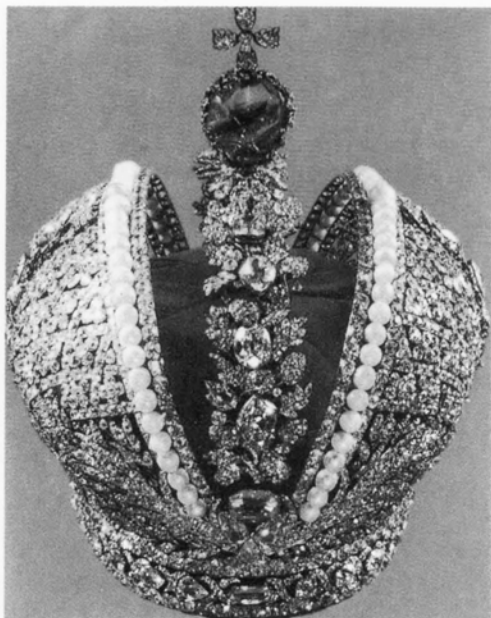
Трудно поверить, но и здесь, во время смертельной болезни старшего сына, приличия диктовали Александру II и Марии Александровне свою волю. Императрица ежедневно навещала великого князя после обязательной прогулки в коляске. Но однажды Николай Александрович почувствовал себя хуже и стал отдыхать в часы обычного визита к нему матери. В результате они не виделись несколько дней, и Мария Александровна поделилась с одной из фрейлин своей досадой на это обстоятельство. «Да отчего же Вы не поедете в другой час?» — удивилась та. «Нет, это мне неудобно», — ответила императрица, будучи не в силах нарушить заведенный порядок даже тогда, когда речь шла о жизни ее любимого сына.

Александру же Николаевичу не давало покоя сознание того, что, быть может, именно он стал невольной причиной болезни цесаревича. В детском возрасте наследник был хрупким, чересчур изнеженным ребенком, и, чтобы исправить этот недостаток, отец приказал ему усиленно заниматься физическими упражнениями, что привело, пусть и случайно, к печальному исходу. А ведь речь шла не только о жизни цесаревича. Император видел, как в результате разворачивающихся событий ухудшалось здоровье и Марии Александровны. Кроме того, как мы уже отмечали, наследник престола — это не просто царский сын, это человек, определенным образом подготовленный к занятию трона, в конце концов, человек, избранный на этот пост Богом. 11 апреля 1865 года Александра Николаевича разбудили в шесть часов утра и доложили, что «цесаревич слабеет». В тот же день Николай Александрович умер, а 16 апреля гроб с телом наследника был перенесен на фрегат «Александр Невский», который 28-го числа того же месяца прибыл в Петербург¹¹. Наследником же престола был объявлен великий князь Александр Александрович.

Роковое для жизни императрицы впечатление произвели на нее и измена мужа (о которой речь, как мы и обещали, пойдет ниже), и многочисленные покушения народников-террористов на его жизнь. В своей сумме эти события не позволили ей ни оправиться от болезни, ни забыть о бедах и горестях, свалившихся на ее плечи. Ей ничего не оставалось, как только повторить что-то вроде: «Больше незачем жить, я чувствую, что это меня убивает... Знаете, сегодня убийца (А. К. Соловьев. — Л. Л.) травил его как зайца. Это чудо, что он спасся». К 1880 году Мария Александровна превратилась в собственную тень или, как предпочитали выражаться придворные, «стала воздушной». Она вставала толь-

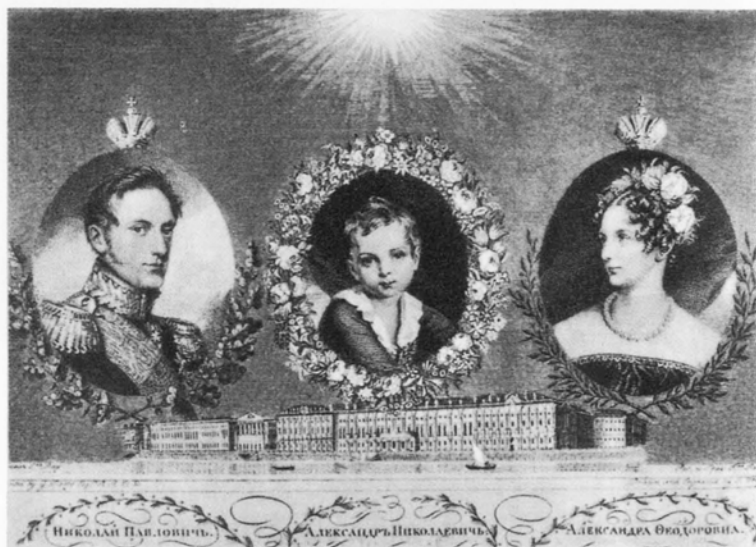

Уже одинок.

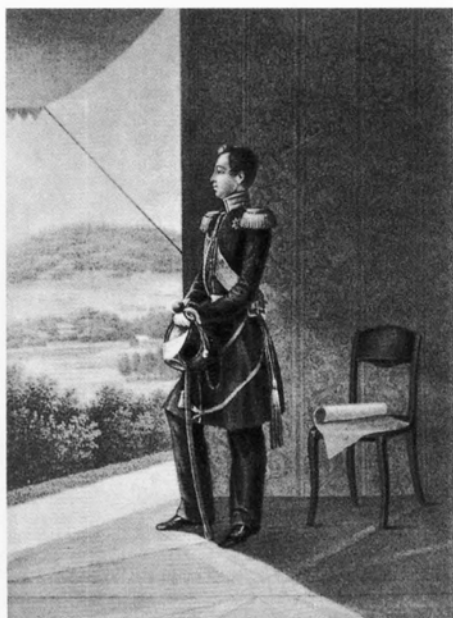
Корона
Российской империи.

Александр с родителями.

Разные облики наследника.

К. К. Мердер.

В. А. Жуковский.

Детский остров в Александровском парке (Царское Село).

М. М. Сперанский.

Е. Ф. Канкрин.

Ф. И. фон Бруннов.

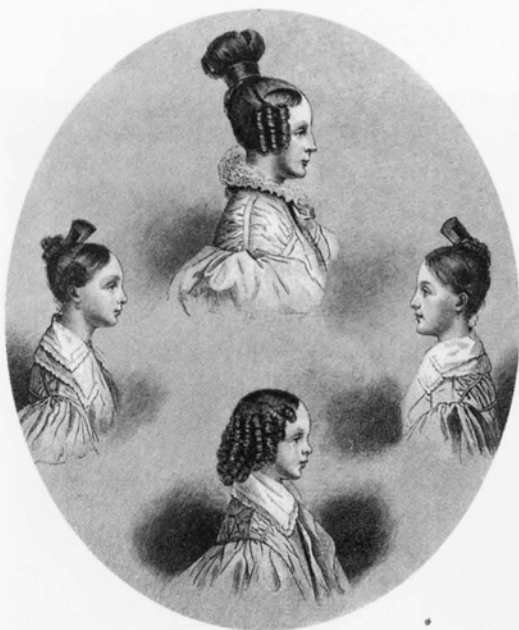

Барон Жомини.

На морской прогулке.
Великий князь
Константин
Николаевич
с родителями.

Императрица
Александра Федоровна
с дочерьми.

Рисунок Александра
«Батальная сцена».

Дорожничья ма-
машка. и ты
приедешь? Какая
са мама и скажи
что я ел и примил
узна. Ты и у те-
бя и мама и всегда
буду вамъ пошу-
шныкъ сыноу
Сама.

Письмо Александра к Маме.

Николай I в последние годы жизни.

Александр Николаевич на Кавказе.

Рядом с отцом.

Въезд Александра Николаевича в Москву перед коронацией.

Невеста
наследника
престола —
великая княгиня
Мария
Александровна.

Редкие минуты
отдыха.

В Зеркальном кабинете
Марии Александровны
(Царское Село).

Любимцы императорской семьи.

Александр со своими детьми.

Любимая дочь
Александра II —
Мария.

Два брата —
два наследника:
Николай и Александр.

Катя Долгорукая — смолянка.

Княгиня Е. М. Долгорукая
(Юрьевская).

Малый дворец в Ливадии.

Александр II
в коронационном наряде.

Августейшая семья.

Самодержавная чета (конец 1860-х годов).

ко затем, чтобы совершить утренний туалет, и изредка принималась к обеду в кругу семьи. 17 февраля 1880 года у нее случился очередной приступ болезни, который оказался настолько силен, что императрица впала в летаргическое состояние и даже не слышала взрыва, произведенного в Зимнем дворце Степаном Халтуриным. Иными словами, с середины 1860-х годов жена физически не могла в полной мере оставаться опорой, помощницей и утешительницей императора. 22 мая 1880 года Мария Александровна скончалась. Незадолго до этого она попросила, чтобы ей дали умереть в одиночестве. «Не люблю я этих пикников возле смертного одра», — так больная в последний раз выразила свою приверженность к уединению и покою, которых она была столь долго лишена.

Обожание Александром II супруги или, точнее, уважение к ней на протяжении всей ее жизни оставались неизменными, однако они все больше напоминали заученный раз и навсегда ритуал. Утром бесстрастный поцелуй, дежурные вопросы о здоровье, о поведении и учебных успехах детей, беседа на родственно-династические темы. Днем совместное участие в парадах и церемониях, позже — визиты к родственникам или выезд в театр, обязательный чай вдвоем или в обществе детей. Но ночи они проводили раздельно, чувственность давно ушла из их отношений. Сыновья и дочери приносили императору много радости, он любил проводить время в семейной обстановке, играть с детьми, но, к сожалению, располагать собой в полной мере он не мог. Первыми это почувствовали старшие сыновья. «Папа теперь так занят, — говорил маленький Николай Александрович, — что он совершенно болен от усталости. Когда дедушка был жив, он ему помогал, а Папа помогать некому». Брату вторил великий князь Александр Александрович (будущий император Александр III): «Папа мы очень любили и уважали, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог нами столько заниматься, как милая, дорогая Мама».

Подрастая, царственные дети приносили родителям, как водится, не только радости, но и неожиданные заботы. Весной 1864 года великий князь Александр Александрович влюбился во фрейлину матери Марию Мещерскую. Александр II гневался и ругал сына за «неразумие», но не мог не вспомнить о своем былом чувстве к Ольге Калиновской, уж слишком явственными оказались параллели в «неразумности» поведения сына и отца. Великий князь, уже тогда отличавшийся редким упрямством, заявил, что отказывается от возможных претензий на престол, поскольку не хочет расставаться

с любимой. Император растерялся и, не сумев найти сколько-нибудь убедительных аргументов против чувства сына, воспользовался своим положением самодержавного владыки. «Что же ты думаешь, — заявил он, — я по доброй воле на своем месте? Разве так ты должен смотреть на свое призвание?.. Я тебе приказываю ехать в Данию... а княжну Мещерскую я отошлю».

Семейные неурядицы, хотя они и случались достаточно редко, мучили и изводили Александра Николаевича. Впрочем, будем беспристрастны, он и сам зачастую оказывался причиной этих неурядиц (если не сказать сильнее). Его последняя любовь, практически разрушившая законную семью, была, безусловно, чувством сильным, высоким, но для династии весьма неприятным и даже опасным... Когда все это началось? Может быть, в 1859 году, когда впервые после окончания Крымской войны Александр II решил провести крупные маневры на Украине? Определившись с датой и точным местом маневров, император принял приглашение князя и княгини Долгоруких посетить их имение Тепловку, расположенную в окрестностях Полтавы, где и должны были состояться учебные баталии.

Род Долгоруких вел свое начало от Рюриковичей, то есть был весьма знатным и состоял в отдаленном родстве с царской фамилией. Первой реальной исторической личностью в этом роду являлся князь Михаил Черниговский, замученный в Золотой Орде в 1248 году. Во времена более близкие и цивилизованные, скажем, в конце XVII — начале XVIII века самым заметным представителем рода Долгоруких стал князь Алексей — один из любимцев Петра I. Отцом будущего предмета любви Александра II Екатерины оказался отставной капитан гвардии Михаил Долгорукий, а матерью — Вера Вишневская, богатейшая украинская помещица. Правда, к концу 1850-х годов богатство семейства Долгоруких было уже в прошлом. Тепловка, последнее их пристанище, оказалось заложенным и перезаложенным, заниматься хозяйством глава семьи не хотел, да и не знал, как за это взяться, а у Долгоруких подрастали четыре сына и две дочери, которых приличия требовали пристроить одних в гвардию, других в Смольный институт благородных девиц.

Здесь, в Тепловке, и состоялась первая встреча Александра II, которому к тому моменту исполнился 41 год, и тринадцатилетней княжны Долгорукой. Французский посол в России Морис Палеолог со слов очевидцев позже восстановил картину этой встречи. В один прекрасный день, отдыхая в Тепловке, император расположился на веранде, где к не-

му и подбежала девочка. «Кто вы, дитя мое?» — спросил ее Александр Николаевич. «Я — Екатерина Михайловна. Мне хочется видеть императора», — ответила та. Искреннее любопытство прелестной девочки растрогало монарха, он дружески побеседовал с ней, а затем серьезно поговорил со старшими Долгорукими, пообещав уладить финансовые проблемы семейства.

Действительно, Александр II посодействовал вступлению братьев Долгоруких в петербургские военные учебные заведения, а сестер — в Смольный институт, причем обучение переехавших в столицу шестерых Долгоруких велось за счет государя. Четыре года спустя князь Михаил умер и, чтобы оградить патронируемое семейство от кредиторов, Александр Николаевич взял Тепловку под императорскую опеку. Отметим, что и эта мера не помогла Долгоруким вернуть свое бывшее состояние. Их мать, княгиня Вера, переехала в Петербург, где купила весьма скромную квартирку на окраине города, это все, что она могла себе позволить.

Весной 1865 года император по традиции посетил Смольный институт, послав предварительно, как было заведено истари, роскошный обед для всех воспитанниц и преподавателей института. Услышав от начальницы Смольного госпожи Леонтьевой имена Екатерины и Марии Долгоруких, Александр II вспомнил Тепловку и захотел увидеть девушек. Екатерине в ту пору исполнилось 18 лет, Марии — 16. Старшая сестра оказалась девушкой среднего роста, с изяшной фигурой, изумительно нежной кожей и роскошными светло-каштановыми волосами. У нее были выразительные светлые глаза и красиво очерченный рот. Здесь самое время вспомнить об одной особенности характера императора. По словам Б. Н. Чичерина: «Не поддаваясь влиянию мужчин, Александр II имел необыкновенную слабость к женщинам... в присутствии женщин он делался совершенно другим человеком...» Не знаю, как насчет других дам, но Екатерина Михайловна сразила монарха, что называется, наповал.

В это время при дворе подвизалась бывшая смолянка, некая Варвара Шебеко. Дама во всех отношениях приятная и услужливая, она уже до этого не раз выполняла достаточно деликатные поручения императора. Не будем скрывать, Александр Николаевич в начале 1860-х годов имел немало романтических приключений и в Зимнем дворце, и вне его. Его «донжуанский список» нельзя сравнить, скажем, с пушкинским, но с 1860 по 1865 год он, по слухам, переменял полдюжины любовниц: Долгорукую 1-ю, однофамилицу Екатерины Михайловны, Лабунскую, Макову, Макарову,

Коращи и так далее... Даже приняв этот список на веру, можно смело сказать, что все это были лишь мимолетные увлечения, попытки бегства от дворцового одиночества, не принесшие нашему герою никакого облегчения, серьезным чувством здесь и не пахло. Оставим пуританство его ревностным защитникам, вспомним лучше слова Гамлета: «Если обходиться с каждым по заслугам, кто уйдет от порки?»

Один из хорошо осведомленных очевидцев событий обронил интересную фразу: «Александр II был женолюбом, а не юбочником». Различие достаточно тонкое, но в нем есть кое-какой смысл. Не знаю, что имел в виду автор этого афоризма, но, думается, нечто вроде того, что «случаи» и мимолетные романы, которые могли бы удовлетворить обычного юбочника, совершенно не затрагивали сердца императора и не давали никакого успокоения его душе. Он был не сладострастен, а влюбчив и искал не удовлетворения своих прихотей, а глубокого настоящего чувства. В этом чувстве его привлекали не столько высокий романтизм или острые ощущения, сколько желание обрести подлинный покой, тихий и прочный семейный очаг. Ведь брак с Марией Александровной был не просто семейным союзом, а скорее договором о сотрудничестве, заключенным сторонами для выполнения определенных государственных обязанностей.

Итак, самодержец вновь прибег к помощи Варвары Шебеко, именно через нее Кате посылались сласти и фрукты. Устроить это было нетрудно, поскольку услужливая Варвара приходилась родственницей начальнице Смольного института госпоже Леонтьевой, которая также оказалась втянутой в разворачивавшуюся интригу. Однажды Катя простудилась и попала в институтскую больницу, встревоженный император инкогнито посещал ее в палате, а устраивала эти визиты все та же Шебеко. Последняя подружилась и с княгиней Верой Долгорукой, одолжила ей деньги, выданные для этой цели Александром II, и расписала перед ней блестящие перспективы, открывающиеся перед ее дочерью. Обедневшей княгине эти перспективы показались действительно многообещающим выходом из финансового тупика для ее семьи.

Обе женщины, единственные близкие Кате в чужом Петербурге люди, усиленно внушали девушке мысль о покорности судьбе, о том, что любовь царя к ней — редкая, уникальная возможность устроить свою жизнь и жизнь своих близких. Однако Катя продолжала держаться от монарха на расстоянии, и ее сдержанность воспламеняла Александра Николаевича больше, чем изощренная опытность его прежних возлюбленных. Пребывание Долгорукой в Смольном стало ме-

шать дальнейшему развитию романа, и Шебеко инсценировала ее уход из института «по семейным обстоятельствам». Княжна поселилась у матери, но это оказалось не лучшим выходом из положения. Посещения императором их квартиры выглядели бы явным вызовом приличиям, к чему страстно влюбленный монарх все же не был готов. Тогда находчивая Варвара предложила, в качестве временного выхода, «случайные» встречи Долгорукой и государя в Летнем саду.

В середине 1860-х годов Александр Николаевич оставался привлекательным мужчиной, находившимся в расцвете зрелости. Во всяком случае, французский писатель-романтик Теофиль Готье, побывавший в эти годы в России, оставил следующий портрет императора: «Александр II был одет в тот вечер в изящный восточный костюм, выделявший его высокую стройную фигуру. Он был одет в белую куртку, украшенную золотыми позументами, спускавшимися до бедер... Волосы государя коротко острижены и хорошо обрамляли высокий красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными художником. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому цвету лица, обветренному во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определены, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица, величественно спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой».

Однако для Долгорукой любовь к ней монарха продолжала оставаться чем-то не совсем реальным, хотя постепенно и заполнявшим всю ее жизнь. Это давало ей необычайное спокойствие, озадачивавшее Александра II. Он, будучи человеком порядочным и по-настоящему влюбленным, искавшим ответного чувства, не хотел прибегать к принуждению, настойчиво пытаясь убедить Катю в искренности и чистоте своей любви. Та же относилась к нему только как к государю, то есть владыке земному и почти небесному. Для нее слова «любовь императора» и «любовь к императору» наполнялись совершенно не тем содержанием, каким хотелось бы окружающим. Она абсолютно не понимала, почему мать и тетя Вава (так младшие Долгорукие называли Шебеко) бранят ее за «неприличное поведение по отношению к императору» (формулировка действительно более чем странная). Она готова была почитать, да и почитала царя как образцовая подданная Российской империи. Слова же наставниц о том, что она может потерять тот уникальный шанс, который предоставляет ей слепой случай, проходили мимо ее сознания, поскольку меркантильные интересы не играли для нее пока никакой роли.

В 1865 году Екатерина Долгорукая заняла привычное место царских фавориток — стала фрейлиной императрицы Марии Александровны, хотя фрейлинских обязанностей почти не исполняла (императрице тяжело было видеть эту девушку подле себя). Постепенно регулярные встречи влюбленного монарха и преклонявшейся перед ним княжны делали свое дело, Катя стала привыкать к императору, начала позволять себе видеть в нем не только владыку, но и приятного мужчину, встречала его улыбкой, перестала дичиться. Между тем свидания в Летнем саду, на глазах праздной публики становились все более неудобными. Встречая в саду Александра II с Долгорукой, петербуржцы шептались: «Государь прогуливает свою demuазель». В целях усиления конспирации встречи были перенесены на аллеи парков Каменного, Елагиного, Крестовского островов столицы. Конкретные места свиданий, как поля битв военачальниками, заранее выбирались Шебеко, остававшейся главным хранителем высочайших секретов. В мае 1866 года скончалась княгиня Вера Долгорукая, так и не сумевшая сделать свое полтавское имение прибыльным и обеспечить приличное приданое дочерям. Теперь Тепловкой распоряжался, и достаточно бестолково, старший сын Долгоруких Михаил, который мог посылать братьям и сестрам по 50 рублей в год, смешную сумму для столичных офицеров и барышень большого света. Катя и Маша продолжали получать стипендии из средств государя (хотя старшая из них уже не училась в Смольном). Братья, окончившие корпуса, перешли на службу в военное ведомство.

Влюбленные же продолжали скитаться в поисках укромных мест свиданий, в Петербурге таких мест оказалось на удивление мало. Одно время они встречались на квартире брата Кати Михаила, но тот, боясь общественного осуждения, отказал им в приюте, чем очень удивил императора. Нашему герою казалось, что никто в городе не замечает его отношений с Долгорукой, хотя петербургское общество уже начало судачить в предвкушении грандиозного скандала. Как говорили, Александру Николаевичу вообще была свойственна уникальная способность верить, что никто не видит того, чего он не хочет, чтобы видели. А может быть, все объяснялось тем, что монарх считал, что никому не должно быть дела до его личной жизни. В июне 1866 года в Петергофе праздновалась очередная годовщина свадьбы Николая I и Александры Федоровны. В трех верстах от главного Петергофского дворца находился замок Бельведер, покои которого предоставили гостям праздника. Сюда Варвара Шебеко

и привезла ночевать Долгорукую, а сама устроилась в соседних апартаментах, чтобы создать впечатление, что девушка постоянно находилась под ее неусыпным наблюдением. В тот вечер Катя отдалась императору, и тогда же Александр Николаевич сказал ей: «Сегодня я, увы, не свободен, но при первой же возможности я женюсь на тебе, отселе я считаю тебя своей женой перед Богом, и я никогда тебя не покину». Дальнейшие события показали, что слова императора в столь деликатных вопросах не расходились с делами.

Расстаться, правда на непродолжительное время, им пришлось достаточно скоро. Петербургский «свет» узнал о происшедшем в Бельведере практически тотчас (бог весть, как это происходит, но ведь есть поговорка или чье-то удачное выражение: в России все тайна, но ничто не секрет). И Екатерина Михайловна была вынуждена уехать в Италию, чтобы дать время пересудам уняться. Слухи все равно поползли по столице, причем воображение представителей бомонда оказалось гораздо грязнее, чем у простолюдинов, которые видели в Долгорукой всего лишь императорскую «демуазель». В «верхах» же утверждали, что княжна невероятно развратна чуть ли не с пеленок, что она ведет себя нарочито вызывающе и, чтобы «разжечь страсть императора», танцует перед ним обнаженная на столе (вообще-то подобные предположения оскорбляли не только Долгорукую, но и самого Александра Николаевича. И вообще, кому какое было дело, чем и как они занимались?). Судачили и о том, что она в непристойном виде проводит целые дни и якобы даже принимает посетителей «почти не одетой», а за бриллианты «готова отдаться каждому». Вот уж воистину, мера испорченности и злости определяет оценку происшедшего.

После отъезда Долгорукой в Италию на первый план вновь выходит мадемуазель Шебеко, пытавшаяся затеять очередную головокружительную интригу. Считая, как многие другие «наблюдатели», что роман с Екатериной Михайловной является лишь минутной прихотью императора, она, чтобы не потерять своего влияния в Зимнем, решает заменить уехавшую Долгорукую ее младшей сестрой Марией. К удивлению Шебеко и иже с ней, фокус не удался, отношение монарха к старшей Долгорукой оказалось абсолютно серьезным. Александр II, придя на встречу с Марией, поговорил с ней около часа о ее житье и материальном положении, подарил кошелек, наполненный червонцами, и удалился. Для него с недавних пор не существовало других женщин, кроме Екатерины Михайловны.

Чтобы вновь увидаться с ней, монарх ухватился за первую подвернувшуюся под руку возможность. В 1867 году Наполеон III пригласил Александра Николаевича посетить Парижскую Всемирную выставку. Визит русского императора во Францию не планировался, к тому же он был опасен, поскольку в Париже осело много поляков, покинувших родину после неудачи восстания 1863 года. Однако уже в июне 1867 года царь прибыл в столицу Франции, куда из Италии спешно приехала и его возлюбленная. Французская полиция, бдительно следившая за безопасностью русского высокого гостя, аккуратно фиксировала ежедневные свидания Александра и Екатерины, ставя о них в известность своего монарха. По возвращении на родину влюбленные продолжали встречаться ежедневно, едва соблюдая правила конспирации, а точнее, установленные приличия. Тогда же, по свидетельству фрейлин императрицы Марии Александровны Тютчевой и Толстой, государь поведал жене о своей любви к Долгорукой. Мария Александровна ранее никогда ни с кем не обсуждала прежних увлечений мужа, она не допускала в своем присутствии никаких разоблачений или осуждений и этой его измены. Точно так же, вероятно, не без влияния матери, вели себя дети императора, не решаясь даже между собой обсуждать поведение отца. Императорская семья всячески пыталась соблюсти внешние приличия, а может быть, затаилась перед лицом надвигающихся потрясений.

Зато «свет» гудел, как растревоженный улей. Он особенно строго осуждал наследника престола, великого князя Александра Александровича за то, что тот не решился выступить против отца, чтобы защитить интересы династии. Но, во-первых, цесаревич, как и его супруга, пытался протестовать. Однажды, сорвавшись, он выпалил, что не хочет общаться с «новым обществом», что Долгорукая «плохо воспитана» и ведет себя возмутительно. Александр II пришел в неописуемую ярость, начал кричать на сына, топтать ногами и даже пригрозил выслать его из столицы. Чуть позже жена наследника великая княгиня Мария Федоровна открыто заявила императору, что не хочет иметь дела с его пассией, на что тот возмущенно ответил: « Попрошу не забываться и помнить, что ты лишь первая из моих подданных!» Бунта в собственной семье государь потерпеть не мог и был готов подавить его любыми средствами. Кроме того, речь в данном случае шла не просто о приличиях, а о свободе и защищенности личной жизни монарха, что было для нашего героя очень важным.

Иными словами, и это во-вторых, положение великого князя Александра Александровича являлось настолько деликатным, что его вмешательство в сердечные дела отца могло повлечь за собой скандал, а то и раскол в императорской фамилии, грозящий непредсказуемыми последствиями. Позицию, занятую членами первой семьи Александра II, лучше всего, пожалуй, выразила императрица, заявившая: «Я прощаю оскорбления, нанесенные мне, как монархине, но я не в силах простить тех мук, которые причиняют мне, как супруге». Мария Александровна мудро сместила акценты: не затрагивая династических проблем, которые касались всей страны (права ее детей на престол были для императрицы несомненны), она сделала упор на проблемах чисто семейных, бытовых, которые, по правилам хорошего тона, не подлежат обсуждению с посторонними.

Если супруга императора и его дети вели себя достаточно осторожно и разумно, то высшее общество и бюрократия жаждали разоблачений, скандала, а потому перешли в решительное наступление. Чего только не говорили об Александре Николаевиче и в чем только его не обвиняли! Ходил упорный слух, что им управляет (это вообще излюбленная тема, когда речь заходит об обвинении самодержцев) «отвратительный триумvirат», состоявший из Екатерины и Марии Долгоруких, а также Варвары Шебеко. В подтверждение этого рассказывали, как последняя однажды о чем-то настоятельно просила Александра II, а тот вяло отбивался, повторяя: «Нет, нет, я уже говорил вам, я не могу, я не должен этого делать, это невозможно». Кстати, вы можете, прочитав этот пассаж, сделать вывод о том, что императором управляли? Мне на ум приходит совершенно обратное¹².

Строгие придворные дамы, добродетель которых сомнениям не подвергалась, утверждали, что поведение государя спровоцировало бурный рост распушенности в стране: увеличилось число разводов, внебрачные дети превращались в законных, почти беспрепятственно стало возможно жениться на супруге соседа, купив соответствующее решение духовной консистории. Какие социологические исследования лежали в основе этих утверждений, трудно сказать, но больше всего строгих дам возмущало то, что государь, узнавая о подобных случаях, обычно говорил: «Что поделаешь, такое нынче время...» — и никого не ссылали в монастыри, не штрафовали, не приговаривали к церковному покаянию. А ведь дамы возмущались напрасно, император был совершенно прав. Через 10—15 лет разводов стало еще больше, вряд ли уменьшилось и количество внебрачных детей, но

эти факты перестали вызывать у публики повышенный интерес, служить причиной громких скандалов. Да и что плохого в том, что внебрачные дети стали спокойно носить фамилии своих настоящих отцов, а любящие друг друга люди могли соединять свои судьбы?

Не оставил, естественно, в покое «свет» и Долгорукую, которой доставалось даже больше, чем императору. Для придворных дам она вообще потеряла имя, проходя в их разговорах как «упомянутая дама», «тайная подруга», «барышня», «особа» и т. п. Одна из фрейлин, описывая Долгорукую, создает портрет не княгини-смолянки, а полуграмотной цветочницы Элизы Дулиттл из пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». «Я впервые услышала голос княгини, — пишет она, — и была поражена его вульгарностью. Она говорила почти не открывая рта, и, казалось, слова ее выскакивали через нос... Лицо ее имело овечье выражение, а глаза навывкате, как у всех близоруких людей, не выражали ничего». Одним словом, как говорила героиня «Пигмалиона»: «Кэптел, купите фиалки у бедной девушки».

У родственников Александра II его возлюбленная, по вполне понятным причинам, вызывала еще большую антипатию. Великая княгиня Мария Павловна в письме гессенскому принцу Александру сообщала: «Она (Долгорукая. — Л. Л.) является на все семейные ужины, официальные или частные, а также присутствует на церковных службах в придворной церкви со всем двором... Мы должны принимать ее, а также делать ей визиты... И так как княгиня весьма невоспитанна, и у нее нет ни такта, ни ума, вы можете себе представить, как всякое наше чувство просто топчется ногами, не щадится ничего». Так и подмывает посочувствовать: бедные! Вот ведь несчастье свалилось на голову — император влюбился.

В свою очередь, монарх неоднократно делал попытки объясниться с родней. В конце 1870-х годов он писал сестре Ольге Николаевне (в замужестве королеве Вюртембергской), прекрасно понимая, что содержание его письма обязательно станет известно и остальным родственникам: «Княжна Долгорукая, — говорилось в послании, — несмотря на свою молодость, предпочла отказаться от всех светских развлечений и удовольствий, имеющих обычно большую привлекательность для девушек ее возраста, и посвятила всю свою жизнь любви и заботам обо мне. Она имеет полное право на мою любовь, уважение и благодарность. Не видя буквально ничего, кроме своей единственной сестры, и не вмешиваясь ни в какие дела, несмотря на многочислен-

ные происки тех, кто бесчестно пытался пользоваться ее именем, она живет только для меня, занимаясь воспитанием наших детей, которые до сих пор доставляли нам только радость». Эти слова императора действительно стали известны всем, кому они были адресованы, но их не услышали, предпочитая упиваться «несчастьем», выпавшим на долю династии.

Паника родственников Александра II еще более усилилась, когда Долгорукой и ее детям от императора (Георгию и Ольге) был пожалован титул светлейших князей Юрьевских. Чем же этот титул так напугал представителей клана Романовых? Что касается самой Екатерины Михайловны, то прозвание «Юрьевская» должно было напомнить всем об одном из предков Романовых, боярине начала XVI века Юрии Захарьине, а также о знаменитом Рюриковиче Юрии Долгоруком. Однако гораздо более важным этот указ оказался для детей Екатерины и Александра. Во-первых, император не хотел оставлять их на прежней фамилии, опасаясь, что после его кончины род Долгоруких от них отречется и они превратятся в бесфамильных бастардов. Во-вторых, в указе названы Георгий Александрович и Ольга Александровна — здесь все дело в отчестве, в официальном признании того, что император является их отцом. С точки зрения родни Александра II, это уже становилось опасным. Апогея же паника в «верхах» достигла в 1880 году, когда слухи о желании императора узаконить свои отношения с Долгорукой стали обретать реальность.

Что, собственно, заставило родню Александра Николаевича так нервничать, почему она сочла складывающуюся ситуацию из ряда вон выходящей? Ведь даже если говорить только о XIX веке, то адюльтеры, скажем, Александра I или Николая I не были секретом и не вызывали особых волнений, тем более столь бурной реакции. Надо сказать, что сам Александр II, во всяком случае до середины 1860-х годов, придерживался достаточно ортодоксальных взглядов на проблему личной жизни членов царствующей фамилии. В 1865 году он, наставляя наследника престола, говорил: «... запомни хорошенько, что я тебе скажу: когда ты будешь призван на царствование, ни в коем случае не давай разрешения на морганатические браки в твоей семье — это расшатывает трон». Чуть позже, когда его братья Константин и Николай Николаевичи вступили в прочные связи с актрисами балета и разрушили законные браки, Александр II негодовал: «Как? Незаконные связи, внебрачные дети в нашей семье, ведь у нас никогда не было ничего серьезнее гостиных интрижек!»

Видимо, здесь-то и зарыта собака. Гостинные интриги в царствующей фамилии вполне допускались, даже были в порядке вещей, а вот «незаконная» любовь, морганатические браки, внебрачные дети, объявлявшиеся законными, — оказывались моветоном, поводом для скандалов. Теперь прежние высказывания Александра II оборачивались против него самого. Императорская семья, двор и особенно приближенные цесаревича были в ужасе не от самого факта увлечения Александра Николаевича Екатериной Долгорукой (любовная интрижка — это сколько душе угодно!). Их крики об «оскорблении» величия монарха должны были скрыть страх перед введением в царскую семью незаконнорожденных детей, старший из которых мог, в случае поддержки его императором, претендовать на престол. Противоречить Александру II, как уже отмечалось, в данном случае не рекомендовалось. Всесильный шеф жандармов, доверенное лицо государя П. А. Шувалов позволил себе сказать, что монарх находится под влиянием Долгорукой и поэтому способен на ужасные безумства. Более того, он пообещал: «Но я сокрушу эту девчонку!» Через несколько дней Шувалов был отправлен послом в Лондон, видимо, для того, чтобы сокрушать Туманный Альбион.

А может быть, Екатерина Михайловна действительно оказывала какое-то негативное влияние на политический курс, проводимый императором? Ведь частную жизнь монархов ни в коем случае нельзя считать пикантным довеском к его внутри- и внешнеполитической деятельности. Она (частная жизнь) постоянно и непосредственно оказывалась связанной с жизнью государственной. Да и дыма, как говорят, без огня не бывает. Что ж, посмотрим.

Александр II не раз делал попытки познакомить Долгорукую с механизмом управления империей, более того, ни одного серьезного решения в конце 1870-х годов он не принимал, не проговорив возможные варианты этого решения с новой супругой. Едва ли император ожидал от Екатерины Михайловны ценных и мудрых решений или подсказок, ему, скорее, был необходим внимательный, благожелательный слушатель, моральная опора, сопереживание его трудам и заботам. В условиях усиливавшегося противостояния власти и революционеров, роста непонимания между Зимним дворцом и обществом все большее сближение со второй супругой было вполне естественным. Долгорукая же в подавляющем большинстве случаев лишь отражала взгляды своего мужа, будь то вопросы внутренней политики или проблемы их частной жизни. Самостоятельные решения не

были ее стихией, что, судя по всему, вполне устраивало монарха.

Мы уже неоднократно называли Долгорукую-Юрьевскую супругой Александра II, но еще ни слова не сказали об их свадьбе. С приближением сороковин со дня смерти императрицы Марии Александровны государь все настойчивее стал говорить о возможности официальной женитьбы на княжне Юрьевской. Государственный секретарь Е. А. Перетц не сомневался в том, что именно Екатерина Михайловна подвигла монарха к столь важному и непростому шагу. По его словам, в 1880 году, накануне традиционного отъезда Александра II на отдых в Ливадию речь зашла о возможном покушении террористов на его жизнь. В этот момент Юрьевская бросилась к ногам государя и умоляла его взять ее с собой в царский поезд, чтобы в случае несчастья погибнуть вместе с ним. Александр Николаевич был тронут этим порывом и, опасаясь того, что в случае его гибели от рук революционеров Долгорукая с детьми останется без подходящих ей состояния и имени, решил на второй брак. Трудно сказать, что в данном случае сыграло большую роль: просьбы княгини или деятельность террористов, вдруг выступивших в несвойственной им роли Гименея, но решение императором действительно было принято именно в те дни.

4 июля 1880 года в Царском Селе император неожиданно вызвал к себе министра двора В. А. Адлерберга и не слишком твердым голосом объявил, что решил венчаться с княгиней Юрьевской. Министр двора знал о любовных увлечениях Александра II даже больше, чем духовник государя. Почти все денежные выплаты проходили через канцелярию именно этого министра, и Адлерберг был прекрасно осведомлен о многом из того, о чем говорить было не принято. Он никогда не допускал никакой утечки информации, хотя среди любопытного и постоянно ведущего интриги двора это было достаточно сложно. Новости и слухи здесь передавались из уст в уста, искажаясь до неузнаваемости, но источником этих новостей Адлерберг никогда не был. Однако такого поворота событий не ожидал даже этот многоопытный министр, который в первый момент был явно ошарашен решением государя.

Он попытался указать на возможное падение престижа царской власти, говорил о возмущении и даже презрении общества, которое может ожидать старую и новую царские семьи. Александр II, почувствовав, что ему не удастся убедить министра, вышел из кабинета, уступив право на переговоры с Адлербергом Екатерине Михайловне. Ее сумбур-

ной, но решительной атаки тот отразить не сумел, и ему пришлось смириться, согласившись на роль свидетеля на этой необычной свадьбе. Как министр и предполагал, гнев и возмущение «света» после состоявшейся церемонии обрушились и на него.

6 июля 1880 года в небольшой комнате нижнего этажа Большого Царскосельского дворца у скромного алтаря походной церкви состоялся обряд венчания. Были приняты строжайшие меры к тому, чтобы никто из караульных солдат или офицеров, ни один дворцовый слуга не заподозрили о происходящем. Можно подумать, что речь шла о каком-то постыдном поступке, но скорее всего Александр II заботился о том, чтобы его родня не попыталась сорвать обряд венчания. Государь был одет в голубой гусарский мундир, невеста — в простое светлое платье. Венчал их протопресвитер Ксенофонт Никольский, а присутствовали на церемонии граф Адлерберг, генерал-адъютанты Рылеев и Баранов, сестра невесты Мария Михайловна и неизбывная мадемуазель Шебеко. Все они позже подверглись некому подобию остракизма со стороны большого «света».

После этого события Романовы потеряли даже формальный повод для игнорирования Долгорукой-Юрьевской. Племянник императора, великий князь Александр Михайлович так описывал полуофициальное представление новой супруги императора его родне: «Когда Государь вошел в столовую, где уже собралась вся семья, ведя под руку... молодую супругу, все встали, а великие княгини присели в традиционном реверансе, но отводя глаза в сторону... Княгиня Юрьевская элегантно ответила реверансом и села на место императрицы Марии Александровны! По любопытству я внимательно наблюдал за ней... Она была явно очень взволнована... Часто она поворачивалась и слегка пожимала его (Александра II. — Л. Л.) руку... Ее усилия присоединиться к общему разговору встретили лишь вежливое молчание... Когда мы возвращались домой, моя мать сказала отцу: «Мне неважно, что ты думаешь или делаешь, я никогда не признаю эту наглую авантюристку».

А «наглая авантюристка», не привыкшая к большому «свету», тем более к узкому кругу императорской родни, наверное, выглядела то растерянной, то развязной, нарушая мелкие правила строгого этикета, допускала чисто психологические промахи. Но она безусловно искренне пыталась расположить к себе и к своим детям родственников мужа, сохранить мир в большой семье Романовых, доказать, что она действительно любит человека по имени Александр Ни-

колаевич, а не его положение монарха. Убедить родню мужа в этом она так и не сумела (да и вряд ли это вообще можно было сделать), и отношения между ними остались достаточно напряженными. Так стоило ли государю жениться на Екатерине Михайловне Долгорукой-Юрьевской и идти на столь серьезные потери и жертвы? Вопрос не слишком умный и довольно нахальный, однако, поддаваясь понятной слабости, так хочется обсудить его, несмотря на явную бесполезность этого занятия. В конце концов, доверительный разговор и не должен постоянно касаться исключительно многомудрых предметов, иначе он грозит превратиться в академическую дискуссию.

Удивительно, что императора, с одной стороны, упрекали в мезальянсе, а с другой — осуждали за появление у него в семье незаконнорожденных детей (иными словами, ему не оставляли никакого выхода из создавшегося положения). Попробуем разобраться в сложившейся ситуации спокойно и непредвзято. Именно Долгорукая дала ему возможность освободиться от необходимости искать все новых и новых любовниц, брак с ней связал нашего героя с женщиной, чьи чувства и мысли он уважал и в беседах с которой находил покой, позволявший ему отвлечься от бесконечной череды дел и забот. Да, можно сказать, что монарх многое потерял от этого брака. Его вторая супруга способствовала росту критики в его, государя, адрес, вызывала раздражение значительной части общества. Зато она своими заботами опровергла грустный, но абсолютно справедливый афоризм Жана де Лабрюйера, гласящий: «Королю не хватает только прелестей личной жизни». И вообще, навязывая крупным государственным и общественным деятелям свой вкус в выборе жен и подруг, не пытаемся ли мы примазаться к их деяниям, к их славе, укорить их за упущенные, с нашей точки зрения, возможности?

Можно, конечно, понять и родственников императора, они имели совершенно законный повод для беспокойства. Сохранились сведения о том, что Александр II возлагал большие надежды на старшего сына от второго брака — Георгия. «Это настоящий русский, — говорил он, — в нем по крайней мере течет русская кровь». Означало ли это, что самодержец подумывал о возведении Георгия на престол в обход великого князя Александра Александровича, сказать очень трудно, хотя и отбрасывать такую возможность с порога было бы не правильно, особенно в свете того, что монарх, как мы знаем точно, помышлял о коронации княгини Юрьевской. Во всяком случае, по его приказу в государст-

венных архивах велись активные поиски подробностей коронации второй жены Петра Великого Екатерины Алексеевны, а также полным ходом шло составление сценария будущего торжественного акта.

Очередной, призванный спасти в трудную минуту Россию, диктатор М. Т. Лорис-Меликов, посвященный в планы монарха, нашептывал ему: «Для России будет большим счастьем... иметь, как и в былые времена, русскую царицу». Находились и другие придворные знатоки древней истории, которые уверяли, что отныне для империи начинается новая эра. Они имели в виду, что первый Романов, Михаил Федорович, был женат тоже на Долгорукой, таким образом, матримониаальный круг замкнулся, давая стране, по их мнению, надежду на процветание под водительством истинно русских монархов. Как было бы чудесно, если бы чистота крови монархов действительно гарантировала благополучие государства, сколько проблем сразу бы отпало само собой!

Естественно, что противники второго брака Александра Николаевича осудили не только факт его женитьбы, но, воспользовавшись ею, не преминули подвергнуть сомнению все, что составляло смысл царствования нашего героя. «Поставив на одни весы, — писала, к примеру, Толстая, — свое личное счастье и роль монарха-самодержца, он разрубил гордиев узел, не думая о дальнейшем. Государю всегда не хватало широты ума. Факты обыкновенно представлялись ему изолированными, оторванными от целого... Отсюда спорные решения и поспешность, с которой он осуществлял не созревшие проекты». В первую очередь фрейлина имела в виду проект так называемой конституции Лорис-Меликова, а может быть, она метила и вообще во все реформы царствования Александра II. Интересно, что представители и правого, и левого общественных лагерей все больше сливались в своем неприятии поведения монарха, хотя и исходили из совершенно разных посылок.

К концу 1870-х годов угроза гибели государя от рук террористов стала не просто велика, но все более превращалась в жестокую реальность. Осенью 1880 года Александр II даже составил завещание, стараясь обеспечить хотя бы материальное благополучие своей второй семьи. В этом документе, в частности, говорилось: «Государственные процентные бумаги, опись которых прилагается, помещенные от моего имени в Государственный банк 5 сентября 1880 года, в сумме три миллиона две тысячи девятьсот семьдесят рублей есть собственность моей жены... и наших детей». Император позаботился и о государственно-династической поддержке

Юрьевских, обратившись к наследнику престола с письмом, в котором были такие слова: «Дорогой Саша. В случае моей гибели поручаю тебе мою жену и детей». Не выполнить подобную просьбу отца великий князь никак не мог.

Между тем княгиня Юрьевская, Лорис-Меликов, великий князь Константин Николаевич и некоторые другие лица из окружения монарха сумели уверить его, что существует реальное спасение от революционной угрозы. Оно заключается в наделении избранных страной депутатов законосовещательными полномочиями, некотором смягчении традиционного самодержавия, иными словами, в принятии того или иного проекта конституции. В конце февраля 1881 года Александр Николаевич объявил жене: «Это сделано. Я подписал Манифест. В понедельник утром он появится в газетах и, надеюсь, произведет хорошее впечатление. По крайней мере, русский народ увидит, что я дал ему все, что возможно. И все это — благодаря тебе». Не суждено было ни российским подданным увидеть то, что им в очередной раз даровал монарх, ни Екатерине Михайловне насладиться благодарностью народа. 1 марта 1881 года взрыв бомбы, брошенной террористами, оборвал жизнь Александра II. Получив деньги, завешанные мужем, княгиня Юрьевская с детьми уехала в Ниццу, где и умерла в 1922 году. Реликвии, вывезенные ею из России, после ее смерти попали на аукционы Парижа и Лондона, где и были куплены музеями, отнюдь не российскими, и частными лицами, среди которых русских тоже не наблюдалось. То ли время было слишком горячее, то ли порвалась связь времен, и память о царе-освободителе оказалась в России никому не нужной...

После смерти отца великий князь Александр Александрович, не склонный к социально-политическому реформаторству, думал не столько о детях отца от второго брака, сколько о наличии подписанного покойным императором проекта конституции Лорис-Меликова. С одной стороны, конституция могла вызвать очередной взрыв общественного энтузиазма и укрепить позиции трона. Осуществление проекта нанесло бы серьезный удар по революционному движению, заставив народников искать иные методы борьбы с режимом, нежели бомбы и револьверы. Однако, с другой стороны, проект Лорис-Меликова вполне мог стать первым шагом к ограничению самодержавия, что совершенно не соответствовало идеям и планам наследника престола. Впрочем, Александра II, останься он в живых, отношение его преемника к конституционным проектам волновало бы не слишком сильно.

В конце 1870-х — начале 1880-х годов Александр Николаевич в кругу новой семьи часто и охотно обсуждал планы своего ухода на заслуженный отдых. Закончив социально-экономическое и политическое реформирование России, император намеревался через шесть месяцев, самое большее через год, отречься от престола и вместе с женой и детьми уехать в Ниццу, предоставив Александру Александровичу заботиться о процветании государства. Эта мечта нашего героя так и осталась мечтой, однако она наводит на некоторые серьезные размышления об изменении психологии, ценностных ориентиров в императорской семье. И надо сказать, что в своих размышлениях по этому поводу мы с вами будем далеко не одиноки.

В одном из исторических исследований, посвященных династии Романовых, справедливо утверждается, что, начиная с Николая I: «Быт и нравы императорской фамилии становятся все более буржуазными, все теснее сближаются с жизнеустройством даже не столько богатых российских помещиков, сколько состоятельных европейских буржуа». Не будем спорить по поводу начального момента этого процесса или строго поступательного его характера. Для нас в данном случае важнее то, что слова «все более буржуазными» означают прежде всего все более заметное разграничение монархами себя-самодержца и себя-личности. Если говорить о Романовых XIX века, то наиболее четко и остро это разграничение просматривается именно во времена Александра II. Долг монарха призывал его, забыв о частных интересах и желаниях, всеми силами защищать абсолютную власть и права династии; долг и чувства честного и частного человека заставляли нашего героя заботиться в первую очередь о благополучии и покое семьи, об обычном человеческом счастье.

Александр Николаевич пытался соединить две, возможно, мало соединимые вещи: долг государственного деятеля и его право на полноценную личную жизнь. Он пытался доказать обществу, совершенно к этому не подготовленному, что монархи, как и простые смертные, имеют право не только на уважение и восхищение, но и на личное благополучие в полном смысле этого слова. Подобная попытка вызывает особое уважение, поскольку оказалась важной не только для самого государя, но и для его подданных. Помните замечание одной из строгих дам о «росте распушенности» в обществе, происходившем под влиянием «необдуманных действий» императора? Отказ от правил нравственного пуризма, от ханжеского поведения всегда ведет к некоторому всплес-

ку вседозволенности. Но подобный отказ все же необходим для освобождения собственного «я» из-под гнета замшелых, по сути средневековых, правил и «приличий». Протестовать против свободы людей в частных интимных отношениях на том основании, что такая свобода ведет к вседозволенности, росту насилия, безобразия — один из худших видов лицемерия. С таким же успехом можно протестовать, скажем, против Жалованной грамоты дворянству, поскольку она якобы вызвала увеличение числа помещиков типа Простаковой и Скотинина.

Наверное, в данном случае следует говорить не о ненужности или необходимости перемен (с требованиями времени не поспоришь), а об умении или неумении людей пользоваться предоставленной свободой, о необходимости постепенной подготовки общества к адекватному восприятию назревших перемен. В этом отношении, как и в ряде других, Александр II вряд ли может послужить образцом правителя (а существуют ли вообще образцовые главы государства?). Он действовал методом проб и ошибок, импульсивно, проявляя волю самодержца, опираясь на авторитет власти не только там, где это было необходимо, но и там, где следовало бы идти путем долгих уговоров и обстоятельных объяснений.

Однако повторюсь, большое ему спасибо за то, что он вел безоглядную борьбу за свое личное счастье, за веру в то, что каждый человек (даже самодержавный монарх) имеет право на поиски, надежду, ошибки, разочарования. Александр Николаевич стал, по сути, не только освободителем крестьян (о чем речь еще впереди), но и освободителем общества от некоторых заскорузлых привычек, ханжества, разврата под покровом внешних приличий. Можно вновь (как и в случае с отменой крепостного права) сказать, что он это сделал под давлением обстоятельств, случайно. Возможно, но ведь он это сделал!

Что же до одиночества монарха в кругу родни, лоне семьи... Тут все очень непросто, вернее, неоднозначно. Собственно говоря, вся история с Долгорукой — это бегство Александра II из монаршего одиночества, желание просто по-человечески устроить личную жизнь, иметь возможность хотя бы в семье отдохнуть от вериг величия, богопомазанности, неповторимости, от ответственности за судьбы миллионов людей. Его предшественники на троне в XIX веке не раз говорили о своем желании как-то разграничить в себе монарха и человека, но только Александр II сделал решительный шаг к такому разграничению. И у него это почти получи-

лось. Казалось, еще чуть-чуть, месяц, полгода, год... Не судьба... И второй круг одиночества не дал себя разорвать, хотя и казался менее прочным, чем первый. Но, видимо, накладываясь один на другой, они создавали такой обруч, который сбить человеку было не под силу...

А все-таки Александр и Екатерина любили друг друга на удивление, на зависть искренне и самозабвенно. Их чувство даже не всегда укладывалось в обычные рамки, выплескивалось на листы бумаги, переходило в романтические поступки, характерные скорее для «зеленой» молодежи давно прошедших времен, чем для умудренных жизнью людей второй половины XIX века. После революции в октябре 1917 года в кабинете императора нашли альбом эротических рисунков, профессиональных по форме и весьма смелых по содержанию, сделанных Александром Николаевичем. Моделью для этих рисунков послужила Екатерина Михайловна Долгорукая-Юрьевская. В свою очередь, накануне погребения останков императора в Петропавловском соборе княгиня остригла свои роскошные волосы и положила их в гроб супруга. Наложница, любимая, жена, она прощалась со своим господином, обожаемым мужем...

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В НИЦЕ

Вернемся теперь к тому, о чем пообещали поговорить немного ранее. Одним из любимейших занятий историков и вообще людей думающих являются размышления об альтернативности исторического процесса, о том, что было бы, если бы осуществилось возможное, а не свершившееся. По мнению многих ученых (которые, уверен, втайне, для себя занимаются тем же), подобное занятие отдает шарлатанством, то есть не имеет с наукой ничего общего. В истории нет сослагательного наклонения. Действительно, что значит «возможное»? Занимаясь им, можно было бы легко переиначить чуть не все события российского XIX (и не только XIX) века. Но и отвергать с порога мысли об альтернативности исторического процесса нет никакого резона.

Во-первых, нельзя же закрывать глаза на очевидное — многое действительно могло произойти по-другому, и причины возможного, но не происшедшего важны не менее, чем реально свершившиеся события. Думать иначе значит считать, что «история учит только тому, что она ничему не учит». Во-вторых, иногда обстоятельства складываются таким образом, что рассмотрение альтернативных вариантов

событий углубляет наше знание о случившемся. Особенно это верно, когда речь заходит не о процессах, явлениях или событиях государственной важности, а о жизни любого из людей, будь то император или последний из его подданных. Рассмотрение тех или иных — не только возможных! — вариантов их бытия позволяет явственно ощутить и глубже оценить достоинства и недостатки интересующего нас человека, увидеть его с неожиданной стороны, отделить грехи от добродетелей (а ведь грань между ними подчас необычайно тонка). В конце концов, просто любопытно представить себе, что могло случиться, если бы человеку удалось осуществить то, о чем он постоянно говорил и мечтал.

Памятуя об этом и возвращаясь к нашему герою, думается, небезынтересно, более того полезно, осветить воображаемую тему: Александр II оставляет трон и уезжает с новой семьей на постоянное жительство в Ниццу. Это ведь действительно было тем, о чем он постоянно мечтал в последние годы жизни. Времени для того, чтобы в полной мере насладиться семейной идиллией и покоем, у него еще могло оказаться предостаточно. Оставив другим государственные заботы, придворные интриги и прочие околотронные стрессы, Александр Николаевич вполне мог дожить до последних лет XIX, а то и начала нового, XX века. Таким образом, хронологически мы никоим образом не погрешим против истины, дело за малым — не погрешить против нее и в фактологическом отношении, не выйти за рамки психологически возможного. Что ж, попробуем понять, что принесло бы заявленное выше развитие событий и России, и самому императору, и его второму семейству.

Что касается империи, то безусловно разрядилась бы напряженность, охватившая и двор, и широкие слои петербургского и московского общества по поводу женитьбы Александра II на Долгорукой-Юрьевской. Напомним, что многие напрямую связывали раскол, усилившийся в обществе, с расколом, происшедшим в царствующем доме (и имели на это определенные основания). Говоря шире, превращение Александра Николаевича в частное лицо снимало бы с повестки дня проблему династического кризиса (проблему возможного и весьма острого спора между детьми императора от первого и второго браков). Во всяком случае, эта проблема теряла бы свою остроту, становясь по большей части чисто умозрительной.

В связи с этим, думается, изменилось бы и отношение нового императора Александра III ко второй семье своего отца. Вряд ли бы он стал отказывать Юрьевской и ее детям

в определенном почете или в каких-нибудь материальных притязаниях (а то, что притязания эти могли быть, и могли быть достаточно велики, попытаемся показать чуть позже). Наверное, Александр III разрешил бы мачехе обращаться к себе на «ты», сохранил бы за ней апартаменты в Зимнем дворце. Ее дочери могли бы рассчитывать на царское приданое, а сын имел бы право получить образование за счет государства. Однако любую попытку Екатерины Михайловны вмешаться в российские дела (политические или экономические) новый монарх, видимо, пресекал бы безоговорочно, оставляя за ней право царить и развлекаться в прекрасной и становившейся все более модной Ницце.

Что ж, общение с любимым человеком — это не так уж и мало. Французский курорт, вероятно, напомнил бы Александру Николаевичу и его супруге август 1880 года, впервые проведенный ими вместе в Ливадии. Тогда они часами сидели на веранде, глядя, как играют дети, любуясь природой, и ощущали особое чувство покоя рядом с набегавшими на берег морскими волнами. А вечерами их завораживало необыкновенное черно-бархатное небо с яркими звездами, ниспосылавшее нашему герою не просто покой, но и огромное и безмятежное счастье, которого он был лишен долгие десятилетия. Подобные чувства могли сопутствовать Александру и Екатерине достаточно долгое время. Ведь они искренне любили друг друга, их союз принес им троих детей, которые, подрастая, радовали бы родителей, наполняя их жизнь новыми заботами. В общем, как заметил писатель, знавший о людях все или почти все: «Все счастливые семьи похожи друг на друга...»

Возможен был такой вариант событий? А почему бы и нет? Как уже не раз отмечалось, любовь и уважение Александра и Екатерины друг к другу сомнений не вызывают. Наличие сына и двух дочерей потребовало бы от родителей забот об их образовании, причем Георгий скорее всего должен был бы получить и университетский диплом. Далее начались бы хлопоты о женитьбе и замужествах детей, тем более сложные, что дети были, хоть и внебрачные, но признанные родителем-императором, то есть требующие какой-то особой партии. А может быть, сын и дочери, вдохновленные примером родителей, не стали бы перебирать женихов и невест, принадлежавших к европейским дворам, а доверившись чувствам, ценили бы прежде всего личное счастье, а не родовитость своих будущих жен и мужей. А дальше — старость, окруженная заботой детей и внуков, мысли о мемуарах, письма родным в Россию, беседы с со-

отечественниками, приехавшими на юг Франции. «Все счастливые семьи...»

К сожалению, не менее возможен и иной вариант развития событий. Начать его рассмотрение следует не с возрастной разницы между Александром и Екатериной (об этом чуть позже), а с некоего психологического момента, который после того, как они стали частными лицами, должен был буквально отталкивать их друг от друга. Для того чтобы понять суть этой психологической коллизии, попробуем ответить на вопрос: кто из двух наших героев больше проиграл бы от потери ими официального статуса? Формально Александр Николаевич, ведь он, как-никак, занимал престол и ему действительно было что терять. На самом же деле — Екатерина Михайловна, которой так и не довелось разделить российский престол с мужем.

За свои шестьдесят два года Александр Романов побывал в ролях великого князя, наследника престола, а затем двадцать пять лет правил огромной страной. Он в полной мере вкусил и прелести, и тяготы власти, пройдя с империей унижение Парижского мира, бурный водоворот реформ 1860—1870-х годов, радость и разочарование в связи с освобождением балканских народов от турецкого ига, горечь и растерянность от атак террористов. Александр II знал точную цену любви народа, уважения общества к императору, преклонения перед ним двора. За долгие годы власти ему приелись блеск балов, размеренная величавость официальных приемов, полуорганизованный, полуискренний восторг народа при встречах со своим вождем.

Александр Николаевич действительно устал от единовластного управления великой державой, причем эту «великость» нужно было доказывать везде, всем и постоянно. Хитросплетения европейской политики требовали от императора не меньшего напряжения сил, чем неурядицы, вызывавшие проблемы внутренние. А ведь еще были и обязательные путешествия по России и иностранным дворам, где российский монарх должен был быть тройне монархом, лидером, символом... Иными словами, отказ Александра II от престола являлся его свободным выбором, выбором человека, который понимал, зачем он меняет высочайший государственный пост на тишину и покой частной жизни.

А Екатерина Михайловна? С ней дело обстояло совершенно иначе. Став в достаточно юном возрасте любимой, а затем и любовницей императора, она долгие годы жила в положении, хоть и привилегированном, но, по сути, полулегальном. Даже въехав при жизни императрицы Марии Алек-

сандровны, в апартаменты Зимнего дворца, Долгорукая оставалась «теневой» женой императора: исправно рожала ему детей, помогала отдыхать от государственных забот, делила по мере сил горести и радости его жизни. Александр II был совершенно прав, когда писал сестре о том, что эта молодая женщина живет лишь для него и их детей, он только забыл уточнить, являлась ли такая жизнь действительно тем, чего хотела Екатерина Михайловна, к чему она стремилась. Может быть, ей как раз и не доставало блеска балов, торжественной размеренности придворной жизни, уважения правящей элиты, в общем всего того, что называется «жизнью фавориту».

Она ведь так и не успела испытать ни прелести, ни тяжести подобного существования. Как уже говорилось, в 1880 году Долгорукая стала законной женой императора, но так и не была венчана на царство, титул царицы, казавшийся столь близким и возможным, так и не стал для нее реальностью. Трудно представить себе, что Екатерина Михайловна с энтузиазмом восприняла решение супруга отречься от престола и начать жизнь частного человека. Для нее в подобной жизни не было ничего нового и особенно привлекательного. Иными словами, разница в точках отсчета, с которых наши герои начинали свое новое существование, могла серьезно повлиять на безоблачность их дальнейших отношений.

Второй причиной, которая могла омрачить покой и счастье Александра и Екатерины, являлась весьма значительная разница в их возрасте, составлявшая почти тридцать лет. История, безусловно, знает примеры того, когда супруги и при такой разнице жили дружно и счастливо, но несравненно чаще случалось иное. Стареющий муж надоедал все еще молодой или молодящейся жене, и в семье начинались раздоры и споры. Дело даже не в банальной неверности, появлении у жены другого мужчины, кризис охватывал все сферы жизни семьи. Трудно даже представить себе, какие у Долгорукой-Юрьевской или Александра Николаевича могли найтись поводы для недовольства, вернее, трудно назвать то, что не могло бы стать поводом для возникновения разногласий между ними.

Сочетание возрастной разницы с той психологической коллизией, о которой говорилось ранее, скорее всего создавало бы условия для появления у супруги немыслимых требований-капризов. То она начала бы претендовать на какое-то особое положение при российском дворе, требуя, чтобы ей предоставили одну из императорских резиденций, то

припомнила бы о неких безделушках, которые они оставили в Зимнем дворце и без которых в новом состоянии она не могла жить. Или Екатерина Михайловна, как оно и было на самом деле, прониклась бы убеждением, что ей необходим орден Святой Екатерины (им награждались представительницы династии и в редчайших случаях другие дамы, но лишь за выдающиеся заслуги перед страной. Вряд ли заслуги, оказанные Долгорукой России, можно назвать выдающимися).

Легко себе представить нашу героиню пытающейся уговорить Александра III зачислить ее сына Георгия, скажем, в царскую роту Преображенского полка или ее же, желающую вернуться в Петербург и давать там роскошные балы. Честно говоря, ее супругу, выражаясь словами поэта, покой мог только сниться. Наверстывая упущенное в молодости, Екатерина Михайловна много путешествовала бы по Европе, претендуя на то, чтобы ее принимали на уровне особы царствующего дома, устраивала приемы, содержала свой двор. А ведь все это требовало бы больших, очень больших денег. Кстати, не будем закрывать глаза на эту низменную по классическим российским меркам проблему и поговорим о материальном обеспечении наших героев.

Поведем речь об этом еще и потому, что в проблеме «презренного металла» содержалась реальная причина возникновения возможных недоразумений между Александром и Екатериной. Личное состояние бывшего российского императора было достаточно велико, чтобы ни он, ни члены его семьи ни в чем не нуждались. Однако вряд ли Долгорукая-Юрьевская могла позволить, чтобы все ее траты контролировал муж, ведь зачастую эти траты принимали весьма оригинальный характер. Организация пышных приемов, содержание собственного двора, лучшие номера в лучших гостиницах во время путешествий по Европе — все это Александр Николаевич мог стерпеть. Но вряд ли он спокойно перенес бы установку надгробия своему любимому черному сеттеру на кладбище французского города По с претенциозной надписью: «Здесь покоится Милорд, любимая собака императора Александра II».

Не будем забывать, что Екатерина Михайловна желала, чтобы и ее дети имели возможность жить как принцы крови. Вот тут она и могла вспомнить о том, что Александр III обязан своим нынешним положением ее мужу, а значит, Петербург должен платить ей особую пенсию. Но дело не только в этом. По слухам (и очень достоверным), у Долгорукой в зарубежных банках имелись миллионные счета,

возникшие в то время, когда она имела возможность торговать концессиями на строительство железных дорог в России. Пользоваться счетами открыто княгиня не могла, вряд ли бы ей удалось внятно объяснить мужу происхождение этих денег. Но и скрыть существование таких счетов, учитывая проницательность и информированность европейских журналистов, было затруднительно.

В связи с этим следует сказать еще об одном обстоятельстве. После того как Александр II решил стать частным лицом, интерес публики к нему и его семье постепенно бы охладевал. Однако ни журналисты, особенно представители «желтых» изданий, ни высший российский «свет» не оставили бы их в покое. Мы знаем, как усердствовал некий француз Лаферте, который буквально не давал прохода Екатерине Михайловне, обещая за воспоминания о ее жизни с Александром II баснословные гонорары. В конце концов ему удалось склонить ее к совместному написанию книги, наполненной исключительно интимными подробностями о жизни супругов. В свою очередь великосветское общество бурно обсуждало тот вопиющий факт, что священник русской походной церкви после обедни поцеловал княгине Юрьевской руку, а она ему нет. Более того, она отругала священника за то, что домашний доктор княгини, некто Любимов (ходили слухи, что он был для нее не только доктором), не был избран церковным старостой. Иными словами, если широкая публика теряла интерес к бывшей царской чете, то высшие слои общества следили за этой четой с неослабевающим вниманием и неизбывным недоброжелательством. Частная жизнь Александра Николаевича никак не хотела становиться просто и истинно частной.

Свой вклад в нагнетание напряженности между супругами могли внести их дети. Особенно тревожил бы Александра Николаевича Георгий, которого совершенно не устраивало положение «принца в изгнании». Надо сказать, что честолюбие сына подогревали и сами родители. Помните, еще будучи императором, его отец обронил фразу: «Этот — настоящий русский... Хотя в нем, по крайней мере, течет только русская кровь». Фраза действительно странная; во-первых, непонятно по какому поводу и к чему сказанная, во-вторых, не ясно, почему в Георгии текла только русская кровь, если сам Александр Николаевич не был «только русским». Как бы то ни было, сын Александра и Екатерины должен был ощущать свою «особенность», необычность, тем более что мать всячески старалась не дать окружающим забыть о высоком жребии мальчика. В конце концов, Георгий

был и женат ею на дочери принца К. П. Ольденбургского, чтобы быть поближе к российскому двору.

Обозначив самые общие вехи неблагоприятного для нашего героя развития событий, не будем пытаться подробнее описать возможное течение его жизни в Ницце. Картина и так получается достаточно грустная, но, согласитесь, вполне реальная. Это ведь, вновь сошлемся на Л. Н. Толстого, все счастливые семьи похожи друг на друга, а несчастливые-то несчастливы по-своему. А в чем, собственно, заключалось бы несчастье Александра Николаевича? Наверное в том же, в чем оно состояло и для Александра II — венценосца. Ему, несмотря на все усилия, не удалось бы уйти от судьбы, разорвать те круги одиночества, о которых мы уже говорили и еще будем говорить ниже. Оно (одиночество) действительно, как пророчество, — каждому свое.

Боюсь, не забыли ли мы за всеми этими рассуждениями, что для Александра и Екатерины все закончилось. Закончилось на полувздохе, трагически, неожиданно. Мы же с вами далеки от завершения нашей беседы, большая и, хочется надеяться, достаточно интересная ее часть еще впереди.

Часть III

ОДИНОЧЕСТВО ТРЕТЬЕ. НАЧАЛО

...государственная жизнь только отражается во внешних поступках людей, а совершается в их душах.

И. А. Ильин

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ

(вторая половина 1850-х годов)

После столь эмоциональной части разговора, наполненной личными переживаниями нашего героя, рассказами о его отношениях с родными, о его влюбленностях и любовях, просто необходима, как говорят кинематографисты, «перебивка» кадров, что-то точно, но спокойно подводящее нас к новому предмету беседы. Читатель, конечно, обратил внимание на то, что на предыдущих страницах мы забежали далеко вперед, но он, хочется надеяться, понял, что это было совершенно необходимо для создания по возможности полной картины личной жизни Александра II, того второго круга одиночества, с которым ему приходилось бороться.

Теперь нам вновь предстоит вернуться к середине 1850-х годов, чтобы продолжить разговор о 25-летнем царствовании нашего героя, о деяниях, принесших ему славу и бесславие, радость и разочарование уже на государственном поприще. Можно было бы начать просто, без обиняков: «Рассказывать о России 1860—1880-х годов в наши дни...» или: «Воцарение Александра II поначалу не вызвало в обществе...» Однако что-то в душе противится такому зачину, подсказывает о чем-то нами упущенном, о ком-то, кому мы не дали высказаться в полной мере. Но именно этого, упущенного, и не достает для выстраивания плавного перехода к новым главам, к новым спорам.

Может быть, речь идет об очевидцах, свидетелях событий, о людях, на чьих глазах происходило воцарение Александра II, начало его реформ, о людях, которые помогают нам, потомкам, ощутить определенный отрезок времени как необходимое звено в непрерывной и нескончаемой цепи событий. Дадим им возможность побольше рассказать о происходившем у них на глазах, пусть они преувеличивают или недооценивают, клеветают или пророчествуют, кричат или еле шепчут, но пусть они говорят...

О чем, вернее, о каком времени пойдет сейчас речь? Ну, это-то совсем просто — конечно, о моменте окончания царствования Николая I и переходе престола к его старшему сыну. Момент во всех отношениях переломный, и грех было бы пройти мимо него, отделавшись достаточно дежурными фразами, которые звучали и еще прозвучат в нашем разговоре. В таких фразах нет ничего плохого, они даже обязательны, но хочется расширить панораму обзора, а может, сбить себя и собеседника с наезженной колеи и перевести дух перед новым рывком вперед (или назад?) в ведомое-неведомое...

Создается впечатление, что к середине 1850-х годов Россия подхватила вирус то ли пацифизма, то ли непротивления злу насилием. А что еще можно подумать, если в разгар Крымской войны Е. М. Феоктистов, отнюдь не отличавшийся любовью к оппозиционным идеям, писал: «Одна мысль, что Николай I выйдет из борьбы победителем, приводила в трепет. Торжество его было бы торжеством системы, которая глубоко оскорбляла лучшие чувства и помыслы... и с каждым днем становилась невыносимее...» В связи с этим хочется заметить, что когда речь заходит о наследстве, оставленном Николаем Павловичем своему преемнику, то чаще всего, и справедливо, говорится о материальных и престижных потерях, которые понесла Россия в Крымской войне.

Однако не менее важно сказать о потерях нравственных и, если можно так выразиться, идеологических. Феоктистов, и далеко не он один, желал Николаю I поражения в войне с Англией и Францией. А России? Для нее, оказывается, это поражение обернется победой, поскольку не Россия, а николаевская система потерпит крах, что даст возможность стране развиваться более свободно и успешно. Иными словами, в первой половине XIX века понятия «государь» и «отечество» разошлись в сознании образованных людей так далеко, что новый монарх мог вновь сблизить их, реально доказав, что он действует только и исключительно на благо

всей страны. Благо же — категория достаточно неопределенная, каждое политическое направление, если не каждый человек, составило о нем собственное представление.

Правда, что касается России середины 1850-х годов, было некое обстоятельство, объединяющее самые разные точки зрения. Его можно попробовать определить следующим образом: в империи все должно стать не так, как было при Николае Павловиче. Ведь если в конце 1840-х годов Ф. И. Тютчев писал, что в государстве «всё и все отупели», то эхом ему вторил П. Я. Чаадаев, который в других случаях мало в чем был согласен с Федором Ивановичем. «В России, — писал Чаадаев, — все носит печать рабства — нравы, стремление, просвещение и даже вплоть до самой свободы, если последняя может существовать в такой среде». Наконец, с ними солидарен, что уже совсем странно, революционер-демократ В. А. Слепцов: «На что уж, кажется, надежное средство было в старые годы гробовое молчание? Но скоро... убедились, что и на это всемогущее оружие не всегда можно рассчитывать, что и оно не всегда может служить знаком согласия и что если, например, все громогласно выражают одобрение, то молчание одного человека может быть воспринято за отрицание».

Если правление Николая I так воспринималось его современниками, то можно себе представить, как была ими встречена смерть железного монарха. И вновь — редкое единение между революционерами и либералами, убежденными монархистами и монархистами поневоле (потому, что неоткуда было ждать изменений, кроме как от трона). «Смерть Николая, — пророчествовал в «Полярной звезде» А. И. Герцен, — больше, нежели смерть человека, это смерть начал, неумолимо строго проведенных и дошедших до своего предела. Россия сильно потрясена последними событиями. Что бы ни было, она не может возвратиться к застою». Новую эру, не скажу приветствует, но предошущает, и представительница славного клана славянофилов В. С. Аксакова: «Все невольно чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать».

С ней солидарен извечный противник славянофилов, западник Н. А. Мельгунов, который попытался наметить первоочередные задачи нового царствования. «Пора встрепенуться, — заявил он. — Но чтоб нас разбудить и вызвать к полезной деятельности, для того нужна — повторяем опять и готовы повторять беспрестанно — нужна гласность... Гласность! Великое слово! Одна гласность в силах оградить нас от беззаконий правосудия... поднять нас и облагородить».

Какой знакомый клич! Жаль лишь, что гласность со временем умирает или перерождается в вопли так же незаметно, как и реформы, ею воспетые, становятся повторением давно пройденного.

Итак, царствованию Николая I пропели: «Со святыми упокой...», и оно было похоронено с эпитафией Тютчева:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,—
Все было ложь в тебе, все призраки пустые,
Ты был не царь, а лицедей.

Собственно говоря, из сказанного можно сделать, по крайней мере, один вывод: катастрофа, которую потерпел Николай I, произошла не в Евпатории и не в Севастополе, а внутри России. Катастрофа во внутренней политике повлекла за собой катастрофу в политике внешней, а значит — крах всей системы. Николай I умер так внезапно и так странно для подданных из-за депрессии, которая для самодержца страшнее самой сильной лихорадки.

Смена монархов... Для России этот момент являлся не всегда судьбоносным, но всегда судьбоожидаемым. Здесь хочется с удивлением отметить: как же воцарение Александра II, при всей схожести внешних обстоятельств, не было похоже на вступление на престол его дяди Александра I! Тогда, после мрачных и малопонятных для подданных лет правления Павла I, страна встретила Александра Павловича потоком од и дифирамбов. Она любовалась его молодостью и красотой, аплодировала обещаниям вернуться к порядкам Екатерины II, намекам на перемены, которые каждым понимались по-своему, но принимались с одинаковой радостью.

В 1855 году все было по-другому. Вроде бы и времена прошли не менее мрачные, чем павловские, но особой радости не наблюдалось. Казалось, Россия, если и радовалась, то не столько вступлению на престол Александра Николаевича, сколько смерти его отца. Новый же монарх внушал разве что настороженность. Это и понятно, он ведь не конфликтовал с отцом, воспитывался и занимался государственными делами под его контролем, не знал иной системы управления, кроме николаевской. Откуда же было ждать новшеств и перемен?

В обществе без сомнения понимали, что хуже, чем было, уже не будет. Но это утешало слабо, так как здание империи нуждалось не в подновлении, а в перестройке. Первые неде-

ли и месяцы царствования Александра II дали понять, что режим заметно смягчается, но и это не вызвало бурного энтузиазма. Упоминавшаяся нами В. С. Аксакова записывала в дневнике: «Тютчев... прекрасно назвал настоящее время оттепелью. Именно так. Но что последует за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лето, но если оттепель временная, а потом опять все скует мороз?»

С летом в России, как известно, всегда проблемы, зато с зимой все в порядке. Может быть, поэтому страна придирчиво всматривалась в нового императора и не спешила открывать ему объятия. Наоборот, стремилась перечислить его недостатки, не упустив ни единого. «Главный недостаток (Александра II. — Л. Л.), — писал Б. Н. Чичерин, — состоял в плохом знании людей и в неумении ими пользоваться. Добрый по природе, он был мягок в личных отношениях... Он скрытничал, лукавил, старался уравнивать разные направления...» Сомневался в энергии и профессиональных возможностях монарха корреспондент герценовского «Колокола»: «Можно ли надеяться, что Александр II будет сбрасывать с себя постепенно вериги прошлого, выметет ли Россию от николаевского сора?»

Императора торопили, хотели побыстрее услышать от него что-то определенное, не давали осмотреться. И в то же время сами предупреждали о тех трудностях, с которыми ему придется столкнуться уже на первых порах. А. В. Никитенко записывал в дневнике в 1853 году (трудно надеяться, что за два-три года, прошедших с того времени, что-нибудь изменилось радикальным образом): «Вникая во все эти государственные дела, приходишь к одному печальному заключению: как мы бедны государственными людьми». А некто, пожелавший остаться неизвестным, облек ту же мысль в почти частушечную форму:

Грустно матушке России,
Грустно юному царю,
Царь покойный гнуть лишь выи
Дворню выучил свою.
Грустно! — думаю я часто
Про отечество отцов:
Незабвенный лет ведь на сто
Заготовил подлецов.

Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что одновременно с неверием в желание и способность Александра II реформировать Россию в приведенных выше высказываниях звучит робкая, но различимая надежда на то, что он все же захочет и сможет это сделать. Герцен, всегда выражав-

ший свои мысли и надежды откровенно и прямо, писал императору вскоре после его воцарения: «Я готов ждать, стерпеться, говорить о другом, лишь бы у меня была живая надежда, что Вы что-нибудь сделаете для России...» Общество, общественное мнение уже родилось и постепенно взросло, но трон все еще оставался главной движущей политической силой в стране. Перемены, идущие сверху, являлись самым простым и надежным видом перемен, а потому на Зимний дворец были устремлены все взгляды. Тот же Н. А. Мельгунов утверждал: «Не конституционные сделки нам нужны, а самодержавные реформы... Мы не гонимся за бумажными гарантиями и готовы верить личной гарантии царского ума, совести и горьких опытов».

Сомнения и надежды, призывы начать реформы и поиски тех, с кем император может их начать, тревожное ожидание и не менее тревожное нетерпение. Радостная, что-то обещающая тревога...

СТРАСТИ ПО КРЕПОСТНИЧЕСТВУ

Рассказывать о России 1860—1880-х годов в наши дни и просто, и достаточно сложно. Просто это делать в силу того, что слова «исторический перелом» не требуют ныне дополнительных объяснений. Россияне, живущие на грани XX и XXI столетий, прекрасно осознают, каково существовать, как говорят китайцы, в «интересные времена» и что эти времена из себя представляют. Сложно же описывать Россию в царствование Александра II потому, что личный опыт каждого из наших современников подсказывает ему не совсем то, что происходило в стране в 1860—1880-х годах. К тому же у собеседников постоянно и невольно возникают настойчивые ассоциации с сегодняшним временем, что является вполне естественным, но отнюдь не облегчает нашей задачи. Перестройка и постперестроечные времена второй половины XIX века и наших дней могут в чем-то совпадать только типологически, являясь в сущностном отношении достаточно разными процессами. Да и их «кормчих» вдохновляли отнюдь не одинаковые идеи и надежды. Чтобы убедиться в этом, рискнем продолжить разговор о нашем герое.

Ранее уже говорилось о военной, внешнеполитической и экономической ситуации, в которой оказалась Россия к 1856 году, внезапно потерявшая правившего ею в течение тридцати лет монарха. Однако необходимо упомянуть и об

общественно-психологическом климате, царившем в последние год-полтора царствования Николая I. «Не шевелиться, хотя и мечтать, — вспоминал о той поре писатель Г. И. Успенский, — не показать виду, что думаешь, что не боишься... Надо постоянно бояться — это корень жизненной правды, ведь остальное может быть, а может и не быть ... вот что носилось в воздухе, угнетало толпу, отшибало у нее ум и охоту думать... Уверенности, что человек имеет право жить, не было ни у кого. Атмосфера была полна страхов: «пропадешь» кричало небо и земля, воздух и вода, люди и звери. Все ежилось и бежало от беды в первую попавшуюся нору».

Очень интересное наблюдение по поводу влияния николаевского режима на творческую интеллигенцию оставил Н. А. Некрасов. «Какое ужасное положение, — писал он, — всякий человек, который имеет сказать что-нибудь обществу, должен непременно выработать из себя художника». Иными словами, выражение собственного мнения было возможно только в художественной форме, еще лучше, если писатель при этом в совершенстве овладел эзоповым языком. Прямое, публицистическое выражение своих мыслей в печати было совершенно невозможно.

Однако сколько-нибудь долго в таком состоянии общество находиться не может. Видя, что в государстве все идет наперекосяк, люди постепенно преодолевают страх и пытаются высказаться по наиболее злободневным вопросам жизни страны. В разгар севастопольской трагедии в России стали появляться политические записки, рисующие страшные, но правдивые картины расстройств всех сфер российской государственности. Вывод, к которому приходили авторы записок, прост и до боли знаком нам — россиянам, вошедшим в ХХI век: «Свободы и порядка!» Смерть Николая I будто распахнула шлюзы, сдерживавшие поток общественной инициативы. Как выразился глава славянофилов А. С. Хомяков: «Важная миновала эпоха, что бы ни было, а будет уже не то». Ему вторил профессор и цензор А. В. Никитенко: «Длинная и надо-таки сказать безотрадная страница в истории русского царства дописана до конца, новая страница перевортывается в ней рукой времени». То, какой будет эта страница, во многом зависело от нового императора.

Воцарение Александра II, как мы уже говорили, не вызвало в обществе большого оптимизма, с ним не связывали надежд на решительные перемены или, как любили выражаться «прогрессисты» конца 1850-х годов, на «обновление».

К тому же новый монарх, не имея ни четкой программы действий, ни своей политической «команды», в первые годы царствования вынужден был опираться на отцовские начала управления государством и его же внешнеполитическую линию. Во всяком случае, выступая 23 февраля 1855 года на приеме дипломатического корпуса, он заявил, что будет «настойчиво придерживаться политических принципов отца и дяди — это принципы Священного союза». На самом деле уже тогда император понимал, что управлять страной по-прежнему не удастся, для этого не существовало просто физических возможностей (да и внешняя политика России требовала серьезных изменений). Императрица Мария Александровна в разговоре со своей любимой фрейлиной А. Ф. Тютчевой точно обозначила те трудности, с которыми столкнулся преемник Николая I, заодно она обнаружила и ясное понимание венценосной четой основных ошибок предыдущего царствования.

«Наше несчастье, — говорила она, — в том, что мы можем только молчать, мы не можем сказать стране, что эта война была начата нелепым образом... благодаря бестактному и незаконному поступку (вторжению России в Дунайские княжества. — Л. Л.), что война велась дурно, что страна не была к ней подготовлена, что не было ни оружия, ни снарядов, что все отрасли администрации плохо организованы, что наши финансы истощены, что наша политика уже давно была на ложном пути и что все это привело нас к такому положению, в котором мы теперь находимся. Мы ничего не можем сказать, мы можем только молчать и предоставить миру осуждать, рассчитывая на будущее...»

Императрица несколько драматизировала и в то же время упрощала ситуацию: ждать, «рассчитывая на будущее», Александр II явно не собирался. 3 декабря 1855 года был закрыт Высший цензурный комитет, то есть отчасти предоставлена необъявленная, но долгожданная свобода слова. Следом оказались отменены стеснения, введенные в университетах после европейских революций 1848—1849 годов, разрешена свободная выдача заграничных паспортов (вечная и точная примета российских «оттепелей»), разрешено создание акционерных обществ и компаний. Кстати, само понятие «оттепель» вошло в российский политический словарь именно с конца 1850-х годов. К коронации в августе 1856 года объявлена амнистия политическим заключенным (декабристам и петрашевцам, большинство первых из них, правда, не дожило до этого момента). Была произведена столь привычная для переломных эпох в России смена од-

них сановников другими¹. Многие из них действительно, без особых на то оснований, засиделись на своих постах.

Возьмем, к примеру, старейшину российского бюрократического Олимпа, графа и канцлера империи Карла Васильевича Нессельроде, который пережил двух императоров и правил российской внешней политикой на протяжении сорока лет (1816—1856 годы). Происхождение Карла Васильевича казалось столь же запутанным и туманным, как и его профессия — дипломатия. Дореволюционный историк, попытавшийся проследить генеалогию графа, вынужден был в отчаянии констатировать следующее: «Сын исповедовавшей протестантство еврейки и немца-католика, друга энциклопедистов, пять раз менявшего подданство, крещенный по английскому обряду, рожденный в Португалии и воспитанный во Франкфурте и Берлине, до конца жизни не умевший правильно говорить по-русски...» и т. п. Совершив за свою карьеру немало ошибок, Нессельроде всегда оставался на плаву, поскольку умел представить собственные промахи победами, а если это не удавалось, сваливал вину за промахи на других людей или непредсказуемо сложившиеся обстоятельства.

Невысокий, тщедушный Карл Васильевич знал толк в винах и кушаньях, имел симпатичное хобби — цветоводство (обладал редкой коллекцией камелий). Он обожал итальянскую и немецкую музыку, особенно Россини и Моцарта. В российские же «верхи» Нессельроде проник благодаря трудолюбию, педантичности, а больше всего благодаря своевременной и удачной женитьбе на дочери министра финансов Александра I М. Д. Гурьевой. Способствовала его карьере, как заметил один из ехидных современников, и «самоотверженная готовность тушеваться перед мнением монарха» (впрочем, данным качеством отличался не только глава дипломатического ведомства). Главной целью политики России Карл Васильевич считал поддержание равновесия в «европейском оркестре», а идеалом дипломата для него всегда был канцлер Австро-Венгрии К. Меттерних. Интересы собственно России занимали далеко не первое место в думах министра, что и привело к проавстрийской ориентации внешнеполитической линии империи. Крымская катастрофа и начало нового царствования положили конец изрядно затянувшейся карьере жизнерадостного старца.

Уже первые месяцы правления Александра II дали повод говорить о новых чертах правительственной политики. Одной из главных таких черт стала стихийная гласность, которую никто вроде бы официально не разрешал, но никто не

торопился запрещать проснувшемуся обществу высказать свое видение насущных проблем². Главной темой разговоров, занимавшей умы в новой для России свободной атмосфере, стали толки о необходимости и возможности отмены крепостного права. Здесь нам придется на время прервать плавное течение беседы и сделать второе обещанное отступление, без которого трудно понять, с каким именно злом предстояло начать борьбу новому императору и какими потрясениями эта борьба была чревата для государства.

«ЦЕПЬ ВЕЛИКАЯ»

Согласно классическим исследованиям историков, главными причинами установления крепостничества в России стали ее природно-климатические условия, долгое существование необычайно прочной сельской общины, ну и, конечно, политика княжеской, а затем и царской власти, старавшейся обеспечить устойчивость государственных порядков одновременно с достойным существованием правящих слоев общества. Складывание классов в результате условий, упомянутых выше, шло в нашей стране не за счет разложения общины, как в Европе, а, по меткому выражению историка Л. В. Милова, путем превращения «слуг народа» в корпорацию «господ над народом». Как же происходило данное превращение?

Поначалу эксплуатация земледельцев в Древней Руси зародилась как эксплуатация свободных общинников самой верховной властью, что считалось вполне естественным и справедливым, так как общинники таким образом платили за свою безопасность. Личная зависимость крестьянства от каких-нибудь групп феодалов была в этот период внешне незаметна, во всяком случае, само крестьянство отнюдь не считало ее тягостной. Удовлетворяясь получением части прибавочного продукта (ренты), вырабатываемого общинниками, государство оставляло в руках общины всю полноту фактического владения земельными угодьями и решение местных вопросов.

Дальнейшее развитие социально-экономических отношений на Руси было связано с появлением феодала-собственника. Наступало время, когда, по мнению государства, земля в глазах крестьян должна была начать ассоциироваться с фигурой знатного владельца, отдавшего угодья в пользование общине. При таких условиях для собственника земли открывалась возможность получать за нее ренту в любой ус-

траивавшей его форме: отработки, продукты или деньги. Однако на этом привлекательном для высших слоев общества пути встала достаточно трудная проблема — сломить сопротивление сельской общины наступлению феодала на ее собственность и права, изменить традиционные социально-экономические отношения в деревне. Первый этап этой многовековой, полной драматизма борьбы выразился в задаче земли определенной части подданных князя. При этом сельская община становилась лишь относительно, неприметно несвободной по отношению к новому «господину» (кавычки в данном случае необходимы, так как господином деревня феодала еще не считала и считать не собиралась). Степень принуждения крестьян в тот момент не могла быть более суровой, чем та, которая существовала для всех сословий со стороны государственной власти. К тому же вотчиннику противостоял не отдельный крестьянин, а их объединение, уничтожить которое было невозможно из-за суровых природно-климатических условий Руси. Индивидуальное крестьянское хозяйство просто физически не могло бы выжить в условиях капризного климата, относительно бедных почв и убогости сельскохозяйственного инвентаря.

Вторым этапом борьбы вотчинников с крестьянством стало переселение властями общинников на новые земли. Оно не было грубо-насильственным и привлекало крестьян значительными налоговыми льготами, даруемыми князьями, но оказалось для народных масс поистине «даром данайцев». Переход на новые земли размывал «старые» общины и приводил к созданию новых, но уже не на традиционно общинной земле, а на угодьях феодала. Исконные общинные порядки на таких землях имели силу закона только для крестьян, перестав быть значимыми для владельцев вотчин. Главным же итогом переселения стало то, что общины теряли реальную власть над пахотными землями, становясь арендаторами не у Бога или государства, а у законных владельцев этих земель.

Третий этап становления крепостничества на Руси включил в себя трудное и долгое развитие основной формы принуждения отныне зависимых крестьян — барщины. Она заключалась в грубой эксплуатации селян, вынужденных обрабатывать барское поле своим инвентарем. Процесс становления барщины растянулся на века, и происходило это потому, что феодалам приходилось «откалывать», «отрезать» от общины небольшие слои крестьянства, попадавшие, в силу различных обстоятельств, в долговую зависимость от барина. «Метод салями», по выражению политологов, был

единственно возможным на Руси методом подчинения общины власти феодалов.

Четвертым этапом увеличения зависимости земледельцев от бояр и дворян стало ограничение свободы перехода крестьян к другим хозяевам и появление достаточно многочисленного и защищенного государством господствующего класса. «Юрьев день», «пожилое», заповедные лета — все эти мероприятия затрудняли уход крестьян на новое место работы, а значит, усиливали их зависимость от прежних хозяев, увеличивали степень эксплуатации земледельца. Введение государством системы поместий (вотчин, получаемых за службу) создало монолитный господствующий класс, способный эффективно бороться с традиционным механизмом общины. Развитие поместной системы привело к резкому усилению зависимости крестьян, росту налогов, обострению борьбы за рабочие руки. Основным методом деятельности правительства в крестьянском вопросе становится фискальный интерес: обеспечение вотчин рабочими руками, увеличение финансовых поступлений в казну. Необходимость решения фискальных задач потребовала дальнейшего ограничения свободы податного населения, которое, в свою очередь, всеми способами боролось с увеличением гнета.

Стремление властей к закреплению земледельцев совпало с интересами дворянства, поскольку крупные церковные или светские феодалы переманивали крестьян именно у мелкопоместных хозяев. Для государства же материальное положение служилых дворян было далеко не безразлично, ведь именно они несли основные тяготы военной и гражданской службы в России. Так что крепостное право оказалось единственным способом не только эксплуатации селян, но и организации «государственной службы». Все это вызвало к жизни крепостнические акты конца XVI века, которые навсегда запретили крестьянские переходы к новым владельцам или на свободные земли. Земледельцы прикреплялись прежде всего к земле, а не к личности ее хозяина, причем сам запрет перехода относился только к главе семьи, чье имя и фиксировалось в писцовых книгах. Иными словами, далеко не все в крестьянских семьях утрачивали возможность ухода к новому владельцу, и у крепостного права имелось пространство для дальнейшего развития.

В середине XVII века Соборное уложение завершило многовековой процесс закрепощения крестьян. Оно удовлетворило требование дворянства о праве на бессрочный сыск беглых, тем самым крестьяне с их потомством навечно становились собственностью помещиков, дворцового ведомства или

церковных владельцев. Уложение 1649 года не только прикрепило крестьян к личности землевладельца, но и распространило крепостнические отношения на посадское население города, навсегда прикрепив к посаду мелких горожан, принадлежавших как государству, так и феодалам. Кстати сказать, произошло это тогда, когда в Англии зависимость крестьян от землевладельца была окончательно ликвидирована.

В XVIII столетии права помещиков на личность и труд крестьянина продолжали расширяться. Этот труд становился теперь источником благополучия самого крестьянина, помещика и государства. Однако государство точно определило ту подать, которую оно брало с селян: 70 копеек с крестьянской души мужского пола в год. Повинности же в пользу помещика никто не регламентировал, и их размер, и формы зависели от множества факторов. Сдерживающим моментом здесь являлось только сохранение условий для простого воспроизводства крестьянского хозяйства, на котором держалось благополучие самого барина. Никаких писаных законов и правил, говорящих о способах и размерах эксплуатации крестьян помещиками, не существовало.

Соборное уложение 1649 года и последующие законодательные акты изменили социально-политический статус не только селян, но и самого дворянства. Теперь дворянин становился не только землевладельцем, исполнявшим обязанности воина или чиновника, а потому получавшим право жить чужим трудом, но делался полноправной и немаловажной частью государственного механизма, отвечавшей за сбор налогов в крепостной деревне, вершившей там суд, обладавшей немалой полицейской властью³.

Иными словами, во времена Александра II речь уже шла не просто о варварском установлении, а о такой структуре, которая, худо ли, хорошо ли, связывала воедино крестьянство и дворянство, рабочих людей и фабрикантов, власть и дворянство. На крепостничестве базировалась не только экономика России, не только ее социальные, но и политические отношения, и во многом ее культурное развитие.

СТРАСТИ ПО КРЕПОСТНИЧЕСТВУ

(продолжение)

Понимал ли Александр II в полной мере, на что он поднимал руку, что собирался реформировать? Был ли император готов к тому, чтобы одновременно с разрушением традиционных связей закладывать новые опоры жизни государ-

ства? Можно смело сказать, что в 1856 году понимания сложности задачи во всем объеме у монарха не было, может быть, именно поэтому он и решился на борьбу с крепостничеством. Известно, что чем меньше знаешь о проблеме, тем смелее берешься за ее решение. Однако эта глубокомысленная сентенция не отвечает на вопрос: что непосредственно подвигло государя на столь радикальные перемены?

Большое значение, безусловно, имело то, что Александр II, как уже упоминалось, был прекрасно осведомлен о намерении своих предшественников на престоле покончить с крепостным правом. Как и их, его так же пугали и подгоняли опасения возможных крестьянских беспорядков. Крестьяне же во второй половине 1850-х годов волновались не больше, чем в прежние десятилетия, скажем, в 1857—1858 годах отмечено 70 беспорядков (в девяти случаях правительству, правда, пришлось прибегнуть к помощи военных команд). 10% этих волнений были вызваны распоряжениями помещиков о переселении селян, то есть носили чисто локальный характер. Однако крепостные напряженно и явственно **ожидали** перемен, а степень напряженности этих ожиданий власть могла оценить вполне объективно. Молчавший и ожидавший скорой воли народ представлялся ей не менее опасным, чем народ бунтующий. В этих условиях возможный дворянский протест против отмены крепостного права казался Александру II не таким страшным. Старая российская дилемма: что реальнее — народный бунт или гвардейско-сановный дворцовый переворот? — решалась верховной властью в конце 1850-х годов в пользу первой возможности.

Помимо этого существовал и целый ряд других причин, заставивших императора отважиться на отмену крепостного права. Здесь и утрата Россией международного престижа, и состояние ее вооруженных сил, и кризис в экономике, и не оправдавшая себя система управления страной. Таким образом, Александр Николаевич сделался сторонником реформ не в силу личных, выношенных с детства убеждений, а как государственный деятель, для которого превыше всего стояли престиж, величие и спокойствие державы. Изменение взглядов правителя не сопровождалось яростным проклятием прошлому и воспеванием броска к будущему. Речь скорее может идти о естественной, пусть и не до конца осознанной и последовательной, трансформации понятий. И это нормально, ведь, по словам Пушкина, «только глупец не меняется». Сказанное нисколько не умаляет заслуг императора, а делает их даже более важными и ценными, поскольку он сумел стойко и честно повести дело, не опираясь на

выработанные издавна взгляды и симпатии, ставя во главу угла принцип государственной необходимости.

Решение императора, еще не слишком ясное, не получившее окончательного оформления, было неоднозначно встречено в обществе. Эта неоднозначность выражалась не только в приятии или неприятии самой идеи грядущей реформы, но и в оценке сложностей, связанных с отменой крепостного права. Серьезный и вдумчивый наблюдатель, долгое время проживший в Англии, С. Р. Воронцов писал: «Произвести столь существенное изменение в наиболее обширной во всем мире империи, среди народа свыше 30 миллионов, неподготовленного, невежественного и развращенного, и сделать это в то время, когда на всем континенте происходит брожение умов, это значит, не скажу рискованно, но наверное привести в волнение страну, вызвать падение трона и разрушение империи... Нельзя сразу совершить прыжок из рабства в свободу без того, чтобы не впасть в анархию, которая хуже рабства».

Так начинала выстраиваться первая, но далеко не последняя идейная оппозиция крестьянской реформе, а, как свидетельствует опыт, личная заинтересованность становится более могущественной, если пользуется идеологическими подпорками. В годы правления Александра II определились несколько оппозиционных группировок, соединившихся, в конце концов, в антиреформаторское течение. Во-первых, российское «пошехонье», которое инстинктивно воспринимало в штыки всякие новшества, видя в них угрозу своему животному-растительному существованию. Во-вторых, это были люди, не желавшие расставаться с господством над крестьянами и терять монополию на государственную службу, поскольку считали дворянство и только дворянство «солью» русской жизни. В-третьих, те, кто говорил о потере в ходе реформ национальных ценностей, так как перемены являлись копиями европейских оригиналов, а эти оригиналы в 1840—1850-х годах показали свою нестабильность. И тем не менее император не отступал.

В 1856 году, будучи в Москве, Александр II вынужден был экспромтом высказаться по проблеме крепостничества на обеде, устроенном в его честь местным дворянством. Вызванный на откровенный разговор генерал-губернатором Москвы А. А. Закревским, он сказал: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращении разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить всем вам, что я не имею намерения сделать это сей-

час. Но, конечно, вы и сами понимаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели ожидать времени, когда оно начнет само уничтожаться снизу. Прошу вас, господа, обдумать, как провести все это в исполнение. Передайте мои слова дворянам для соображения».

Первый шаг Александра II в направлении крестьянской реформы полностью деморализовал высшую бюрократию. Историк М. П. Погодин вспоминал: «Когда говоришь о чем-либо графу Л. А. Перовскому (министр внутренних дел. — *Л. Л.*), он отвечает: «Помилуйте, до того ли теперь?» Граф Д. Н. Блудов (статс-секретарь. — *Л. Л.*) не подписывает ни одной бумаги, говоря: «Помилуйте, теперь не до того!» Московская речь императора оказалась неожиданной даже для его единомышленника, нового министра внутренних дел С. С. Ланского. Не доверяя слухам, он спросил у монарха, правда ли, что тот говорил в Москве о необходимости освобождения крестьян? Александр II, которому, судя по всему, изрядно надоела свистопляска вокруг его речи, раздраженно ответил: «Да, говорил точно то, и не сожалею об этом»⁴.

Естественное и откровенное обращение императора за помощью и советом к дворянам вызвало среди них шок, легко перешедший в панику. Некий орловский помещик писал приятелю в Петербург, явно торопя события: «У нас рассказывают, что составляется Уложение о свободе крестьян. Это нас сильно беспокоит, потому что такой переход нас всех разорит, все у нас растащут». Душевладельцу из Орловской губернии вторил его собрат из Симбирска: «Крестьянский вопрос поднял все на ноги, все затушил и поглотил собою, многие с ума сошли, многие умерли... Нет ни палат, ни дома, ни хижины, где бы днем и ночью не думал, не беспокоился, не робел большой и малый владелец».

Раздавались, конечно, голоса и в поддержку замысла императора, однако они звучали достаточно растерянно — слишком неожиданными оказались слова монарха на обеде в Москве. Князь Оболенский писал будущему министру народного просвещения А. В. Головнину: «Как описать вам наше удивление при получении последних известий? Какому великому делу положено начало...» И еще одна цитата из письма провинциального землевладельца, которая, думается, подводит некий социально-психологический итог развернувшейся дискуссии: «Мне родное пепелище дорого... хотя не могу сказать, чтоб звание помещика было мне по душе». Скажем прямо, такие настроения в дворянской среде отнюдь не являлись преобладающими, хотя находились по-

мешики, пытавшиеся уже в эти годы урегулировать отношения с крестьянами своими силами.

Возьмем, к примеру, имение Л. Н. Толстого Ясная Поляна. Оно давно было заложено в банке за 20 тысяч рублей, и значительную часть доходов от него Толстой платил в счет погашения долга. К. Д. Кавелин посоветовал ему собрать своих крестьян и договориться с ними об условиях освобождения от крепостного права и дальнейшего функционирования имения. В июне 1857 года Лев Николаевич предложил мирскому сходу освободить его членов на следующих условиях: помещик предоставлял каждой семье по несколько десятин пахотной земли, а в уплату за землю и свободу он получал по 20 рублей в год с каждого семейства в течение тридцати лет. Из них 4 рубля должны были пойти банку в счет уплаты долга, а остальные — на проживание барской семьи. Крепостные не согласились на предложение Толстого, поскольку по их твердому убеждению они должны были получить от царя свободу и землю бесплатно.

В 1861 году им пришлось пожалеть о своем решении, но иной исход разговора схода с великим писателем вряд ли был возможен. Ведь о доверии крестьян к каким бы то ни было предложениям помещиков смешно было бы даже мечтать. Так ведь это — Толстой! Большинство же помещиков, услышав об угрозе своей власти над деревней, поспешили переселить крестьян на худшие земли, а то и вовсе перевести их в дворовые, которые по закону не должны были владеть участками пашни. Таким образом дворяне надеялись и после отмены крепостного права сохранить лучшие угодья за собой и вовсе не беспокоились о том, что своими действиями провоцируют крестьян на беспорядки.

В 1856 году Александр II приказал новому министру внутренних дел С. С. Ланскому сосредоточить в своем ведомстве все материалы по устройству помещичьих крестьян, наработанные в царствование Александра I и Николая I⁵. Пожалуй, начиная с министра внутренних дел, мы и поведем знакомство с ближайшими сотрудниками нашего героя, памятуя о том негласном правиле, что в любые времена и при любых обстоятельствах «короля играет свита». Окружение человека иногда говорит о нем больше, чем его собственные слова и поступки. Это особенно справедливо, когда речь идет о самодержавном монархе, имеющем полную возможность подбирать помощников в соответствии с собственными желаниями.

Ланской происходил из потомственного и заслуженного дворянства. Его отец был членом Государственного Совета

и гофмаршалом двора, дядя с 1823 по 1828 год исполнял обязанности министра внутренних дел. Так что сановники в России XIX века образовывали собственные династии. Достаточно вспомнить Адлербергов, которые из десятилетия в десятилетие сменяли друг друга на посту министра двора. Сам Сергей Степанович прожил долгую и трудную жизнь, начав чиновничью карьеру с 13 лет переводчиком в Коллегии иностранных дел. В 1818 году он был введен в декабристский Союз благоденствия, но затем, не желая участвовать в полулегальной организации, покинул его еще до образования в 1821 году Северного и Южного обществ.

При Николае I он, как и Я. И. Ростовцев, Д. Н. Блудов, Д. Н. Замятнин, «отрабатывал заблуждения юности», служа в различных департаментах или исполняя обязанности владимирского и костромского губернаторов. Долголетняя служба в николаевской системе наложила на него свой отпечаток, пригнув бывшего свободолюбца, лишив его значительной доли инициативы и, казалось, отучив отстаивать идеалы гуманизма. Однако чиновничья рутина не убила во все человеколюбивых убеждений Ланского. Воспитанный на идеях просветителей, он, став в 1856 году министром внутренних дел, вместе с другими «стариками»-реформаторами, имел постоянный доступ к императору и поддерживал его желание обновить Россию. Именно Ланской в конце 1850-х годов оказался на переднем крае борьбы с консерваторами и реакционерами. Именно Ланской стал одним из создателей, если можно так выразиться, ударного кулака крестьянской реформы, выдвинув на первые роли в Министерстве внутренних дел Я. А. Соловьева, А. И. Левшина, Н. А. Милютину. Опекая и защищая их, Сергей Степанович, не обладавший ни ораторским даром, не считавшийся крупным экономистом или организатором, не стеснялся учиться у своих подчиненных. В то же время он внимательно прислушивался к мнению императора, не желая ни опережать его, ни отставать от замыслов монарха. Старый сановник прекрасно понимал, насколько может быть опасно для дела как первое, так и второе.

Летом 1856 года Александр II и Ланской договорились воспользоваться приездом в Москву на коронацию представителей дворян со всех концов России, чтобы провести с ними переговоры с целью получения добровольного согласия первого сословия на отмену крепостного права. К разочарованию Зимнего дворца, эти переговоры не дали положительного результата. Убежденный в том, что дворянство, цепляясь за старое, почти утратило инстинкт самосохране-

ния, уверенный в необходимости уничтожения крепостничества для стабилизации положения в стране, император пошел по хорошо знакомому пути. В январе 1857 года в Петербурге открылся Секретный комитет по крестьянскому делу. Помимо близкого знакомства монарха с работой подобных учреждений, надо иметь в виду и еще одно обстоятельство. Как писал П. В. Долгоруков: «Государь — человек добрый и желает добра. Беда лишь в том, что, приступив к освобождению крестьян, он сказал одному из придворных: “В шесть месяцев все будет кончено и пойдет прекрасно...” Он вполне убежден, что стоит ему что-нибудь приказать, чтобы все это было тотчас исполнено...» Действительность оказалась куда сложнее. Да, события в России приняли канцелярско-бюрократический оборот, но...

Однако прежде чем дальше следить за ходом подготовки отмены крепостного права, давайте поговорим о тех силах, которые противостояли монарху, а также о тех, что шли с ним рука об руку. Правящий слой России насчитывал 1—2% населения страны, то есть примерно 500 тысяч человек. Подлинной же властью обладала высшая бюрократия, состоявшая из 5—6 тысяч чиновников, среди которых были и противники, и сторонники грядущих преобразований. Д. А. Милютин вспоминал, что когда дело дошло до реальной отмены крепостного права: «Были примеры, что государевы флигель-адъютанты и генерал-адъютанты, в своем раздражении, покидали службу и уезжали за границу». В этих условиях очень многое зависело от того, кому император доверит разработку реформы и кто окажется на высших должностях в период ее проведения в жизнь. Но почему мы говорим только о бюрократии, ведь существовало еще и общество, мнением которого вряд ли стоило пренебрегать?

Ну, во-первых, не столько существовало, сколько нарождалось. Далее, если говорить о поместном дворянстве, то, по свидетельству Л. Н. Толстого, 9/10 помещиков являлись противниками преобразований. Если же иметь в виду петербургское и московское общества, то они чрезвычайно оптимистично смотрели на деяния государя, и этот оптимизм, граничивший с эйфорией, очень походил на политическую апатию. Все надежды общественные деятели связывали с правительством, редко проявляя со своей стороны какую-либо инициативу. Причем ожидали они от верховной власти исполнения именно **своих** надежд и чаяний, не принимая во внимание того, что у власти могут быть собственные соображения на этот счет. Такое положение ве-

шей сохранялось недолго, но оно установилось в самый неподходящий момент, во время начала работы над проектом реформы.

Иными словами, из двух вариантов проведения коренных преобразований, при которых власть может опираться на общественное мнение или она предпочитает действовать исключительно «сверху», используя лишь мощь государственного аппарата, в 1856—1857 годах в распоряжении Александра II оказался только второй путь. Скажем прямо, этот путь в полной мере соответствовал воззрениям самого императора, не имевшего опыта работы с обществом и не понимавшего важности и значения общественного мнения. Секретный комитет, созданный для разработки проекта отмены крепостного права, не оправдал надежд монарха. Вошедшие в него члены старой николаевской «гвардии», по сути, саботировали задание Александра II, имитируя при этом бурную законотворческую деятельность⁶.

Подобная тактика была для них привычной. Ведь в 1820—1840-х годах таким же образом работали все секретные комитеты Николая I, так ничего и не сумевшие сделать для крепостных крестьян. Однако теперь Зимний дворец не собирался потакать хитростям николаевских служак, времена действительно изменились, да и император был настроен весьма решительно. Он прекрасно понимал, говоря словами писателя и журналиста И. И. Панаева, что «правильное решение вопроса освобождения крестьян обуславливает мирный прогресс, неправильное решение — борьбу и борьбу продолжительную, быть может борьбу целого столетия».

Находясь на отдыхе за границей в 1857 году, Александр Николаевич встретился с послом России во Франции П. Д. Киселевым⁷, которого еще Николай I называл своим «начальником штаба» по крестьянскому делу. Киселев, ревниво следивший за работой над проектом отмены крепостного права, записал слова Александра II, сказанные ему «на водах»: «Крестьянский вопрос меня постоянно занимает. Надо довести его до конца... Я более чем когда-либо решил-ся и никого не имею, кто помог бы мне в этом важном и неотложном деле». Позже в Киссингене царь встретился с бароном Гакстгаузеном, известным ученым и знатоком аграрного вопроса в России, и великой княгиней Еленой Павловной. Записка последней об освобождении крестьян (составленная Н. А. Милютиным и К. Д. Кавелиным) произвела на монарха сильное впечатление. Там же Александр II познакомился с первыми номерами «Колокола» Герцена и, отметив их практическую пользу для дела реформы, повелел до-

ставлять новые номера этого революционно-эмигрантского издания в Зимний дворец. А вот говоря об отсутствии помощников и союзников, император то ли не хотел раскрывать раньше времени карты, то ли действительно не был уверен в надежности известных ему соратников.

Они же у монарха были, причем некоторые из них оказались достаточно близкими ему людьми. Помимо уже упоминавшегося брата Константина, большое влияние на Александра II оказывала великая княгиня Елена Павловна, вдова его дяди Михаила Павловича. В свое время они представляли из себя одну из самых странных пар при российском дворе. Михаил Павлович страдал неизлечимой болезнью, которую можно определить как военно-строевую лихорадку. Государственные дела, лежавшие за пределами плац-парадов, разводов и маневров, тем более вопросы культуры, науки, искусства, его совершенно не интересовали. Елена же Павловна разительно отличалась от своего мужа. Иностранка (дочь принца Вюртембергского), она стала в России более русской, чем многие придворные дамы исконно славянского происхождения. То, что она слушала лекции в Петербургском, а иногда и Московском университетах, посещала заседания Академии наук и Вольного экономического общества, еще не слишком выделяло ее из числа других царских родственников. Иное дело, что Елена Павловна всегда пыталась оказать действенную помощь людям науки и искусства, ее высокая образованность гармонично сочеталась с истинным меценатством. Впрочем, это касалось не только художников, ученых и музыкантов.

Многие раненые в Крыму солдаты и офицеры обязаны ей жизнью, так как именно она в свое время выхлопотала у Николая I командировку в Севастополь известного хирурга Н. И. Пирогова. Более того, Елена Павловна вместе с великим князем Константином Николаевичем стоит у истоков российского Красного Креста, поскольку в октябре 1854 года обратилась к русским женщинам с призывом помочь раненым и создать отряды медицинских сестер для работы в Крыму. Призыв был услышан. В Севастополе только под руководством Пирогова трудились 163 сестры милосердия. Да и нынешний Институт повышения квалификации врачей ведет свою родословную от Еленинского клинического института, где до революции 1917 года прошли переподготовку тысячи врачей различных специальностей.

И все же основные интересы Елены Павловны лежали в области искусства. Кто знает, когда и как попало бы в Россию замечательное полотно А. А. Иванова «Явление Христа

народу», если бы великая княгиня не дала денег на его перевозку из Италии на родину. С благодарностью должны вспоминать о ней и музыканты за ее постоянную заботу о братьях Рубинштейнах, образование Музыкального общества и открытие в Петербурге первой российской консерватории. Но для нас в данном разговоре важнее другое. Великая княгиня оказалась единственным среди царской родни человеком, с кем еще Николай I, чувствуя в ней единомышленника, делился своими планами по поводу отмены крепостного права. Покойного императора вообще связывали с княгиней дружеские отношения.

Разговоры с ней «на водах» за границей в конце 1850-х годов стали важным, может быть, последним обстоятельством, подтолкнувшим Александра II к активным действиям. Елена Павловна не ограничилась лишь разговорами с новым императором о надеждах и сомнениях его отца, хотя психологически они были очень важны для монарха. Она первая из его родственников предложила освободить 15 тысяч своих крепостных крестьян в Полтавской губернии, о чем император всегда вспоминал с благодарностью, хотя в тот момент и попросил свою тетку повременить с эмансипацией селян. Вокруг нее, как и вокруг великого князя Константина Николаевича, во второй половине 1850-х годов формировался штаб будущих реформ, включавший Н. А. и Д. А. Милютиных, К. Д. Кавелина, Ю. Ф. Самарина, В. А. Черкасского и других. Однако ее отношения с Александром II были далеко не безоблачными. Император искренне уважал тетку, но все же прислушивался к нашептываниям придворных интриганов, уверявших, что люди, собиравшиеся в салоне Елены Павловны, иногда резко отзываются о монархе, ведут разговоры о необходимости конституции и т. п. Поэтому отношения его с великой княгиней складывались неровно — периоды обоюдной симпатии чередовались с моментами явного охлаждения.

Возвращаясь к ходу подготовки крестьянской реформы, отметим, что Александру II явно повезло с двумя обстоятельствами, которых так не доставало его предшественникам: с моментом начала реформ (кризис, связанный с поражением России в Крымской войне, заставил на время умолкнуть противников преобразований и воодушевил сторонников перемен) и наличием союзников и помощников, готовых до конца отстаивать дело реформ. В 1857 году император вводит в состав Секретного комитета великого князя Константина Николаевича, и тот активно принимается за дело. Он задал членам Комитета 14 вопросов, требующих

четкого ответа: можно ли позволить крестьянам вступать в брак без согласия помещика? Можно ли ограничить права помещиков относительно разбора споров и жалоб между крестьянами? Можно ли дать право земледельцам приобретать собственность без согласия помещиков? В какой мере можно ограничить права помещиков относительно наказания крестьян и т. д.

Эти вопросы, вкупе с активной неуступчивой позицией Константина Николаевича, поставили членов Комитета, по-прежнему не желавших обсуждать проблему крепостничества, в затруднительное положение. Пытаясь выиграть время и умерить напор великого князя, они обрушили на императора поток жалоб по поводу резкости высказываний его младшего брата, его выпадов в адрес дворянства, но в ответ услышали следующее мнение монарха по поводу их жалоб: «Я склонен думать, что эти господа действуют криводушно, парализуя усилия императора ко всему, что относится до прогресса и цивилизации... они творят много зла». Весы политической жизни России застыли в неустойчивом равновесии. Выражаясь языком шахматистов, соперники доигрались до цугцванга, то есть такого положения, при котором любой ход с той или иной стороны ухудшает собственную позицию. Но что могли сделать противники перемен, если на стороне Александра II играла сама История?

В конце 1857 года в Петербурге появился виленский генерал-губернатор В. И. Назимов. Устав от нелепости циркулировавших по стране слухов, он потребовал от Ланского, «чтобы ему были даны четкие наставления, как действовать», объясняя, «что без точных указаний ему неприлично возвращаться в свои губернии». Александр II и руководство Министерства внутренних дел блестяще использовали внезапный приезд губернатора в столицу. За 48 часов чиновником МВД, известным писателем П. И. Мельниковым (Печерским) был написан и подготовлен рескрипт (указ) на имя Назимова. В нем говорилось, что крестьянам прибалтийских губерний, якобы по доброй воле местного дворянства, предоставлялась личная свобода, а позже и усадьба (дом с огородом) за выкуп, а также полевые наделы (за исполнение определенных повинностей в пользу бывшего хозяина). Правда, эти условия должны были быть еще обсуждены в дворянских комитетах Прибалтики, но вряд ли те могли пойти против воли императора. Реформаторы из Министерства внутренних дел пошли еще дальше. Ланской уговорил Александра II разрешить немедленно разослать рескрипт по всем губерниям «для ознакомления и подражания». 8 дека-

бря 1857 года курьер отвез 75 экземпляров указанного документа на вокзалы для отправки по назначению. В тот же день Секретный комитет, спохватившись, потребовал от министра внутренних дел повременить с отправкой рескрипта. Но поезд уже ушел, вернее, ушли поезда, развозившие рескрипт по губерниям⁸.

Значение его опубликования трудно переоценить. Известный славянофил А. И. Кошелев писал: «Это обнародование произвело сильнейшее действие во всей империи: одни страшно перепугались, были, так сказать, ошеломлены; другие обрадовались; многие и весьма многие просто не поняли значения этого документа». Не поняли его и некоторые члены Секретного комитета, одоббившие рескрипт. «Воображают, — заметил в адрес коллег по Комитету проницательный П. П. Гагарин, — что приняли решение, относящееся исключительно к трем западным губерниям, а решили весь вопрос».

Действительно, рескрипт Назимову оказался не просто региональным экспериментом, позволявшим правительству увидеть реакцию помещиков и крестьян на определенные условия освобождения. Обнародованием этого важного документа Зимний дворец не только открыто заявил о своих намерениях, но и вынудил дворянство организовать в губерниях комитеты для выработки проектов «улучшения быта крестьян». Душевладельцы остальных губерний не хотели отставать от Прибалтики и идти наперекор желанию Зимнего дворца. Теперь и Секретный комитет (потерявший свою былую секретность и переименованный в Главный) оказался перед неприятным для него фактом. Сопrotивляясь реформе, его члены открыто выступали против ясно выраженной и запечатленной в рескрипте воли самодержца. Такое поведение высоких чинов империи могло спровоцировать серьезные крестьянские беспорядки, ведь селяне издавна верили в то, что «царь хороший, бояре плохие». В очередной раз подтверждать справедливость этой народной мудрости члены Комитета не хотели.

Летом 1858 года Александр II совершил очередное путешествие по России с тем, чтобы подтолкнуть дворянство к более активным действиям. Но он тщетно выражал недовольство и резко отчитывал провинциальных землевладельцев, дела в губернских комитетах продолжали идти ни шатко ни валко⁹. На местах сторонники реформы оказались в явном меньшинстве и жили в постоянном напряжении. Один из лидеров славянофилов Ю. Ф. Самарин писал друзьям, что приходит на заседания самарского губернского ко-

митета «не иначе как с револьвером в кармане, и вынужден завести себе из собственных дворовых крестьян отряд телохранителей». Оно и понятно, ведь в губерниях шла борьба материальных интересов, и дело нередко доходило до бурных сцен и личных оскорблений. Естественно, что в местных комитетах каждая «фракция» составила свой проект реформы, то есть последних оказалось гораздо больше, чем губерний, — около сотни.

В декабре 1858 года в недрах Министерства внутренних дел была подготовлена правительственная программа крестьянской реформы. Она включала в себя: личную свободу крестьян от помещиков, право селян переходить на другие земли, временное выполнение крестьянами определенных повинностей в пользу бывших хозяев и создание органов крестьянского самоуправления. Главный комитет тут же подготовил собственный проект реформы, гораздо более умеренный, чем правительственный. Свое слово решило сказать и общество. Наиболее возмутительная, с точки зрения властей, статья была напечатана в органе радикальной демократии — журнале «Современник». Ее автор К. Д. Кавелин писал о необходимости наделения крестьян пахотной землей и выкупе ее у помещиков не самими крепостными, а с помощью государства. Реакция императора оказалась необычайно бурной, как сейчас бы сказали, неадекватной. Кавелина отстранили от преподавания наследнику престола Николаю Александровичу русского права, а органам печати запретили обсуждать крестьянский вопрос, вплоть до полного его разрешения. Что же вызвало столь сильный гнев монарха, ведь Кавелин высказался вполне в духе реформаторов из Министерства внутренних дел?

Дело, видимо, в том, что, когда проблема отмены крепостного права перешла в практическую фазу, Александр II, судя по всему, вздохнул с облегчением. Во-первых, вопрос удалось сдвинуть с мертвой точки, а во-вторых, император смог занять выгодную, как ему казалось, позицию третейского судьи, главной задачей которого стал поиск приемлемого компромисса между позициями ведущих общественных лагерей России. Сами эти позиции были четко обозначены в работах дворянских комитетов и, если говорить коротко, гласили следующее: а) без крепостного права мы погибнем; б) современное положение нетерпимо, нужно, чтобы нас освободили от крестьян. При наличии столь противоречивых позиций Александр II хотел бы видеть только два борющихся лагеря — противников и сторонников перемен, и лишь одного третейского судью — в лице монарха. Вме-

шательство в дискуссию по крестьянскому вопросу третьей силы — общества (статья Кавелина в «Современнике») разрушало намечавшееся, с его точки зрения, хрупкое политическое равновесие и подменяло четкие оценки императора нестройным хором разногласного и неуправляемого общественного мнения¹⁰.

Работа с дворянством, собравшимся в губернских комитетах, была важна еще и потому, что оставался важный вопрос, без решения которого правительство не мыслило себе отмену крепостного права — вопрос о формальном одобрении самими помещиками грядущей реформы. Согласие первого сословия с действиями правительства гарантировало бы невозможность в дальнейшем организованного протеста дворянства по поводу отмены крепостного права. Кроме того, оно явилось сильным пропагандистским ходом — добровольный отказ помещиков от власти над крестьянами должен был произвести благоприятное впечатление и на селян, и на Европу. Трезво оценивая ситуацию, власти понимали, что итоги опроса дворянства, если его провести в губерниях, вряд ли будут утешительными для правительства. Оставалось попытаться справиться в столице с вызванными туда представителями от губерний. Проекты реформы от губернских комитетов стали поступать в Петербург еще осенью 1858 года, и тогда же Я. И. Ростовцев предложил создать Редакционные комиссии для выработки общего Положения о реформе и конкретных проектов отмены крепостного права по местностям. Кстати, об этом человеке тоже стоит поговорить особо.

Судьба и карьера Якова Ивановича Ростовцева настолько необычны, что до сих пор вызывают у исследователей заметное недоумение. Собственно говоря, речь идет лишь об одном его поступке, совершенном 12 декабря 1825 года. В тот день в девять часов вечера в Зимний дворец явился подпоручик Ростовцев и сообщил великому князю Николаю Павловичу о надвигавшемся восстании декабристов. Казалось бы, что же здесь неясного? Еще один доносчик-доброволец решил отличиться, «спасая» царя и отечество. Но Ростовцев не только не выдал никого из известных ему декабристов, но и передал будущему императору письмо, в котором и кроется некая загадка. В нем содержался следующий пассаж: «... Государственный Совет, Сенат, может быть гвардия будут за вас; военные поселения, отдельный Кавказский корпус решительно будут против». Иными словами, подсчитывая силы pro и contra царской власти, Ростовцев пытался запугать Николая Павловича призраком граждан-

ской войны, заставить его пойти на переговоры с революционерами.

Появление подпоручика, знакомого с планами дворянских радикалов, в Зимнем дворце — абсолютная самодеятельность, но не предательство, а попытка самому, в одиночку, предотвратить кровавую междоусобицу, оказать давление на великого князя и помочь декабристам добиться их целей мирными средствами. Утопические надежды Ростовцева стали понятны только в XX веке, а в 1825 году Николай по-своему наградил верноподданного юношу, который был переведен на службу в штаб военно-учебных заведений. Позже Яков Иванович в течение шести лет (1849—1856 годы) ежедневно общался с наследником престола, так как к тому времени стал начальником штаба военно-учебных заведений, которые курировал именно Александр Николаевич. Совместная работа сблизила их настолько, что генералу Ростовцеву новый император одному из первых доверил свои мечты об освобождении крестьян.

Яков Иванович, как человек сугубо военный, совершенно не был готов к законодательной деятельности, связанной с аграрным вопросом. И тем не менее Александр II был точен с выбором сановника на пост председателя Редакционных комиссий. За несколько месяцев напряженной работы Ростовцев сделался специалистом в порученном ему деле, изучив не только историю крестьянского вопроса в России, но и земельные законодательства ведущих европейских государств. Кроме того, Ростовцев, в силу давней «декабристской» истории, о которой говорилось чуть выше, и независимого служебного положения, не принадлежал ни к одной из придворных группировок и не был ставленником ни одного из министерств. Прекрасный организатор, человек основательный, он отличался абсолютной незлобивостью, умением прислушиваться к чужому мнению и уважением к профессиональным знаниям своих подчиненных.

С февраля-марта 1859 года Ростовцев начал подбирать состав Редакционных комиссий, и первым их сотрудником стал Н. А. Милютин, сделавшийся вскоре главным помощником Якова Ивановича. Редакционные комиссии оказались уникальным для России учреждением. Они не только были призваны выработать важнейшие для страны законодательные акты, но и в нарушение всех традиций сделались независимыми от высших государственных органов — Государственного Совета и Главного комитета. Да и состояли они не только из чиновников, но и из экспертов-специали-

стов, не получивших за свою работу никакого жалования, а потому полностью независимых. Заботясь об авторитете подчиненного ему учреждения, Ростовцев добился того, чтобы на третий день заседаний комиссий их члены были представлены Александру II.

Император сказал им: «Вы призваны, господа, совершить большой труд. Я буду уметь оценить его. Это дело шекотливое, я знаю. Мой выбор пал на вас; обо всех вас я слышал от вашего председателя; он мне всех рекомендовал. Я уверен, что вы любите Россию, как я ее люблю, и надеюсь, что исполните все добросовестно и оправдаете мое к вам доверие... Я надеюсь, что с вами мы проведем это дело к благополучному окончанию». К началу лета 1859 года ценой подлинно героических усилий проекты отмены крепостного права в России были готовы¹¹, и летом в Петербург стали съезжаться депутаты от губернских дворянских комитетов. Условия их созыва были тщательно продуманы Министерством внутренних дел, и в столицу вызывались по два депутата от каждого комитета, причем один из них должен был представлять сторонников реформы, другой — ее противников. Шансы сторон, таким образом, уравнивались, что давало верховной власти свободу маневра в работе с депутатами и надежду на благополучное ее завершение¹².

Но депутатов возмутило не это обстоятельство. Их потрясло то, что ранее им говорили, будто они призваны обсуждать коренные основы реформы, теперь же вдруг заявили, что проект готов и они должны предложить лишь методы его применения в конкретных местностях. Объявление о превращении их из законодателей в «ходячие справочники» произвело на депутатов впечатление разорвавшейся бомбы, ведь они привезли с собой массу предложений от губерний по поводу основополагающих принципов отмены крепостного права. Теперь же ни эти предложения, ни адреса протеста, написанные депутатами уже в Петербурге, в расчет приняты не были. Об отношении к ним императора можно судить по тому, что на полях некоторых из поданных ему проектов он начертил: «Никогда!», «Не должно быть допускаемо!» и т. п. В целом же монарху некогда было читать две тысячи листов, составивших три пухлых тома депутатских предложений. Вся эта история, пахивавшая грубым обманом первого сословия правительством, вызвала сильный ропот в провинции, и губернские дворянские комитеты решили вступить за своих представителей.

В данном столкновении власти и провинциального дворянства есть некая тонкость, мимо которой пройти просто

так было бы непозволительно. Дело в том, что очень велик соблазн усмотреть в заявлениях помещиков первый лепет просыпавшегося общественного мнения, отстаивавшего достаточно демократическое требование — расширить полномочия дворянских органов на местах. Однако для России конца 1850-х — начала 1860-х годов картина привычных представлений оказывается если не полностью перевернутой, то сильно искаженной. Ведь именно Зимний дворец всячески пытался ускорить проведение реформы, дворянское же общественное мнение, не имея возможности сорвать принятие проекта, в массе своей старалось сделать этот проект абсолютно неприемлемым для крестьянства. Кто в данный момент был в России большим демократом, власть или члены губернских комитетов, сказать довольно сложно. Вообще же демократия — вещь относительно простая, беда лишь в том, что люди никак не могут окончательно договориться, что именно она из себя представляет¹³. Как бы то ни было, правительство запретило обсуждать крестьянский вопрос на заседаниях дворянских собраний в уездах и губерниях. Те же, в свою очередь, резонно ответили, что это запрещение является незаконным, так как противоречит дарованному Екатериной II праву дворян обсуждать любые вопросы о пользах и нуждах своего сословия (запомним эту ссылку на указы Екатерины Великой).

Некоторые провинциальные собрания составили адреса, указывающие на необходимость одновременно с отменой крепостного права преобразовать на новых началах и различные отрасли государственного управления (вот когда первое сословие России доросло до понимания планов, вынашивавшихся в свое время Александром I). Надо сказать, что некие подобные преобразования намечались и самим правительством, но предводителям дворянства, допустившим подачу наиболее «дерзких» адресов, были объявлены выговоры, а в Твери разыгралась целая история, в результате которой А. М. Унковский и А. И. Европеус были высланы в Вятку и Пермь¹⁴. В это время Александр II резко противостоял попыткам общества вторгнуться в дела, являвшиеся прерогативой монарха. И дело здесь совсем не в амбициях государя, во всяком случае не только в них. В разговоре с предводителем звенигородского дворянства Голохвастовым император сказал: «Теперь вы, конечно, уверены, что я из мелкого тщеславия не хочу поступиться своими правами! Я даю тебе слово, что сейчас, на этом столе, я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что сделаю я это сего-

дня, и завтра Россия распадается на куски. А ведь этого и вы не хотите».

Основное разногласие между властью и обществом в 1859 году, связанное с готовящейся отменой крепостного права, лучше других выразил Я. И. Ростовцев. «Главное противоречие, — писал он в очередной записке императору, — состоит в том, что у комиссий и у некоторых депутатов различные точки исхода: у комиссий — государственная необходимость и государственное право; у них — право гражданское и интересы частные, они правы со своей стороны, мы со своей. Смотри с точки зрения гражданского права, вся начатая реформа, от начала до конца, несправедлива, ибо она есть нарушение права частной собственности, но как необходимость государственная, реформа эта законна, священна и необходима». С правительственной позицией все более или менее понятно, а что предлагали его оппоненты? Как конкретно помещики выразили свою «правоту»?

Адреса, написанные дворянскими депутатами в Петербурге, можно условно разбить на три группы. Первые констатировали, что освобождение крестьян означает полное разорение душевладельцев и не может не сказаться на крепости устоев государства. Авторы другой группы адресов изъявили согласие даровать крестьянам свободу, но одновременно предлагали создать хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий и основанное на выборных началах для того, чтобы без потрясений основ миновать переходный период. Третьи — требовали созвать уполномоченных от дворян, которые под руководством императора и создадут новый проект реформы.

Наряду с паническими, а порой и чисто шкурными воплями были в этих адресах здравые, можно сказать, даже пророческие идеи. Некоторые депутаты увидели в проекте Редакционных комиссий открытое стремление власти отстранить дворянство от всякого влияния на крестьянство. Предчувствуя резкое усиление бюрократического аппарата в результате проведения реформы по правительственному образцу, депутаты предупреждали императора, что преобразования в деревне должны сопровождаться обязательными изменениями политической структуры России. Контроль общества за деятельностью чиновников — дело действительно необходимое, но было ли российское общество готово действовать в общенациональных интересах? С другой стороны, отмена только частновладельческого крепостничества и сохранение полной зависимости всех сословий от трона создавали опасный перекося в отношениях общества и государства.

Адреса вызвали сильное раздражение Александра II. Он называл их «ни с чем не сообразными и дерзкими до крайности». «Если эти господа, — заявил монарх, — думают своими попытками меня испугать, то они ошибаются, я слишком убежден в правоте возбужденного нами святого дела, чтобы кто-либо мог меня остановить в довершении оногo. Но главный вопрос состоит в том, как его довершить». Видимо, вопрос состоял в том, «довершать» ли дело силами бюрократии или постепенно подключать к нему общество. Власти по-прежнему склонялись к первому варианту. «Не подлежит сомнению, — писал в 1859 году Ланской, — что некоторые действительно желают воспользоваться настоящим случаем, чтоб понемногу ввести представительное начало в решение дел государственных... Понятно, что руководители этого движения стараются прикрыть его разными законными причинами... Чтобы... оградить общественное спокойствие, необходимо устранить враждебные происки, не допуская разыгрываться партиям и смыкаться в политическую оппозицию».

Одними адресами противники реформы не ограничились, в ход пошли и прямые доносы, обвинявшие Ланского, Н. Милютина, великого князя Константина Николаевича в провоцировании распада страны и разжигании гражданской розни. Александр II наветам не поверил и испещрил эти доносы резкими замечаниями типа: «хорош софизм», «непомерная наглость», «вздor», «надобно начать с того, чтобы самого его обуздать». Однако он взял на заметку имена деятелей, вызвавших наибольшее недовольство поместного дворянства. Первым в ряду этих «крамольных» деятелей стоял Н. А. Милютин.

Николай Алексеевич Милютин и в личном, и в профессиональном отношениях был одновременно членом высшей бюрократии и представителем передовой интеллигенции, причем оказывался совершенно органичным и в той, и в другой ипостаси. Он обладал огромными знаниями, редкой трудоспособностью, не был новичком в бюрократических играх (в 1840-х годах, являясь чиновником Министерства внутренних дел, разрабатывал смелый для тех лет проект реорганизации органов городского самоуправления). Помимо этого Милютин отличался ораторским талантом, был хорошим организатором, человеком неуступчивым и настойчивым в достижении поставленных целей. Цели же эти являлись достаточно высокими, хотя и не бесспорными. В основе позиции Николая Алексеевича лежало убеждение, что в данный исторический момент только правительство может

убедительно сыграть роль двигателя реформ. Он и служил так истово потому, что правительственная программа оказалась близка его собственным взглядам.

Милютин не доверял общественно-политическим устремлениям дворянства, не признавая за ним никаких особых прав на исполнение первой скрипки в жизни страны. Он предпочитал руководствоваться в своей деятельности подлинно общественными интересами и нуждами, а не словесными амбициями. Надо отдавать себе отчет в том, что он выступал не против самодержавности общества, а против непомерных притязаний дворянства на роль лидера общества. Милютин боролся против подобных притязаний, поскольку считал, что в основе преобразований должны лежать чисто социальные проблемы, а политические изменения являются только следствием уравнивания сословий в глазах закона. Излюбленный девиз Николая Алексеевича: «ни деспотизма, ни конституции» — оказался достаточно шаткой платформой для серьезной практической деятельности. Милютин и сам это прекрасно понимал. Уже после своей отставки он горько шутил: «Еще хорошо, что удалили меня с почетом и выпроводили за границу; все-таки прогресс; при Анне Иоанновне вырезали бы мне язык и сослали в Сибирь».

Язык, надо думать, действительно вырезали бы, да и было за что. Обращаясь к депутатам губернских комитетов, Милютин говаривал: «Вас, дворян, нельзя расшевелить мелочами. Вы почешетесь, перевернетесь, да и опять заснете. Вас надобно так кольнуть, чтобы вы подпрыгнули вверх». И надо отдать ему должное — «подкалывал» он дворян постоянно. Работать с ним было вообще далеко не просто. Весь — огонь, страсть, Милютин любил до крика схлестнуться с оппонентом и дожимать его, пока тот не признает своего поражения. Правда, это касалось только работы или узкого круга друзей; в обществе же Николай Алексеевич старался никогда не проронить лишнего слова, так как прекрасно понимал, что за ним следят десятки недружелюбных глаз. Для многих его блестящие способности действительно были поводом для расстройства; бескорыстие, независимость, ум — вот что приводило врагов в бешенство, вот почему они его сравнивали с Робеспьером и считали достойным эшафота.

Милютину в самом деле частенько называли либералом, демократом, «красным», нимало не заботясь о том, что, давая ему такую характеристику, ругатели тем самым намекали на либерализм и «розоватость» самого императора, приблизившего Милютину к своей особе. В 1858 году против-

ники Николая Алексеевича попытались окончательно дискредитировать его, убеждая Александра II в ненадежности ненавистного им чиновника. В качестве подтверждения своих слов они ссылались на то, что Городовое положение 1848 года, разработанное Николаем Алексеевичем, приводит к неповиновению населения. Ответ императора прозвучал весьма обидно для его верного помощника: «Милютин давно имеет репутацию “красного” и вредного человека, за ним нужно понаблюдать». Узнав об этом, Милютин был уязвлен до глубины души и заявил Ланскому, что он вынужден просить об отставке.

Министр немедленно отправился к государю и уверил того, что ручается за Милютина, как за самого себя. В защиту талантливого чиновника выступили великая княгиня Елена Павловна и великий князь Константин Николаевич. Через три месяца после этих событий вышел в отставку товарищ (заместитель) министра внутренних дел Я. И. Левшин, освободилась весьма важная вакансия в иерархии российской бюрократии. Против возможного назначения на этот пост Милютина единой когортой выступили П. Н. Игнатьев, М. Н. Муравьев, В. А. Долгоруков, К. В. Чевкин, В. П. Бутков — цвет высшего чиновничества того времени. Однако Ростовцев и Ланской убедили Александра II назначить на данный пост именно Милютина, сделав его хотя бы временным товарищем министра. «Временно-постоянным», как шутили современники, он и прослужил вплоть до отмены крепостного права и своей отставки.

Тем временем в деле подготовки крестьянской реформы появились новые сложности, возникшие в связи с крайне печальным обстоятельством. В феврале 1860 года после тяжелой болезни скончался Я. И. Ростовцев. За несколько недель до смерти он изо всех сил торопился завершить окончательный проект освобождения крестьян, получивший название «завещания Ростовцева». Перед самой кончиной Яков Иванович обратился к ежедневно навещавшему его императору с последним кратким напутствием: «Государь, не бойтесь!» Александр II тяжело переживал потерю доверенного сотрудника, но одновременно, видимо, испытывал и некоторое облегчение. Дело не в бесчувственности или лицемерии монарха, а в политическом расчете, от которого тот не мог отрешиться ни на минуту. Наступало время серьезных компромиссов, а имя Ростовцева стало для поместного дворянства и части столичной бюрократии слишком одиозным. Теперь, после его смерти, председателем Редакционных комиссий можно было назначить деятеля совершенно иного

толка, который был бы способен успокоить встревоженных «правых». Такой человек нашелся без особого труда, им стал бывший министр юстиции Николая I В. Н. Панин.

Это назначение вызвало в российском обществе бурное негодование одних и восторженное ликование других. «Как! — восклицал в «Колоколе» А. И. Герцен. — Панин, Виктор Панин, длинный сумасшедший! который формализмом убил остаток юридической жизни в России... Ха-ха-ха! Это мистификация!» Нет, мистификацией здесь и не пахло. Не только Герцен, вынужденно находившийся в английском далеке, но и вся прогрессивно мыслящая Россия недоумевала и скорбела. Н. А. Милютин, узнав о сенсационном назначении, хотел вновь подать в отставку, и только настойчивые убеждения великой княгини Елены Павловны заставили его отказаться от этого намерения. Сама Елена Павловна рискнула высказать императору недоумение по поводу назначения Панина на столь неподходящий для него пост, но не добилась от монарха внятного ответа. Ее фрейлина, баронесса Сталь, почему-то особенно неотразимая для стареющих сановников, решила сыграть роль современной Юдифи и, пообещав Олоферну-Панину свою благосклонность, заставить его отказаться от поста председателя Редакционных комиссий. Однако даже ей, несмотря на все усилия, не удалось уязвить бронированную душу бывшего министра юстиции.

В чем же, однако, секрет этого странного назначения, да и был ли здесь какой-либо секрет? Заметим, кстати, что самого Александра II вся эта суета вокруг Панина, может быть, и забавляла, но несколько не смущала. Император настолько твердо решил довести крестьянское дело до конца, что оценка общественным мнением действий монарха его совершенно не интересовала. «Что обо мне говорят, — заявлял государь, — я на это не обращаю внимания. Нельзя быть любимому всеми». Главное же, при выборе Панина он трезво взвесил все «за» и «против». Если бы вместо Ростовцева был назначен, предположим, Милютин или еще кто-то из реформаторов, то это вызвало бы такую бурю и такие интриги, что борьба с ними могла заставить отложить на время само дело реформ. Если бы освободившаяся должность досталась, скажем, М. Н. Муравьеву, тот бы притворился послушным исполнителем воли императора, но обманул бы его доверие, подыгрывая крепостникам.

Наконец, Александр II твердо знал, что Панин никогда не был идейным борцом. Он являлся служакой до мозга костей, для которого на первом месте всегда стоял приказ

«сверху». Собственно, это подтвердил и сам граф в беседе с великим князем Константином Николаевичем, заявив: «Каковы бы ни были мои личные убеждения, я считаю своим долгом верноподданного прежде всего подчинить их взгляду императора... Если я какими-либо путями, прямо или косвенно, удостоверюсь, что государь смотрит на дело иначе чем я, — то я долгом почту тотчас отступить от своих убеждений и действовать совершенно наперекор им даже с большей энергиею, чем если бы я руководствовался собственными убеждениями...» Необыкновенно удобное качество как для его носителя, так и для монарха, имеющего подобных министров.

Сказанное, безусловно, объясняет практическую сторону назначения Панина, но психологически его появление на посту председателя Редакционных комиссий на многих подействовало угнетающе. В России от верховной власти всегда ждут смелых, неожиданных решений, а когда они, наконец, принимаются, власть тут же начинают подозревать в том, что это сделано для отвода глаз, в собственных интересах и т. п. В отношениях с «верхами» для россиян всегда характерно ожидание чуда, с одной стороны, и недоверие — с другой (что в общем-то неудивительно). Назначение же Панина действительно выглядело странно, тем более что впоследствии Милютин не раз ловил за руку нового председателя Редакционных комиссий, который не брезговал произвольными изменениями протоколов заседаний комиссий в угоду собственным воззрениям¹⁵. Дворянские же депутаты, вдохновленные назначением Панина, с новыми силами обрушились на главные пункты проекта, говорившие о наделении крестьян земель и об организации крестьянского самоуправления. Тогда, наверное, и была разорвана последняя нить, которая могла связать воедино самодержца и общественное мнение.

Странны и наивны сетования тогдашних и более поздних либералов на слепоту Александра II, не разглядевшего в адресах и записках депутатов рационального зерна и не защитившего их от произвола бюрократии. Во-первых, даже сейчас трудно отличить либеральную «конструктивность» от правительственной. Во-вторых, император, вынужденный начать реформу в союзе с частью бюрократии, сразу столкнулся с противодействием подавляющего большинства столичного и провинциального дворянства. Чиновников Александр Николаевич не без оснований надеялся заставить подчиняться своей воле, ведь в его руках находились все рычаги воздействия на бюрократию. Дворянство же, даже просвещенный его авангард, с точки зрения монарха, было не

только неуправляемым, но просто не понимало своих выгод. Таким образом, трения между верховной властью и помещичьим дворянством вполне объяснимы и закономерны, но они сулили стране много тяжелых испытаний. В конце концов депутаты губернских комитетов удалось заставить одобрить проект Редакционных комиссий, но борьба за отмену крепостного права на этом отнюдь не закончилась.

С осени 1860 года реформа вступила в решающую стадию. В октябре Редакционные комиссии прекратили свою работу, и проект ушел на утверждение в Главный комитет, председателем которого, как мы уже знаем, являлся великий князь Константин Николаевич. Ситуация в Комитете сложилась непростая: из десяти его членов лишь четыре человека поддерживали Положения, разработанные Редакционными комиссиями; трое требовали существенных доработок; а еще трое не были согласны с ними вовсе. В данном случае свое веское слово должен был сказать и действительно сказал император, который потребовал, чтобы последним сроком рассмотрения проекта освобождения крестьян в Комитете стало 15 февраля 1861 года. На этой дате он настаивал, с одной стороны, потому, что Положения должны были быть опубликованы к началу полевых работ в деревне, а с другой — Александр II хотел, по старой русской традиции, эффектно отметить пятую годовщину своего вступления на престол (19 февраля 1861 года). Говоря о необходимости закончить работу Комитета в срок, император был краток, заявив: «Этого я желаю, требую, повелеваю!»

После таких слов сопротивляться принятию проекта стало невозможно, и он, пройдя раньше срока Главный комитет, поступил в Государственный Совет. В первый же день работы Совета перед его членами с большой речью выступил Александр II. Он сказал: «Я требую от Государственного Совета, чтобы оно (крестьянское дело. — Л. Л.) было им кончено в первой половине февраля... Повторяю, и это моя неперемнная воля, чтобы дело это теперь же было кончено...» Далее император упомянул об усилиях своих предшественников на троне — Александра I и Николая I — решить аграрную проблему и подробно осветил ход подготовки крестьянской реформы. Закончил же он речь следующими словами: «Взгляды на представленную работу могут быть различны. Потому все различные мнения я выслушаю охотно; но я вправе требовать от вас одного, чтобы вы, отложив все различные интересы, действовали как государственные сановники, облеченные моим доверием. Вот уже четыре года оно длится и возбуждает опасения и ожидания как в поме-

щиках, так и в крестьянах. Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства».

Голосовали проект в Совете по параграфам и подавляющего преимущества не имели ни противники, ни сторонники реформы. Однако решающее значение в данном случае имели не позиции «фракций», а голос императора. Да, крепостникам удалось значительно «откорректировать» проект в своих интересах: 20% надельного земельного фонда, предназначавшегося крестьянам, осталось во владении помещиков, увеличены повинности крестьян в пользу прежних хозяев, выросла стоимость выкупа земли. Но главное являлось неизменным — крепостному праву в России приходил конец. 19 февраля 1861 года Александр II начертил на первой странице принятого закона: «Быть посему», а председатель Государственного Совета граф Д. Н. Блудов заверил своей подписью подлинность высочайшей резолюции.

Оставалось последнее — составление Манифеста, объявлявшего стране о долгожданном событии. Написать его поручили активному деятелю Редакционных комиссий Ю. Ф. Самарину, но у известного славянофила-либерала документ получился слишком сухим и малопонятным. Тогда обратились к митрополиту Филарету, но тот, будучи принципиальным противником реформы, отказался от почетного поручения. Только нажим со стороны императора и настойчивые просьбы духовника митрополита заставили последнего взяться за перо. Манифест все равно получился неудачным, чувствовалось, что автор писал его через силу, впадая в ложный пафос и неискренность. Но это уже казалось мелочью. Все активные участники подготовки крестьянской реформы получили специально изготовленные медали с профилем императора на одной стороне и надписью: «Благодарю» — на другой. 4 марта из Петербурга с почтовым поездом на Москву отправились генералы свиты и флигель-адъютанты, командированные в губернии для наблюдения за ходом крестьянской реформы. Всего отправлено было сорок наблюдателей. Каждого из них государственный секретарь В. П. Бутков снабдил портфелем с особым ключом. В портфелях находились Положения, которые должны были быть сданы губернаторам, как руководство к действию.

Между тем в столице принимались экстренные и странные на первый взгляд меры. Войска, в том числе и артиллерийские части, приводились в состояние полной боевой готовности. Говорили, будто отец и сын Адлерберги ночевали в Зимнем дворце и имели под рукой запряженные экипажи на случай внезапного бегства царской семьи от угрозы то ли

крестьянского бунта, то ли выступления недовольных дворян. Вообще-то меры, принятые правительством, вполне объяснимы. Все дело в традиционности ожидаемых последствий крупных аграрных перемен в России. Как бы ни были подобные перемены настоятельно необходимы, как бы тщательно их ни готовили, какой бы аппарат ни подключали к их проведению, все равно никто и никогда не мог точно предсказать, чем они закончатся. К счастью, в 1861 году ничего страшного так и не произошло.

Многие и многие наблюдатели в один голос свидетельствовали, что день 5 марта 1861 года (дата объявления свободы крепостных) прошел буднично и до обидного тихо. Причинами этой незаметности и обыденности великого события критики реформы называли книжный язык Манифеста, беспрецедентные полицейские меры, принятые в стране, недоверие народа к любому документу, исходившему от правительства, трудные для понимания крестьян условия их освобождения. Все это так, всенародных торжеств 5 марта действительно не наблюдалось, однако не было и полного равнодушия. Да его и не могло быть при снятии варварского клейма с 23 миллионов человек.

Утром этого дня Александр II возле манежа лично прочитал Манифест собравшейся здесь толпе. Народ слушал, но безмолвствовал, то ли по укоренившейся в России привычке — почтительно, то есть без бурного реагирования, выслушивать монарха, то ли подействовал странный запрет полиции проявлять в этот день какие-либо сильные чувства. Зато, как вспоминает П. А. Кропоткин, на разводе офицеры окружили государя и восторженно кричали «ура!». К середине дня начал осознавать происходившее и простой городской люд. Г. А. Щербачев вспоминал: «Было два часа, на Царицыном лугу было народное гуляние... Издали послышались крики «ура». Государь ехал с развода... Наконец, когда государь подъезжал к плацу, толпа заколыхалась, шапки полетели вверх, раздалось такое «ура», от которого, казалось, земля затряслась. Никакое перо не в состоянии описать тот восторг, с которым освобожденный народ встретил своего царя-освободителя».

Позже на одном из спектаклей оркестр по требованию публики трижды играл «Боже, царя храни», причем только на третий раз музыка гимна пробилась сквозь громогласное пение зала. На следующий день фабричные Петербурга послали депутацию к генерал-губернатору столицы с просьбой разрешить им подать государю соответствующий адрес и хлеб-соль. Хозяин города встретил представителей народа очень грубо и отказал в их просьбе. Тогда фабричные при-

грозили ему, что обратятся к министру двора, и губернатору пришлось пойти на попятную. 12 марта двадцать тысяч фабричных рабочих пришли на Дворцовую площадь, чтобы выразить императору искреннюю благодарность.

Да и в провинции, при развозе Манифеста по губерниям, народ оказывал всяческое содействие по скорейшей доставке документа на места. Крестьяне сами вызывались помогать курьерам и перевозили их от одного селения к другому с необыкновенной скоростью. В Кишиневе был случай, когда крестьяне выпрягли уставших лошадей у курьера и везли его на себе несколько верст. Слушая Манифест, народ благоговейно крестился, клал земные поклоны, ставил свечи к образам и служил молебны за Александра II, «не довольствуясь одними общими молебствиями, отправляемыми повсеместно».

Было, конечно, и другое. Как же в России без беспорядков? По стране рассредоточились 80 полков, в задачу которых входило внушение крестьянам смирения и уважения к действиям властей. Но серьезные беспорядки возникли только в Спасском уезде Казанской и Чембарском Пензенской губерний. Здесь пришлось прибегать к вводу в села воинских частей, пускать в ход оружие для разгона многотысячных толп, пытавшихся оспорить подлинность Манифеста 19 февраля 1861 года или дать ему свое толкование. В результате этих событий десятки крестьян были убиты и ранены¹⁶. Император, искренне огорченный трагическими инцидентами, все же отметил, что военные действовали единственно возможным образом. Трагическое, как известно, в жизни очень часто ходит бок о бок с комическим, так было и в этот раз. Скажем, из-за нелепого распоряжения полиции о запрещении населению 5 марта бурно выражать чувства одного петербургского дворника выпороли за то, что бедолага после объявления воли троекратно крикнул «ура!». И правильно, не велено, не ликуй.

Короче говоря, власти ждали проявления массового недовольства, а к празднованию великого события подготовиться забыли. Александр Николаевич признался близким, что считает 5 марта 1861 года лучшим днем своей жизни, и он был совершенно прав. Однако этот воистину знаменательный день так и не стал государственным праздником ни до революционных событий 1917 года, ни тем более после них. Мы предпочитаем отмечать другие «красные» даты, полагая, видимо, что освобождение 23 миллионов соотечественников от рабства — событие для нас совершенно ординарное. Для властей и общества день достаточно невнятной солидарности трудящихся или создание Красной (почему дата создания

только Красной?) армии и в наши дни куда важнее даты отмены крепостного права. Но это так, к слову, праздники, конечно, можно назначать и отменять, но если они не стали «своими» для большинства населения, то подобные внедрения и отмены — занятия абсолютно бесполезные. Кстати, за границей день 5 марта 1861 года практически сразу был оценен по достоинству. Например, в одной из статей в «Кельнской газете» от 13 марта того же года говорилось: «Редко, или лучше сказать, никогда еще смертному не доводилось совершать дело столь важное и благородное, как то, которое совершил благодушный император Александр II. Одним росчерком пера он возвратил 23 миллионам людей их права...»

Что же принесла России крестьянская реформа и каковы были ее ближайшие последствия? Итак, крепостные были освобождены и получили пахотную землю для ведения собственного хозяйства. Мужиков прежде всего интересовали размер надела и условия пользования им. Их ждало сильное разочарование, надел они получили совсем не такой, какой ожидался, к тому же за него надо было платить разорительный выкуп, да и зависимость крестьян от помещика исчезла далеко не сразу. Поэтому крестьянское «ожидание» осталось, изменилась лишь его суть. Деревня теперь ждала, что через два года (срок, отведенный правительством для заключения сделок между помещиками и крестьянами) выйдет «полная», настоящая воля с бесплатным дарованием земли трудящимся на ней. Те же, кто сейчас подпишет уставные грамоты (соглашения) с прежним хозяином, этой земли не получат. Поведение крестьян трудно назвать бунтом, это было скорее подобие забастовки, проводимой из боязни нарушить «истинную царскую волю», которая должна быть вот-вот явлена.

Таким образом, в 1861 году в России произошло столкновение двух пониманий собственности: одного, основанного на римском праве, то есть том убеждении, что частная собственность есть основа прочного государственного устройства, и крестьянского понимания собственности на землю. По мнению селян, с полным основанием владеть можно было только имуществом, а земля, как воздух или вода, принадлежит Богу или царю, остальные же люди ее у них арендуют. Поэтому по справедливости первенство среди таких временных хозяев должно принадлежать тем, кто обрабатывает землю, трудится на ней. Здесь, наверное, самое время остановиться на том, что недовольные реформой упрекали ее за недостаточную радикальность, хотя для своего времени она оказалась весьма решительной. Упреки же кри-

тиков основываются на утверждении, что реформа не соответствовала чаяниям народа. Но она и не могла им соответствовать, ведь крестьяне стремились к утопии, к построению общества без начальства на всех уровнях, к догосударственному устройству, но с царем во главе общества, которое делит между своими членами помещичьи земли, инвентарь, хлеб и т. п. Разве на таком основании можно было построить что-то реальное? Другое дело, что условия реформы требовали исправлений, подсказанных ходом их конкретного применения (что в общем-то и было заложено в проект его авторами, но потом благополучно забыто властью).

Александр II вернулся к таким исправлениям, но сделал это только в начале 1881 года. Выслушав предложение министра финансов об обязательном переводе на выкуп временнообязанных крестьян (к тому времени выкупило надежды лишь 16% бывших крепостных, остальные продолжали надеяться на милость царя), он сказал: «В прежние времена я всегда был против обязательного выкупа. Мне хотелось дать время помещикам устроиться с крестьянами домашним образом, отнюдь не допуская над ними насилия. Но я никак не ожидал, чтобы в двадцать лет это не могло окончиться, а потому полагаю ныне, что оно должно быть завершено...» Но завершать это дело пришлось не ему, а его преемнику, когда выкуп наделов уже мало что определял в жизни деревни, страдавшей от хронического малоземелья.

А что же помещики? Как на их судьбе сказалась отмена крепостного права? Реформа 1861 года с экономической точки зрения во многом являлась спекуляцией землей, проводившейся в интересах помещиков и государства. В черноземных губерниях был назначен выкуп в 342 миллиона рублей золотом, хотя реальная стоимость земли здесь составляла 284 миллиона рублей. Освобожденные 23 миллиона крепостных крестьян получили 33,7 миллиона десятин пахотной земли, помещикам же оставались 71,5 миллиона десятин. Среди душевладельцев нашлось немало «пошехонцев», у которых 1861 год вызвал вопль: «Ах, господи! Да что же это такое? Какие мы теперь господа? То получали все, получали, а то вдруг и ничего. Да какая же это воля? Нельзя уж и распорядиться своими рабами...»¹⁷ Участь таких (и не только таких) хозяев была достаточно безрадостной. Новые времена, в полном смысле этого слова денежные, новые условия хозяйствования, вишневые сады под топор... Обезземеливание и разорение дворянства в пореформенную эпоху приняли достаточно широкие размеры. Те же, кто сумел здраво распорядиться выкупными деньгами, вынуждены бы-

ли резко перестраивать свои хозяйства, жить в ином окружении и отчасти в другой стране.

Больше всего на первый взгляд от крестьянской реформы выиграло государство. Оно получило долги от имений, заложенных и перезаложенных помещиками в казенных учреждениях (во время проведения выкупной операции долги автоматически вычитались из положенных дворянам сумм). Многие годы власти собирали проценты с крестьян в счет их долга по выкупной операции. Ведь помещики получали всю положенную сумму сразу, а поскольку крестьянство таких денег не могло выплатить единовременно, оно брало в долг у государства. Казна получила к тому же долгожданную возможность эксплуатировать деревню напрямую, без посредника (помещика). Не будем забывать и о том, что основное значение отмены крепостного права заключалось не только в тех экономических последствиях, которые она имела для крестьянства, дворянства, предпринимателей России, хотя эти последствия были весьма весомы.

Еще внушительнее было значение того коренного изменения в правовом и психологическом состоянии населения, что произошло после падения крепостного права. Совсем не либеральная «Северная пчела» писала в новогоднем номере за 1861 год: «В самых глухих городах, где до сих пор все насущные интересы состояли в картах, водке, взятках и сплетнях, являются публичные библиотеки, журналы и газеты, везде проснулась и воспрянула умственная жизнь». Иными словами, отменив крепостное право, Россия не только повысила свой политический и нравственный престиж в мире, но и приобрела новые проблемы. Да и для мира она оставалась в чем-то привычным «козлом отпущения». Европейский либерализм в любой момент был готов осудить российское правительство за внутреннюю или внешнюю политику, возмутиться российскими порядками, в которых мало что понимал кроме того, что они не такие, как «у людей». В подобных условиях отмена крепостного права явилась сильным козырем в руках российских властей, но игра была далеко не кончена.

Между тем оказалось, что и для государства крестьянская реформа стала не только благом, она и ему добавила трудностей. Прежде всего реформа далеко не одинаково сказалась на хозяйстве различных губерний и краев империи. В нечерноземном центре, к примеру, обязанность крестьян нести какое-то время барщину и платить выкуп за землю не компенсировала помещикам потерю доходов от сторонних заработков и промыслов бывших крепостных. Реформа

подрывала два столпа самодержавной монархии: жесткую иерархию сословий и материальное благополучие дворянства, как опоры трона. После 1861 года права помещика частично перешли к соответствующим общегосударственным органам, но главным образом — к «миру», общине. Между крестьянами и властью исчезло амортизирующее сословие помещиков, то есть отношения между властью и народом перешли в новую фазу, и правила игры в ней были недостаточно известны как «верхам», так и «низам».

И все-таки, говоря о трудностях и недостатках крестьянской реформы, не следует забывать, что именно она была решительным, если не решающим шагом на пути построения в России гражданского общества. Именно она сняла со значительной части населения страны отвратительную кличку «рабы». Именно она помогла избежать в XIX веке ужасов гражданской войны и анархии бунта. Иными словами, Александру II в 1861 году удалось действовать успешнее А. Линкольна, чуть позже отменившего рабство в США, но не сумевшего предотвратить войны Севера и Юга. А чего не удалось избежать российскому самодержцу в ходе проведения реформы? Первый такой момент связан с величиной выкупа пахотной земли. Ведь после 1861 года уровень эксплуатации деревни значительно увеличился. Между тем в Европе во время проведения подобных мероприятий цена земли всегда была ниже рыночной, государство понимало, что возьмет свое с окрепшего крестьянства позже, через налоги. Если бы Россия пошла по этому пути, рентабельное крестьянское хозяйство и развивающееся крестьянское предпринимательство сделали бы ее поистине процветающей державой.

Второй момент касается крестьянской общины. Ее сохранение имело под собой объективное основание — крестьянство привыкло к коллективному хозяйствованию, и сам «мир» мог в переходный период достаточно эффективно выполнять функции защитника своих членов. Однако жесткость закрепления общинных порядков вряд ли можно оправдать какой бы то ни было необходимостью. Можно и нужно было дать возможность некоторой части «крепких» хозяев выхода из общины. В таком случае Россия получила бы к началу XX века около 10% фермерских хозяйств, что способствовало бы и успешной модернизации сельского хозяйства, и более обоснованному проведению реформ Витте — Столыпина.

Третьим моментом, как уже упоминалось, было крестьянское малоземелье. По реформе селяне получили не по 8—9, как планировалось Ростовцевым и Милютиным,

а по 4—5 десятин земли. Быстрый рост населения деревни после реформы вел к дроблению хозяйств и обнищанию крестьянской массы. Впрочем, даже если бы помещичьи и государственные земли были поделены между селянами европейской части России, это дало бы столь малую прибавку к их владениям, что никак не решило бы проблему малоземелья¹⁸. Выход из данного тупика состоял либо в массовом переселении крестьянства, либо в повышении эффективности сельского хозяйства страны. И то и другое требовало огромных капиталовложений и вряд ли было возможно в 1870—1880-х годах. Сохранение же помещичьего землевладения имело не столько экономический, сколько психологический эффект, вызывая ненависть крестьянства и желание расправиться со своим старым врагом.

Что же касается новой общественно-политической ситуации, складывавшейся в стране в результате упразднения крепостного права, то император, к несчастью, не смог оценить ее в полной мере. Все последующие преобразования, кроме, пожалуй, военной реформы, он рассматривал исключительно как естественное продолжение изменений, происшедших в деревне, а потому не ждал от них никакого подвоха. Не прошло и двух месяцев со дня отмены крепостного права, как в отставку были отправлены Ланской и Милютин. Либерально настроенного министра народного просвещения Е. П. Ковалевского сменил адмирал Е. В. Путятин, никакого отношения к делу просвещения не имевший. Монарх был, конечно, сентиментален и очень привязан ко многим своим сотрудникам, но он не мог себе позволить выражать чувство удовлетворения ими публично. Прощаясь с министрами и их заместителями, Александр II был внешне спокоен, не желая показаться обескураженным или расстроенным. Кстати, мало кто обратил внимание на то, что уже при Николае I проходит время «визирей». Действительно, трудно себе представить рядом с независимым Николаем Павловичем Потемкина или Аракчеева. Не было подобных «визирей» и у его сына. Но дело сейчас не только и даже совсем не в этом.

В 1861 году впервые проявилась характерная черта александровского царствования: разработку планов преобразований, начальную борьбу за них всегда вели одни люди (реформаторы), а проведение в жизнь реформ поручалось другим (в лучшем случае нерассуждающим исполнителям). Преобразования вызывали яростное сопротивление реакционеров и осуждение консерваторов, и Александру II, занявшему позицию надсословного и надпартийного третейского судьи, приходилось отправлять в отставку тех людей, с ко-

торами он вместе разрабатывал планы реформ. Делалось это ради того, чтобы в иных случаях сохранить, в других — установить абсолютное равновесие политических сил в стране, а также — «фракций» в бюрократических сферах. С точки зрения монарха, это являлось одной из самых главных задач в период проведения реформ.

Александр II надеялся, что, удержав в руках рычаги управления, он не только спасет преобразования, но и сохранит мир и спокойствие в стране. Подобная цель теоретически стоит любых жертв. Вернее так: теоретически может быть и стоит, но в реальной жизни наш герой не учитывал того, что люди, проводящие реформы, имеют большее влияние на их судьбы, чем те, кто эти реформы разрабатывает. Попадая в чужие или равнодушные руки, суть преобразований страдала и выхолащивалась, а сами преобразования начинали раздражать общество невнятицей, половинчатостью. Не учитывал Александр II и того обстоятельства, что его политическая позиция становилась и уникальной, и опасной. Пытаясь в одиночку играть роль политического центра, он был вынужден постоянно расставаться с реформаторами: оставаясь же царем, он все больше опирался на консервативную бюрократию, которая не могла предложить никаких мер по обновлению страны, отстаивая лишь сохранение старого порядка. Император же не поднимался, а как бы зависал над схваткой, над политическими баталиями. Вопрос заключался в том, может ли такая позиция правителя считаться достаточно прочной и конструктивной.

Новым помощникам, явившимся на смену прежним, монарх не то что не доверял, скорее он не очень верил в них как в государственных мужей. Прежних же деятелей он из тактических соображений возвращать не собирался (вернее, они имели шанс вернуться в какой-то чрезвычайной ситуации). Они и Александр Николаевич существовали как бы в разных политических плоскостях: либеральная бюрократия видела в реформах инструмент для построения новой России; для него же реформы являлись лишь сильнодействующим лекарством, приняв которое, старый организм России должен был обрести стабильность. Монарх опасался интриг, протестов, разрушения того политического центра, который начал формировать вокруг себя, точнее из себя самого. Общество, как уже говорилось, он не считал надежным единомышленником, не видя от союза с ним никакой реальной пользы, не ожидая от него никакой действенной помощи. Император, бюрократия, общество, дворянство, народ — от противостояния или взаимодействия этих сил зависела дальнейшая судьба России¹⁹.

ЗДАНИЕ РЕФОРМ

Разговор о реформах 1860—1870-х годов невольно приводит нас к проблеме: Россия и Запад, впрочем, к этой проблеме нас приводит любой разговор о переломных моментах в истории нашей страны. И каждый раз традиционным стержнем такого разговора является вопрос: что представляет из себя Россия, каковы ее недостатки и преимущества по сравнению с Западом? Попытка разобраться в этой основополагающей проблеме заведет нас слишком далеко, а потому поговорим лучше о том, что не вызывает особых споров — о возможностях России догнать Европу в экономическом отношении и одновременно превратиться в подлинно правовое государство. Иными словами, о том, могла ли империя Александра II в ускоренном темпе повторить путь, пройденный Европой, или каким-то иным образом выйти на новый уровень развития? Теоретически на этот вопрос можно ответить утвердительно, на практике же подобная перспектива выглядела крайне неоднозначно.

Первая причина наших сомнений заключается в своем нравном характере российского самодержавия, которое в отличие от европейских монархий не было ограничено никакой другой силой (Церковью, аристократией, буржуазией) и жило в соответствии с законами, устанавливаемыми им самим. Во-вторых, крепостничество, абсолютно непохожее на западное феодальное право, подчиняло все слои населения трону, а отнюдь не ограничивалось прикреплением крестьян к личности помещика. В-третьих, отношение россиян к праву трактовалось не как общегосударственное, а как исключительно сословное. В силу указанных причин путь России и в XIX веке оказался достаточно своеобразным, а проблема совпадения династических и государственных интересов — достаточно острой. Между правомерным и правовым государством разница была и оставалась весьма значительной: в первом случае власть сама устанавливает правила существования страны, во втором — это делают выборные и периодически сменяемые представители населения.

После крестьянской реформы, невзирая на собственные симпатии и антипатии, Зимний дворец и правительство оставались заинтересованными в проведении еще целого ряда необходимых реформ. Дело в том, что без некоторых из них они технически не могли бы управлять страной, другие же были необходимы для поддержания нормальной экономической и культурной жизни империи. Наконец, перед политическими и финансовыми кругами Западной Европы россий-

ские «верхи» должны были демонстрировать верность заявленному ими принципу: «Ни слабости, ни реакции». Беда заключалась лишь в том, что в ходе этих реформ постепенно исчезало и без того не слишком широкое общественное основание преобразований, существовавшее в 1856—1861 годах (радостное воодушевление общества, губернские комитеты, слаженная работа единомышленников в Редакционных комиссиях и т. п.). Впрочем, это легко понимается задним числом, а в 1860-х годах реформы двигались и ничто, казалось, не предвещало сверхъестественных трудностей и далеко не триумфального финала.

Начнем с российской юстиции. Именно с нее, поскольку важнейшая сфера государственной жизни оказалась наиболее запущенной, а кроме того, план судебной реформы стал одним из первых осуществлявшихся проектов после реформы крестьянской. Российская Фемида времен Николая I отличалась многими странностями, которые трудно списать лишь на непредсказуемость женской природы беспристрастной, по мнению древних греков, богини правосудия. В суде, к примеру, существовали такие непонятные юридические нормы, как доказательства полные и неполные (интересно, что доказывали последние?), дававшие неограниченный простор для буйной фантазии чиновников.

Кроме того, бóльшая или меньшая достоверность свидетельских показаний зависела, и достаточно сильно, от того, кто их давал — дворянин или простолюдин, мужчина или женщина. Суд имел странное право обойтись без окончательного решения вопроса о виновности или невинности обвиняемого, то есть допускалось подчас трагическое «оставление обвиняемого в подозрении» на неопределенный срок. Так, известный драматург А. В. Сухово-Кобылин более шести лет оставался в подозрении по поводу убийства французской модистки Л. Симон-Деманш, и потребовался специальный указ Александра II, чтобы дело в отношении него было прекращено. Зато требования к единообразию документов, выходивших из-под пера судебных или полицейских писарей, устанавливались жесточайшие. Полиция, например, была обязана четко классифицировать задержанных ею пьяных по специально разработанной для этого случая шкале: бесчувственный, растерзанный и дикий, буйно-пьяный, просто пьяный, веселый, почти трезвый и, наконец, жаждущий опохмелиться. Можно подумать, что от этого кардинальным образом менялась участь задержанного.

Перед юристами — авторами судебной реформы — стояла непростая задача, зато они и оказались в привилегиро-

ванном положении по сравнению с разработчиками других реформ, поскольку получили высочайшее разрешение на полную свободу действий и возможность любого эксперимента²⁰. Среди «отцов» судебной реформы следует особо выделить С. И. Зарудного, Д. А. Ровинского, К. П. Победоносцева, П. В. Донского, Н. А. Буцовского. Благодарить же за полученную привилегию они должны были не только Александра II, но и нового министра юстиции Д. Н. Замятнина.

Он был назначен на министерский пост в 1862 году и, как многие реформаторы александровского царствования, появился как бы вдруг, ниоткуда. Вообще-то Дмитрий Николаевич был достаточно хорошо знаком узкому кругу юристов. Он служил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, затем был обер-прокурором гражданского департамента Сената, но никогда не отличался ни реформаторскими помыслами, ни оригинальными идеями. Единственное, чем он запомнился на этих постах современникам, это борьба со взяточничеством и прочими злоупотреблениями, которые разъедали российские казенные учреждения.

Судьба Замятнина служит прекрасной иллюстрацией того, как николаевский режим не умел и не желал использовать потенциал крепких профессионалов, а также того, что борьба с живой мыслью, попытки задушить ее всегда, в конце концов, терпят поражение. Дмитрий Николаевич будто ждал высочайшего разрешения (а может, и действительно ожидал такового), чтобы обрушиться на старый суд и юриспруденцию в целом. Он, как и ранее, не мог похвастаться аналитическими способностями, глубокими научными познаниями, но, единожды поверив составителям новых судебных уставов, до конца остался их верным защитником. Дмитрий Николаевич трудился, не обращая внимания на шероховатости первых лет введения нового суда, нападки на него и слева, и справа, прямую клевету на деятелей реформы и на себя лично.

Он без всякого намека на ложное самолюбие признавался сотрудникам, что ему не до конца все ясно в новых судебных уставах, просил у них совета и помощи, внимательно выслушивал их мнение по тому или иному вопросу. Замятнин умел не только не выпячивать свое министерское «я», но даже прятать его, оставаясь среди юристов первым по должности в кругу равных по знаниям и умению организовать дело. Зато кадры для новых судов Дмитрий Николаевич подбирал сам, прекрасно понимая, что теперь появилась крайняя нужда не просто в чиновниках, но и деятелях,

знающих, смелых, инициативных, обладающих даром слова, тактом и многими другими редкими для обычных российских бюрократов качествами. Замятинский первый призыв в новые судебные органы, по общему признанию, оказался лучшим в дореволюционной России.

Вот как он наставлял юристов при открытии реформированного суда в Москве: «Завязывая свои глаза пред всякими посторонними и внешними влияниями, вы тем самым полнее раскрываете внутренние очи совести и тем беспристрастнее будете взвешивать правоту или неправоту подлежащих вашему обсуждению требований и деяний». Лишь в течение трех лет после введения в стране новых уставов Дмитрий Николаевич оставался министром юстиции, но этого оказалось достаточно, чтобы в России окончательно прошла пора, говоря словами писателя и рассказчика И. Ф. Горбунова, «розгословия, брадоиздратия, власоисхищения и прочего». Сложная борьба, интриги вокруг судебных уставов и учреждений заставили Замятина весной 1867 года выйти в отставку. Зимнему дворцу понадобились более сговорчивые и менее самостоятельные министры.

Что касается самой реформы, то закон о новом судостроительстве и судопроизводстве в России был утвержден в конце 1864 года. Судебная система страны в обновленном виде оказалась представленной судами двух уровней: мировыми и окружными. Мировые суды избирались населением и рассматривали мелкие уголовные и гражданские дела, разгребая так называемую судебную мелочовку. Назначаемые правительством окружные суды вели лишь действительно сложные и важные уголовные процессы, частенько вызывавшие общественный ажиотаж. За Сенатом же закрепилось значение высшей кассационной инстанции. Сюда обращались с просьбами о пересмотре дел, решенных в окружных судах. Изменилась система предварительного следствия, которое до реформы вела полиция. Теперь предварительное расследование было возложено на специальных судебных исполнителей.

Наиболее решительные шаги в направлении демократизации судебной системы были сделаны при определении принципов деятельности судов. Суд впервые в русской истории стал бессословным, единым для дворян, горожан и крестьян. Он становился гласным, доступным для публики, а кроме того, состязательным. В зале суда теперь присутствовал не только прокурор, но и адвокат, защищавший обвиняемого. Причем умные и удачливые адвокаты зачастую становились кумирами общества, сравнимыми разве что с популярными журналистами, писателями или актерами. Важ-

ными принципами судебной реформы стали независимость и несменяемость судей. Они получали высокое жалование (больше платили судьям только в Англии). Материальная независимость дополнялась административной: лишить судью занимаемой должности мог лишь суд за совершенные злоупотребления или иные преступления.

Наконец, в России возникает суд присяжных заседателей, избираемых по жребию из жителей данной местности. Институт присяжных заседателей заслуживает того, чтобы о нем поговорить подробнее, не только потому, что он сыграл достаточно важную роль в дореволюционной России, но и потому, что вопрос о нем актуален для нашей страны и в XXI столетии. Суд присяжных был и остается наиболее приемлемым видом судопроизводства для тех стран, где власти стремятся не столько приблизить процесс к абстрактным высотам юридической науки, сколько заботятся в первую очередь о доверии граждан к суду. Присяжные заседатели, что очень важно, точно отражают уровень правосознания населения, а значит, с точки зрения подавляющего большинства граждан, судят «правильно». К тому же они не являются судебскими чиновниками, то есть не вызывают у населения устойчивой антипатии. Название «суд улицы» (как пренебрежительно отзывались о суде присяжных его противники в XIX веке) — это, если вдуматься, лучшая похвала ему. Уровень правосознания граждан не привносится разом, извне, не повышается от обязательного чтения сугубо научных книг, а вырабатывается постепенно, в том числе, и в первую очередь, путем активного участия населения в судебных процессах.

Становление новой системы российской юстиции вскоре было омрачено тем, что император, действуя по уже знакомой нам схеме, заменил Д. Н. Замятина на посту министра юстиции К. И. фон дер Паленом. Карл Иванович абсолютно ничего не понимал в юриспруденции, так как до своего назначения министром исполнял обязанности псковского губернатора, а еще раньше был директором департамента полиции (что наложило на него неизгладимый отпечаток). То ли от неизбежного прибалтийского патриотизма, то ли по простоте душевной, Пален любил к месту и не к месту повторять: «У нас, в остзейском крае, совсем не так». Неосведомленность его в юридических вопросах оказалась настолько пугающей, что исполняющим обязанности министра юстиции на некоторое время назначили князя С. Н. Урусова, пока будущий глава ведомства пытался войти в курс дела. Однако это не помешало Палену активно вмешивать-

ся в деятельность своего министерства и проводить ревизию судебных уставов, которые он по должности обязан был охранять от посягательств на них с любой стороны. Политическое равновесие по-прежнему оставалось главной целью Зимнего дворца и по-прежнему требовало жертв.

Одновременно с судебной реформой шла активная работа по созданию земского и городского самоуправления²¹. Во главе разработчиков этих реформ оказался хорошо нам знакомый Н. А. Милютин, под руководством которого и был составлен первый проект, вводивший в стране земские учреждения. Земская реформа, гораздо менее удачная, чем судебная, поначалу считалась в обществе гораздо более значимой, а может быть, и судьбоносной. Правда, у власть предержащих было на этот счет особое мнение. Александр II видел в земстве лишь необходимую компенсацию дворянству за потерю власти над крепостными крестьянами. Поделившись с первым сословием частью власти на местах, император надеялся подсластить ему горькую пилюлю, которую представляла собой отмена крепостного права. Бюрократия в массе своей считала данную реформу ни к чему не обязывающим реверансом в адрес помещиков и была по-своему права. Консервативное дворянство надеялось, что новые органы самоуправления дадут ему возможность сбросить опеку чиновничества над провинцией и стать хозяином в губерниях. Наконец, либералы в правительстве и на периферии мечтали о том, что земства сделаются органами национального примирения и началом строительства государства снизу вверх.

Однако для этого их должны были провозгласить всеобщими, наделить достаточно широкими полномочиями, дать возможность формировать свой бюджет и сделать их относительно независимыми от государственных органов. В таком случае дворяне, купцы, крестьяне, интеллигенция, мещане, работая в земствах бок о бок, имели бы шанс научиться разговаривать и понимать друг друга, что могло бы умерить межсословную рознь, разъедавшую Россию в течение долгого времени. Более того, земства могли стать фундаментом для постепенного выстраивания государственных органов не сверху вниз, что было традиционно для России, а снизу вверх, что сделало бы здание державы более естественным и прочным.

Что же произошло в действительности? После объявления о начале проведения крестьянской реформы министром внутренних дел был назначен П. А. Валуев — деятель весьма честолюбивый, обладавший противоречивыми взглядами. Первым толчком к началу удачной карьеры Петра Алек-

сандровича стало определение его на службу во II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Он оказался удачлив и в службе, и в личной жизни, женившись на дочери П. А. Вяземского, успешно продвигавшегося по бюрократической лестнице в царствование Николая I. Да и работа под началом столь блестящего чиновника, как М. М. Сперанский, не могла пройти бесследно.

В 1855 году Валуев, будучи курляндским гражданским губернатором, пишет и распространяет записку под названием «Дума русского во второй половине 1855 года». В этом резко критическом сочинении говорилось, в частности, следующее: «Взгляните на годовые отчеты: везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется... должный порядок. Взгляните на дело... и редко где окажется прочная плодотворная почва. Сверху — блеск, внизу — гниль...» Смелая и умная записка открыла Валуеву двери салонов великой княгини Елены Павловны и великого князя Константина Николаевича, но, как показали дальнейшие события, Петр Александрович, разделяя некоторые их взгляды, все же не сделался верным соратником и единомышленником высокопоставленных реформаторов.

С 1859 года он управляет двумя из четырех департаментов Министерства государственных имуществ, то есть становится правой рукой министра М. Н. Муравьева. Тот поручает Валуеву написать проект крестьянской реформы, по которому освобождение селян было бы растянуто на долгие десятилетия. Однако Петр Александрович, по его собственному выражению, «ставит паруса по ветру», стараясь не слишком расходиться с позицией, занятой императором, и это ему удается. Сделавшись министром внутренних дел, он попытался решить сложную задачу — сохранить традиционный абсолютизм и одновременно провести либерализацию верховного управления. Сам Валуев был сторонником постепенного освобождения из-под властной опеки любых созревших для самостоятельной жизни общественных элементов. Так, в ходе реализации крестьянской реформы, по его мнению, рядом с дворянином-помещиком должен был постепенно встать зажиточный крестьянин-собственник.

Сложность, двойственность позиции Валуева проистекала не только от неоформленности его взглядов, но и от неоднозначного характера самих александровских реформ. Ведь их цель вполне может быть понята и как веха на пути гражданского раскрепощения общества, и как отчаянный способ сохранения российской монархии в ее неизменном виде. Суть многократно пережитой Петром Александрови-

чем драмы заключалась в выполнении дел, заведомо им не вполне или даже вовсе неодобряемых. Часто это была обычная для чиновничьего мира драма самоуничтожения личности, «закабаленной служить», реже — драма осознанного примирения с реальностью, которую ни правителям нашим, ни нам переделать не дано.

В чисто политическом смысле позиция Валуева являлась попыткой создать новый, более устойчивый и многочисленный центр с ориентацией на правые силы. Однако, во-первых, фигура министра оказалась недостаточно весомой для общества, во-вторых, взгляды и симпатии влекли его исключительно к консерваторам. В результате вместо стабилизации положения в стране политика Валуева еще больше раскачала государственный корабль. В самом деле, как можно было понять и логично расценить увольнение им лучших российских губернаторов: Арцимовича, Грота, Муравьева, урезание прав земств, борьбу с новыми судебными уставами и одновременное предложение превратить Государственный Совет в австрийский рейхсрат (парламент), для чего предполагалось созвать собрание представителей от всех сословий или, например, протест Валуева против исключительно репрессивных мер, применяемых полицией против оппозиционных элементов общества?

Сам же закон о местном самоуправлении, принятый в 1864 году, четко определил структуру земских учреждений и их компетенцию. Земства вводились в уездах и губерниях, и каждое из них имело распорядительные (земские собрания) и исполнительные (земские управы) органы. Уездные собрания избирались по куриям (разрядам) землевладельцами, сельскими обществами, городскими избирателями. Губернские собрания избирались на съездах уездных земств из числа гласных (выбранных населением уездов депутатов). Земства должны были заниматься местными путями сообщения, учреждениями народного образования, больницами, тюрьмами, снабжением населения продовольствием, учреждениями общественного призрения (сиротские дома, дома престарелых, инвалидов и пр.). Перечень задач вроде был впечатляющий, но деятельность земств могла быть гораздо более эффективной. Однако они (земства) были введены лишь в 34 из 59 российских губерний и 16 областей, но главное заключалось в том, что средства, переданные земствам, не превышали 40—50 тысяч рублей в год, а содержание земских учреждений обходилось в 80—100 тысяч рублей.

Функционирование земских учреждений допускалось только на уездном и губернском уровнях. В ходе реформы

не было создано ни высшего — Всероссийского земства, ни низших — волостных. Все это позволило шутникам называть земства «зданием без фундамента и крыши». По словам известного консервативного журналиста М. Н. Каткова, в России получилось самоуправление, напоминавшее гримасу человека, который хочет чихнуть, но не может этого сделать. Кроме того, Валуев поправками к закону о выборах в земства добился преобладания в них дворянства. Всесословность органов самоуправления, провозглашенная Милютиным, на деле обернулась новыми дворянскими привилегиями, и ни о каком сословном примирении посредством земств теперь не могло быть и речи.

Несколько нарушая хронологию событий, но сохраняя внутреннюю логику разговора, отметим, что 16 июня 1870 года в стране была проведена реформа городского самоуправления. Подготовка к ней началась в 1862 году с Высочайшего повеления «приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи» и учреждения в 509 городах особых комиссий из депутатов всех сословий, владевших недвижимой собственностью. По разработанному ими закону 1870 года распорядительными органами в городах стали городские думы, а исполнительными — избранные думами городские управы. Думы избирались раз в четыре года и численность их гласных колебалась от 30 до 72 человек (в столичных думах гласных было значительно больше: в Петербурге — 250, в Москве — 180). Управа включала в себя 2—3 человека, действовавших под руководством городского головы.

К выборам в думы допускались лица, достигшие 25 лет, из числа платящих городские налоги и подати. Лично голосовать могли только мужчины, за женщин, имевших право голоса, голосовали их отцы, мужья, братья и т. п. Лишенными избирательных прав оказались наемные рабочие, а также интеллигенция, не владевшая недвижимой собственностью. Подобные правила привели к тому, что в 46 крупнейших городах империи избиратели составляли 5,6% от общего числа жителей. Полномочия же городского управления в целом были теми же, что и у земских учреждений.

Таким образом, важнейшие реформы — крестьянская, земская и судебная — вместо того, чтобы сблизить позиции общества и правительства, еще больше разъединили их. Не изменили этой тенденции и преобразования в области просвещения и цензуры, хотя ими занимался весьма достойный и незаурядный человек. Судьба министра народного просвещения Александра Васильевича Головнина была предопределена его встречей с великим князем Константином Нико-

лаевичем, чьим секретарем он вначале и стал. Человек высоко образованный, знавший в совершенстве английский, французский, немецкий и итальянский языки, Головнин являлся посредником между великим князем и ведущими реформаторами александровского царствования. Заняв в 1862 году пост министра народного просвещения, он сумел поставить свое традиционно периферийное ведомство в один ряд с ведущими министерствами империи. Необходимо отметить, что работали в его подчинении отнюдь не талантливейшие педагоги страны, а в основном заслуженные в прошлом командиры воинских частей и подразделений, для которых служба на ниве просвещения являлась своеобразной синекурой. И все же министерство Головнина успело сделать очень многое. Сельские училища, учительские семинарии (педагогические училища), Комитет грамотности, Педагогическое общество, новые уставы гимназий и университетов — таковы любимые детища Александра Васильевича. А как ему доставалось от противников! Сколько нападков пришлось вынести этому непреклонному человеку! Ведь в педагогике, как и в истории, у нас всегда разбирались все, и примерно с тем же успехом. «Человек самого тонкого ума, горячий патриот», — писал о Головнине известный историк М. И. Семеновский, и эта оценка не выглядит преувеличенной или несправедливой.

Реформа средней школы стала результатом компромисса между сторонниками классического и приверженцами реального образования. В ней использованы заключения и предложения 110 педагогических учреждений и 255 частных лиц. Новый устав школы, написанный под руководством Головнина, провозглашал принцип равенства детей всех сословий без различия вероисповедания. Согласно этому документу в России создавались семиклассные гимназии двоякого типа — классические и реальные, а также прогимназии с четырехгодичным сроком обучения. В классических гимназиях в основу было положено преподавание гуманитарных дисциплин и древних («классических») языков — греческого и латыни. В реальных повышенное внимание уделялось занятиям математикой и естествознанием.

Принцип равенства детей в деле образования не был выдержан в полной мере. Достаточно высокая плата за обучение в гимназиях делала их практически недоступными для выходцев из крестьянства и городских низов. Кроме того, право поступать в университеты без экзаменов получали только выпускники классических гимназий, из реальных же — прямая дорога вела в другие высшие учебные заведения. Па-

мать, ощущения детства и юности часто вмешиваются в наши взрослые дела и играют в них достаточно важную роль. Проводя реформу системы образования, Александр Николаевич не мог не вспомнить годы собственного обучения, уроки столь любимого им Жуковского.

Во всяком случае он был согласен со своим учителем в том, что образование есть благо, что именно гуманитарные науки делают человека гражданином. Огражденный благодаря стараниям отца от трудных наполненных многочасовой «долбежкой» занятий латынью и греческим, император счел эти учебные предметы необходимыми для истинно образованного человека. Да и убеждение, что образование, которое в принципе должно быть доступно каждому, далеко не всех делает счастливыми и равными, — тоже оттуда, из юности. Интересно, что в документах, посвященных реформе высшего образования, влияние личного опыта императора почти совсем не заметно — ему ведь не довелось сидеть на студенческой скамье.

Новый университетский устав был утвержден 18 июня 1862 года²². Он восстанавливал автономию университетов, отмененную Николаем I под впечатлением революционных событий в Европе в 1848 году. Ни войска, ни полиция не могли теперь вступить на территорию университета без разрешения его ректора. Делами университетов руководили ученые советы, состоявшие из преподавателей и сотрудников учебного заведения. Они избирали ректоров, утверждали учебные планы, замещали вакансии на кафедрах. А. В. Головин хотел пойти еще дальше и разрешить студентам создавать свои объединения (корпорации), но это предложение не было поддержано монархом, который опасался, что студенческие корпорации превратятся в центры политической оппозиции. Головин оказался причастным и к реформе цензурной, так как до середины 1860-х годов цензура находилась в ведении его министерства.

В 1865 году Александр II утвердил разработанные Министерством просвещения и Министерством внутренних дел «Временные правила о цензуре». И хотя они распространялись на печатную продукцию только Петербурга и Москвы, это был явный шаг вперед. Согласно «Временным правилам» отменялась предварительная (то есть на стадии сдачи рукописи в издательство) цензура крупных по объему произведений. Правительственные и научные издания цензурному контролю вообще не подлежали. Министр внутренних дел под крупный залог мог освободить от предварительной цензуры и центральные периодические издания. Отвечали

же авторы и издатели за напечатанные ими произведения в строго судебном порядке. Эта реформа в целом оказалась самой робкой из всех преобразований 1860—1870-х годов. Александр II по-прежнему не доверял пишущей братии, точнее, продолжал опасаться общества, мнение которого выражали журналисты и писатели.

Усиливающееся расхождение власти и общества не могла приостановить и военная реформа, касавшаяся всех и каждого в империи. А ведь она явилась не просто очередным перетряхиванием одной из сфер государственной жизни. Военная реформа в России всегда была событием знаковым, поскольку армия и флот — это любимые детища государства и гордость нации. Одновременно — это и их любимые игрушки, символизирующие мощь и величие страны. Обязательный ежедневный (зимой в манеже) развод гвардейских полков, лагерные сборы в Красном Селе, постоянные объезды монархом войск, расположенных в разных концах империи, учения и маневры, торжественные парады, напоминающие балетное действо... Понятно, что к реформированию армии власть относилась ревниво и бережно, а потому преобразования в ней растянулись на восемнадцать лет. Не будем забывать и о том, что армия и флот — механизмы сложные, многопрофильные, да и преобразовывать в них потребовалось очень многое.

Перемены начались в 1856 году с того, что срок солдатской службы был сокращен до 15 лет, а численный состав вооруженных сил уменьшился на 500 тысяч человек. Полный ход преобразования набрали с ноября 1861 года, когда военным министром стал брат Николая Алексеевича Милютина Дмитрий Алексеевич. В 1836 году он окончил Военную академию и поступил на службу в Гвардейский генеральный штаб. Позже недоброжелатели называли его «кабинетным стратегом», но это вопиюще несправедливая оценка. Перу Милютина действительно принадлежат интересные историко-аналитические работы: «Описание экспедиции 1839 года в Северный Дагестан», «Итальянский поход Суворова», «История войны 1799 года между Россией и Францией при Павле I», но написаны они отнюдь не кабинетным ученым. В конце 1838 года Дмитрий Алексеевич по собственной просьбе был впервые откомандирован на Кавказ, а почти двадцать лет спустя в 1856—1857 годах там же участвовал в разработке операции по пленению Шамиля, успешное проведение которой предопределило исход военных действий на Кавказе.

По своим политическим взглядам Милютин был либералом-западником, что не удивительно, поскольку с 1840-х го-

дов он прятельствовал с Т. Н. Грановским, В. И. Боткиным, К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным и другими видными деятелями западничества. Он являлся страстным противником крепостничества, всегда готовым к открытой борьбе с этим злом. Уже в 1840-х годах он с помощью своего могущественного дяди, министра государственных имуществ П. Д. Киселева, перевел принадлежащих ему крепостных в разряд государственных крестьян. «Я перестал быть помещиком-душевлладельцем, — радовался Дмитрий Алексеевич, — и совесть моя успокоилась».

В доме Милютина царила необычайная простота, приводящая в изумление тех, кто помнил роскошные апартаменты николаевского военного министра А. И. Чернышева. Когда Милютину был дарован графский титул, знакомые пытались поздравить его с этим торжественным событием. «Как вам не стыдно! — возмущался Дмитрий Алексеевич. — Пускай другие поздравляют, а вы... знаете меня столько лет и считаете нужным поздравлять...» Он был человеком хладнокровным, равнодушным к чинам, несколько замкнутым. Работоспособностью обладал феноменальной. Однажды на Кавказе Милютину поручили найти решение некоей серьезной задачи, и он целый месяц просидел над ней, не выходя из дому буквально ни на шаг. Без занятий Дмитрий Алексеевич не мог оставаться ни одной минуты. Когда он сделался военным министром, подчиненные шутили, что, оставаясь без дела, Милютин усердно запечатывал конверты со служебной корреспонденцией, наклеивал на них марки или набрасывал такие резолюции на входящие бумаги, что канцеляристам после этого оставалось только переписывать сделанное министром.

Проведение военной реформы потребовало от него нечеловеческого напряжения сил. Часто повторялась та ситуация, которую Милютин однажды описал в своем дневнике. «Как-то, — вспоминал он, — удалось заручиться обещанием государя подписать указ на другой день. Я уже праздновал победу и почти всю ночь посвятил подготовительной работе... Но!.. Вечером и ранним утром ополчились... на меня такие силы, что монарх, когда я к нему явился с готовым Высочайшим повелением, встретил меня словами: “Как хочешь, а наш проект не прошел. Прости, пока я ничего сделать не могу”²³. Морской министр Н. К. Краббе рассказывал, как проходило обсуждение введения всеобщей воинской повинности в Государственном Совете. «Сегодня Дмитрий Алексеевич был неузнаваем. Он не ожидал нападения, а сам бросался на противника, да так, что вчуже было жут-

ко... Зубами в глотку и через хребет. Совсем лев. Наши старички разъехались перепуганные». Милютин в те годы не единожды оказывался на грани отставки, но каждый раз императору удавалось сохранить его на министерском посту²⁴. Так продолжалось до весны 1881 года...

Свою деятельность Милютин начал с уменьшения централизации управления армией и предоставления большей самостоятельности военному руководству на местах (к 1871 году Россия была разделена на 14 военных округов, командующие которыми наделялись весьма ощутимой властью). Была запрещена отдача людей в солдаты за совершенные ими преступления, отменены телесные наказания для рядового состава, введено обязательное обучение солдат грамоте и счету, проведено перевооружение армии нарезным оружием, заряжающимся с казенной части, улучшены офицерские кадры. Венцом же военной реформы стало введение с 1 января 1874 года устава о всеобщей воинской повинности. Этот устав, резко сокращавший срок действительной военной службы и введивший понятие «запаса», позволил заметно сократить расходы на армию в мирное время и развертывать значительные силы в преддверии войны.

Как и крестьянская реформа, военная встретила ожесточенное сопротивление ретроградов, обвинявших Милютина в попытках уравнивать дворян с чернью, исчезновении боевого духа армии, забвении традиций русского оружия и т. п. Однако военный министр, опираясь на неизменную поддержку императора, довел дело до конца. Очень точно определил его усилия замечательный русский юрист А. Ф. Кони. «Милютин, — писал он, — обратил дело защиты родины из суровой тяготы для многих в высокий долг для всех и из одиночного несчастья в общую повинность». После гибели Александра II военный министр, как и другие реформаторы, оказался ненужным новому правителю. Он доживал свой век в Крыму, в Симеизе, охотно принимал гостей и умер глубоким стариком в 1912 году.

Последней проблемой, о которой стоит поговорить прежде, чем рассматривать «здание реформ» в целом и рассуждать об особенностях этого здания, является вопрос о проектах конституционного устройства России. Поднятый в начале XIX века Александром I, он буквально витал в воздухе в 1860—1870-х годах, постоянно натываясь на нежелание, боязнь Александра II делиться властью с обществом. А откуда у него, скажите на милость, могло возникнуть такое желание или вообще твердая и взвешенная линия поведения по данному поводу? К. Д. Кавелин, имея в виду российскую

интеллигенцию, говорил об «отсутствии между поколениями умственной и нравственной преемственности». А была ли такая преемственность у российских монархов XVIII—XIX веков? Не будем забывать, что в эти столетия не всегда соблюдалась даже физическая преемственность власти, то есть переход престола к безусловно законному наследнику. А что уж говорить о сути правления!

Петр I подвергает ломке традиционный государственный аппарат, Церковь, социальные отношения, элементы культуры. Преемники Петра, не говоря об этом вслух, потихоньку хоронят его политическое наследие просто потому, что оказываются не в силах освоить его и продолжить начатое монархом-реформатором. Павел I старается разрушить все, созданное матерью-императрицей. Александр I отказывается от отцовских методов управления страной. Николай I, считая проекты брата гибельной утопией, доводит до абсурда попытки лично проконтролировать все стороны жизни общества. Наконец, Александр II, пусть и под давлением обстоятельств, вынужден отказаться от милой его сердцу отцовской системы руководства нацией и пуститься в самостоятельное плавание. Стоит ли тут говорить о серьезной преемственности власти, о продолжении глубокой традиции во внутренней и внешней политике?

К тому же вопрос о конституционной монархии в России в XIX веке — это вопрос не только об уступках со стороны трона, но и о самостоятельности, зрелости, «политичности» дворянского общества. Именно дворянского общества, как наиболее свободного, грамотного, состоятельного и организованного. А это общество, коли называть вещи своими именами, давно продало право реально участвовать в политической жизни государства если не за чечевичную похлебку, то за нечто немногим более ценное. На протяжении всего XVIII века первое сословие активно боролось лишь за свое освобождение от обязательной государственной службы и за сохранение монополии на владение крепостными крестьянами. Жалованная грамота дворянству 1785 года удовлетворяла его желания, но после ее появления выяснилось некое парадоксальное обстоятельство. Оказалось, что призывы к более энергичной службе монарху, звучавшие с трона, означали усиление зависимости самодержца от дворянства, освобождение же первого сословия от обязательной службы вело к автоматическому отстранению его от участия в политических делах и усилению единоличной власти императора. А теперь подумаем, мог ли Александр II отважиться на то, чтобы вместе с крепостным правом отнять у этого сосло-

вия еще и право не служить, дарованное Екатериной II, причем дарованное по настоянию самого дворянства?

Может быть, именно поэтому проекты, хотя бы отчасти напоминавшие конституционные, воспринимались им с обидой, недоверием, страхом (во всяком случае, император всегда мог сделать вид, что им движут именно эти мотивы). Что же касается страха, то боялся он отнюдь не за себя. В 1862 году П. А. Валуев записал свою беседу с Александром II: «Государь долго говорил о современном положении дел и о моих предложениях насчет преобразования Государственного Совета. Он повторил однажды уже сказанное, что противится установлению конституции не потому, что дорожит властью, но потому, что убежден, что это принесло бы несчастье России и привело бы к ее распаду». Этот разговор не помешал Валуеву через год подать монарху записку с предложением созвать съезд государственных гласных (депутатов) и наделить его законосовещательными правами. В 1866 году великий князь Константин Николаевич посоветовал брату учредить совещательное собрание из 46 лиц: 35 представителей губернских земств и 11 — от крупных городов. Оба проекта остались, и мы можем догадаться почему, без высочайшего ответа.

Потребовались тяжелые испытания, война правительства с революционным народничеством не на жизнь, а на смерть, чтобы «верхи» начали осознавать необходимость политических изменений в стране. Еще в 1865 году Валуев записал в своем дневнике: «Что и кто теперь Россия? Все сословия разъединены. Внутри них разлад и колебания. Все законы в переделке. Все основы в движении... Один государь теперь представляет и знаменует собой цельность и единство империи. Он один может укрепить пошатнувшееся, остановить колеблющееся, сплотить раздвоившееся...» Как вам кажется, чего в этих словах больше: политического расчета или веры в чудо, которое должно было быть явлено императором, в чудо, которому не оказалось места в реальной жизни? Гораздо более трезво оценивал ситуацию в 1879 году Д. А. Милютин: «Действительно нельзя не признать, что все государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху... К крайнему прискорбию, такая колоссальная работа не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже квартального».

Ну а Александр II, он-то мог подняться выше точки зрения полицейских чинов? В 1880 году германский император, преисполненный, видимо, родственных чувств, обратился к

своему племяннику в России с тем, чтобы предостеречь его от введения в стране представительного правления. Александр Николаевич ответил, что «не только не имеет намерения дать России конституцию, но и впредь, пока жив, не сделает этой ошибки». Вскоре самодержцу вновь пришлось провозгласить переоценку ценностей. В том же 1880 году провозглашенный диктатором России, а затем назначенный министром внутренних дел генерал М. Т. Лорис-Меликов представил императору проект конституции собственного сочинения.

Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов являлся в петербургском «свете» и в рядах столичной бюрократии фигурой совершенно случайной. Он сам рассказывал друзьям, что его отец был человеком полудиким, едва умевшим подписать по-армянски свою фамилию. В 11 лет Михаила отвезли в Петербург, в «большую конюшню», как ласково называли юнкерское кавалерийское училище его воспитанники. По окончании училища Лорис-Меликов вернулся на Кавказ и стал адъютантом графа М. С. Воронцова, наместника в этом регионе и командующего Кавказским корпусом. Михаил Тариелович приобрел всероссийскую известность во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, когда возглавляемые им войска держали фронт против турок на Кавказе и взяли ряд стратегически важных крепостей.

Вскоре после окончания войны его бросили на борьбу с эпидемией чумы, вспыхнувшей под Царицыном. Он не только успешно справился с эпидемией, но и вернул в казну часть суммы, отпущенной на борьбу с болезнью, что в столичном «свете» сочли оригинальничанием и желанием обратить на себя внимание властей. После этого с генералом начинают происходить волшебные приключения в духе арабских сказок тысячи и одной ночи. Абсолютно неожиданно для всех Лорис-Меликов был назначен диктатором Харьковской губернии, самодержавным повелителем 12 миллионов человек. У него и здесь дела пошли лучше, чем у его коллег — генерал-губернаторов других регионов. Он не высылал «подозрительных» вагонами, как Э. И. Тотлебен в Одессе, и не надеялся лишь на увеличение количества полицейских чинов и их агентов, как И. В. Гурко в Петербурге. Михаил Тариелович постарался привлечь на свою сторону харьковское общество, чтобы выбить почву из-под ног революционеров, лишить их моральной и материальной поддержки публики. И он добился своего, в горячем 1879 году в харьковском крае не было произведено ни одного покушения против представителей местных властей.

После успехов в Харькове Лорис-Меликов был вызван в Петербург. Дело в том, что, когда здесь зашла речь о необ-

ходимости назначения всероссийского диктатора для борьбы с террористами, Д. А. Милютин предложил кандидатуру везучего генерала. Ее поддержали наследник престола великий князь Александр Александрович и его дядя, великий князь Константин Николаевич. По словам самого Лорис-Меликова: «Ни один временщик — ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчеев — никогда не имели такой всеобъемлющей власти». Общество по-разному восприняло возвышение генерала: кому-то он казался «спасителем отечества», «диктатором сердца», кому-то — «ближним боярином Мишелем I», «лисьим хвостом и волчьей пастью». Оценки хлесткие и запоминающиеся, но на самом деле все оказалось гораздо проще.

Лорис-Меликов был человеком терпимым, убежденным сторонником постепенного, но неуклонного прогресса (в чем он сходилась с императором Александром II), обладал здравым смыслом и большим житейским опытом. Однако он плохо знал ситуацию в коренных губерниях России и особенности их социально-экономической структуры. О народе, то есть крестьянстве, он судил по солдатам, кавказским горцам и художественной литературе (особенно уважал произведения Л. Н. Толстого). Кроме того, граф не имел широкой поддержки в «верхах», а значит, слабо представлял себе расстановку сил в Зимнем дворце и вокруг него. Это не помешало ему в феврале 1881 года заявить: «Если моя власть продолжится, то не пройдет и трех месяцев, как в России заговорят о конституции». И слово свое он сдержал, о конституции действительно заговорили.

Замысел генерала состоял в создании временных подготовительных комиссий (подобных Редакционным комиссиям конца 1850-х годов). Помимо чиновников, в них должны были войти представители земств крупнейших губерний России. Задачу комиссий составляли выработка новых законов, корректировка крестьянской и земской реформ, решение некоторых финансовых вопросов. Подготовленные проекты предлагалось внести в Общую комиссию, также состоявшую из представителей чиновничества и земств. Одобренные ею проекты поступали на утверждение Государственного Совета и императора.

Проект Лорис-Меликова трудно назвать конституционным документом в полном смысле этого слова. Он мог стать конституцией, а мог не привести ни к чему новому — все зависело от того, как сложатся обстоятельства российской политической жизни. Сложно сказать, что повлияло на решение Александра II, но он в конце концов одобрил проект графа. Может быть, император увидел в нем последнее до-

ступное ему средство борьбы с разрушительным терроризмом, а может быть, посчитал его ни к чему не обязывающей уступкой обществу. Известие об одобрении монархом проекта Лорис-Меликова должно было появиться в газетах 1—2 марта, но не судьба... А все же, что действительно заставило императора пойти на столь серьезный шаг? Ощущение того, что власть висит на волоске, страх за судьбу новой семьи, равнодушие к государственным делам? Последнее ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов.

Медики давно и упорно говорят о некой генетической усталости, подстерегавшей последних самодержцев из рода Романовых, которая настигала их где-то после сорока прожитых монархами лет. Не являлось это обстоятельство секретом и для ближайшего окружения Александра II. В 1869 году великая княгиня Елена Павловна говорила Валугу: «Это свойство семьи. В известном возрасте наступает усталость и пропадают желания. Так было с императором Александром I, с императором Николаем... Надо им помогать. Надо их поддерживать, ободрять, не давать видеть все в мрачном свете, искать и найти струну, которая могла бы дать им наслаждение».

Не споря с родственниками монарха и не будучи специалистом-медиком, не могу, тем не менее, не задаться вопросом: что способствовало развитию этого генетического недуга? Называют огромные физические и психологические нагрузки, связанные с управлением страной, стрессы из-за тяжелого груза ответственности. Все это верно, но почему усталость начала наваливаться на Романовых именно в XIX веке? Не потому ли, что оказался тяжел не груз власти сам по себе, а разочарование от растущего бессилия власти, от невозможности сделать то, что хотелось бы совершить? Александр I уходит от государственных забот, когда выясняется, что ему не суждено ни отменить крепостное право, ни дать стране конституцию. Николай I начинает сетовать на упадок сил, когда взлелеянная им система управления вдруг перестает казаться универсальной и всеобъемлющей. Александр II устает, когда оказывается, что его реформы, которыми он надеялся осчастливить страну, не устраивают большую часть ее населения.

Разочарование нашего героя, судя по всему, было особенно сильным. Князь В. П. Мещерский вспоминал: «Десять лет прошло с начала его царствования... Сколько людей наговорили ему в эти десять лет худого о худом, и как мало, напротив, люди говорили ему хорошего о хорошем... Печать на одну четверть говорила о благодарности и на три четвер-

ти говорила во имя отрицания, обличения и осуждения... Каждый день подавались государю в разных видах все людские злые отзывы и злые сплетни... А первые дни своего царствования государь только и жил для мечтания и желания добра... Но нет... что бы ни делал государь, все дела встречала критика одних и нетерпеливые требования другого от других... трудно было при этих условиях, окружавших царя, не разочароваться».

Трудно было в этих условиях не только не разочароваться, но и не махнуть на все рукой, не захандрить. А русская хандра... Да, она является ближайшей родственницей английского сплина, но, несмотря на родственные отношения, между ними существует качественная разница. Сплин — скука, заставляющая терять вкус к наслаждениям, это, по словам Н. М. Карамзина, «несчастье от счастья». Он, пусть и с трудом, поддается лечению: перемена рода занятий, путешествие, коллекционирование, чудачества и т. п. Хандра абсолютно неизлечима, что ни предпринимай. Мыслящий россиянин, заболевший ею (а это обязательно должен быть человек мыслящий и чувствующий), оказывался носителем некоей судьбы, находился в постоянном поиске смысла и цели своей жизни.

Все они: онегины, печорины и иже с ними — пытались «мысль разрешить», то есть определить причины болезни, преодолеть ее. И все они приходили к убеждению, что «ничего нельзя и не нужно делать», они становились принципиальными «недеятелями», на них появлялось некое моральное пятно. Не примешивалась ли к ощущениям нашего героя эта русская хандра, которая для него была не просто русской, но еще и царской? Император постоянно ищет не столько смысл своей жизни (он-то ему ясен с детских лет), сколько смысл своего царствования, что удваивает нравственные мучения его как человека частного и как человека власти. Он не только культурно одинок в стране, не готовой к восприятию его культуры, но и одинок потому, что вынужден метаться между различными ориентирами, не имея возможности выбрать один из них. Он «недельник», который вынужден постоянно действовать, даже если не видит в своих усилиях особого смысла. Физическое и духовное одиночество русского монарха делало его фигурой более трагической, чем «лишние люди» из известных литературных произведений. Действительно, какие оценки своих деяний он мог услышать от окружающих?

Преобразования 1860—1870-х годов приветствовались действительно далеко не всеми представителями даже монархического лагеря. К. Н. Леонтьев, например, считал, что

именно размывание четких сословных границ между «верхами» и «низами», начавшееся в середине XIX века, приведет к крушению самодержавия. Л. А. Тихомиров вообще утверждал, что только после 1861 года Россия превращается в настоящее полицейское бюрократическое государство, подобное европейским монархиям XVIII столетия. Неужели все действительно было так плохо, и реформы Александра II не принесли стране никакой пользы? Или, наоборот, они дали России мощный толчок, позволивший ей вернуться в семью великих держав? И вообще, существует ли однозначный ответ на поставленные в 1870-х годах перед нашим отечеством вопросы?

Никто, пожалуй, не спорит с тем, что в 1870-х годах страна становится иной. Тип и темп российской жизни определились на несколько десятилетий вперед именно реформами Александра II. Это, конечно, в три-четыре раза меньший срок, нежели действия преобразований Петра Великого, но ведь и ход исторического развития России заметно ускорился, да и события 1917 года не стояли на пути реформ первого российского императора. Особенно заметны, естественно, экономические успехи государства в 1860—1880-х годах. В 1858 году дефицит бюджета России составлял 14 миллионов рублей. Однако после учреждения в 1860 году Государственного банка и благодаря умелой политике министра финансов М. Х. Рейтерна с 1866 года доходы бюджета начинают превышать его расходы, а с 1871 года понятие дефицита становится для него неактуальным. Вывоз основной экспортной культуры — хлеба — из России вырос с 1856 по 1876 год в три с лишним раза. Страну покрыла сеть железных дорог; акции российских железнодорожных компаний успешно размещались в Англии, Франции и Германии. На мировом уровне проходили всероссийские промышленные выставки в Петербурге и в Москве.

Можно, наверное, согласиться с А. В. Никитенко²⁵, который в свое время писал: «Вот формула того, как могли бы удовлетвориться все рассудительные люди нашего времени: со стороны правительства — поддержание всех реформ нынешнего царствования, со стороны общества — деятельность в пределах этих реформ». Но то ли рассудительных людей в России всегда было маловато, то ли рассуждали они не о том, но... Ради соблюдения истины и объективности отметим, что, говоря о реформаторских возможностях самодержавия, приходится согласиться с тем, что преобразования Александра II — это тот условный круг, выйти за который данная власть была неспособна. Даже утвержденные ею

реформы в ходе их практического претворения в жизнь оказывались не совсем по мерке и самодержавию и привыкшему к опеке «сверху» обществу. За границей же александровских реформ начиналась область прерогатив монарха, вторгаться в нее трон не позволял никому.

Александр II заметно изменил свои пристрастия юношеских лет, отказался от многих привычек и заветов отца, но от принципов самодержавия отрешиться не мог, хотя... Если вспомнить о конституционном проекте Лорис-Меликова, можно, наверное, говорить о попытке вырваться и из этого, политического, круга одиночества... Но нет, слишком неравными были силы, слишком сильно сопротивление и справа, и слева (о чем еще мы поговорим подробнее), слишком отличалась ситуация, в которой оказался наш герой, и от той, в которой находился его отец, и от той, в которой окажется его сын. Если позволить себе такой довольно неуклюжий образ, то Александр II порою представляется не вершиной общественно-политической пирамиды, а центром ее устойчивости. Подобная позиция тяжела, она привычна для атлантов, но не для монархов.

Хотя порой и в самом деле казалось, что еще чуть-чуть — и у здания реформ появится достойное завершение в виде преобразованного политического строя. Не судьба... Третий круг одиночества сжимал вокруг императора свое кольцо, ведя его к предсказанной французской гадалкой и уготованной Историей гибели.

Часть IV

ОДИНОЧЕСТВО ТРЕТЬЕ. АПОГЕЙ

Нет дела, коего устройства было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.

Н. Макиавелли

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ (первая половина 1870-х годов)

Объяснения происхождения главок под названием «Ощущение времени» приведены ранее, а потому мы имеем право и возможность перейти непосредственно к делу. Очередная из подобных главок посвящена началу и середине 1870-х годов, то есть тому времени, когда прошло примерно пятнадцать — двадцать лет правления Александра II, когда его реформы еще не стали достоянием истории, но общество уже смогло сделать какие-то предварительные выводы и дать первые оценки происходившему в стране. Если ограничиться самым общим и мало заинтересованным взглядом на указанные годы, то настраивание современников событий можно выразить тремя словами: разочарование и недовольство. Однако эти слова вряд ли будут выражать действительное ощущение времени, скорее, они говорят об ощущениях значительной части отечественных и зарубежных исследователей данного периода.

Можно согласиться с тем, что российское общество 1870-х годов было и разочаровано, и недовольно, но если иметь в виду более подробную картину (а затем ограничиваться эскизами и набросками?), то она выглядела значительно сложнее. Прежде всего потому, что не стало объекта всеобщего отрицания — николаевской системы, покоящейся на крепостничестве, — который поневоле спланивал людей самых разных политических взглядов. Теперь им ничего не меша-

ло разойтись по своим идеологическим «квартирам», поскольку на первый план вышли вопросы: о хозяйственном (и не только!) будущем крестьянства и дворянства, о будущем суда и земств, о развитии системы образования, о цензуре и т. п., — на которые у каждого общественно-политического направления был свой ответ.

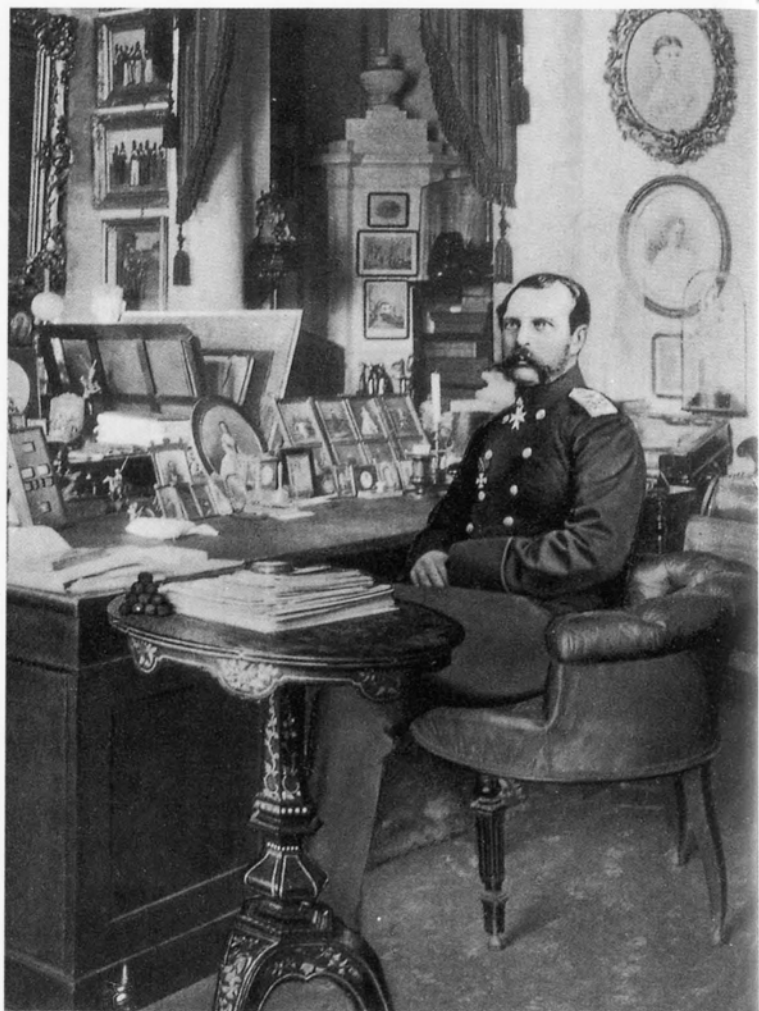
Впрочем, когда речь заходила о вопросах более общих — о нынешней и будущей политической форме правления в России или путях социально-экономического прогресса страны, то разногласия, разноречивые мнения становились еще более впечатляющим. Все чувствовали, что наступили новые времена, но это не столько радовало, сколько заботило людей. Ведь новшества сами по себе подразумевают лишь наступление перемен, а для граждан более важна направленность перемен, их ближайшие последствия, те блага или невзгоды, которые они несут.

Были, правда, люди, и люди весьма авторитетные, которые вообще отрицали наступление каких бы то ни было перемен в 1870-х годах. В одной из своих статей Л. Н. Толстой утверждал, что ничего не произошло, россияне по-прежнему остались рабами. Причинами этого рабства великий писатель считал действовавшие в стране законы, а в конечном итоге — государство, являвшееся создателем законов и проводившее их в жизнь. Нравственно-религиозный анархизм Толстого не нашел сколько-нибудь массовой поддержки, оставшись идеологической диковинкой, однако нетерпеливость, а то и нетерпимость, были свойственны не только литераторам.

На одном из политических банкетов, которыми поневоле была столь богата жизнь либерального лагеря России (а где они еще могли пообщаться и обсудить свои проблемы?), прозвучал тост за «новый порядок». Автор тоста провозгласил буквально следующее: «Я желаю, чтобы новорожденный... пошел с первого же дня; чтобы все чувствовали, что у него сразу прорезались все зубы; чтобы никакая административная няня не налагала на него пеленок и свивальников...» Вот так, все и сразу! Между тем революционно-демократическая печать корила либералов за умеренность и печалилась, что они «ушли в мелочи». Сама она, конечно, мелочами не занималась, постоянно напоминая читателям о тяжелом положении крестьянства, разрушении сельской общины, и нападала на существующий строй, который, по мнению радикальных журналистов, порождал исключительно «бессовестную силу и бесчестную слабость», «общественную приниженность», рабство привычки, лицемерие и подлый страх. Народническая пресса с удовлетворением отме-

Andreas J. B.

В кабинете (государственные заботы).

Я. И. Ростовцев.

С. С. Ланской.

Д. А. Милютин.

Н. А. Милютин.

А. М. Горчаков.

А. В. Головнин.

П. А. Валуев.

М. Т. Лорис-Меликов.

Манифест
19 февраля 1861 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ **НАШИМЪ** вѣроподданнымъ.

Божіею Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаследіи бывъ признаны на прородительскій Всероссийскій Престолъ, въ соответствии сему признавъ **МЫ** положили въ сердцѣ **СВОЕМЪ** обити обвинять **НАШЕЮ** Царскую любовь и попеченіемъ всѣхъ **НАШИХЪ** вѣроподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленника орудіемъ, отъ проходившаго высшую службу Государственную до проводившаго на полѣ бороду сохою или плугомъ.

Взирая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, **МЫ** усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустроивъ высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимуществъ, не достигло равновѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ называемымъ потому, что они, частью старыми законами, частью обычаями, потонувшими укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежатъ обязанности устроить ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не соразмѣрны съ точностію законовъ, мѣсто котораго заступали предѣлы, общаго и добраго воли помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ эти сого

Б. Кустодиев.
Освобождение крестьян.

Великая княгиня
Елена Павловна.

Великий князь
Константин
Николаевич.

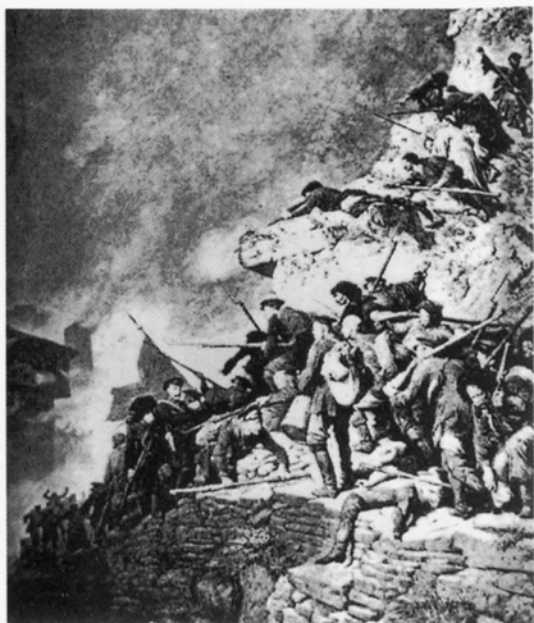

Судебные и земские знаки.

Александр II
на маневрах.

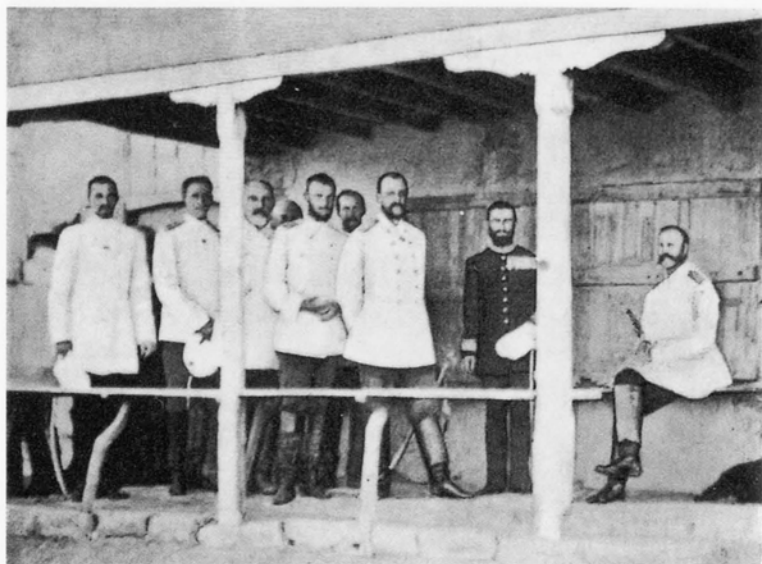
Кавказ.
Взятие аула
Ведено.

Русская артиллерия под Ташкентом.

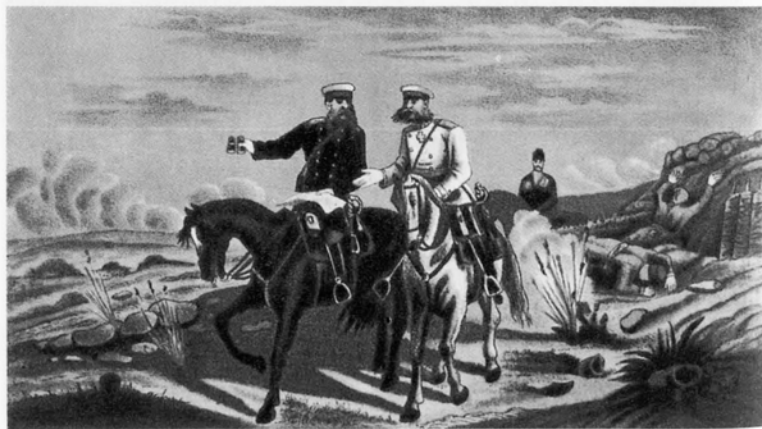
Чины императорской Главной квартиры.

Александр II и его штаб (1877 год).

Генералы Гурко и Скобелев под огнем.

Перед атакой под Плевной.

«Медаль серебряная»
за участие в войне 1877—1878 годов.

Осман-паша сдается в плен.

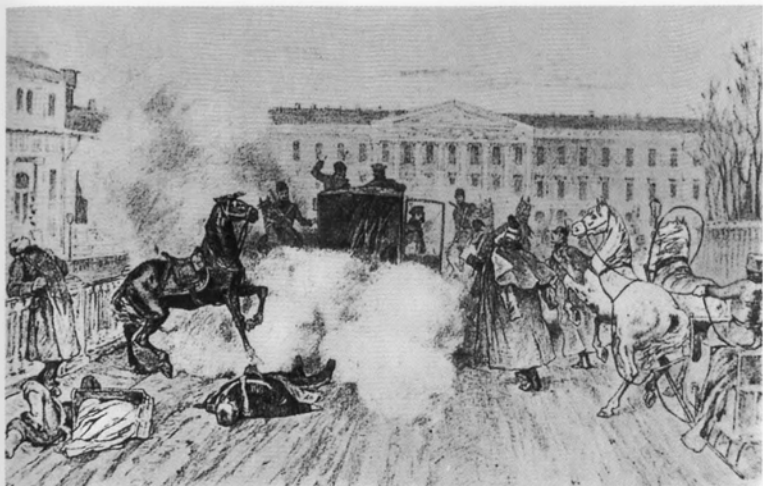
Часовня возле Летнего сада в память
о спасении императора
4 апреля 1866 года.

Д. В. Каракозов на следствии.

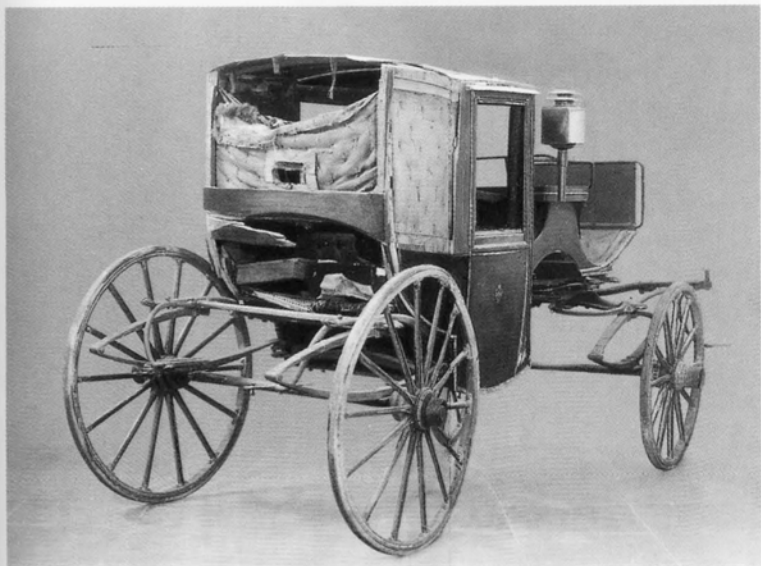

Покушение А. К. Соловьева
на жизнь Александра II
(1879 год).

Взрыв 1 марта 1881 года.

Так выглядела карета Александра Николаевича после рокового взрыва.

Самара -
Памятникъ Императору Александру II.

Издание Фотограф. Магазина
Шаминъ, Самара-Оренбургъ.

Памятник в Самаре.

Памятник в Казани.

Памятник в Гельсингфорсе
(Хельсинки).

Храм Спаса на Крови
(Санкт-Петербург).

Открытие памятника Александру II в Московском Кремле.

По-прежнему одинок...

чала, что: «Слухи о бунтах против помещиков по случаю подложных известий о царских указах (революционерами подделывались указы от имени Александра II о необходимости передела пахотной земли. — Л. Л.) упорно держатся».

Со всем этим трудно спорить: и положение в деревне было действительно тяжелым, и слухам о новых царских указах крестьяне охотно верили, и рабских привычек вперемежку с подлым страхом хватало. Но не одно это, а то и совсем не это составляло суть выбранного нами для более подробного рассмотрения исторического момента. Если говорить о различии оценок, данных началу и середине 1870-х годов, хочется обратиться к одному любопытному документу, сохранившемуся в архиве известного общественного деятеля В. А. Гольцева.

Он представляет собой список вопросов, живо интересовавших многих думающих людей в интересующий нас период:

— Что трудней — «сломать себя или же высказаться откровенно»?

— Нужно ли, чтобы «адепт идеи» непременно голодал и страдал?

— Не потому ли передовые идеи «так медленно проникают в жизнь», что их сторонники «слишком часто одеваются в сердитые красные мантии»?

— Кто выше: «скромный Милютин, эмансипатор и тайный советник» или «популярный каторжник Чернышевский»?

Иными словами, для значительной части общества вопрос состоял не в том: реформа или революция, крестьянин или помещик, монархия или республика, — а в том, как сделать Россию страной, твердо идущей по пути прогресса, используя те обстоятельства, которые реально сложились, и тот «материал», который был под рукой. А ведь «материал» действительно был очень разный. «Общество наше, — писал П. А. Гейден, — к такой форме представительства (парламентской. — Л. Л.) не подготовлено и будет его бояться не без основания... парламентаризм хорош при сильном авторитарном правительстве, которое бы руководило парламентом. А для всеобщей подачи голосов разве годен наш крестьянин, не отличающий земскую управу от полицейского правления? Я себе представляю исторический ход событий в постепенном расширении местного самоуправления». Позже он же бросил следующую фразу: «Самодержавие есть путь к революции. Для сохранения династии и монархии необходимо ее ограничить».

Ограничить самодержавие, которое только что провело реформы, изменившие и продолжавшие изменять облик России? Да. Именно его и именно потому, что оно провело необходимые стране реформы. Благодарность в политике — чувство редкое, во всяком случае оно никоим образом не подразумевает сохранения старых форм, сделавших когда-то доброе дело, но начавших мешать настоящему. Замечательный мыслитель, историк, юрист К. Д. Кавелин писал в те годы своему близкому знакомому, военному министру Д. А. Милютину: «Русское общество сверху донизу перерождается, приучается самостоятельно мыслить и ни на кого, кроме себя, не рассчитывать». Знакомое соображение, не правда ли? Ключевое слово здесь, на мой взгляд, «самостоятельно». Именно она, самостоятельность, являлась главным завоеванием перестройки 1860-х годов. Именно под ее влиянием подспудно менялась жизнь империи.

На смену проклинаемым, и изустно, и письменно, судебным чиновникам шло свободное сословие присяжных поверенных, Россия стала управляться, пусть и не на высшем уровне и не в самых важных делах, не только тайными советниками, но и гласными уездных и губернских земств и городских дум. По счастливому выражению кого-то из историков: «Из аморфной общественности выкристаллизовывается неподатливая гражданственность». Неподатливая для старого, отживающего, но очень податливая, то есть легко отзывавшаяся, для всего нового, прогрессивного, молодого. И так ли уж важно для подобной кристаллизации, если она началась, сохранение той или иной формы правления?

Уже упоминавшийся нами К. Д. Кавелин с середины 1870-х годов постулировал незыблемость власти монарха. Но эта незыблемость в его глазах была достаточно относительной, поскольку мыслитель все внимание сосредоточивал не на отстаивании прав династии, а на обеспечении личных прав граждан и на судьбах земских и судебных учреждений. «Вашему поколению, — писал он своему племяннику Д. А. Корсакову, — надо их (суды и земства. — Л. Л.) взрастить и выходить, как нашему поколению выпало на долю сломить и похоронить крепостное право». Для Кавелина земские и судебные учреждения являлись первой, необходимой и удобной своей доступностью для широких слоев общества школой парламентаризма, школой правильной, цивилизованной политической жизни, которой так не хватало России.

А ведь возникли еще и учреждения, помогавшие людям получить и «выучить» новые социальные роли. Становясь присяжными заседателями, поверенными или земскими

гласными, граждане империи превращались из опекаемых учеников в начинающих учителей, получали новые знания о своей стране и не только о ней, овладевали трудной наукой жить по современным законам человеческого общежития. И кто скажет, что появление этих новых социальных ролей было менее важным процессом, чем раскрестьянивание или раздворянивание деревни, рождение «Тит Титычей», пролетаризация и тому подобное? Менее заметным, кричащим — да, но не менее значимым.

Так было ли основным ощущением России середины 1870-х годов разочарование и недовольство? Позволим себе прибегнуть к следующему примеру. У всех перед глазами набивший оскомину образ юноши-акселерата, физически вполне взрослого, но не успевшего нарастить моральных мышц, выработать чувства ответственности за свои поступки, понять значимость общечеловеческих ценностей. Такой взрослый ребенок вызывает жалость, зачастую злость и негодование, но разве он виноват в том, что он такой? Главное же, что возможен обратный пример: физически вполне обычный молодой человек обладает гипертрофированным чувством справедливости, совестливости, желания помочь всем и каждому, всему миру.

Как он будет вести себя? Думается, пока есть надежда на справедливый, «по совести», исход дела, он постарается это дело поддержать. Российское общество XIX века похоже именно на такого молодого человека: его духовный рост происходил с такой невероятной скоростью, что потери на этом мелькающем перед глазами пути были так же неизбежны, как и приобретения. И все-таки мы вновь вернулись к надежде. Но в отличие от середины 1850-х годов надежде не на то, что будет не так, как было, а на то, что уже меняющаяся страна не остановится на полпути, продолжит свое движение к установлению гражданского общества, эффективной экономике, смягчению социальной напряженности.

Ничто не ново... но так хочется, чтобы, наконец, получилось!

ДИПЛОМАТИЯ И ПУШКИ

Уже довольно долго говоря о перипетиях личной жизни Александра II, о трудностях внутренней политики, мы чуть не упустили из вида еще одну сферу его занятий — политику внешнюю. Теперь самое время наверстывать упущенное... Внешнеполитический курс правительства — это фактор по-

стоянный, действовавший и до, и во время, и после реформ. Очень часто внешняя политика рассматривается как некоторое не первостепенное дополнение к политике внутренней. На самом деле именно она дает возможность более точно оценить уровень правителя, увидеть его в общении не только с подданными, но и с главами независимых государств, выяснить его способность к принятию неординарных и ответственных решений.

К тому же перипетии внутренней жизни державы не позволяли императору ни на минуту забыть о не менее запутанных проблемах политики внешней. Да и как он мог это сделать, если расширение территории империи, скромно именовавшееся российскими дипломатами «округлением границ», являлось одной из важнейших задач самодержцев XVIII—XIX столетий? Для нашего же героя, помимо всего прочего, необходимость восстановления былого международного величия России, как «первой скрипки в европейском оркестре», оказалась не последним из значительнейших деяний его царствования.

Верным соратником Александра II на этом поприще стал князь Александр Михайлович Горчаков, занимавший пост министра иностранных дел с 1856 по 1882 год. Упомянув о нем, необходимо сказать об одном важном обстоятельстве, касающемся всех министров александровского (и не только александровского) царствования. Дело в том, что каждый из них являлся неким *alter ego*, а точнее, некой эманацией императора, то есть производной от высшего, первоединого. В самодержавном государстве что-то иное, полностью самостоятельное, на министерском посту, вряд ли возможно. Вот почему, ведя разговор о том или ином высшем чиновнике Российской империи, мы все равно не расстаемся с нашим героем, поскольку он не только назначал их на определенные посты, но и был связан с ними очень сложными, почти генетическими нитями. И эта политико-управленческая «пряжа» отнимала у императора много внутренних сил и энергии. Вот почему нападки общественного мнения на министров, вообще оценка обществом их деятельности воспринималась монархом как дело, касающееся его самого.

Могут ехидно заметить: ну вы и польстили Александру II, посчитав его эманациями Д. Толстого, Шувалова или какого-нибудь Потапова. Но, во-первых, мы и не брали на себя обязательств лстить нашему герою, а потому что было, то было... Во-вторых, человек многогранен и многопланов, а для самодержавного монарха это особенно характерно; порождать только прогрессивные или только реакционные

штаммы он не в состоянии. В-третьих, времена и обстоятельства, как уже не раз говорилось, заставляют правителей маневрировать, то есть находить место и для Милютиных, и для Шуваловых. И наконец, императорские эманации рождаются и процветают, бледнеют и растворяются в пространстве, но некоторые из них, особо им ценимые, остаются с монархом на протяжении длительного времени.

Именно по ним мы можем судить о характере царствования того или иного самодержца, о его симпатиях и антипатиях, о том, чего он в идеале желал бы для страны. Если подходить к царствованию Александра II с этих позиций, то придется признать, что министрами-долгожителями в 1860—начале 1880-х годов являлись Д. Милютин и А. Горчаков. Вот с последним-то нам и предстоит познакомиться поближе.

Горчаков — заметное лицо в списке воспитанников знаменитого первого, «пушкинского» выпуска Царскосельского лицея. Уже в стенах прославленного учебного заведения князь прекрасно освоил французский, английский, немецкий и итальянский языки, а после окончания лицея был определен в Министерство иностранных дел, о котором мечтал с «младых ногтей». В 1827 году девятнадцатилетний Горчаков начал свою дипломатическую карьеру при статс-секретаре министерства И. А. Каподистрии, будущем первом президенте Греческой республики. Александр Михайлович оказался талантливым учеником опытного дипломата и в 1822 году был назначен на пост первого секретаря посольства в Лондоне.

Его карьере заметно помешали события декабря 1825 года. Сам Горчаков никогда не состоял ни в каких тайных обществах, так как не верил в возможность достижения благой цели с помощью заговора и переворота, но его приятельские отношения со многими декабристами заставили правительство настороженно отнестись к молодому дипломату. С этого момента III отделение заклеило будущего канцлера следующей характеристикой: «Не без способностей, но не любит Россию (так и тянет добавить: «слепо» или «по-жандармски». — *Л. Л.*). К 1825 году Каподистрия уже отбыл в Грецию, а внешней политикой страны безраздельно распоряжался граф К. В. Нессельроде, с которыми у Горчакова не сложились и не могли сложиться нормальные служебные отношения. Нессельроде являлся, как уже говорилось, поклонником Меттерниха и с трудом переносил тех дипломатов, которые пытались отстаивать интересы собственно России, не оглядываясь на венский кабинет. Конечно же, Александр Михайлович вскоре был вынужден распрощаться с

Лондоном и оказался в Риме, что расценивалось если не как опала, то как явное понижение.

Из итальянского небытия Горчаков всплыл только в 1833 году, когда получил пост советника посольства в Вене. Находясь на этой ответственной должности, он сообщал, а зачастую и делал вовсе не то, чего от него ждал официальный Петербург. Надо сказать, что новоявленный советник отнюдь не разделял преклонения своего министра перед мудростью Меттерниха, а значит, не верил в безошибочность и искренность заявлений австрийского правительства¹. В результате в 1838 году Горчаков был отозван со своего поста и долгое время обретался «за штатом», то есть формально находился в числе сотрудников Министерства иностранных дел, но не получал от него никаких реальных заданий. Поскольку создавшееся положение никак не устраивало энергичного и талантливого дипломата, он подал прошение об отставке. Этим шагом он надеялся лишь напомнить начальству о своем существовании, но последнее с неприличной поспешностью согласилось удовлетворить его просьбу. Только через три года родственники его жены, княжны Урусовой, выхлопотали Александру Михайловичу пост чрезвычайного советника в Вюртемберге. Ему грозило погружение в новое, на этот раз германское небытие, но неожиданно для всех он оказался в эпицентре грозных европейских событий.

Революции 1848—1849 годов, охватившие германские княжества и Австро-Венгрию, не только обогатили Горчакова впечатлениями, но и сделали его заметной фигурой российской дипломатии. Да и задача, поставленная перед ним Петербургом, была не из легких — всеми силами и средствами препятствовать образованию единого германского государства. Появление сильного соседа на северо-западных рубежах империи совершенно не входило в расчеты Зимнего дворца, и Горчаков приложил все силы для решения этой серьезной задачи. После выхода Европы из революционного кризиса Александр Михайлович вновь назначается советником в Вену. Дело шло к Крымской войне, и, начиная с 1854 года, он постоянно информирует Петербург о враждебной позиции австрийского правительства, о том, что оно не потерпит попыток России укрепить свое влияние на Балканском полуострове и захватить средиземноморские проливы. Но император Николай I не услышал, вернее, не захотел услышать предупреждений Горчакова, который был к тому же не в фаворе ни у Нессельроде, ни у III отделения. А вот наследник престола, похоже, присматривался к строи-

тивому советнику, которого в первую очередь заботили интересы России.

Впрочем, делал это не он один, общество также присматривалось к Александру Михайловичу. Человек насмешливый и весьма критически настроенный по отношению к официальному Петербургу, князь П. В. Долгорукий очень высоко отзывался о Горчакове: «Отменно вежливый и любезный со всеми без различия, он никогда не льстил временщикам; всегда, и в вёдро, и в бурю, держал себя самым приличным образом, совершенно как европейский вельможа, и вообще снабжен был от природы... хребтом весьма не гибким, вещь... редкая в Петербурге. После воцарения Александра II Горчаков сосредоточил все силы на борьбе с Парижским трактатом. Парижский мирный договор стал унижительным событием в истории России, он ущемлял ее национальное достоинство и интересы, был опасен с военно-стратегической точки зрения. Южные рубежи страны, после запрещения держать военный флот и строить военно-морские базы на Черном море, оказались беззащитными перед возможным вторжением извне². То же самое касалось и Аландских островов на Балтике, что давало здесь преимущество Англии и Швеции. Однако самым неприятным для России последствием войны 1853—1856 годов стало складывание «крымской системы» — союза Англии, Франции, Османской империи и Швеции, направленного против, по их выражению, «российской экспансии». Такое развитие событий отчетливо подчеркнуло международную изоляцию России и являлось угрожающим с чисто военной точки зрения.

Внешняя политика — это прежде всего поиск взаимовыгодных союзов с другими государствами, и здесь важно не ошибиться в выборе партнера или партнеров. Новый министр иностранных дел России начинал свою деятельность в очень трудных условиях. Он, правда, пользовался всемерной поддержкой монарха, и по словам последнего, циркуляры Горчакова, производившие столь сильное впечатление в Европе, всегда выражали личный взгляд его, Александра II, на отношения России к иностранным государствам. В общем, князь имел право сказать как-то Бисмарку: «В России есть только два человека, которые знают политику (естественно, внешнюю. — Л. Л.) русского кабинета; император, который ее делает, и я, который ее подготавливает и исполняет». Но выполнить главную задачу — прорвать кольцо враждебного окружения вокруг империи — оказалось далеко не простым делом. Оно потребовало не только высокого профессионализма от Горчакова, но и смелости, умения вы-

брать удобный момент, подготовки нужного России мнения европейских дворов от самодержца.

Особо надо сказать о дипломатических нотах, подготавливавшихся новым министром. Это были не только ясные и четкие служебные документы, но и заметные публицистические произведения, вызывавшие живой интерес читающей европейской публики. Уже в первом циркуляре российским представителям за рубежом от 16 апреля 1856 года Александр Михайлович писал: «Россия не сердится, а сосредотачивается... Государь ставит на первое место пользы подвластных ему народов, но охрана их интересов не может служить оправданием для нарушения прав других народов». Так министр попытался избавить Россию от клейма «жандарма Европы». Стратегическим партнером империи Горчаков в те годы считал Францию, хотя Александр II и старые дипломаты николаевской школы склонялись в пользу Германии. Объясняя свой выбор, министр говорил, что союз с Францией предпочтительнее, во-первых, потому, что Париж беспокоит резкое усиление Пруссии и он готов заплатить определенную цену за то, чтобы угроза с этой стороны была снята; во-вторых, потому, что Франция искала союзников в борьбе с Австрией за итальянские земли (они были для Франции тем же, чем Балканы для России); в-третьих, она не могла не превратиться в потенциального конкурента Англии в европейских (и не только европейских делах); наконец, потому, что во внешней политике необходимо руководствоваться не династическими интересами и симпатиями, а реальной пользой нации и государства. Подтверждая последнее, Горчаков с гордостью писал: «Я первый в своих депешах стал употреблять выражение “Государь и Россия”, на что пенсионер Нессельроде отреагировал незамедлительно: «Мы знаем только одного царя... нам нет дела до России».

Точка зрения Горчакова в вопросе выбора союзника победила, правда, лишь на некоторое время (в чем он несколько не был виноват). Несмотря на протесты и ропот справа, Александр II не побоялся пойти на сближение с «двором революционного происхождения» и совершенно обаял нового французского посла в России графа Морми. В сентябре 1857 года в Штутгарте состоялась встреча Александра II и Наполеона III. На ней, как и на ряде последующих совещаний представителей России и Франции, удалось договориться о согласованных выступлениях в случае франко-прусской войны и принять ряд важных решений в отношении Османской империи. В результате двустороннего давления на Порту Молдавия и Валахия получили статус автономии, что

позволило заложить фундамент для последующего образования независимой Румынии. Правда, главный для себя вопрос — отмену статей Парижского договора — России решить не удалось. Впрочем, Горчаков не терял оптимизма. «Мы добьемся этого, — писал он монарху, — ибо всегда к этому стремимся. Надеюсь еще при жизни это увидеть»³. Сразу скажем, что чутье и опыт не обманули дипломата.

К началу 1860-х годов стало ясно, что Франция не то чтобы ненадежна, но слишком нерешительна в качестве союзника и партнера России. Это сделалось абсолютно ясным во время польского восстания 1863 года. Очередная попытка поляков освободиться от владычества Петербурга охватила летом 1863 года практически всю Польшу, а также Литву вместе с западными районами Белоруссии и Украины. В эти месяцы Наполеон III внезапно предложил утопический план создания независимого польского государства. Александр II, который и ранее весьма болезненно реагировал на попытки Запада решить «польскую проблему» (чего только стоит его знаменитая фраза: «Со мной осмелились заговорить о Польше!»), решил начать переориентацию своей внешней политики. Теперь с ним был согласен и Горчаков, констатировавший: «Содействие, которое оказывает нам тюильрийский кабинет (Тюильри — одна из резиденций французских императоров. — Л. Л.), было, сказать по правде, неискренним и весьма ограниченным».

Между тем польское восстание вызвало самый настоящий дипломатический поход на Россию, грозивший новой войной Европы против нашей страны. Опасность была столь велика, что Александр II взял за правило на всякий случай креститься, подписывая депеши к французскому и английскому дворам. Однако все обошлось. Победа Пруссии над Австрией в 1866 году и создание Северо-Германского союза заставили Петербург признать: «... серьезное и тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная». Пожинать плоды такого «согласия» пришлось в 1870 году, когда Франция, явно переоценив свои силы, решила наказать опасного восточного соседа. Уже 1 сентября того же года Наполеон III вместе с армией сдался в плен под Седаном прусским войскам, а вскоре пал и Париж. В Петербурге внимательно следили за развитием событий, и когда один из основных гарантов «крымской системы» был повержен, Россия поняла, что наступил момент для отмены ненавистных статей Парижского договора. Несмотря на возражения ряда министров, опасавшихся резкой реакции западных держав, Горчаков, по согласованию с им-

ператором, 19 октября 1870 года направил российским послам циркуляр, в котором говорилось, что Петербург не считает себя более связанным обязательствами, ограничивающими права страны на Черном море. Этот циркуляр вызвал большой шум в европейских столицах, но, как и предсказывал российский канцлер, дело ограничилось «войной на бумаге».

После публикации этого циркуляра на имя Александра II начали поступать приветственные телеграммы и адреса со всех концов России. Особенно широкую поддержку решение правительства вызвало среди населения Новороссии и Бессарабии, которые более других испытывали опасения в связи с незащищенностью южных границ империи. И официальная, и либеральная печать превозносила Горчакова, приписывая именно ему (почему только ему?) важную победу российской дипломатии. Общее настроение, царившее в обществе, лучше других выразил Ф. И. Тютчев, обратившийся к канцлеру с прочувствованными строками:

Да. Вы свое сдержали слово:
Не сдвинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.
И нам завещанное море
Опять свободно волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Вообще-то волна как лобзала прежний берег, так и продолжала его лобзать, и за прошедшие со дня подписания Парижского мирного договора четырнадцать лет иностранные эскадры российских вод не бороздили. Однако отмена этого договора действительно позволила империи возродить свой престиж великой державы и показала тщетность попыток изолировать ее на международной арене. Кроме того, у России вновь появилась возможность проводить активную политику на Ближнем Востоке и на Балканах.

Стараясь сохранить в Европе выгодное ему теперь статус-кво, Петербург внимательно следил за дальнейшим усилением Пруссии и особенно за развитием прусско-австрийских отношений. Известие о поездке австрийского императора Франца Иосифа в Берлин в 1872 году заставило Александра II принять участие во встрече австрийского монарха с кайзером Вильгельмом. Отметим сразу, что, начиная с 1856 года, наш герой восемь раз выезжал за границу для ведения серьезнейших переговоров с императорами Франции, Авст-

ро-Венгрии и Пруссии, так что говорить, что он полностью передоверил внешнеполитические дела Горчакову, вряд ли приходится. Прощупав на встрече в Берлине позиции друг друга, главы государств в 1873 году подписали конвенцию, говорившую о том, что в случае угрозы европейскому миру они обязуются выработать общий образ действий и вообще станут отныне «держаться сообща». Так родился пакт, получивший название «Союз трех императоров». Несмотря на пышную вывеску, союз не был прочным изначально, поскольку каждый из его участников продолжал преследовать собственные внешнеполитические цели, а они у каждого из них были слишком разные. Какой уж тут «европейский мир» или соблюдение интересов союзников!

Недолговечность, надуманность этого альянса подчеркнул новый кризис во франко-пруссских отношениях в 1874 году. В ходе него Бисмарк попытался заручиться согласием России на окончательный разгром Франции. В благодарность за это прусский канцлер предложил Александру II свое содействие в решении восточного (турецкого) вопроса. Однако российский император заявил, что если Германия вздумает выступить против Франции, она сделает это «на свой страх и риск». Бисмарк намек понял и вынужден был пойти на попятный, уведомив Петербург, что во всем виноваты немецкие генералы, бредящие битвами и «ничего не смыслящие в политике», а он был обязан лишь озвучить их желание и довести его до сведения союзника. На том и порешили.

Мирное решение франко-германского конфликта отнюдь не укрепило «Союза трех императоров». Последовавший вскоре восточный кризис наглядно подчеркнул данное обстоятельство. Однако прежде России пришлось заняться решением вопроса, который до сих пор не являлся центральным в ее внешнеполитической доктрине. Речь идет о ее отношениях с государствами Средней Азии. Они попали в круг ближайших российских интересов в середине XIX века, когда эти, по выражению Горчакова, «полудикие и бродячие» народы начали беспокоить Петербург постоянными набегами на русские территории и обложением данью подвластных России народов (киргизов). Кроме того, Зимний дворец беспокоило военное и политическое проникновение в регион Англии, которая после англо-афганской войны 1838—1842 годов вплотную приблизилась к среднеазиатским землям. К этому времени обычное противостояние России и Великобритании превратилось в решительную неприязнь друг к другу, и, кажется, личные отношения Александра Ни-

колаевича и Виктории сыграли здесь не последнюю роль. Во всяком случае от их бывшего романа юности теперь не осталось и следа.

Неспокойно было и в Лондоне, и в Петербурге. На Даунинг-стрит считали, что если русские дойдут до Мерва, то у них в руках будет ключ от Индии, на Дворцовой же площади заговорили о том, что «война с Англией за Азию неизбежна». Однако начавшиеся в 1853 году бои в Крыму заставили на время забыть о Ташкенте, Хиве и Бухаре. Пытаясь позже обеспечить мирное проникновение в среднеазиатские дела, русское правительство организовало три миссии в Хиву и Кашгар. Они позволили, с одной стороны, лучше понять внутреннее состояние государств Средней Азии, а с другой — воочию убедиться во все возрастающем влиянии здесь Англии.

Новый всплеск общественного внимания к этому региону пришелся на 1860-е годы. Политическое противостояние Англии и России, интересы отечественных предпринимателей, защита своих рубежей заставили правительство Александра II перейти к более решительным действиям на юго-востоке страны. Разраставшиеся или продолжавшие «округлять свои границы» Британская и Российская империи, в конце концов, должны были соприкоснуться и решить вопрос о границах между теми землями, на которые распространялось их влияние.

Летом 1864 года, в результате боев с Кокандом, удалось соединить Оренбургскую и Западносибирскую линии (линия — ряд укреплений, составлявших условную границу государства), и перед Петербургом во весь рост встал вопрос об установлении внятных отношений с государствами Средней Азии. Горчаков вместе с военным министром Д. Милютиным представили Александру Николаевичу резервную программу по среднеазиатской проблеме. В ней, в частности, говорилось: «Нам необходимо установить на вновь приобретенных пространствах прочную, неподвижную границу и придать ей значение настоящего государственного рубежа». Министры предлагали не вмешиваться во внутренние дела ханств, оказывая на них только «нравственное влияние». Трудно сказать, как местные ханы и беки отреагировали бы на исключительно нравственное влияние России, но в ход медленно развивающихся событий вмешался непредсказуемый генерал М. Г. Черняев.

Воспользовавшись тем, что в Ташкенте началось очередное восстание горожан против местного властителя, он в апреле 1865 года без всякого приказа из Петербурга двинулся к

городу. Несмотря на численное превосходство противника (15 тысяч кокандцев против 2 тысяч русских), город был взят. Черняева газеты называли «ташкентским львом», но недоумение официального Петербурга от этого не уменьшилось. Выражая общее настроение в «верхах», министр внутренних дел Валуев писал: «Ташкент взят Черняевым. Никто не знает почему и для чего». В течение года после взятия города на разных уровнях обсуждался вопрос о его статусе. Поначалу, опасаясь бурной реакции Англии и соседних среднеазиатских государств, Ташкент сделали вольным городом, но Гамбурга из него почему-то не получилось. В 1866 году его все-таки присоединили к империи, и Зимний дворец вздохнул свободнее, забыв о Черняеве, который оставался в Средней Азии вовсе не для того, чтобы почивать на лаврах.

Осенью 1865 года он самовольно снарядил некое посольство в Бухару, где оно благополучно и было арестовано, что задало неожиданной работы Министерству иностранных дел. Это обстоятельство вкупе с хаосом, царившим в финансовой и административной сферах управления Туркестанской областью, заставило Петербург отозвать ретивого генерала из Средней Азии. Однако его преемники на посту военного генерал-губернатора Туркестана продолжили наступательную политику Черняева. В мае 1866 года русскими войсками был взят Ходжент, в мае 1868-го — Хива и лишь в январе 1884-го — Мерв. То есть завоевание Средней Азии растянулось на 20 лет, но постепенное включение ее в состав Российской империи во многом изменило судьбу местного населения. До 1880 года государственные затраты России на управление и обустройство присоединенных территорий почти в три раза превышали сумму поступлений оттуда в бюджет — регион пришлось подтягивать на совершенно иной цивилизационный уровень. Как отмечают историки, в России, в отличие, скажем, от Англии, не флаг шел за купцом, а купец — за флагом. Но так или иначе, продвижение империи на юг стало реальностью.

Завоевание Средней Азии привело к прекращению там междоусобных войн, ликвидации рабства и работорговли, победе веротерпимости. С 1880-х годов здесь начинается строительство железных дорог, стали возникать новые и расширяться старые города. Средняя Азия, как чуть раньше и Кавказ, втягивалась в сферу влияния мировой экономической системы, прежняя замкнутость общества разрушалась, оно выходило на новый виток развития.

Средняя Азия оказалась не единственным регионом, где напрямую столкнулись интересы России и Англии. Не

меньшей напряженностью отличалось их противостояние в Северной Америке. С 1850-х годов она начала рассматриваться официальной Россией как необходимый противовес торговому и морскому владычеству Англии во всем мире, как слабое звено в цепи подвластных Лондону территорий. В связи с этим в 1854 году впервые встал вопрос о продаже США российских владений в Америке. Однако в 1861 году там разразилась война между Севером и Югом, которая отсрочила решение вопроса о судьбе Русской Америки. Интересно, что психологически и, так сказать, социально самодержавие должно было бы поддерживать конфедератов (южан), но государственные интересы России, да и насущные задачи ее внутренней политики (отмена крепостного права) заставили Зимний дворец возложить свои надежды на северян, ратующих за отмену рабства в Америке.

Правда, первое время империя сохраняла лишь доброжелательный нейтралитет по отношению к правительству А. Линкольна. «Раскол США, — писал Горчаков, — вызывает у нас глубокое прискорбие. Мы советуем умеренность и примирение, но мы не признаем другого правительства в Соединенных Штатах, кроме вашингтонского». Однако южные плантаторы оказались решительнее российских помещиков, а может быть, правительство Линкольна в чем-то уступало «команде» Александра II, но война в США набирала силу. Россия постепенно переходит от нейтралитета к поддержке северян, те, в свою очередь, оказывают ей моральную помощь в польском вопросе. После окончания Гражданской войны в Америке проблема русских земель на этом континенте сделалась неотложной. Их продажа правительству Линкольна по-прежнему диктовалась как политическими, так и экономическими соображениями. Если говорить об экономике, то обследование дел в Российско-американской компании показало полную несостоятельность неповоротливого торгового монстра. Соглашаясь в принципе с оценками ревизоров, следует все же отметить, что при умелом ведении дел колонии, без сомнения, могли бы давать значительную прибыль, и правительство Александра II об этом, думается, подозревало. Вопреки устоявшемуся мнению, будто бы Петербург понятия не имел о богатствах Аляски, он на самом деле был информирован о наличии там залежей золота. Но тут в игру вступала политика.

Золотые прииски Аляски и Калифорнии не замедляли, а ускоряли принятие решения о продаже Русской Америки. Зимний дворец понимал, по образному выражению одного из российских историков, что «вслед за армией вооружен-

ных лопатами золотоискателей могла прийти армия вооруженных ружьями солдат». Вступать же в вооруженный конфликт с США, рассматриваемыми Россией в качестве союзника в борьбе против Англии, ей было совсем не с руки. К тому же на Дальнем Востоке империя не имела ни достаточных вооруженных сил, ни достаточно прочного, обустроенного тыла. Так и видишь Александра II, который во время совещаний по проблеме Аляски беспомощно разводит руками и спокойно, но убежденно произносит сакраментальное: «Не удержим...»

18 марта 1867 года в Вашингтоне был подписан договор, по которому Россия продавала принадлежавшие ей в Северной Америке земли за достаточно символическую сумму в 7,2 миллиона долларов (11 миллионов рублей), а Штаты получали Аляску со всеми укреплениями, выстроенными здесь русскими. Последним предоставлялся выбор: в трехлетний срок вернуться в Россию или остаться, получив гражданство США. Реакция общественного мнения империи на продажу Аляски была достаточно вялой. Общество в те годы оказалось более занятым внутренними проблемами и европейскими событиями.

Последним крупным внешнеполитическим испытанием для Александра II и России его времени стал восточный кризис 1870-х годов, имевший важные последствия для всей Европы. Он разразился в трудное для империи время (правда, сложно припомнить годы, когда бы война не захватывала нашу страну врасплох и вообще когда бы война приходилась ко времени). Буржуазные реформы, потребовавшие огромных финансовых вливаний, только начинали разворачиваться в полную мощь. Экономические трудности 1870-х годов были усилены неурожаем 1874 года, да и активизация деятельности революционных народников в очередной раз подчеркнула растущее непонимание между обществом и властью. В этой ситуации национально-освободительное движение, вспыхнувшее в Боснии и Герцеговине летом 1875 года, стало для российских властей неприятным сюрпризом. С одной стороны, они не могли оставаться в стороне от конфликта Стамбула и подвластных ему православных балканских народов. С другой — должны были всячески избегать конфронтации с ведущими европейскими державами, преследовавшими свои цели на юге континента.

Обеспокоенный обострением событий в Османской империи Александр II обратился к Германии и Австро-Венгрии с предложением содействовать сохранению Порты, но потребовать от нее более точного соблюдения прав христи-

анских народов, входивших в ее состав. Совместную ноту, содержавшую пять требований к Турции, выработать удалось, однако беда заключалась в том, что Стамбул, обещая на словах все что угодно, на деле и не думал выполнять своих обещаний, или, как пессимистично выразился Бисмарк: «Стоят ли обещанные Турцией реформы той бумаги, на которой они пишутся?» Да и повстанцы были явно недовольны умеренностью требований к Стамбулу, которые выставили члены Союза трех императоров. Однако споры вокруг этой ноты так и не успели разгореться, развитие событий на Балканах сделало ее неактуальной.

В апреле 1876 года вспыхнуло восстание в Болгарии. Оно было быстро и жестоко подавлено властями, в результате чего в стране погибло более 30 тысяч человек и сожжено около двухсот населенных пунктов. Европейские правительства, включая российское, хранили хладнокровное молчание по поводу болгарских событий. Зато европейская общественность развернула мощное движение в поддержку болгар. Славянские комитеты, существовавшие в России с конца 1850-х годов, начали сбор пожертвований для балканских христиан (всего в помощь славянским народам оказалось собрано 4 миллиона рублей) и приложили руку к восстановлению разгромленного турками Болгарского революционного комитета. Известный нам генерал Черняев, как обычно неожиданно для Петербурга, оказался в Сербии, где возглавил местные вооруженные силы, боровшиеся против турок. Под давлением общественного мнения и не имея возможности сдерживать поток русских добровольцев на Балканы, Александр II объявил о разрешении офицерам своей армии уходить в отставку и ехать в Сербию. Вскоре туда отправилось 4 тысячи русских волонтеров; только в ополчении, которым командовал Черняев, насчитывалось 640 русских офицеров и 1800 солдат.

Российское правительство все отчетливее понимало, что войны с Турцией избежать не удастся. В этих условиях важно было обезопасить себя от возникновения антирусского блока в Европе, а такая опасность представлялась вполне реальной, поскольку Англия и Австро-Венгрия внимательно следили за маневрами России, не желая ее усиления на Балканах. По инициативе Александра II Горчаков начал консультации с ведущими державами континента о ликвидации сербо-турецкого конфликта. Между тем сербы терпели одно поражение за другим от лучше вооруженной и организованной турецкой армии. Ситуацию не смогли изменить ни обычно удачливый генерал Черняев, ни добровольцы, при-

бывшие сюда из России и других стран Европы. От полного разгрома сербов спас только ультиматум, предъявленный Петербургом Порте 18 октября 1876 года.

К ужесточению конфликта с Турцией Зимний дворец подталкивали не только соображения международного престижа, но и ситуация внутри страны. В августе 1876 года III отделение докладывало императору, что среди учащейся молодежи усиливается мнение, будто «правительство, не приняв деятельного участия в устройстве судьбы славян, тем самым облегчит дело революции, могущей впредь опираться не только на социальные идеи, но и на идею общеславянского освобождения путем славянской революции». Сторонники войны к этому времени появились и в правительстве, и в самой царской семье; все понимали, что дальнейшее промедление уронит престиж России в мире и еще больше усилит раскол между властью и обществом. Действительно, на что-то определенное надо было решаться. Как писал П. А. Вяземский: «Турки не виноваты, что Бог создал их магометанами, а от них требуют христианских добродетелей. Это нелепо. Высылайте их из Европы, если можете, или окрестите их, если сумеете... Когда Наполеон III поднял итальянский вопрос, он вместе с ним поднял и двухсоттысячную армию и в три недели разгромил Австрию. А мы дразним и раздражаем, и совершенно бессовестно, Турцию...»

В сентябре 1876 года Александр II объявил о мобилизации армии, к началу военных действий российские вооруженные силы насчитывали 460 тысяч регулярных войск и 546 тысяч — в запасных частях. В то же время Горчакову удалось добиться от Австро-Венгрии обещания соблюдать нейтралитет в случае войны России с Турцией и препятствовать вступлению в этот конфликт других держав. В награду Вена выторговала у Петербурга право выбора времени и способа занятия своими войсками Боснии и Герцеговины. Российский МИД приложил немало усилий, чтобы убедить Англию в том, что Петербург не вынашивает планов захвата средиземноморских проливов или Балкан. Лондон не слишком поверил этим заверениям и на протяжении всей войны стоял за спиной Порты, помогая ей и оружием, и дипломатическими демаршами. Наконец, 4 апреля 1877 года была заключена русско-румынская конвенция, которая обеспечивала свободный проход русских войск через румынскую территорию. Дипломатическая подготовка войны на этом завершилась, пришло время штыков и пушек.

Выражая мнение противников войны, министр финансов М. Х. Рейтерн предпринял последний шаг, составив запис-

ку, в которой умолял императора не начинать военных действий. Министр писал о том, что реформы, проводимые в России, еще далеки от завершения и требуют значительных капиталовложений. В таких условиях финансовая система страны может не выдержать новых нагрузок, что приведет к катастрофе. Александр Николаевич прекрасно сознавал справедливость опасений Рейтерна и его единомышленников, но раздраженно заметил министру, что ни он, ни наследник не допустят нового унижения России. В начале 1877 года речь действительно шла о чести империи, ее месте и весе в мире.

12 апреля 1877 года Александр II, прибыв к войскам, издал в Кишиневе Манифест о начале войны с Турцией. Это вызвало волну энтузиазма в обществе — только на санитарные нужды армии население России пожертвовало 14 миллионов рублей. Все внутренние проблемы были решительно отодвинуты на второй план, власть и общество силой обстоятельств стали союзниками на время русско-турецкого конфликта. Все пять сыновей императора побывали на этой войне, а старшие (Александр, Владимир, Алексей) активно участвовали в сражениях и месяцами находились на передовой. Сам Александр Николаевич был с армией до падения Плевны, он хотел стать свидетелем подвигов своих войск, разделить с ними тяготы боевых действий и условий военного времени. Главнокомандующим войсками был назначен брат царя, великий князь Николай Николаевич, сам же монарх возглавлял совещания только в критические моменты войны.

Европейская печать яростно напала на Россию, обвиняя ее в желании захватить Балканы и обосноваться на них. Англия даже грозила ввести флот в проливы, чтобы держать в напряжении Крым и юг Новороссии. Несмотря на эти угрозы, 12 апреля 1877 года русская армия вступила в пределы Румынии, после чего последняя объявила себя независимым королевством и разорвала дипломатические отношения с Турцией. 15 июля русские войска форсировали Дунай, вступили на территорию Болгарии и заняли Систов и Тырново. По плану, составленному Генеральным штабом, предполагалось в течение четырех-пяти недель дойти до турецкой столицы и добиться от Стамбула подписания мирного договора, подготовленного в Петербурге.

Одновременно с Балканским был открыт и Кавказский театр военных действий, который должен был связать турецкие силы в Малой Азии, но главная роль отводилась все же Дунайской армии, включавшей в себя и болгарское ополче-

ние, насчитывавшее 7,5 тысяч человек. Прием, оказанный болгарским населением воинам-освободителям, превзошел все ожидания. Как свидетельствовал, например, полковник Савич: «Масса жителей болгар, греков и других национальностей встретила нас за городом с букетами и венками... Офицеры и солдаты не только были обвешены цветами, но в знак признательности болгары дарили платки носовые, вышитые золотом, выносили лучшие свои вина, раздавали булки целыми сотнями и не знали, чем еще выразить свою благодарность и любовь».

Русские войска не могли двигаться на Стамбул, имея на флангах сильные турецкие группировки. Поэтому, отправив отряд И. В. Гурко на Шипкинский перевал, соединяющий Северную и Южную Болгарию, главные силы армии начали действовать против Осман-паши, сосредоточившего в крепости Плевна 16 тысяч человек (позже турецкий гарнизон увеличился еще более). Взять Плевну с ходу не удалось, война затягивалась, да и на Кавказском фронте дела поначалу не заладились. Во второй половине июля 1877 года попытка взять Плевну силами относительно небольшого отряда потерпела неудачу. Потеряв в бою одного генерала, семьдесят четыре офицера и две тысячи двести семьдесят одного рядового, русские отступили. Второй штурм крепости принес еще большие потери, но результат его был столь же плачевен.

После этого Александр II запаниковал, спрашивая окружающих: «Что же это, второй Севастополь?» Императора можно понять. Его царствование началось с позорного поражения русской армии в Крымской войне, и до Русско-турецкой войны 1877—1878 годов Александр Николаевич серьезных битв не выигрывал (вряд ли таковыми можно считать покорение горцев Кавказа, длившееся несколько десятилетий, или завоевание рабовладельческих государств Средней Азии). У него не было навыка военных побед, у него не было духа победителя, а вот опыт побежденного он имел и ни в коем случае не хотел его обогащать.

Самое страшное для русской армии началось после «третьей Плевны», когда штурм, приуроченный к дню ангела императора, закончился чуть ли не катастрофой (было убито около тринадцати тысяч человек, среди них два генерала). Причем во время этого штурма был момент, когда генералу М. Д. Скобелеву удалось прорвать оборону противника и выйти на окраину Плевны. Однако, не получив подкрепления и отбив четыре контратаки турок, отряду пришлось отойти на прежние позиции. Великий князь Николай Николаевич, доказавший свою полную несостоятельность в каче-

стве главнокомандующего, предложил отступить к Дунаю, чтобы собраться с силами. Против этого предложения резко выступил военный министр Д. А. Милютин, и дело дошло до того, что великий князь предложил министру возглавить армию. Кто знает, чем бы кончилась эта безобразная сцена, если бы император остался в Петербурге и не последовал за армией.

В те дни единственным «светлым пятном» на Балканском театре военных действий стала героическая оборона русской армией и болгарскими ополченцами Шипкинского перевала. «Шипкинское сидение» голодных и плохо одетых солдат вошло в историю как образец воинского долга и мужества, ведь потери среди защитников Шипки составили около половины их численного состава. Результатом действий отряда Гурко и вовремя подоспевшего ему на помощь Радецкого стало то, что подкрепление плевненскому гарнизону так и не смогло пробиться в Северную Болгарию. 18 ноября 1877 года, исчерпав все ресурсы обороны, Осман-паша и 43 398 турецких солдат и офицеров сдались в плен.

Александр II назвал главным героем плевненской эпопеи Д. Милютина, который не только всегда был уверен в победе, но и указал ее пути, вызвав под Плевну генерала Тотлебена, организовавшего ее правильную осаду. В честь плененного Осман-паши был дан торжественный завтрак, на котором император возвратил турецкому военачальнику его саблю и пообещал, что, находясь в России, тот «не будет иметь причин к какому-либо недовольству». Поступок монарха напоминает поведение Петра I после Полтавской битвы, но вряд ли Александр Николаевич вспомнил о предке, просто он привык воздавать должное мужеству врага.

Чем же еще занимался монарх во время осады Плевны? Главной его заботой были раненые солдаты и офицеры, которых он не только ежедневно навещал в госпиталях, но и подбирал в свою коляску прямо на поле сражения. Князь В. И. Черкасский, наблюдавший это своими глазами, писал: «Видя его в лазаретных палатках, похудевшего, грустного, истомленного... приходит на ум сближение его здесь роли с ролью Людовика Святого в крестовых походах...» Во время кампании Александр Николаевич переболел приступом астмы, катаром верхних дыхательных путей, лихорадкой и чем-то вроде дизентерии, но больше всего его донимали тревога за исход войны, истощающее духовно и физически нервное напряжение.

Тяготы, выпавшие на его долю, не прошли бесследно. По свидетельству одного из очевидцев: «Когда царь уезжал на

войну — это был высокий и красивый воин, державшийся очень прямо, несколько склонный к полноте. Когда он возвратился, его с трудом можно было узнать. Щеки его отвисли, глаза потускнели, фигура согнулась, все тело исхудало так, что казалось, это была кожа да кости. Несколько месяцев было достаточно, чтобы он превратился в старика». Схожее впечатление сложилось и у фрейлины императрицы А. А. Толстой. «Я знаю, — писала она, — многие бранили его за присутствие в армии, но они не учитывали того, какую радость приносил он, посещая госпитали или, как это бывало неоднократно, подбирая в свою коляску раненых солдат после боя... Мы были поражены его изменившимся внешним обликом, когда он вернулся в Россию. Поражительная худоба свидетельствовала о перенесенных испытаниях. У него так исхудали руки, что кольца сваливались с пальцев... Доктор Боткин говорил мне, что... вся свита Государя беспрестанно жаловалась, ворчала и только помышляла, как вырваться из этой каторги (доктор, кстати, называл императорскую свиту «разлагающимися человеческими остатками». — Л. Л.). Он один был ясен и терпелив, несмотря на тяжесть положения».

Изменения в облике императора являлись следствием, видимо, не только физических лишений и опасностей, которым не раз подвергалась ставка главнокомандующего под Плевной. Александр Николаевич еще до начала войны находился во власти странного предчувствия. Ему казалось, что если начнется вооруженный конфликт с Турцией, то он скоропостижно скончается, подобно своему отцу. Эта мучительная мысль преследовала его настолько упорно, что перед отъездом в армию в апреле 1877 года Александр II вызвал к себе в Ливадию наследника престола великого князя Александра Александровича и наставлял его, как действовать в случае внезапной кончины монарха. Жить под грузом постоянных мыслей о смерти очень тяжело, но на этот раз все обошлось одними предчувствиями.

Сан-Стефанский мирный договор между Россией и Османской империей, подписанный 19 февраля (в день освобождения крестьян в 1861 году) 1878 года, значительно изменил карту Балкан. Благодаря победе России Румыния, Сербия и Черногория получили независимость, а Болгария превратилась в вассальное княжество, связанное с Турцией лишь уплатой ей ежегодной дани. Предполагалось, что в течение двух лет в Болгарии останутся русские войска, которые должны были обеспечить соблюдение условий договора. России возвращалась Южная Бессарабия, потерянная ею в

1856 году, а на Кавказе она приобретала Карс, Ардаган, Батум и Баязет. Договор разделял европейские и азиатские владения Османской империи, что заметно ослабляло ее экономический и политический потенциал. 230 тысяч болгар подписали благодарственный адрес, направленный Александру II, а день 19 февраля (3 марта) до сих пор отмечается в Болгарии как национальный праздник. Однако, как оказалось, дипломатические бои вокруг Балканского полуострова на этом не закончились.

Основные положения Сан-Стефанского мирного договора вызвали резкий протест со стороны ведущих европейских держав. Их не устраивало усиление позиций России на Балканах и на Кавказе, «оккупация», по их выражению, Болгарии русскими войсками, значительное ослабление Османской империи, которую они рассматривали как противовес «русской экспансии» в Европе. Особые усилия для пересмотра договора проявили Англия и Австро-Венгрия, угрожавшие созданием новой антироссийской военной коалиции. В Петербурге осознавали близость и опасность новой войны. Д. А. Милютин записал в те годы в дневнике: «Англия лезет в драку и, несмотря на нашу уступчивость, придумывает все новые предлоги для разрыва». Вести войну против коалиции европейских государств Россия в тот момент не могла в силу многих причин (к примеру, рубль в 1878 году стал стоить 40 копеек), а ее попытки решить дело дипломатическим путем к успеху не привели. В итоге ей пришлось согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора на международном конгрессе, который и открылся в Берлине 1 июня 1878 года.

Здесь российским дипломатам, прибывшим на конгресс под руководством Горчакова, пришлось столкнуться с сильными противниками, тем более что Петербург явно не угадал с составом делегации. 80-летний Горчаков был к тому времени уже серьезно болен, Убри всегда считался лишь исполнительным чиновником, а Шувалов имел слабое представление о Балканах, да еще и недолюбливал руководителя делегации. Горчаков был настолько немощен, что в день открытия конгресса его внесли в зал на кресле, а в дальнейшем здоровье не всегда позволяло Александру Михайловичу присутствовать на ежедневных заседаниях. Правда, это не помешало ему сделать достаточно важный вывод после первых встреч с Бисмарком и министром иностранных дел Австро-Венгрии Андраши. «Общее впечатление, — писал он Александру II, — вынесенное мною от конгресса, то, что дальнейший расчет на Союз трех императоров есть иллю-

зия». На полях послания канцлера самодержец сделал пометку: «Это также и мое мнение».

Как это ни обидно, большое влияние на исход Берлинского конгресса оказал роковой промах именно руководителя российской делегации. Престарелый канцлер по ошибке показал премьер-министру Англии Б. Дизраэли секретную карту, разработанную в МИДе, на которой были обозначены максимально возможные территориальные уступки России в пользу Турции. Понятно, что после этого англичане, да и другие участники конгресса, ни на что меньшее уже не хотели соглашаться. В результате территория Болгарии была разделена на Северную и Южную, и независимым от Турции стал только Север. Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину, а в Закавказье, полностью завоеванном Россией, за ней остались только Карс, Ардаган и Батум. С тяжелым сердцем Горчаков написал императору, что Берлинский конгресс: «... есть самая черная страница в моей биографии». Александр II, желая утешить и поддержать старого канцлера, начертил на полях: «И в моей тоже». Он тем самым как бы разделял вину с главным дипломатом страны, но руководство МИДа с 1879 года понемногу переходило в руки Гирса, нового ставленника императора.

В России решения Берлинского конгресса вызвали бурю негодования. Известный славянофил И. С. Аксаков в речи на заседании Московского славянского комитета сказал, что новый договор есть позорный акт, направленный против России и всех славян. За эту критику деятельности властей Аксаков был на несколько месяцев выслан из Москвы, но в своем мнении оказался далеко не одинок. Консервативный журналист М. Н. Катков также горячо протестовал против раздела Болгарии и, по сути, призывал к войне с Англией. Он, в силу своей близости к наследнику престола, из Москвы выслан не был, но его выступление являлось свидетельством того, что и при дворе были недовольные берлинскими договоренностями. Революционные народники, как и обещали, использовали промахи правительства в пропагандистских целях, называя Берлинский трактат еще одним свидетельством неспособности нынешней власти решать не только внутренние, но и внешнеполитические проблемы и призывая к ее свержению.

Хочется надеяться, что непредубежденный читатель понимает, что в сложившихся в конце 1870-х годов условиях решения Берлинского конгресса были единственно возможным компромиссом между ведущими державами континен-

та. Они могли быть лучшими или худшими для России и балканских народов, но их принятие оказалось неизбежным, в ином случае Европу ждала большая война. Теперь нам совершенно ясно, что эти условия не отвращали войну, а закладывали мину замедленного действия, которая взорвалась в августе 1914 года. Читатель понимает и то, что победы русского оружия в 1877—1878 годах дали возможность балканским народам обрести собственную государственность, спасли их от национального и религиозного геноцида. Не стоит забывать и о том, что за освобождение Болгарии Россия заплатила жизнями 21 981 убитых и здоровьем 38 431 раненых солдат и офицеров. Хотелось бы, однако, отметить еще одно обстоятельство, которое обычно ускользает от внимания широкой публики.

Каждый раз при крупных внешнеполитических успехах России ее сначала благодарили и превозносили, а затем начинали считать наследницей того тирана, которого она сокрушила. Так было и со Швецией в начале XVIII века, и с Османской империей в конце XVIII — начале XIX веков, и с Наполеоном Бонапартом в 1812—1816 годах. Иными словами, Российская империя периодически становилась объектом ненависти и для тех сил, которые стремились к революционным переменам в Европе, и для тех государственных деятелей, которые пытались подобных перемен не допустить. Оставим в стороне вопрос о том, имела ли Европа достаточные основания для подобных опасений в отношении Петербурга, но неужели справедливо везде находить одного и того же виноватого? Вряд ли нам или кому-либо другому удастся нащупать в действиях России продуманную и тщательно проводимую в жизнь экспансионистскую тенденцию, а рассмотрение каждого отдельного эпизода ее внешней политики на протяжении двух с лишним веков увело бы нас слишком далеко от интересующей темы.

Гораздо важнее то, что речь шла не только о территориальных или конфессиональных спорах. В данном случае вставал вопрос об упадке жизненной силы Запада и уникальной русской жизнеспособности. Причем эту проблему поставила отнюдь не Россия в своем стремлении доказать превосходство над соседями, а европейские мыслители и государственные деятели, пытавшиеся то ли подчеркнуть непреложный, с их точки зрения, факт, то ли указать на грозящую миру беду с Востока. По мнению Запада, эта проблема имеет не только исторический подтекст, но является актуальной и в наши дни. Теория — вещь необычайно интересная, но для нас с вами более важна историческая прак-

тика. Не будем переоценивать свои силы — нам все равно не удастся решить вопрос: действительно ли умирает Запад и почему россияне так жизнестойки? А потому вернемся к той проверке жизнестойкости России, которую ей предстояло пройти в последние годы царствования нашего героя.

ОБЩЕСТВО, ОБЩЕСТВО...

Прежде чем перейти к разговору о непосредственном противостоянии Зимнего дворца и революционеров, попытаемся подвести некоторые общие итоги преобразований 1860-х годов. Тем более что именно этим занялись и современники событий в начале следующего десятилетия, в 1870-х годах. Видимо, тогда для них пришла пора оглянуться на недавнее прошлое и попытаться прогнозировать ближайшее будущее. Не будем уподобляться Ф. И. Тютчеву, который отношение к крестьянской реформе Александра II оценил следующим образом: «Царя должно коробить от похвал. Вероятно, в таких случаях Государь испытывает то же самое, что каждый из нас, когда по ошибке вместо двугривенного дает нищему червонец: нищий рассыпается в благодарностях... отнять у него червонец совестно, а вместе с тем ужасно обидно за свой промах». Оставим на совести поэта злую и совершенно незаслуженную нашим героем издевку, тем более что большинство современников Федора Ивановича были с ним не согласны.

В 1872 году в Петербурге появилась книга «Десять лет реформ. 1861—1871». Ее автор, А. А. Головачев, сумел передать те чувства, которые испытывала значительная часть русского образованного общества (а дальше нам придется иметь дело именно с ним) в начале 1870-х годов. Главным, на наш взгляд, являлось то, что после крестьянской каждая новая реформа интересовала и занимала людей меньше предыдущей. Другими словами, общественную активность, поддержку правительственных мероприятий или их неприятие обществом в 1860—1870-х годах не стоит даже сравнивать. «Прежде, — пишет Головачев, — мы замечали всеобщий интерес к вопросам общественной жизни... Серьезные статьи в печати вызывали... суждения в обществе. Правда, суждения эти шли часто и вкривь и вкось, но по крайней мере видно было, что люди старались объяснить себе то, чего не понимали, видно было, что они думали и что думы эти их интересовали. Но вот проходит десять лет, и все изменилось. Людей, которыми руководил бы не личный интерес, а обще-

ственная польза, как-то не видать... и даже литература никого не интересует».

В чем же причина столь тревожного для страны и правительства положения? По мнению большинства заинтересованных лиц, главное состояло в попытке «верхов» соединить несоединимое, что, в свою очередь, подрывало авторитет законов. Собственно, иначе не могло быть, поскольку рядом с новыми учреждениями оставались старые, лучшие люди тратили энергию и силы на борьбу с ними и, не выдержав, уходили. Дело попало в руки посредственностей, а это создавало впечатление о несостоятельности реформ, предпринятых правительством.

Подобные выводы лежали на поверхности, но в книге Головачева называются причины и более глубокие. Прежде всего — стратегическая: постепенные реформы не являются синонимами частных улучшений скомпрометировавшей себя системы. Необходимо изменить основу, а затем приводить частное в соответствие с общим. Проще говоря, отмену крепостного права «верхи» сочли политической, а не социальной проблемой. Позже правительство решило, что это вопрос если не сословный, то касается только помещиков и крестьян, но не носит общегосударственного характера. Отсюда пошли первые затруднения и противоречия.

Далее Головачев делает еще одно интересное наблюдение. По его мнению, разговоры о том, что в России господствовала система то ли жесткой централизации, то ли самоуправления областей, совершенно беспочвенны, поскольку на самом деле не было ни того, ни другого. Вернее, на бумаге царяла, конечно, всеобъемлющая централизация, но в реальной жизни повсюду процветало чиновничье самоуправство. Система административной централизации начала усиливаться в стране только с 1860-х годов, и ждать от нее лишь положительных результатов не приходилось.

Почему так? Да потому, что на взгляд людей, живших в начале 1870-х годов, реформы напоминали детей совершенно разных матерей. Казалось, они провозглашали важнейшие принципы: свободу труда, ограничение сословных привилегий, местное самоуправление, свободу слова — но в каждой из них изначально были заложены противоречия, мешавшие осуществлению этих принципов. Действительно, освобождение от крепостной зависимости, земельные наделы, гражданские права крестьянство выкупало своими силами (это же сословная, а не государственная, как мы помним, проблема!). Земства не могли быть органами истинного самоуправления, так как они не представляли всех сло-

ев населения, жестко была ограничена их компетенция, да и средств им отпускалось явно недостаточно. Но даже в таких условиях правительство, видимо, опасалось деятельности земств, стараясь контролировать каждый их шаг. В итоге в каждой губернии существовало одиннадцать независимых друг от друга губернских учреждений: губернское правление, два губернских присутствия и так далее, вплоть до управления жандармского штаб-офицера.

Меньше всего было разговоров о недостатках судебной реформы (но это на 1871 год, все еще впереди!), но и в ней современники видели те подводные камни, о которые она могла разбиться. Из всего сказанного Головачев делает следующий вывод: в России уничтожена только видимая часть крепостничества, страна в лучшем случае находится лишь в середине пути, и коренные преобразования ждут ее впереди (кто бы с этим спорил!). Поддерживался ли вывод Головачева различными общественными лагерями империи, были ли они во всем согласны с автором «Десяти лет реформ»?

Один из самых ярких западников Б. Н. Чичерин примерно в то же время рисовал следующую перспективу для мыслящего общества: «Самодержавное правительство производило одну либеральную реформу за другой. Судебные уставы, земские учреждения, городское положение могли удовлетворить русское общество. Истинно либеральным людям оставалось только поддерживать правительство всеми силами в его благих начинаниях. Можно было не соглашаться с теми или иными частностями, желать того или иного улучшения, но добиться этого было гораздо легче, оказывая поддержку правительству... нежели становясь к нему в оппозицию».

Вообще выводы и оценки либералов того периода оказывались во многом умны и точны, но оставались лишь благими пожеланиями. Ну что, к примеру, можно возразить против следующих слов К. С. Аксакова: «Лучшее средство уничтожить всякую вредность слова — есть полная свобода слова... Все злое исчерпывается одним словом: рабство. Надо, наконец, понять, что рабство и бунт неразлучны, это два вида одного и того же. Надо понять, что спасение от бунта — свобода!»?

Или чем плохи разъяснения Ю. Ф. Самарина: «Первое и самое существенное условие всякой практической деятельности заключается в умении держаться твердо своих убеждений, как бы радикальны они ни были, и в то же время понимать, что осуществление их возможно только путем целого ряда сделок с существующим порядком вещей... отвраще-

ние к так называемым полумерам, сделкам и т. п. есть не что иное, как инстинктивное отвращение к тяжелому процессу выработки положительных результатов». Очень жаль, что за этими умными словами не стояло в то время никакой реальной политической силы. Да и откуда ей было взяться?

«Наше так называемое общество, — писал К. Аксаков, — не есть еще сила и принадлежит скорее к стороне правительственной. Большинство нашего общества очутилось за штатом, сбилось со старой позиции и еще не нашло себе никакой новой и твердой, да, вероятно, так и не найдет». Эта ситуация тревожила и раздражала лидеров «прогрессистов», заставляла их, как и консерваторов, искать «внутреннего врага», сомневаться в компетентности людей, проводящих реформы в жизнь, то есть портила и без того натянутые отношения между властью и обществом. Уже знакомый нам Ю. Самарин писал по данному поводу Н. Милютину: «На вершине законодательный зуд, в связи с невероятным и беспримерным отсутствием дарований; со стороны общества — дряблость, хроническая лень, отсутствие всякой инициативы, с желанием... безнаказанно дразнить власть... Власть отступает, делает уступку за уступкой, без всякой пользы для общества, которое дразнит ее из удовольствия дразнить».

Странное это было время, создававшее неповторимо причудливые картины и ситуации. Проще всего, наверное, было бы считать, что разные лагеря действовали по принципу средневековых рыцарей: «*Paiens out tor et chretiens out drait*» («Язычники не правы, а христиане правы»), но не было этого! И власть, и либералы будто соревновались, уступая друг другу то одно, то другое. Правда, если либералы уступали власти принципиальные вещи, не думая о выгоде, то власть старалась и довести до конца реформы, и расшаркаться перед поместным дворянством, которое из высших соображений было обижено актом 19 февраля 1861 года.

Поэтому о капитуляции Зимнего дворца перед ретроgrадами можно вообще не говорить, поскольку это упрощает вопрос, но не дает объективной картины. Калейдоскоп министров, уход тех, кто начинал реформы и бился за них, — все это не прозвучало сигналом к общему отступлению. Реакция в полном смысле этого слова начинается тогда, когда полностью отрицается реформаторство, когда власть полностью переходит к удушению прогрессивной мысли и действия. В 1870-х годах и реакция, и реформаторство шли параллельно, и кто из них победит — было далеко не ясно. Сам Александр II расценивал события конца 1860-х — начала

1870-х годов как перегруппировку сил перед новыми трудными буднями. Он действительно надеялся, что удаление реформаторов послужит примирению сословий, изгладит то раздражающее впечатление, которое произвело на дворянство недоверчиво-пренебрежительное отношение к нему прежней администрации. Надежды императора остались несбывшимися и потому, что дело было отнюдь не в реформаторах наверху, и потому, что общество устало ожидать благодеяний от власти.

Общественная жизнь 1870-х годов свелась не столько к обсуждению или продолжению преобразований, сколько к схватке правительства с революционерами. В 1877 году наш старый знакомый П. А. Валуев докладывал императору: «Особого внимания заслуживает наружное безучастие почти всей более или менее образованной части общества населения в нынешней борьбе правительственной власти с небольшим по численности числом злоумышленников, стремящихся к ниспровержению коренных условий государственного, гражданского и общественного порядка». Почему же такое стало возможным, что произошло между властью и обществом в 1860-х годах, что из себя, наконец, представляло само российское общество?

Обратите внимание на то, что когда речь шла о реформах александровского царствования, то мы затронули множество сюжетов. Не говорилось лишь об одном — об участии общества в проводимых преобразованиях. Александру II, так успешно начавшему царствовать, не хватило политической гибкости, чутья или понимания того, что Россия вообще и ее общество в частности меняются на глазах. Да, прогрессивное дворянство и интеллигенция из-за своей малочисленности не казались властям серьезными союзниками, но чем дальше, тем больше они становились мощной идеологической силой. А потому стоит внимательнее присмотреться к этой непростой силе.

Понятие «общество» остается в исторической науке одним из наиболее неопределенных и весьма туманных. Можно сказать, что оно включает в себя образованную часть населения страны, но это не так, поскольку далеко не все грамотные люди принимали участие в политической жизни России. Можно было бы ограничить это понятие кругом общественно-политических лагерей (консервативного, либерального и революционного), но, во-первых, границы этих лагерей оказались чрезмерно размытыми, а во-вторых, в таком случае из понятия «общество» выпадают те представители бюрократии и офицерства, которые, безусловно, актив-

но занимались политикой, но не принадлежали ни к одному из указанных лагерей.

К сожалению, нам мало поможет и обращение к словарям и энциклопедиям, где обществом в широком смысле называется совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, а в узком смысле — исторически конкретный тип социальной системы, определенная форма социальных отношений. Между тем правительства Николая I и Александра II имели дело совсем не с исторически сложившимися формами или типами, а с некой частью населения страны, которая как раз или горячо отстаивала, или столь же горячо отрицала эти самые формы и типы. Так можно ли вести серьезный разговор о том, что имеет название, но остается далеко не ясным по сути? А что прикажете делать, если в истории некоторые понятия недостаточно определены, а другие имеют дюжину различных определений, что, естественно, не делает их более ясными?

Давайте условимся, что под термином «общество» в политическом, а не социологическом смысле этого слова мы будем иметь в виду ту часть населения страны, которая желала и имела возможность участвовать в политической жизни державы или, по крайней мере, регулярно высказывала свое мнение о деятельности правительства, «верхов» вообще, а также о важнейших событиях в России и мире. Данное определение дает возможность понять, о чем идет речь, а это в данный момент для нас самое главное.

Российское общество, конечно же, не было однородным ни с социальной, ни с политической точек зрения. Его дворянская часть начала складываться в конце XVIII столетия, а завершился этот процесс в царствование Александра I. Начиная с середины 1850-х годов общество становится дворянско-разночинным, а затем и разночинно-дворянским, причем разночинцы оказали огромное влияние на его характер, идеи и ценности. Разночинец являлся выходцем из обедневшего дворянства, мелкого чиновничества, разорившегося купечества или обнищавшего духовенства. Иными словами, разночинец — это «осадок» общественных структур, межклассовое объединение. С одной стороны, такое положение ущемляло его социальное достоинство, заставляло чувствовать себя кем-то вроде изгоя, с другой — позволяло считать и говорить, будто оно (разночинство) является представителем всех слоев населения, выполняет роль парламента, посланного обществом для переговоров к «власть держащим».

Вряд ли можно говорить о том, что процесс становления российского общества завершился в 1870-х или 1880-х годах. Подобное утверждение выглядит невероятным не только в силу социальной или политической многоликости общества, но и потому, что общественное строительство может получить некое завершение только в условиях правильной политической жизни, чего в России XIX века не было и в помине. Безусловно прав оказался Ф. М. Достоевский, с тревогой писавший: «Нет **оснований** нашему обществу, не выжито правил, потому что и жизни не было. Колоссальное потрясение — и все прерывается, падает, отрицается, как бы и не существовало». Можно попробовать усомниться, так ли уж **все** «падало и отрицалось»? Ведь существовал опыт европейской жизни, который начиная с XVIII века жадно впитывался российскими образованными слоями, а это, безусловно, подразумевало некую преемственность и стабильность.

Чтобы разобраться в данной ситуации, нам придется обратиться к воззрениям интеллигенции, которая являлась наиболее чувствительным к теоретическим поискам слоем населения и одновременно авангардом общественного движения. Весьма показательно, что само слово «интеллигенция» было придумано в России 1860-х годов и впервые появилось в статьях плодovitого и модного тогда писателя П. Д. Боборыкина (честно говоря, термин «интеллигент» в 1840-х годах появлялся в работах В. Г. Белинского и А. И. Герцена, но без объяснения того, что именно они понимали под этим термином).

Конечно, и на Западе существовали люди, занимавшиеся познавательной деятельностью, связанные с творческими поисками, но там они назывались «интеллектуалами», «специалистами», «людьми свободных профессий». Однако дело даже не в словах. Разница между теми и другими заключалась в том, что в российской трактовке интеллигенции обязательно присутствовало не только социальное, но и общечеловеческое содержание. Интеллигенция XIX века — это объединение наиболее мыслящих, совестливых и честных людей, обязательно в той или иной мере оппозиционных существующему режиму. Интеллигенция была и остается таковой, несмотря на все ошибки и заблуждения.

В обществе, где дворянская элита постепенно теряла позиции, а буржуазия долгое время не могла оформиться политически, именно интеллигенция взяла на себя заботу не только о выработке проекта национального развития, но и стала главным инициатором его реализации. Интеллигенция в роли реализатора планов социально-экономического и по-

литического развития страны — это всегда очень опасно. Ведь интеллектуальной прослойке нечего было терять, она никогда не являлась «материально ответственным лицом», а потому не привыкла обращать внимания на реальность, выполнимость, затребованность государством и обществом своих планов. И эта ее особенность с наибольшей силой проявилась опять-таки в царствование Александра II.

Именно в 1860—1870-х годах в России происходит перелом (еще один!) в отношениях власти и общества. Парадоксально, что он приходится на период либерализации жизни страны, то есть происходит именно тогда, когда в ней стали возникать кардинальные изменения. Впрочем, может быть, в этом и состоит одна из закономерностей либерализации политических режимов? Как бы то ни было, именно в эти годы «романтиков», боровшихся за перемены в первой половине столетия, сменяют суровые «реалисты», требующие слома всего и вся. К сожалению, поворот к реализму в России означал не признание обществом объективной действительности со всеми ее приятными и неприятными сторонами, а то, что этой действительности была объявлена непримиримая война. В то время, когда Европа начинала смотреть на капитализм трезвыми глазами, думая о его совершенствовании, Россия огульно отрицала за ним какие бы то ни было достоинства. Попытки объяснить указанный перелом только сословными (мол, обеспеченное дворянство сменили малоимущие разночинцы) или психологическими (просвещенный, уравновешенный слой вытеснен малокультурным, непредсказуемым, озлобленным) причинами представляются не совсем убедительными.

Дело не только, а может быть, и не столько в этом, дело вообще не в характере и особенностях русского общества. В отличие от Западной Европы, сумевшей включить в правильную политическую жизнь всю оппозицию, вплоть до социалистов, в России общественные конфликты становились острее от десятилетия к десятилетию. В этом уж точно повинен не только характер интеллигенции, но и то, что самодержавные правительства предоставляли обществу решение лишь некоторых не совсем политических задач, отказывая оппозиции в праве на легальное существование. В таких условиях практически каждая «неполитическая» и нейтральная организация или кружок (Шахматный клуб, воскресные школы, Литературный фонд) превращались в очаг сопротивления абсолютизму.

На подавление властями общественной инициативы, во многом, кстати, вызванной к жизни деятельностью самих

властей в конце 1850-х — начале 1860-х годов, общество ответило готовностью к бунту. В этом смысле оно, как и народ в целом, всегда было равно русскому правительству. Вольность, то есть произвол, своеволие, противопоставлены и у тех, и у других понятию «свобода». Ведь свобода — явление историческое, обусловленное и ограниченное свободой других людей, ее можно приобрести или потерять. Воля же отношения к истории почти не имеет, это нечто генетическое, впитанное с молоком матери, у нее есть только один источник и только одно ограничение — «мне так хочется».

Оставим на время ошибки и недочеты правительства и вернемся к особенностям российской интеллигенции, того слоя подданных императора, который в 1860-х годах насчитывал около 20 тысяч человек, а к концу столетия — более 200 тысяч (но и тогда это составляло всего 0,2% от 125-миллионного населения империи). Однако именно это меньшинство во многом определило характер политической жизни России во второй половине XIX века. Не будем забывать, что социальная ущербность интеллигенции дополнялась ущербностью культурной, ведь в России интеллигент жил как бы в двух культурных слоях — национальном и мировом (европейском), — что приносило ему дополнительные трудности, заставляло мучительно искать свое место в реальной жизни. А если получалось (не получалось же достаточно часто), то подменять реальную жизнь мечтой.

Ценности, знания, идеи, почерпнутые интеллигенцией в Европе, постоянно приходили в вопиющее противоречие с отечественной действительностью, а потому усваивались ею поверхностно, оставляя чувство неудовлетворенности и обиды на власть предрежащих. Последние, по мнению либералов и радикалов, не позволяли «прогрессу» закрепиться и победить в России. Именно поэтому заимствованные идеи и ценности получали у общества сугубо утилитарное применение или, как писал Н. А. Бердяев: «... интересы распределения и уравнивания всегда превалировали над интересами производства и творчества». Это касалось не только экономических, политических и социальных идей.

Даже от философских истин интеллигенция требовала, чтобы они превратились в оружие общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. В 1870—1880-х годах позитивизм, материализм странным образом сделались для нее средством утверждения царства социальной справедливости. Отыскивая Правду-истину, российские образованные классы не собирались останавливаться на

этом. Им мало было найти истину; правда, с их точки зрения, должна была обязательно оказаться Правдой-справедливостью. Иначе в ней не было никакого проку для страны, народа, общества, прогресса. Возведя народ в ранг божества, общество забывало (вернее, не задумывалось), что зло русской жизни: деспотизм и рабство — не могут быть побеждены известными крайними учениями, несущими лишь иной деспотизм и иное рабство.

Честно говоря, обществу было достаточно трудно задуматься об этом, поскольку в своем истовом народолюбии, стремлении выровнять положение различных социальных групп оно совершенно не обращало внимания на свободу личности и воспитание правосознания населения. Даже российские либералы в 1860-х годах отказывались от требования введения в стране конституции ради создания утопического государства Правды-справедливости. А ведь свобода и неприкосновенность личности существуют только в конституционном государстве. Что касается народников-радикалов, то те, устами Н. К. Михайловского, открыто заявляли: «... свобода есть великая и соблазнительная вещь, но мы не хотим свободы, если она, как было в Европе, только увеличит наш вековой долг народу». Иными словами, от свободы отказывались ради немедленного перехода к социалистическому строю, который должен был разом решить все проблемы.

Все это напоминает максимализм подростков, отказывающихся от чего-то нужного и в целом им симпатичного на том основании, что их требования ко взрослым выполнены не полностью, что им не разрешили делать всего, чего им хотелось. В одном ряду с такой задержавшейся детскостью стоит и упование интеллигенции на то, что Россия — молодая страна, что она только выходит на арену политической жизни, что ее отставание от Западной Европы есть преимущество, позволяющее избежать ошибок и провалов «старых» народов. На самом деле юниорские взгляды, царившие в обществе, говорят не о преимуществе молодости, а о неумении дорожить и распоряжаться чужим и собственным (национальным) наследством. Попытки любой ценой избежать капитализма, буржуазных социально-политических порядков приводили к появлению крайне утопических проектов.

Утопии — это то ли мечты, замешанные на реальности, то ли реальность, настоянная на мечтах, но в любом случае они являются делом далеко не безобидным, а зачастую и весьма опасным. Ведь утопист желает лично привести общество к идеальному, гармоническому равновесию. Уникаль-

ность подобной задачи заставляет его дорожить малейшей деталью своего плана, ограждать его от любой критики. Отсюда стремление утописта к регламентации всего и вся, нетерпимость к инакомыслию, ведь только он знает, как доставить человечество к «светлым вершинам». Это делает подобные планы весьма сомнительными с точки зрения гуманизма, вечных человеческих ценностей, хотя и очень привлекательными по своей простоте, открывающимся перспективам, скорости их достижения. Утопист, безусловно, отвергает социальную несправедливость, приветствует политическое равенство и обеспечение равных возможностей для овладения людьми всеми богатствами мировой культуры. Однако все это предназначается им для «дальних» поколений, для тех, что придут на смену сегодняшним строителям нового общества. Сами же эти строители, то есть «ближние», остаются лишь материалом, подлежащим обработке и переработке.

Утопичность планов была свойственна не только революционерам, но и либералам, которые обычно упрекали своих соседей слева по оппозиции правительству в торопливости, невнимании к жизненным реалиям и тому подобному. Скажем, славянофильские проекты создания идиллической патриархальной монархии были ненамного реальнее народнического братства крестьянских общин и рабочих артелей. Однако революционный лагерь отличался от либерального крайней радикальностью предлагаемых им методов действия. Может быть, это происходило от презрения интеллигенции к будничной, «мещанской» стороне жизни; от недостатка культурности молодежи (а революционное движение — движение по преимуществу молодое); от отсутствия привычки к упорному, дисциплинированному труду; от отвращения к бездуховности, к господству исключительно материальных запросов и ценностей...

Иными словами, в характере и поведении интеллигенции оказывалось перемешанным и хорошее, и плохое; и высокое, и низменное. Не будем видеть все в черном цвете. Ведь особенности характера российской интеллигенции проистекали от жажды целостности мировоззрения, в котором теория оказывалась бы тесно связанной с жизнью. Требования общества, в том числе и лозунги революционеров, во многом были справедливы. Кто же будет протестовать против демократизации тоталитарной политической системы, перераспределения земли в пользу крестьян, улучшения систем образования и здравоохранения? Проблема заключалась не в этих требованиях, а в тех методах, которые предлагались

общественными деятелями для проведения в жизнь в целом весьма симпатичных требований. Кроме того, важно было и то, насколько подобные предложения поддерживают и разделяют широкие слои населения.

Невнимание общественных деятелей к этим проблемам приводило к тому, что их планы неизменно повисали в воздухе, они даже начинали осознавать себя в вечных противопоставлениях с другими социально-политическими группами: власть — интеллигенция, буржуазия — интеллигенция, народ — интеллигенция. Нерешенность (а может быть, и принципиальная неразрешимость) этих противопоставлений стала причиной многих бед России в XIX — начале XX века. Анализируя ситуацию, сложившуюся к 1910-м годам, Н. А. Бердяев печально констатировал: «... интеллигенция наша дорожила **свободой** и исповедовала философию, в которой нет места для свободы; дорожила **личностью** и исповедовала философию, в которой нет места для личности; дорожила **смыслом прогресса** и исповедовала философию, в которой нет места для прогресса; дорожила **соборностью человечества** и исповедовала философию, в которой нет места для соборности человечества...» Может быть, в этой тираде и есть доля преувеличения, но преувеличение касается не сути проблемы, а того, что в ситуации, сложившейся подобным образом, виновата не одна интеллигенция. Но разве от этого становится легче?..

Предваряя возвращение к основной теме нашей беседы, отметим, что император, отдавший предпочтение «надежной», «управляемой» бюрократии, попал в нехитрую, но опасную ловушку. Бюрократизация управления — естественный процесс в истории всех цивилизованных государств. Но в условиях России современникам казалось, что с 1840-х годов в стране начал действовать некий «вечный двигатель» бюрократии, сутью которого было не решение дел, а непрерывное движение вверх и вниз входящих и исходящих бумаг. В свое время искусствоведы-исследователи ввели в научный оборот понятие «экстаз бессмыслия», раскрывающий состояние человека, которому удалось посредством долгого созерцания иконы связаться с высшей духовной реальностью, неким космическим разумом. Подобный «экстаз бессмыслия» был, видимо, основным состоянием и российской бюрократии, достигавшимся ею посредством собственного бумаготворчества и полной безотчетности своих действий. Царствование Александра II привнесло в эту ситуацию некоторые новые краски. Как гениально подметил А. В. Сухово-Кобылин: «Рак чиновничества, разъявший в

одну сплошную рану тело России, едет на ней верхом и высоко держит **знамя Прогресса**». Именно так общество воспринимало попытки верховной власти провести преобразования, опираясь лишь на бюрократический аппарат.

Да, конечно, причинами такой ситуации стали и нехватка квалифицированных кадров, и недостаточное жалование чиновников, порождавшее бездушие и взяточничество, но бедой оказалось также и отсутствие коллегиальности в деятельности бюрократии. Ведь в России не было даже настоящего Кабинета министров и должности премьер-министра. Русские министры и их помощники (заместители) не имели понятия о собственном статусе или, как ехидно заметил один из них: «У нас есть ведомства, но нет правительства». Подобное положение дел приводило к опасным последствиям. «Уже теперь, — писал П. А. Валуев в начале 1860-х годов, — в обиходе административных дел государь самодержавен только по имени... есть вспышки, проблески самовластия, но... при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного влияния государя».

Иными словами, отворачиваясь от авангарда общества, Александр II не просто становился главой неповоротливого и не всегда профессионального бюрократического аппарата. Он и в отношениях с ним не был ни всесильным, ни «своим», поскольку в отличие от министров, столоначальников, тружеников канцелярий должен был заботиться не только о процветании чиновничества, но и о крепости династии, интересах нации и государства. Для общества же, отлученного им от реальной государственной деятельности и подогретого доморощенными и заимствованными идеями, решающим становился критерий нравственности правительства, желание, чтобы оно действовало пусть и не всегда профессионально, но «честно». Требование высокой нравственности «верхов» — это вообще отличительная черта российского восприятия власти, а может быть, проявление того, что свой протест верноподданный мог выразить только оценкой честности или нечестности чиновничества. При этом забывалось, что высоконравственное правительство является наихудшим. Циничная власть терпимее, а потому гуманнее. Моралисты, добравшиеся до кормила власти, несут неисчислимые притеснения. Впрочем, в России, кажется, не было и не могло быть ни чистых циников, ни чистых моралистов.

ОХОТА НА «КРАСНОГО ЗВЕРЯ»

В 1860—1870-х годах распорядок дня императора оставался неизменным. Он вставал в 8 часов утра, одевался и совершал пешую прогулку вокруг Зимнего дворца. Вернувшись, пил кофе с неизменно состоявшим при нем доктором Епихиным или императрицей. Затем шел в кабинет и работал с бумагами, скопившимися на царском бюро. Ворох бумаг образовывался ежедневно, потому что при высочайшей степени централизации управления до императора доходили все, в том числе и самые пустяковые, вопросы. В 11 часов с докладами являлись министры: военный — каждый день, великий князь Константин Николаевич — по мере надобности, степень которой устанавливал он сам, министр иностранных дел — два раза в неделю, председатель Государственного Совета — один раз в неделю, прочие министры для приезда с докладом должны были испрашивать специальное позволение императора.

По четвергам Александр Николаевич в 13.00 ехал в Совет министров, а в другие дни недели — на развод гвардейских частей. После этого делал визиты членам своей фамилии, прогуливался в экипаже или пешком. Затем возвращался в Зимний дворец, к бумагам. С 16.30 до 19.00 следовали обед и отдых. После чего — чай в кругу семьи. В 20.00 императрица с детьми уходила в свои покои, а ее супруг вновь занимался бумагами. В 21.00 его ждала игра в карты или поездка в театр. В 23.00 императрица отправлялась в спальню, а государь до часа ночи опять работал с бумагами. Днем или ближе к ночи он постоянно выкраивал час-другой, чтобы побыть и со второй своей семьей, хотя сделать это было довольно трудно. Установленный распорядок иногда разнообразился охотами, зваными вечерами или балами. И так день за днем, год за годом, в течение двадцати пяти лет...

Изменения в размеренной жизни императора, конечно, случались, и чем дальше, тем чаще. Связаны они были главным образом с деятельностью революционного лагеря — самой нетерпеливой, активной и склонной к утопиям части российского общества. Не вдаваясь слишком глубоко в историю вопроса, отметим лишь, что усиление революционного движения в России второй половины XIX века произошло совсем не случайно, как не случайно и то, что на первые роли в этом движении постепенно вышли разночинцы.

Самодержавие в России — это не только царь и правительство, это прежде всего самодержавная идея, вне которой общество себя до середины интересующего нас столетия не

мыслило. До 1850-х годов верховная власть представляла собой единственную в России организованную политическую силу, способную достаточно реально оценивать и по мере возможностей регулировать ситуацию. В правление Александра II и в этом отношении происходит перелом, на сей раз в общественном сознании: общество начинает пытаться доказать, что политических сил в стране стало на одну больше.

Что касается разночинцев, о которых в нашей беседе уже не раз упоминалось, то само это понятие появилось в начале, а уточнено было в конце XVIII века. Оно включило в себя отставных солдат и матросов, их жен, детей, а также мелких придворных служащих с женами и отпрысками. В первые десятилетия XIX века состав разночинцев расширился за счет детей священников, лиц мещанского происхождения и детей разорившихся купцов. Разночинцы считались привилегированным сословием, поскольку не платили подушную подать. Однако им было запрещено владеть крепостными и землями, заниматься торговлей, предпринимательством и ремеслом. Все это, естественно, создало благоприятные условия для насильственного формирования разночинной интеллигенции. Отсюда же происходила и малоимущность разночинцев, как служивших, так и занимавшихся свободными профессиями, ведь они могли рассчитывать только на жалованье, которое в среднем было явно недостаточно для нормальной жизни. Зарботки большинства разночинцев колебались от 3 до 14 рублей в месяц, а прожиточный минимум в Петербурге и Москве в 1850—1860-х годах составлял 10 рублей в месяц. Понятно, что горячо любить правительство этому слою населения особенно было не за что. Понятно и то, почему разночинцы, в конце концов, превратились в главных оппонентов существующего строя.

Чтобы нас не обвинили в излишнем социологизме, скажем, что дело, конечно, не только в жалованье. С середины 1850-х годов социальное понятие «разночинец» переросло в общественное, стало политическим фактором российской жизни. К этому времени разночинство существенно пополнило свои ряды. «Разночинец, — писал журналист С. Елпатьевский, — это дворянин, ушедший от своего дворянства; поповский сын, не пожелавший надеть стихаря и рясы; купец, бросивший свой прилавок; «мужик», ушедший от сохи; генеральский сын, чиновничий сын». Причем подобный дворянин отрицал сословные привилегии принципиально, семинарист был самым решительным противником Церкви, мещанин и купец — врагами мещанства и буржуазии, а чиновничий и генеральский сыновья всеми фибрами души не-

навидели бюрократию и милитаризм. До поры, вернее, до лета 1862 года, Александр II довольно спокойно относился к деятелям революционного лагеря. Да и сам этот лагерь рассматривался современниками как левое крыло единого либерального движения. В связи с этим нам настоятельно необходимо поговорить о том, чем жили, во что верили, что исповедовали российские либералы конца 1850-х — первой половины 1860-х годов. Надо сказать, что в это время либеральный лагерь попал в достаточно парадоксальную ситуацию, и парадокс заключался в том, что деятели указанного лагеря остались практически без программы. Действительно, отмена крепостного права, судебная, земская, военная реформы, преобразования в области просвещения и цензуры являлись важнейшими требованиями оппозиции, но проводило-то их правительство. Причем либеральные деятели, за редким исключением, не допускались, как мы уже говорили, даже до обсуждения планов этих преобразований. Более того, передовая часть дворянства в начале 1860-х годов вынуждена была отказаться и от требования введения в стране представительного правления, конституции. «Мы готовы столпиться, — говорилось в одной из статей К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, — около всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддержать его, ибо твердо убеждены, что только через правительство у нас должно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов».

Самоотверженная готовность «столпиться» вокруг трона вызывало, а часто и до сих пор вызывает насмешки, на самом деле оно выражало политически мужественное решение российских либералов наступить на горло собственной песне, ради, как они считали, прогресса страны. Дело заключалось в том, что любой российский парламент в 1860-х годах мог быть только дворянским, что, несомненно, привело бы к взрыву недовольства остальных слоев населения. «Народной конституции, — писал один из вождей славянофильства Ю. Ф. Самарин, — у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, то есть господство меньшинства, действующего без доверенности со стороны большинства, есть ложь и обман». Кто же знал тогда, что героическое по сути и логичное на первый взгляд решение обернется отказом от борьбы за свободу личности и окажется отступлением от своих же принципов, предательством их?

Высказав и написав немало справедливых, отчасти даже пророческих слов, либералы тем не менее не сыграли главной роли ни в реформах, ни вообще в политической жиз-

ни страны в 1860—1880-х годах. Их трагедия заключалась в том, что они не имели достаточной широкой поддержки среди населения страны, да и не могли ее иметь, поскольку россияне в указанный период совершенно не были готовы к восприятию либеральных идей. Получилось так, что справа умеренных политиков поджигало правительство, проводившее в жизнь реформы и лишавшее их инициативы, слева теснили революционеры, требовавшие гораздо более радикальных изменений, чем те, на которые могла пойти власть. Либеральные же ценности, как это ни печально, оставались чужеземной диковиной, ценностями для узкого круга общественных деятелей.

Впрочем, и революционный лагерь неверно было бы представлять себе чем-то могучим и единым, хотя бы потому, что на протяжении 1860-х годов в нем существовало по крайней мере три достаточно разнящихся между собой течения. Первое из них, представленное А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и их немногочисленными единомышленниками, считало, что реформа, освобождавшая деревню от гнета помещика и чиновника, не менее эффективна, чем революция, а потому предпочтительнее последней. Они надеялись, что свободная община, просвещенная революционерами по поводу преимуществ социалистического образа жизни, станет ячейкой, фундаментом нового строя в России. Поскольку общинное устройство традиционно для 90% населения страны, то поворот к социализму произойдет сам собой, постепенно, мирным путем. Революция же, подталкивающая темное, неразвитое крестьянство к немедленному действию, может вызвать разгул стихии, чреватой непредсказуемыми результатами и необратимыми цивилизационными потерями.

Второе течение, к которому относились радикалы, признававшие своим вождем Н. Г. Чернышевского, а знаменем — журнал «Современник», отдавало предпочтение решительным методам действия. Однако Чернышевский и его ближайшее окружение отчетливо понимали, что революции не совершаются по заказу, что они требуют экономических и политических предпосылок, которые в России пока еще не созрели. Главной задачей революционеров, с их точки зрения, являлась упорная подготовительная работа: создание всероссийской социалистической организации, заключение союза со всеми оппозиционными силами в стране, пропаганда своих идей в городе и деревне. Подобная работа могла растянуться на достаточно длительное время, но без нее все мечты о радикальных переменах оставались лишь мечтами.

Наконец, третье направление, еще не выработавшее своего лидера, представляли молодые экстремисты, которые и слышать не хотели о постепенных реформах или длительной подготовке к революционному выступлению. Они считали, что честь и достоинство революционеров требуют организации немедленного бунта, что только в периоды революций происходит воспитание новых борцов за правое дело, формирование истинно радикальной партии. Иными словами, если народ не готов к восстанию, то тем хуже для народа. Какое из этих течений будет определять характер действий революционного лагеря, зависело не только от лидеров различных групп и группировок, но и от политики правительства в отношении радикалов.

В начале 1860-х годов социалисты еще не взяли верх над либералами в общем оппозиционном движении, однако явно начинали у них выигрывать в силу более активных действий и привлекательной необычности своих программ. В этот период в России вообще наступает странная эпоха, свободомыслящая по форме и деспотическая по духу. Тех, кто считал, что все идет как надо и не к чему торопить события, называли консерваторами, а то и ретроgrадами, с ними разрывали отношения «порядочные» или «прогрессивные» люди. Самих этих «порядочных» людей их политические оппоненты называли «красными», робеспьерами, безумцами. Деспотизм общества, как оказывается, отличается от деспотизма правительства только тем, что он разнообразнее и неприимее. К сожалению, именно этот радикальный деспотизм начинал играть определяющую роль во взаимоотношениях общественно-политических лагерей страны.

Г. С. Померанц, философ и культуролог, прозорливо отметил: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело». Сакрализация той или иной идеологии, столь характерная для России, началась не в годы правления Александра II, но именно в это время она проявилась с особой силой, разводя людей по разные стороны баррикад. А из-за баррикад плохо слышны аргументы сторон, да и выходят на них не за тем, чтобы вести дискуссии. Думается, что если мы хотим понять истоки «бесовщины», так блестяще изученной и показанной Ф. М. Достоевским, то должны начинать с первых появлений «пены на губах» народолюбцев.

В общем-то совершенно прав был Валуев, когда писал: «Людам надо дать в руки дело, тогда они закроют рты». Это был прозаический парафраз стихотворной рекомендации А. К. Толстого по борьбе с нигилистами:

Такое средство, лада,
Мне кажется, я знаю:
Чтоб русская держава
Спаслась от их затей,
Повесить Станислава
Всем вожакам на шею!

Однако именно дела для этих людей, горячо жаждущих его, у правительства не нашлось, что и толкнуло наиболее активную часть общественных деятелей в оппозицию. Повторим еще раз, что наивно считать революционеров политической аномалией, они выражали лишь крайнее общественное недовольство положением дел, и их энергия обрушилась на Александра II отнюдь не случайно. Так уж издавна повелось, что исторический спрос общества был совсем не с Павла I или Николая I, они ведь и не обещали России никаких преобразований, а с Александра I или Александра II, которые искренне хотели ускорить прогресс страны, но не сумели претворить своего желания в жизнь или претворили его не до желаемого оппозицией предела. Если же доверие общества к монарху пропадало, то у радикалов оказывались развязанными руки для отчаянной борьбы с ним. Впрочем, у императора всегда оставался в запасе традиционный способ общения с «прогрессистами» — закручивание гаек, несколько отпущенных во время «оттепели».

Где же искать исходный момент непримиримого противостояния Зимнего дворца с революционерами? Может быть, таким началом стала «студенческая история» 1861 года? В мае, после недавно объявленного освобождения крестьян, новый министр народного просвещения адмирал Е. В. Путятин (ранее предлагавший вообще закрыть университеты, как рассадники вольномыслия, за что его, видимо, и сделали министром просвещения) ввел правила, уничтожавшие льготы для бедных студентов. Он обязал их платить по 50 рублей в год за обучение (что для многих молодых людей являлось совершенно нереальным). Кроме того, он ввел матрикулы — документы, куда заносились результаты наблюдения за студентами специальных инспекторов. В ответ на полицейско-запретительные действия министра студенты Петербургского университета отправились колонной через весь город к попечителю своего учебного заведения Г. И. Филиппону. Переговоры с ним ни к чему не привели, но среди манифестантов полиция произвела аресты.

Желание силой подавить студенческое недовольство положило начало сходкам, а затем спровоцировало попытку молодежи захватить здание университета. Волнения переки-

нулись и в Москву, где также было арестовано около 200 студентов. Александр II в эти дни отдыхал в Ливадии, там он и получил паническую телеграмму Путятина. Император подал министру просвещения совет-распоряжение: поступить со студентами по-отечески, чем окончательно озадачил бравого адмирала. В конце концов, этот государственный деятель решил, что император рекомендовал ему пороть студентов (других методов отеческого воздействия министр народного просвещения, видимо, не знал), и великому князю Константину Николаевичу стоило немалого труда отговорить Путятина от позорной, подстрекавшей студентов к бунту затеи...

А может быть, исходной точкой столкновения императора с революционерами стали отношения монарха с прессой? Ведь, по мнению нашего героя, самый лучший из журналистов не заслуживал никакого доверия властных органов. Еще в 1860 году монарх учредил Негласный комитет для «влияния на периодическую печать». Весьма показателен его состав: товарищ министра народного просвещения, начальник штаба корпуса жандармов, министр двора и цензор, профессор А. В. Никитенко. Указания, данные императором Комитету, большой определенностью не отличались. «Есть устремления, — писал Александр II, — которые не согласны с видами правительства. Надо их останавливать. Но я не хочу никаких стеснительных мер. Я очень желал бы, чтобы важные вопросы рассматривались и обсуждались научным образом... Но легкие статьи должны быть умеренны...» Расплывчатость наставлений государя открывала перед Комитетом широкое поле деятельности, чем он и не замедлил воспользоваться.

Впрочем, поначалу все казалось не таким уж и страшным. В конце 1850-х годов в Тамбове был арестован Н. Мордвинов, написавший и распространивший отнюдь не самую резкую политическую записку под названием «Восточный вопрос с русской точки зрения». Криминал, по мнению местных властей, заключался в том, что Мордвинов утверждал, будто для России сейчас внутренние проблемы важнее любых внешнеполитических (что вообще-то лежало на поверхности). Александр II, ознакомившись с запиской, заметил: «Дельно, но желчно» — и велел освободить Мордвинова, передав ему, что император желает жить с ним в мире. «Колокол» Герцена — издание заграничное и в России запрещенное — читали и в Зимнем дворце, и в Редакционных комиссиях («Колокол» в эти годы вообще легко проникал на территорию империи, недаром его тираж достиг 3000 экземпляров). Александр II даже говорил, что он предпочи-

тает Герцена другим критикам своей политики, «поскольку те лишь бранятся, а Герцен, хоть и бранится, но иногда предлагает что-то дельное»⁴.

Н. А. Серно-Соловьевич (в будущем один из ближайших соратников Чернышевского) в 1856 году сумел лично передать Александру II записку об освобождении крестьян. К немалому удивлению начальства, Серно-Соловьевич, служивший в канцелярии Государственного Совета, получил признательность государя, выраженную в следующих словах: «Призвать его и поблагодарить от моего имени. Пусть не оставляет службы и, надеюсь, докажет свое усердие и преданность. В этом молодом поколении много хорошего и истинно благородного. Россия должна от него много ожидать». Император вообще умел отдавать должное своим оппонентам из радикального лагеря, видя в них порой нечто рыцарское.

Пройдет совсем немного времени, и Серно-Соловьевич не оправдает надежд государя, с головой уйдя в революционную деятельность. Однако во время ареста у него найдут составленный им проект «Уложения императора Александра II», иначе говоря, проект конституции Российской империи. В нем говорилось, что вся власть в стране «принадлежит государю императору, особа которого считается священной и неприкосновенной». Народное же собрание под его руководством принимает новые законы, рассматривает государственный бюджет, устанавливает налоги, ведает вопросами внешней политики и т. п. Странная для революционера и социалиста конституция, не правда ли? Еще более серьезное заявление было сделано радикалами в конце 1862 года. Замечательно трезвый политик Н. Г. Чернышевский написал пять писем Александру II. Цензура запретила их напечатание, и они увидели свет за границей только в 1878 году, когда совершенно потеряли свою актуальность и превратились в очередной памятник политической мысли. Чернышевский же считал их последней и отчаянной попыткой объясниться со здравомыслящими членами правительства и обитателями Зимнего дворца. Правда, будучи реалистом, он дал своему произведению грустное или, вернее, пророческое название — «Письма без адреса».

На первый взгляд Чернышевский пытался примирить в них правительство и поместное дворянство. Он писал, что многие ошиблись, считая дворянство слишком приверженным к своим привилегиям, а потому не способным к деятельности на пользу отечеству. Власть сама взяла на себя заботу о дворянстве и постаралась сделать все возможное, что-

бы, освобождая крестьянство, не обидеть привилегированное сословие. Как только в недрах общества поднялась либеральная волна, власть совершила ошибку, считая, что дворянство «пришло в движение» в силу сословных побуждений. Но дело обстояло гораздо сложнее: «В мыслях о реформе общего законодательства, об основаниях новой администрации и суда на новых началах, о свободе слова — дворянство только является представителем всех сословий».

Не поняв этого, правительство загнало в заколдованный круг и власти, и все общественное движение страны, обвиняя в трудностях кого угодно, только не себя. «Таким образом, — писал Чернышевский, — вы сваливаете вину своим неудачам на нас, некоторые из нас винят в своих неудачах вас. Как хорошо бы оно было, если б эти некоторые из нас, или вы, были бы правы в таком объяснении своих неуспехов!.. Но грустно то, что никакие наши действия против вас или ваши против нас не могут привести ни к чему полезному... Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот об нем выходило что-нибудь действительно полезное для него». Но и это еще не все. По словам Чернышевского, народные массы вскоре захотят сами взяться за «ведение своих дел». Что же, вроде бы такая перспектива должна радовать главу российских революционеров. Какое там! «Мы думаем, что народ невежественен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем, отказавшимся от его диких привычек... Потому мы также против ожидаемой попытки народа сложить с себя всякую опеку и самому приняться за устройство своих дел... и мы готовы для отвращения ужасающей нас развязки забыть все — и нашу любовь к свободе, и нашу любовь к народу».

Так неожиданно (а может быть, следует сказать: закономерно) революционеры, вернее, политически трезвая их часть, сближаются с правительством в желании сделать для народа благо, оставляя сам народ в стороне от преобразований. Мало что изменило в сложившейся ситуации и образовавшееся в конце 1861 года тайное общество «Земля и воля». О его задачах будущий экстремист, а пока еще сторонник Чернышевского, Н. И. Утин писал: «Оно будет пропагандировать идею земского собрания... соединяя в единое целое приверженцев этой идеи, оно, наконец, предъявит свои стремления правительству, и последнее, видя в них глас русского общества, вынуждено будет созвать земское собрание, тогда организация прекратит свое существование, так как цель ее не будет достигнута». Надежда на разум правительства, вера в благотворность давления на него общественного

мнения — и ни слова о революции, социализме, общинном устройстве будущей России. Возможно, все это подразумевалось левыми деятелями, они не отказывались ни от общинного социализма, ни от революции. Просто не время было об этом говорить, а значит, и речь нужно было вести о другом. Согласитесь, что позиция, занятая радикалами начала 1860-х годов, видится, во всяком случае нам, вполне умеренной.

Вообще-то интересно отметить, что либералы и думающие радикалы чаще всего начинают не как борцы с существующим режимом, а как борцы сами с собой. Поэтому особенно страшно, когда режим поддерживает в людях то, с чем нормальный человек считает нужным бороться: умственную лень, безответственность, рабство, желание замкнуться в своем хозяйственном мирке и т. п. Как бы то ни было, голоса цивилизованных радикалов не были услышаны властями, их мнения не были учтены, и скоро происходит опасный перелом в отношениях правительства с социалистами.

Жаркой весной 1862 года в разных губерниях империи вспыхнули обширные пожары. В Петербурге, к примеру, сгорели три улицы на Большой Охте, населенные мастеровыми, Каретная часть, Лиговка, Солдатская слобода, Шукин и Апраксин дворы, насчитывающие две тысячи лавок, часть здания Министерства внутренних дел. Огонь угрожал также Пажескому корпусу, Публичной библиотеке, Гостиному Двору. Александр II лично руководил тушением пожаров в столице, командуя воинскими частями, всегда приходившими петербуржцам на помощь во время стихийных бедствий, и с огнем в конце концов удалось справиться. Но пожары, к несчастью, совпали по времени с появлением прокламации «Молодая Россия», написанной П. Г. Заичневским и П. Э. Аргиропуло. Прокламация была наивной и невнятной, но исполненной страшными угрозами (таковы отличительные черты всех экстремистских документов). Она делила страну на две партии: императорскую и народную — и обещала скорую революцию, сопровождающуюся реками крови и горами трупов. Ходили упорные слухи, что III отделение знало, кто является авторами злосчастной прокламации, но открывать их имена намеренно не стало, поскольку молодые энтузиасты-одиночки никому не были интересны. «Молодая Россия» оказалась представленной жандармами как документ, исходящий от опасной социалистической организации. В результате деятельность правоохранительных органов выглядела, как спасение отечества от угрозы социалистического террора и возможного переворота.

В ходе арестов, проведенных в разных губерниях, к сентябрю 1862 года более ста литераторов, ученых, студентов, офицеров оказались в тюрьмах, под домашним арестом, в ссылке или разыскивались властями. Были закрыты воскресные школы, приостановлено издание журналов «Современник» и «Русское слово». Самое же главное для нашего разговора заключалось в том, что после ареста Чернышевского, Серно-Соловьевича, Михайлова, Шелгунова и других революционный лагерь оказался без трезвого и дальновидного руководства. Роль первой скрипки в нем начали играть молодые экстремисты, не пошедшие дальше азов, изложенных в революционных брошюрах, и эпигонства. Победив, как ему казалось, внутреннего врага, Зимний дворец взял передышку.

За волнениями весны — лета 1862 года почти незамеченным прошло празднование тысячелетия России, основные торжества по поводу которого состоялись в Великом Новгороде. 7 сентября 1862 года император с семьей и свитой прибыл в древний город на двух парадных кораблях. Императорская чета спустилась по сходням и направилась по живому коридору к экипажам. Новгородское дворянство стояло поодаль и, как писал журналист местной газеты: «...взглядами и некоторой экстравагантностью костюмов выражало неодобрение крестьянской реформе». Но затем и оно поддалось общему настроению и разразилось приветственными криками. 8 сентября Александр II принял депутацию новгородцев, затем отстоял обедню в Софийском соборе и возглавил крестный ход к памятнику 1000-летия России, созданному по проекту скульптора М. О. Микешина⁵. Под звон колоколов и грохот артиллерийского салюта император открыл памятник. Затем он присутствовал на параде войск и торжественном обеде в дворянском собрании. Завершило торжество посещение монархом Рюрикова городища, расположенного в том месте, где Волхов вытекает из Ильменя. После чего Новгород, на два дня ставший столицей империи, распрощался с монархом.

Ничто вроде бы не предвещало бурь и потрясений. Но в самом начале 1863 года неожиданно для всех разразилось польское восстание. Поскольку отношения России и Польши на протяжении всего XIX века оставались весьма напряженными⁶, есть смысл несколько углубиться в историю вопроса о причинах восстания 1863 года. В 1856 году Александр II даровал амнистию полякам, замешанным в политических преступлениях против империи; тем из них, кто эмигрировал, он разрешил вернуться на родину, предоставив им

все гражданские права. За четыре последующих года в Польшу вернулось около девяти тысяч ссыльных и эмигрантов, не пылавших любовью к России. В Польше было ликвидировано военно-полицейское управление, введенное Николаем I, начали издаваться произведения А. Мицкевича и других ранее запрещенных авторов.

Однако это не успокоило поляков, часть которых мечтала о возрождении конституции, дарованной Александром I, а часть вообще требовала полной независимости и восстановления Польши в границах 1772 года. С 1861 года в Варшаве и других городах края стали появляться прокламации «возмутительного» содержания, а позже и проводиться политические демонстрации. В феврале 1861 года одна из таких демонстраций была расстреляна русскими войсками, в результате чего погибло пять человек и оказалось ранеными около двадцати.

Для успокоения умов Александр II издал рескрипт о готовящихся реформах в Польше. Однако волнения лишь усилились, и властям пришлось вводить в стране военное положение. 20 июня 1862 года новый наместник императора в Польше, великий князь Константин Николаевич прибыл в Варшаву, но уже на следующий день на него было совершено покушение — при выходе из театра великий князь был легко ранен в плечо выстрелом террориста. Последней каплей, окончательно испортившей отношения власти и польского общества, стало объявление в октябре 1862 года о проведении в начале следующего года рекрутского набора по именным спискам. Согласно им, в армию должна была попасть молодежь, активно участвовавшая в революционных выступлениях. Вместо набора в армию в начале 1863 года молодые люди скрылись в лесах, образовав первые отряды, вооруженные косами, саблями и охотничьими ружьями.

Общепольский же мятеж вспыхнул одновременно во всех концах края в ночь на 11 января 1863 года, когда 6 тысяч повстанцев, заранее разбитые на 33 отряда, начали борьбу за возвращение Польше независимости. Пик этой борьбы пришелся на весну — лето того же года, но добиться своих целей восставшим не удалось. Русские войска, размещенные в Польше, насчитывали до 90 тысяч человек и были лучше вооружены и организованы, чем повстанцы (в 1864 году регулярных войск здесь стало уже почти 150 тысяч при 146 орудиях). Кроме того, руководители восстания делали основную ставку на помощь европейских держав, которые ограничились робкими дипломатическими протестами и разнуз-

данной антирусской пропагандой в печати, что могло принести полякам лишь моральное удовлетворение.

Шляхетство, стоявшее во главе восстания, не пожелало удовлетворить требования крестьян о земле и свободе, объявив, по сути, крестовый поход за возвращение литовских, белорусских и украинских земель, некогда принадлежавших Польше. Петербург же действовал не только военными мерами, издав закон о раздаче земель тех шляхтичей, которые поддержали восстание, крестьянам, оставшимся в стороне от него. Впрочем, восстание игнорировали не только крестьяне. Как с грустью писал один из революционеров: «В момент, когда восстание разразилось... большинство людей здравомыслящих, то есть почти вся образованная и имеющая положение и имущество часть общества, избегали причастности к восстанию».

В результате к маю 1864 года мятеж в Польше был подавлен. Повстанцы потеряли на полях сражений около 20 тысяч человек, добровольно сдались в плен еще 15 тысяч. Было казнено, сослано на каторгу и поселение, отдано под надзор полиции около 22 тысяч человек, а 7 тысяч поляков эмигрировали в страны Западной Европы и США. В Польше были ликвидированы остатки автономии, и само название Царство Польское оказалось замененным термином Привислинский край.

В ходе восстания наместник императора в Польше бежал, а вместо него туда был направлен М. Н. Муравьев. На протяжении почти пятидесяти лет Михаил Николаевич Муравьев служил трем самодержцам, но в ходе этих царствований его карьера складывалась по-разному. Один из пяти братьев Муравьевых, он был активным членом первых декабристских организаций. Не согласившись с усилением в них революционных настроений, Муравьев вышел из рядов дворянских заговорщиков в самом начале 1821 года. После 14 декабря 1825 года он все же оказался под арестом, но вскоре был освобожден, причем Николай I лично напутствовал его на дальнейшее служение престолу. 1830—1840-е годы проходят для Михаила Николаевича довольно бесцветно — он занимал ряд губернаторских должностей — пока, наконец, не сделался министром государственных имуществ.

После воцарения Александра II, являясь членом Секретного (позже Главного) комитета, Муравьев всячески противился отмене крепостного права. В результате в начале 1860-х годов министр попал в немилость к императору, и чиновный Петербург предвкушал его отставку со дня на день. О неминуемом падении Муравьева никто особо не

жалел, он не был ни умелым организатором, ни генератором идей, ни просто приятным человеком. Михаил Николаевич являлся разрушителем, и ломать он умел превосходно. По уму и образованию он слыл человеком незаурядным, а благодаря медвежьему здоровью мог работать по 14 часов в сутки. Однако вся его энергия постоянно оказывалась направленной куда-то не туда, в основном на уничтожение того, что делалось другими. В конце 1850-х годов министр государственных имуществ умудрился обрезать земельные участки государственных крестьян, а заодно и увеличить их платежи — и все это в то время, когда Зимний дворец обсуждал возможности для улучшения положения крестьян.

Кроме того, Муравьев отличался редким недоверием к людям, а потому старался все сделать сам, правда, при этом его подчиненные обязаны были неизменно изображать кипучую деятельность. Настоящих профессионалов он не ценил, и, когда Михаилу Николаевичу докладывали, что для исполнения какого-либо поручения нет достойного исполнителя, он обычно бурчал: «Было бы болото, а кулик найдется», — искренне веря в то, что любое дело по плечу самому обычному человеку, если у него есть желание заняться этим делом. От недовольства императора, а значит, и отставки, его спасло польское восстание 1863 года. Отправленный на усмирение мятежного края, Муравьев развернулся во всю ширь своей натуры, а его цинично-крылатая фраза: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, я из тех, которые вешают» — оправдалась в полной мере. Даже светские дамы, не питавшие к восставшим полякам никакой симпатии, вынуждены были ходатайствовать за них перед Александром II. Михаил Николаевич отправлял шляхту и горожан в ссылку целыми селениями (пока в Петербурге спохватились, в Сибири оказалось 5 тысяч человек, вывезенных из Польши). Жилища же высланных сжигались со всем имуществом, видимо, в назидание потомству.

Легенда о Муравьеве, как дальновидном государственном деятеле, нестигаемом борце за «русское дело» в Западном крае, рождалась в более поздние времена, когда в Прибалтике и Польше прочно осело русское чиновничество. Именно ему понадобился миф о победителе поляков огнем и мечом, это как бы освящало собственные бесплодные усилия по русификации края. Мечты о «сильной руке» вообще являются обязательным атрибутом российской политической мысли, может быть, потому, что в спокойном состоянии наша страна находилась считанные десятилетия. На переломах

же и в перестройках людям всегда хочется видеть впереди себя настоящего, решительного и могучего вождя. В конце концов Александр II решил отозвать Михаила Николаевича в Петербург. Тот, ни о чем не подозревая, ехал в столицу с целым ворохом проектов и предложений по устройству Польши. Получилось же, что ехал он за отставкой. Впрочем, как оказалось, недолгой, и помогли графу продолжить его карьеру опять-таки революционеры.

4 апреля 1866 года произошло первое покушение на жизнь императора Александра II. Когда монарх в четвертом часу дня после гулянья в сопровождении племянника, герцога Николая Лейхтенбергского, и племянницы, принцессы Баденской, сажился в коляску у набережной, какой-то молодой человек выстрелил в него из револьвера. Пуля пролетела мимо, а император подошел к стрелявшему, уже схваченному полицией, чтобы поинтересоваться мотивами совершенного преступления⁷. Стрелявший, Дмитрий Каракозов, дворянин Саратовской губернии, исключенный за участие в студенческих беспорядках из Казанского, а затем и Московского университетов, заявил Александру II, что он стрелял в него в ответ на обман правительством крестьян и общества реформой 1861 года. Потрясение, пережитое монархом, объясняется не только самим фактом покушения, но и словами террориста. Ведь Александр Николаевич считал, и совершенно обоснованно, что отмена крепостного права стала главным делом его жизни, обеспечивающим ему благодарную память потомков.

Оказалось же, что нашлись люди, которые считают его реформу бессовестным обманом. Ничем, кроме этого потрясения, не объяснишь то, что спустя десять дней после покушения император поддержал странную инициативу Святейшего синода о совершении ежегодного крестного хода 4 апреля в честь чудесного избавления монарха. Митрополит Московский Филарет искренне недоумевал по поводу этого решения: «Надобно ли каждый год торжественно напоминать, что возможно восстание против царя?» Действительно, надобно ли? Очень тревожные и в чем-то пророческие вопросы задавал в связи с покушением Каракозова профессор Никитенко. «Чем больше я вдумываюсь в это происшествие, — писал он, — тем мрачнее оно становится в моих глазах. Не есть ли оно роковое начало тех смятений, какие должна вытерпеть Россия, пока она не упрочит и не определит своего нравственного и политического существования? Но неужели ей необходимо пройти этот путь? Неужели необходимо, чтобы двигатели ее будущности возникли из гнездили-

ша всякого рода безобразных умствований, утопий, из воспаленных незрелых голов?»

Наиболее трезвые деятели революционного лагеря осудили покушение Каракозова. «Выстрел 4 апреля, — отмечал Герцен, — был нам не по душе. Мы ждали от него бедствий, нас возмущала ответственность, которую на себя брал какой-то фанатик... Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами». Герцен оказался совершенно прав. Реакционеры с лихвой использовали выгодную для них ситуацию. Следственная комиссия под руководством незаменимого в таких случаях М. Н. Муравьева выясняла не столько причины и технологию покушения Каракозова, сколько степень благонадежности студентов и преподавателей всех российских университетов, обвиняла в мягкотелости цензуру, давала оценку журналам, то есть занималась делом, совершенно ей неподобающим. Однако, несмотря на все ухищрения, граф не смог обнаружить ничего, кроме скромного студенческого кружка, большинство членов которого не подозревало о готовившемся выстреле в императора⁸. Однако, пользуясь покушением Каракозова, реакционерам удалось отправить в отставку Замятнина, Валуева, Головнина, на смену которым пришли В. К. Плеве, П. А. Шувалов, Д. А. Толстой.

«Надменный тип», «глава всероссийской шпионницы», «нахальный временщик», «господин с бесцеремонным обращением», «Петр IV» — всеми этими характеристиками современники наградили одного и того же человека — Петра Андреевича Шувалова, ставшего после выстрела Каракозова начальником III отделения и шефом жандармов. Руководствуясь безграничным честолюбием и чиновничьим расчетом, Шувалов старался держать Александра II в постоянном нервном напряжении, донося ему о росте оппозиционных настроений в обществе и предлагая проекты разгрома этой оппозиции, то есть выступая в роли спасителя царя и отечества. Чем дальше, тем спасителей отечества в России становилось все больше, но чаще всего они оказывались не действительными героями и патриотами, а эрзац-спасителями.

Власть Петра Андреевича над монархом в этот период была столь велика, что реакционеры искренне верили, что шефу жандармов удастся повернуть время вспять и заставить императора вспомнить о «благоденствии» николаевского царствования. В. А. Долгоруков приводит весьма любопытный разговор двух чиновников: «Надобно теперь государя вывести с ошибочного пути, по которому он шел столько лет; что за реформы, что за глупая гласность, к чему эти

сделки?.. Ведь прежде жили без них». — «Вы правы, но зато Шувалов примется за дело; он поворотит государя на хороший путь; теперь уже не будут жужжать в уши реформами». — «Ну а как государь будет упираться?» — «Не бойтесь, Шувалов сумеет его держать в руках: по струнке пойдет голубчик». Самое интересное в этом диалоге — ощущение чиновниками единства своего сословия, провозглашение его мощной силой, уверенность в том, что кто-то из числа высшей бюрократии может заставить императора «пойти по струнке». И подобные ожидания не были вовсе лишены оснований.

Все назначения, сделанные в период правления Шувалова, производились по принципу личной преданности ему или родственных отношений с ним. Своего отца он намерал сделать министром двора, двоюродного брата — министром финансов. При нем всплыл из чиновничьего небытия ставший министром внутренних дел А. Е. Тимашев, чья глупость, по словам сенатора А. А. Половцева, «ежедневно принимала поразительные размеры»; утвердился Д. А. Толстой — проклятие российской школы и Церкви, поднялись и другие подобные им деятели. Человек светский, образованный, Петр Андреевич прекрасно понимал, что из себя представляют жандармы, и в разговорах со знакомыми фамильярно аттестовал подчиненных: «Мои скоты». В то же время он старался облагородить свое ведомство и расширить сферу его деятельности. Так, при шефе жандармов появилась должность юрисконсульта, о которой говорили, что наконец-то учредили пост протоиерея при доме терпимости. Сочетание и впрямь получилось пикантное.

Шувалов проник и в Министерство внутренних дел, помогая тамошним чиновникам организовывать «пересыльную часть» (как вы понимаете, имелось в виду отнюдь не почтовое ведомство). Петр Андреевич заявил, что поскольку ему, как начальнику тайной полиции, точно известны «свойства и направление каждого лица» (вот когда начались наши игры во всезнайство тайных органов!), то ему следует предоставить право увольнять по своему усмотрению чиновников всех ведомств. Дело до этого не дошло, но само заявление графа симптоматично. В конце концов главный жандарм, как и можно было ожидать, зарвался, забыв, что живет-то он все-таки в самодержавной стране. Как уже говорилось, его тяжба с Е. М. Долгорукой стала причиной отъезда Шувалова послом в Англию. В качестве резюме можно привести слова Половцева: «Такие люди, как Пален, Тимашев, Толстой... опошлили и сделали ненавистным то, что велича-

лось консерватизмом». Все перечисленные сенатором деятели были ставленниками Шувалова.

Дело даже не в том, что Ростовцев, братья Милютины, Головин были лучшими министрами, чем Шувалов или Толстой. И те, и другие были искренними и убежденными монархистами. Но первые считали, что монархия, как саморазвивающаяся система, еще не исчерпала себя, а значит, способна к серьезным и необходимым переменам. Именно она, по их мнению, могла помочь измениться России постепенно, без революционных потрясений. Вторые также считали, что монархия является живым организмом, но вкладывали в это совершенно иной смысл. Всякие разговоры об изменении традиционного образа правления они расценивали как слабость монархии и монарха, отступление от самодержавия, освященного многовековой традицией и религиозными догматами. Трансформация и неизменность — борьба двух этих начал определила политическую жизнь российских «верхов», оказала значительное влияние и на жизнь страны вообще.

В мае 1867 года Александр II прибыл в Париж, где остановился в тех же покоях, которые в 1814—1815 годах занимал победитель Наполеона Александр I. Когда император возвращался с очередного смотра войск на Лоншанском поле, по коляске, в которой ехал Александр Николаевич, два его старших сына и Наполеон III, был произведен выстрел из пистолета. Покушавшимся на жизнь российского монарха оказался поляк Березовский, который пытался таким образом отомстить Александру II за жестокое подавление восстания в Польше в 1863 году. Пуля прошла мимо монарха, ранив лошадь офицера эскорта. Второе покушение за два года заставляло задуматься о дальнейшей судьбе династии, об изменении отношений между властью и обществом.

Наступало время размышлений, уточнения позиции Зимнего дворца по поводу проведенных реформ. Вскоре после покушения Березовского провозглашается тезис о том, что переходное время, связанное с преобразованиями, заканчивается и пришла пора устранения всех и вся в новых условиях. Однако призыв к успокоению и обустройству жизни мало помог в выяснении взаимоотношений между общественными силами страны. Они-то как раз и расходились в вопросе о своем месте в «новых условиях» и своей роли в новой России. Прежде всего это касалось революционного народнического лагеря. В нем продолжало набирать силу крайне радикальное направление, ярчайшим представителем которого стал в конце 1860-х годов С. Г. Нечаев. Дея-

тельность его кружка, который сам Нечаев, очевидно для солидности, предпочитал называть обществом «Народная расправа», — прекрасный пример того, куда может завести аморальность, возведенная в принцип политического действия. Помимо подлогов, шантажа единомышленников и колеблющихся, беспринципности, фиктивных браков с целью завладения приданым «жены», убийства — трудно назвать еще какие-либо деяния этой якобы социалистической организации. Правда, нечаевцы привнесли в революционное движение нечто действительно новое — строгое и безоговорочное следование всех членов группы приказам руководства, стоявшего над обществом, подчинение меньшинства решениям большинства и закрепленный в уставе нравственный кодекс революционера. Последний предполагал беззаветную преданность делу социализма, отказ от семейных и дружеских уз, забвение принципов, гуманизма, милосердия и т. п.

В замечательном романе Ф. М. Достоевского «Бесы», толчком к написанию которого послужил судебный процесс над нечаевцами, речь идет не столько о членах этого кружка, сколько вообще о праве человека распоряжаться судьбами других людей, о нравственном пределе человеческого самомнения, за которым деятель, всерьез посчитавший себя строителем людского счастья, превращается в беса, нелюдя. Бесовщина Нечаева окончательно испортила отношения между властью и революционерами, показав, что пути к компромиссу между ними делаются все более и более невозможными. Нечаевщина оказала большое влияние и на развитие народнического движения 1870-х годов.

Правда, в начале этого десятилетия революционерам пришлось начинать с того, чем закончили их учителя и вожди в 1860-х годах. 1871—1872 годы — это время организации кружков самообразования среди студенческой и учащейся молодежи, время пропаганды ею социалистических идей в университетах, гимназиях и на фабриках. 1874—1875 годы — период «хождения в народ», то есть попытка перенести центр тяжести революционной работы в деревню, попытка, закончившаяся самым крупным политическим процессом в России, процессом «193-х». 1876 год — начало нового этапа в революционном народническом движении, выразившемся в создании организации профессиональных революционеров (вторая «Земля и воля»). 1879 год — раскол «Земли и воли» на две новые организации — «Черный передел» и «Народную волю», усиление террора социалистов, закончившегося трагической гибелью Александра II. Набросав беглую

схему основных событий в революционном лагере, поговорим немного о ее сути.

В наши дни много и горячо говорят об опасности и бессмысленности народнического террора. При этом крайне редко вспоминают о том, что в первые годы нового десятилетия о терроре в революционной среде не было и речи. Более того, кружки 1871—1872 годов возникли в противовес нечаевщине как защитная реакция на аморальность в общественной борьбе, реакция на презрение к человеческой личности, на призывы к бесцельной гражданской розни, столь характерные для Нечаева. В связи с этим П. А. Кропоткин вспоминал, как в 1871 году откуда-то из южных губерний страны в Петербург приехал некий молодой человек с твердым намерением убить Александра II и тем самым подтолкнуть колесо российской истории. Столичные народники, к которым террорист обратился за помощью, долго убеждали его отказаться от безумного замысла, а затем заявили, что помешают ему всеми возможными способами, вплоть до заявления на него в полицию. Под таким прессом террорист вынужден был отказаться от своего намерения повлиять на ход истории страны. «Зная, как слабо охранялся в ту пору Зимний дворец, — заключает Кропоткин, — я могу убедительно сказать, что народники спасли жизнь Александра II».

В те же годы в «верхах» созрела, казалось бы, здравая идея — развернуть правительственную контрпропаганду в народе с помощью соответствующих книг и организации монархических кружков. Но подобные мероприятия показались властям чересчур сложными и трудоемкими. Привычнее и эффективнее властям представлялось действовать традиционными методами — репрессиями и ограничениями свободы слова. Появляются дикие предложения типа «высылки разом из столицы всех подозрительных людей». Кстати, невыслыми они казались только на первый взгляд. Когда в 1880 году Лорис-Меликов стал диктатором, ему представили список на 250 высылаемых из Петербурга из 3000, предназначенных к высылке. Он попросил чиновника написать против каждой фамилии в списке причины предполагавшейся высылки, и тот, не задумываясь, вывел: «опасный человек», «вообще высылаемый», «в особое одолжение губернатору» и т. п. Примерно в те же годы нижегородский губернатор отдал распоряжение, согласно которому все женщины, носившие круглые шляпы, синие очки и башлыки и коротко стригшие волосы, признавались нигилистками. Полиция была обязана отправлять их в участки, где у этих жертв моды отбиралась подписка с обещанием не иметь

впредь столь крамольного вида. Что общего было у подобных мер с подлинной борьбой против революционеров, сказать очень трудно.

Подлинным переломом в отношениях власти и общества стало «хождение в народ» в 1874—1875 годах. Романтическое, а отчасти и религиозное, вызванное преклонением революционной молодежи перед крестьянством (его чистым, «социалистическим» образом жизни), это движение не могло нанести никакого реального вреда существующему строю. Да и сами крестьяне встретили переодетую «под мужика» молодежь настороженно и недоверчиво⁹. Однако полиция поспешила представить «хождение в народ» серьезным подрывом государственных устоев. Появилось даже предложение сосредотачивать высылаемых пропагандистов в тех местностях, где от них будет меньше вреда (пользуясь привычными нам терминами, предлагалось создать систему спецпоселений). В тридцати семи губерниях России было арестовано свыше полутора тысяч социалистов-народников, а следствие по их делу растянулось на три года. Все это время многие арестованные содержались в одиночных камерах, и в результате 43 человека умерли в тюрьме, 12 совершили самоубийства, 3 покушались на него, 38 сошли с ума. Не прибавил лавров российской Фемиде и политический процесс над 193 обвиняемыми в противоправительственной пропаганде, начатый в октябре 1877 года. Несмотря на все ухищрения прокуратуры и специально подобранных властями судей, 90 подсудимых после трех-четырёхлетнего одиночного заключения были оправданы за неимением против них достаточных улик, да и против многих других подсудимых обвинения не выдерживали серьезной критики. Начиная с этого момента, симпатии общества бесспорно склонились на сторону невинно пострадавших социалистов. На Руси издавна любили и продолжают любить убогих — обиженных властью, тем более обиженных безвинно.

Не прошли эти события бесследно и для революционного лагеря. Через несколько лет, вспоминая о пути, пройденном в 1870-х годах народничеством, Н. Ф. Анненков писал: «В большом процессе (процесс “193-х”. — Л. Л.) наивные идеалисты и мечтатели ругались, потрясали решетками, навели ужас на судей. Это было в семьдесят восьмом году. А через два-три года, перед теми же сенаторами, безупречно одетые в черные пары и в крахмальных воротничках Александр Квятковский, потом Желябов делали в корректнейшей форме показания: “Я имел честь объяснить суду, что бомба, назначенная для покушения на императора, бы-

ла приготовлена так-то и состояла из следующих частей...» Действительно, общественное противостояние в 1878 году открывается уже не агитацией и пропагандой, а выстрелом В. И. Засулич в петербургского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова.

Губернатор, посетив дом предварительного заключения, приказал высечь содержавшегося там А. С. Боголюбова за то, что арестованный (но не осужденный, то есть полноправный гражданин империи) при встрече с градоначальником не снял перед ним шапку. Этак можно было начать порку и не в доме предварительного заключения, а прямо на Невском проспекте, наказывая всех гуляющих или спешащих по делу петербуржцев, не заметивших важной персоны генерал-губернатора. Стрелявшая в сановника Засулич была схвачена у него в кабинете и после недолгого следствия отдана под суд. Но ее дело, как бесспорно выигрышное для властей, решили передать в ведение суда присяжных, видимо, террористку хотели осудить руками общества, а не Особого присутствия сената или других чрезвычайных органов. Совершенно неожиданно для «верхов» присяжные оправдали подсудимую, и она была освобождена из-под стражи прямо в зале суда, как и диктовал закон. Проведенное по горячим следам совещание не дало никаких результатов, кроме отвергнутого большинством предложения о введении в столице военного положения.

А революционное движение продолжало набирать силу, становясь все более организованным и беспощадным¹⁰. В период с марта 1878-го по апрель 1879 года последовали: убийства шефа одесских жандармов, агента сыскной полиции, покушение на жизнь киевского прокурора, убийства в центре Петербурга шефа российских жандармов, харьковского генерал-губернатора, удачливого полицейского провокатора. В марте 1879 года в Петербург из Поволжья приехал А. К. Соловьев с твердым намерением произвести покушение на жизнь императора. На этот раз останавливать террориста было некому, настроение в революционном лагере за время, прошедшее с 1871 года, изменилось кардинальным образом. 22 марта Соловьев выпустил в Александра II четыре или пять пуль из револьвера, но пробил в нескольких местах только его шинель. Императора спасла и неопытность покушавшегося, который отнюдь не был профессиональным снайпером, и то, что сам монарх после первого выстрела, не растерявшись, побежал от Соловьева зигзагами, затрудняя тому прицеливание. Сразу после выстрелов 22 марта Россия была поделена на шесть генерал-губернаторств, и каждый из

шести новых «самодержцев» получил диктаторские полномочия на вверенной ему территории (включая и право издания новых законов). Однако и эта мера — хотя губернаторы выслали 575 и казнили 16 человек — не спасла положения.

Летом 1879 года в рядах «Земли и воли» произошел раскол. За три дня до съезда, намеченного на 18 июня в Воронеже, в Липецке собрались 11 «политиков-террористов». Среди них были почти все будущие члены Исполнительного комитета «Народной воли»: А. Михайлов, А. Желябов, А. Квятковский, Н. Морозов, М. Фроленко... Здесь, в Липецке, было выработано единое и единственное требование, с которым «политики» вышли на съезд в Воронеже. Они настаивали на внесении в землевольческую программу пункта о временной необходимости политической борьбы, включая террор, для достижения в России демократических прав и свобод. Здесь же, в Липецке, был вынесен обвинительный приговор императору Александру II. Монарху ставились в вину: обман народа и общества мизерными реформами, нищета народа, разгром в 1863 году Польши, подавление всякого признака свободы, виселицы в Киеве, Одессе, Петербурге для террористов, зверское обращение с политическими заключенными в местах лишения свободы.

Прямое столкновение «политиков» и «пропагандистов-деревенщиков» на съезде в Воронеже привело к глубокому расколу в рядах «Земли и воли». Чуть позже организация вообще распалась на два новых народнических общества: «Черный передел» (работа в деревне) и «Народная воля» (политическая деятельность, в том числе и террор). Порывая с анархией, народничество вынуждено скатывалось к террору. А «Народная воля» взяла на себя роль ударной силы в борьбе с существующим режимом. Именно она произвела очередное покушение на императора поздней осенью 1879 года. Эта попытка цареубийства благодаря непредвиденным обстоятельствам оказалась трехсерийной.

В октябре месяце на 14-й версте, близ Одессы, появился новый железнодорожный сторож с супругой. Обычный сторож, крестьянского вида, не старый, но и не юноша. Вместе с тем он не был обычным железнодорожным рабочим, поскольку явился к начальнику дистанции с запиской от барона Унгерн-Штерберга, влиятельного лица на Юго-Западной железной дороге и к тому же зятя генерал-губернатора Одессы Тотлебена. По слухам, новый сторож служил раньше в дворниках у одной знатной дамы, которая, узнав, что его жена страдает туберкулезом, попросила барона дать ее слуге работу на свежем воздухе. Барон черкнул записку, и

все устроилось... к вящему удовольствию Исполнительного комитета «Народной воли». Как впоследствии установила полиция, сторожем на железной дороге оказался член ИК Михаил Фроленко, а его «женой» — Татьяна Лебедева. Интересно, что «знатной дамой», побывавшей у Унгерн-Штерберга, была известная Вера Фигнер. Операция протекала успешно, но императорский поезд проследовал не через Одессу, а через Александровск.

Здесь его ожидала другая группа народовольцев во главе с Андреем Желябовым. В начале ноября 1879 года в городскую управу Александровска обратился приезжий купец Черемисов с просьбой отвести ему землю для строительства кожевенного завода. Правда, участок земли он выбрал не совсем подходящий — у самого полотна железной дороги. Черемисов устраивался основательно: привез жену, купил коляску, вызвал землемера, обсуждал с жившими у него мастеровыми планы строительства завода. Дел у Черемисова-Желябова действительно было много: предстояло просверлить железнодорожную насыпь, заложить мину, протянуть провода от насыпи к дороге. «Купец» находился в постоянном нервном напряжении, его «жена» (Анна Якимова) слышала, как он во сне кричал: «Прячь провода, прячь!» 18 ноября долгожданный царский поезд вынырнул из-за поворота, и кто-то из «мастеровых» воскликнул: «Жарь!» Желябов соединил провода электрической батареи и... ничего. Не сработала электрическая цепь взрывателя, то ли отсыревшая, то ли обрубленная Иваном Окладским, осужденным уже при советской власти за предательство народовольцев...

Теперь вся надежда была на группу Софьи Перовской, которая поджидала поезд под Москвой. Перовская и Гартман обосновались в старообрядческом Замоскворечье, вблизи Рогожско-Симоновой заставы, ныне Заставы Ильича. Семь километров от Москвы, тут уж железнодорожным сторожем не устроишься и под насыпь мину не подложишь. Оставалось одно — подкоп. Это была каторжная работа, да нет, хуже каторжной. Узкий лаз (галерея) с постоянно потрескивавшими самодельными креплениями. Работавший, лежа отковыривал комья земли и ссыпал их на лист железа или фанеры, который его товарищи веревкой вытаскивали наружу, в погреб дома. Ночью вытащенную землю разбрасывали ровным слоем по огороду.

Александр Михайлов вспоминал: «Положение работающего там походило на заживо зарытого, употребляющего последние усилия для борьбы со смертью». Двигаться можно было только на животе, работали от полутора до трех ча-

сов каждый; за день вырывали от двух до трех аршин (140—210 сантиметров). Во время дождя (а шел ноябрь) из галереи вычерпывали до 300—400 ведер воды. Кое-кто из работавших в лазе, боясь обвала и мучительной смерти, брал с собой яд, чтобы в случае чего покончить с жизнью разом. Несмотря ни на что, подкоп был готов в срок, но тут в дело вмешался случай. На одной из станций царский поезд обогнал на полчаса поезд со свитой, эти полчаса и спасли Александра II. Народовольцы ошибочно пропустили его, взорвав мину под четвертым вагоном второго состава. Однако в этом вагоне находились лишь фрукты и другая провизия, предназначенная для царского стола. Граф Адлерберг, ехавший с Александром II в одном вагоне, прибыл из Москвы к месту покушения и ужаснулся — от двух вагонов поезда свиты остался, по его словам, «мармелад какой-то».

Выступая после этого страшного события в Кремлевском дворце перед представителями различных сословий, Александр Николаевич сказал: «Я надеюсь на ваше содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонамеренные стараются ее завлечь...» Судя по всему, «заблуждалась» к тому времени в России не только молодежь. Во всяком случае, когда по подписке был объявлен сбор на строительство часовни в память о чудесном спасении государя, то за год удалось собрать столь мизерную сумму, что о ней просто неудобно говорить. Александр II, похоже, окончательно оказался один на один с революционерами, превратившимися к тому времени в убежденных, то есть идейных террористов.

Часть V

ОДИНОЧЕСТВО ТРЕТЬЕ. ФИНАЛ

*Мысль не дело, а дело будет не по
нашим мыслям, а по уставу судьбы.*

Н. М. Карамзин

ВЗРЫВ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Начало 1880 года выдалось спокойным, если не сказать вялым. В Зимнем дворце под председательством как самого императора, так и великого князя Константина Николаевича заседали высшие сановники, пытавшиеся выработать действенные меры по борьбе с революционной угрозой. Исчерпывающий итог этих заседаний подвел сам Александр II, записавший в дневнике: «Совещались с Костей и другими, решили ничего не делать». Что ж, по-своему это было кардинальное решение, хотя и вряд ли действенное. Общая сонливость охватила и Государственный Совет, который всегда чутко прислушивался к настроению Зимнего дворца. 28 марта 1880 года, скажем, члены Совета, прозаседав минут сорок, решили, что на следующий день заседаний не будет «по неимению дел».

Великий князь Константин Николаевич и Валувев еще в январе того же года пытались поднять вопрос о призвании представителей общества для участия в общегосударственных делах, что, по их мнению, привело бы к обузданию крaмолы. Однако против них выступили все члены очередного совещания во главе с наследником престола великим князем Александром Александровичем. Последний, в свою очередь, предложил усилить репрессии, для чего создать Верховную следственную комиссию по образцу таких же комиссий 1862

и 1866 годов, но император не поддержал и этого предложения, оставаясь верным своей тактике балансирования между либерализмом и ретроградством.

Обстановка была взорвана, причем в прямом смысле этого слова все теми же народолюбцами. В феврале 1880 года в Зимнем дворце внезапно прогремел взрыв. Он был подготовлен С. Н. Халтуриным, который для того, чтобы совершить покушение на монарха, устроился во дворец на должность столяра-краснодеревщика. Работая там, Халтурин один-единственный раз близко видел Александра II, когда вешал картину в кабинете императора. Среди его инструментов был тяжелый молоток с острым концом. Ольга Любатович — народоволка, хорошо знавшая Халтурина, позже рассказывала с его слов: «Кто подумал бы, что тот же человек, встретив однажды один на один Александра II в его кабинете... не решился убить его сзади просто бывшим в руках молотком?... Да, глубока и полна противоречий человеческая душа». Далее Любатович продолжает: «Считая Александра II величайшим преступником против народа, Халтурин невольно чувствовал обаяние его доброго, обходительного обращения с рабочими». Как писал в историческом романе «Истоки» М. А. Алданов: «Но взрыв был одно, а это (убийство молотком. — Л. Л.) было совершенно другое».

Халтурин небольшими партиями носил взрывчатку, изготавливавшуюся вручную его единомышленниками, в свою комнату отдыха, а затем, накопив достаточный запас, взорвал ее в обеденный час. В этот момент император должен был находиться в столовой, расположенной как раз над комнатой отдыха рабочих. Александра Николаевича спасло то, что поезд ожидавшегося им гостя, принца Александра Гессенского, задержался на тридцать минут и соответственно на полчаса сдвинулся весь распорядок дня монарха. Взрыв застал его и принца на пороге комнаты охраны, расположенной непосредственно перед столовой.

Александр Гессенский так вспоминал о тех страшных мгновениях: «Пол поднялся, словно под влиянием землетрясения, газ в галерее погас, наступила совершенная темнота, а в воздухе распространился невыносимый запах пороха или динамита. В обеденном зале — прямо на накрытый стол — рухнула люстра». Итоги покушения оказались трагическими: десять убитых и около восьмидесяти раненых, в основном солдат лейб-гвардии Финляндского полка и лакеев¹. Гибель ни в чем не повинных людей заставила революционеров в дальнейшем отказаться от взрывов полотна железных дорог и зданий, подобные акции могли разрушить тот романтиче-

ский ореол, который был создан вокруг террористов обществом, прежде всего молодежной его частью.

В наши дни взрыв, происшедший тогда в Зимнем дворце, не вызывает особого удивления. Дело не в толстокожести людей XX века, а в том, что, знакомясь, как охранялась резиденция монарха в 1870-х — начале 1880-х годов, удивляешься лишь тому, что покушение на императора прямо в его дворце не произошло гораздо раньше. Пропускной системы в Зимнем практически не существовало; часовые надеялись на свою зрительную память гораздо больше, чем на пропуска. Прислуга, пользуясь знакомством с солдатами, частенько приводила с собой в царскую резиденцию родных и знакомых, нередко устраивая на кухне свои семейные праздники, благо и продукты и вина были под рукой. Воровство среди лакеев и рабочих достигло таких масштабов, что Халтурин, отправляясь на встречи с единомышленниками, вынужден был каждый раз прихватывать из дворца предметы сервизов или еще какие-нибудь мелочи, чтобы не вызывать у окружающих подозрения странным бессребреничеством.

По следам взрыва в Зимнем дворце состоялось очередное совещание в «верхах». Министр двора А. В. Адлерберг, чувствуя свою вину, потребовал, чтобы арестованным по политическим делам не дозволяли отныне отмаливаться на допросах. Император хмуро поинтересовался: «Каким же образом, разве что пыткой?» — и махнул на советников рукой. Вновь воспрянули духом противники преобразований, надеясь, что взрыв в Зимнем дворце окончательно похоронит пугавшие их разговоры о даровании стране конституции. Однако предугадать реакцию Александра II на случившееся, как мы видели, снова не удалось.

Оставим на некоторое время хронологию событий и поговорим о том, что напрашивается само собой, когда читаешь материалы о борьбе Зимнего дворца с деятелями «Народной воли». Куда, собственно, в это время смотрели и чем занимались прославленное III отделение и многочисленная полиция Российской империи? Почему они допустили целую серию покушений на жизнь императора и, в конце концов, его гибель от рук революционеров? Объяснения этому могут быть, естественно, разные, вплоть до самых фантастических (типа того, что правоохранительные органы проводили тщательно продуманную ими политическую комбинацию, используя для этого борьбу террористов; или предположение о том, что «верхи» старались таким образом избежать династического кризиса, связанного с появлением у Александра Николаевича новой семьи). Объясняя историче-

ские события с точки зрения случайных совпадений и фантастических предположений, нетрудно договориться, скажем, и до того, что библиотеку Ивана Грозного украли татары, мстя царю за взятие им Казани и Астрахани. Однако, если говорить серьезно, то дело, думается, в том, что правоохранительные органы России впервые в своей практике столкнулись не со студенческими кружками, дружескими «средами» или «пятницами» интеллигенции (эти-то собрания они научились громить легко), а с профессиональными революционерами, подготовленными к деятельности в подполье самими обстоятельствами. Причем этот новый для полиции противник имел, во-первых, за плечами десятилетний опыт революционной работы, а во-вторых, оказался просто талантливее своих оппонентов из официальных учреждений.

Чтобы убедиться в последнем, достаточно вспомнить отзывы героя обороны Севастополя и осады Плевны генерала Э. И. Тотлебена об А. И. Желябове и Н. И. Кибальчиче: «Что бы там ни было, что бы они не совершили (и это о цареубийстве! — Л. Л.), но таких людей нельзя вешать. А Кибальчича я бы засадил крепко-накрепко до конца его дней, но при этом предоставил бы ему полную возможность работать над его техническими изобретениями». Генерал, безусловно, знал, о чем говорил, ведь метательные снаряды, которыми был убит Александр II, не имели аналогов ни в одной армии мира. Если бы Тотлебен мог предугадать, что в тюремной камере Кибальчич работал над проектом реактивного снаряда, который мог стать прообразом знаменитых «катюш», то, наверное, отстаивал бы свое мнение еще более энергично. Проект же Кибальчича был на долгие годы положен членами Особого присутствия «под сукно», но ведь это нисколько не умаляет таланта изобретателя. Именно в силу профессионализма и таланта радикалов усиление правительственных репрессий достаточно долго не давало желаемых результатов. Потребовалось время, чтобы полиция смогла выдвинуть фигуры, равные по профессиональной подготовке лидерам «Народной воли», а те сумели выработать действенные методы борьбы с терроризмом. Но император к этому времени был уже мертв.

Не будем забывать, естественно, и о позиции общества, которое, не поддерживая народовольческого террора, в принципе ничего не сделало для его пресечения на деле. Оно, видимо, считало, что в данной ситуации чем хуже дела у правительства, тем лучше для страны. Крайнее выражение подобной позиции звучит как отчаянный афоризм:

пусть хуже, но иначе! — и было весьма в ходу позже, во время событий 1917 года. Надо признать, что и в начале 1880-х годов общество имело некоторые основания для таких настроений. «Никогда еще, — писал в 1880 году Д. Милютин, — не было представлено столько безграничного произвола администрации и полиции. Но одними этими полицейскими мерами, террором и насилием едва ли можно прекратить революционную подпольную работу... Трудно искоренить зло, когда ни в одном слое общества правительство не находит ни сочувствия к себе, ни искренней поддержки...»

В подтверждение этому выводу очень хочется привести разговор Ф. М. Достоевского с известным издателем А. С. Сувориным, зафиксированный в дневнике последнего. «Представьте себе... — горячился Федор Михайлович, — что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит... Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: “Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину”. Мы это слышим... Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве, или обратились ли к полиции, городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?» «Нет, не пошел бы...» «И я не пошел бы. Почему? Ведь это ужас. Это преступление... Просто боязнь прослыть доносчиком... Разве это нормально, оттого все и происходит, и никто не знает, как ему поступить не только в самых трудных обстоятельствах, но и самых простых».

Разговор действительно получился не простой и над ним стоит задуматься. Несмотря на фрагментарность российского общества, то есть на значительную его материальную дифференцированность, низкий уровень сплоченности и организованности, различие политических установок, оно имело, видимо, не только некоторые общие черты, но и общий антибуржуазный менталитет. Отсюда происходила и антибуржуазность российского либерального и революционного движения. Приходится согласиться с историком Ю. Б. Соловьевым в том, что «в большом и малом тон в России задавала антибуржуазность», которая парадоксальным образом уживалась с желанием иметь буржуазные порядки, свободы и материальное изобилие. Предположение о наличии у интеллигенции общего менталитета находит подтверждение в том, что большая часть образованного общества придерживалась единой народнической мировоззренческой ориентации, хотя в подавляющем большинстве она не принадлежала ни к одной народнической организации.

Так что дело вовсе не только в боязни прослыть доносчиком. Просто император, символизирующий, кроме всего прочего, путь к европейскому прогрессу, остался один на один с революционерами, несмотря на многочисленный аппарат правоохранительных органов и армию остального чиновничьего люда. Он, конечно, пытался противостоять угрозе в меру своих сил. Взрыв в Зимнем дворце привел к появлению 12 февраля 1880 года Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Как уже говорилось, по предложению Д. А. Милютина председателем новой комиссии император назначил М. Т. Лорис-Меликова, получившего право «принимать вообще меры, которые он признает необходимыми... как в Санкт-Петербурге, так и в других местностях империи»...

Вот в такой напряженной и не праздничной обстановке была отмечена двадцать пятая годовщина вступления на престол Александра Николаевича. Накануне 19 февраля 1880 года поднялась паника в Государственном банке — кому-то почудились глухие подземные удары, и банковские служащие решили, что это революционеры с помощью подкопа пытаются добраться до закровов главного казначейства страны. Саперы выкопали вокруг банка несколько траншей, но ничего подозрительного не обнаружили. То же самое случилось на Морской и Фурштатской улицах, которые, по слухам, также были заминированы террористами. Настроение в «верхах» в те дни прекрасно выразил великий князь Константин Николаевич, записавший в дневнике: «Мы переживаем время террора, подобное французскому, с той лишь разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим, но даже не имеем ни малейшего представления об их численности».

Тем не менее праздничный день 19 февраля прошел торжественно и спокойно. Вообще-то праздников при дворе было хотя и не такое великое множество, как в XVIII веке, но более чем достаточно. Дни рождения, тезоименитства императорской четы и их детей, день свадьбы Александра II и Марии Александровны, полковые праздники императорской гвардии, кавалерские праздники орденов Андрея Первозванного, Александра Невского, Святого Георгия. Разумеется, отмечались и праздники Православной церкви: Рождество, Пасха, Богоявление, Водосвятие, Святая Троица, Пятидесятница и другие.

Со времен Петра I сложились вполне устойчивые ритуалы официальных торжеств. Все начиналось с литургии, по

большей части в придворной церкви, затем раздавался праздничный перезвон колоколов городских церквей, перекрываемый артиллерийским салютом. После литургии императорская чета принимала парад, в котором участвовали как гвардейские, так и некоторые армейские полки, квартировавшие в столице или ее окрестностях. Затем следовал торжественный обед, а за ним бал. Горожан же вечером ждал фейерверк, которой, как и ранее, был настоящим искусством, а может быть, и наукой, поскольку требовал от исполнителей немалых навыков в химии, геометрии и других отраслях знаний.

Однако вторая половина XIX века упрощала и эти сложные церемонии. В 10.00 Александр II со всем семейством вышел на балкон Зимнего дворца, обращенный к Адмиралтейству. На площади под балконом были выстроены музыканты всех частей петербургского гарнизона, которые исполнили несколько торжественных мелодий, слившихся с громом артиллерийского салюта. В 11.00 государя поздравила его свита (около 500 человек. При Александре I в свите состояло всего 176 придворных), заполнившая приемную и бильярдную комнаты Зимнего дворца. Затем в Белом зале пришел черед представителей офицерского корпуса всех армейских и гвардейских полков, шефом которых являлся император. В 11.30 Александра Николаевича приветствовал Государственный Совет в полном составе, а через час начались обед и молебен для членов царской фамилии. Вечером горожан ждали праздничный фейерверк и иллюминация, которые стали своеобразным связующим звеном между празднествами прошлого и нынешнего века.

Вскоре после торжеств начала свою работу Верховная распорядительная комиссия. Лорис-Меликов ознаменовал вступление в должность диктатора ликвидацией III отделения, с передачей его функций Министерству внутренних дел, и увольнением с поста министра народного просвещения Д. А. Толстого. Поскольку Толстой наряду с А. А. Аракчеевым остался в народной памяти одной из самых мрачных фигур XIX века, его личность заслуживает того, чтобы о ней поговорить подробнее. Граф Дмитрий Андреевич начинал свою карьеру в канцелярии Морского ведомства и считался ярым приверженцем великого князя Константина Николаевича. Не раз упоминавшийся в нашем разговоре Б. Н. Чичерин, хорошо знавший графа, дал ему следующую характеристику: «Человек не глупый, с твердым характером, но... лишенный всех нравственных убеждений, лживый, алчный, мстительный, коварный, готовый на все для достижения

личных целей...» Либеральные настроения Толстого, если они у него и были, моментально испарились, когда освобождение крестьян стало реальностью. Граф в штыки воспринял проект отмены крепостного права, подготовленный Редакционными комиссиями.

Будучи убежденным крепостником и ревностно заботясь о приумножении собственных доходов, Дмитрий Андреевич правил в своих имениях, как восточный владыка: подбирал женихов для девушек и вдов, предпочитал не отдавать крепостных под суд, наказывая их за провинности розгами по своему усмотрению, ссужал крестьянам зерно под ростовщические проценты, установил жесточайшую систему штрафов для нарушителей дисциплины, собственноручно подбирал арендаторов кабаков, расположенных в его селах, и т. п. Во время проведения крестьянской реформы граф умудрился обобрать принадлежавших ему крепостных на 441,5 десятин земли, да еще и не стеснялся хвастаться подобным «подвигом». Все это не помешало ему в 1865 году стать главой Святейшего синода, причем главой весьма странным, оставившим глубокий и печальный след в истории русской Церкви.

Начнем с того, что граф не выносил священнослужителей, а к монахам испытывал прямо-таки брезгливое отвращение. Когда замечательный писатель Н. С. Лесков напечатал свои чудесные «Мелочи архиерейской жизни», обер-прокурор Синода выразил ему неудовольствие по поводу «чресчур хорошего мнения о церковных иерархах». Согласитесь, для главы Православной церкви неудовольствие более чем странное. Религия, видимо, вообще мало интересовала Толстого, иначе он вряд ли на съезде духовенства в Феодосии назвал известные слова Христа: «Нет пророка в своем отечестве» — французской пословицей, чем привел слушателей в состояние шока. После этого свидетельство петербургского митрополита Исидора о том, что «Толстой ни разу не был в Исаакиевском соборе, не заглядывал в Синодальную канцелярию, где только висел его мундир на вешалке», не кажется таким уж вопиющим преувеличением.

В 1866 году Дмитрий Андреевич сделался министром народного просвещения и именно на этой должности снискал себе всеобщую нелюбовь. Надо сказать, что уже его внешность не располагала к нему людей. «Это была, — пишет один из современников, — низенькая фигура на коротеньких и тоненьких ножках, с большой головой, мало выразительной физиономией и неприятным голосом». Кроме того, чем дальше, тем больше граф превращался в мизантропа,

человеконенавистника. Его бессменный секретарь Романченко говорил, что «... для графа только и существует одно удовольствие — никого не видеть». Странное удовольствие, особенно для министра, который по должности является человеком сугубо общественным. Не удивительно, что по Петербургу вскоре поползли слухи, вряд ли достоверные, но весьма симптоматичные, о том, что Толстой иногда впадает в психическое расстройство, воображает себя лошадью и убегает на конюшню, где пытается есть сено. Нелюбовь современников усугубляло и то обстоятельство, что граф открыто угодничал перед сильными мира сего. Он единственный из сановников целовал руку Александру II и, в то время как петербургский бомонд сторонился Е. М. Долгорукой, постоянно приглашал ее на свои балы, почтительно встречал у входа и торжественно вводил в зал.

Самым же большим прегрешением Толстого перед российским обществом стало ужесточение им классического образования в средней школе и урезание прав выпускников реальных училищ. Образование, получаемое в толстовских гимназиях, вряд ли можно назвать классическим в полном смысле этого слова. Скорее, речь шла о попытке отвлечь молодежь от насущных проблем современной жизни перегруженностью школьного плана (особенно это касалось изучения древних языков и заучивания отрывков из произведений авторов классической древности). Сверхтяжелые переходные экзамены, которые получили справедливое название «избиение младенцев», ежегодно выбрасывали на улицу тысячи учащихся. По стране прокатилась волна детских самоубийств, и Министерство просвещения вынуждено было издать специальный циркуляр, в котором призывало родителей подальше прятать от гимназистов огнестрельное оружие. У выпускников же реальных училищ был свой счет к министру, так как по его милости они вообще лишились права поступать в университеты и могли получить только техническое или естественно-техническое образование в институтах.

Говоря о российской школе, Толстой особенно любил ссылаться на опыт Пруссии. Что ж, нам будет небезынтересно сравнить, как выглядела российская система просвещения в сопоставлении с западноевропейской. Итак, в Пруссии в университетах обучалось 8000 студентов, а в 407 гимназиях и других средних учебных заведениях — 100 тысяч учащихся. По отношению к количеству населения в России в таком случае должно быть: в университетах 28 тысяч студентов (реально менее 7 тысяч) и в 1420 гимназиях и училищах — 350 тысяч учащихся (на деле в 150 средних учебных

заведениях обучалось 40 тысяч школьников). Комментарии к этим цифрам, как говорится, излишни.

Лорис-Меликов в 1880 году имел все основания сказать в адрес Дмитрия Андреевича: «Если случайно занесенный к нам нигилизм (далеко не случайно, но в данном случае это не важно. — *Л. Л.*) принял столь омерзительные формы, то в заслуге этой пальма первенства бесспорно принадлежит графу Толстому. Жестокими, надменными и крайне неумелыми мерами он сумел вооружить против себя и учащихся, и учащих, и саму семью». К сожалению, виной этому был не только министр народного просвещения. Его проект ужесточения классического образования, отвергнутый большинством членов Государственного Совета в 1871 году, поддержал не кто иной, как Александр II, не видевший ничего страшного в тщательном изучении греческого языка и латыни. Это, правда, не помешало одной из газет после снятия Толстого объявить именно императора «трижды освободителем: крестьян от крепостного права, болгар от турок и...» — вместо многоточия читай: «школы от Толстого». Ну, да ладно, разве от газет того времени можно ждать объективности?

Впрочем, граф был не единственной и даже не главной заботой Верховной распорядительной комиссии. По приказу Лорис-Меликова по губерниям разъехались сенатские чиновники с четким предписанием: выяснить степень успеха пропагандистов-народников в деревне, установить причины упадка крестьянских хозяйств и недовольства сельского населения. По мнению диктатора, ситуация в стране осложнилась из-за того, что произошла остановка реформ, вернее, отказ от исправления их слабых сторон, которые стали ясны во время проведения преобразований. В результате молодежь, не заставшая худших времен и не видевшая дореформенных безобразий, обрушила свое недовольство на реформаторов, тем более что социалистические идеи не встретили убедительной критики со стороны правительственных органов.

Чисто полицейские мероприятия вызывали лишь озлобление общества (в 1880 году под надзором полиции состояло 31 152 человека, что не могло не раздражать как поднадзорных, так и сочувствующих им). В России, с любовью ее чиновничества к мелочной регламентации всего и вся, существовала целая система надзоров: просто надзор, временный, постоянный, гласный, негласный, бдительный, особо бдительный, строжайший — и каждый интеллигент-оппозиционер прекрасно разбирался в этой системе. Мы говорили об официальных данных о поднадзорных; по данным не-

официальным их число достигало 400 тысяч человек. А ведь полицейские расправы и игрища активно поддерживались еще и цензурой! Современники свидетельствовали, что стихи в цензуре «резали», скажем, оттого, что бдительные цензоры были уверены: под словом «заря» обязательно скрывается революция, а «гады, бегущие от света» (вообще-то странное для стихов выражение) — непременно намек на власти, а то и на особ августейшей фамилии. Отчаявшимся в борьбе с цензурой русским литераторам приходилось довольствоваться афоризмами типа: «От красноречия до косноязычия — один шаг, через цензуру».

Своих надлитературных коллег по мере сил поддерживали и почтовые цензоры. Однажды соглядатаи, сидевшие в так называемых «черных кабинетах» и вскрывавшие частную корреспонденцию (название кабинетов — точнее некуда!), едва не сорвали шахматный матч Москва — Петербург, шедший по переписке. Полицейские чиновники начали задерживать непонятные, с их точки зрения, открытки, адресованные известному шахматисту М. И. Чигорину его противником. Интересно, что они себе вообразили, изучив записанные ходы?

Лорис-Меликов попытался лишить революционеров даже пассивной поддержки общества. В самом начале своего правления он встретился с издателями влиятельных газет и журналов и призвал их поддержать правительство, возвращающееся на путь реформ. Разговаривал он также с представителями петербургского самоуправления, пообещав им добиваться расширения компетенции земств. Казалось, вернулась пора «оттепели» начала 1860-х годов: проекты, записки хлынули в столицу со всех сторон, заметно оживился либеральный лагерь, вполне удовлетворенный щедрыми посулами диктатора. Однако беспощадный правительственный террор не прекращался и при Лорис-Меликове, он просто приобрел более цивилизованные формы. Всего за 1879—1882 годы в Российской империи было казнено 30 революционеров, за что в среде радикалов Александр II получил уничижительное прозвище Царь-Вешатель.

Император же был доволен деятельностью диктатора. 30 августа 1880 года Лорис-Меликов получил высшую награду империи — орден Андрея Первозванного, а также был назначен министром внутренних дел. Слишком долгое существование диктатуры в России было противно взглядам императора. Упраздняя Верховную распорядительную комиссию, Александр II писал Михаилу Тариеловичу: «Прискорбные события последних лет, выразившиеся целым ря-

дом злодейских покушений, вынудили меня учредить... верховную распорядительную комиссию и облечь Вас чрезвычайными полномочиями для борьбы с преступною пропагандою... Последствия вполне оправдали мои ожидания. Настойчиво и разумно следуя в течение шести месяцев указанным мною путем к умиротворению и спокойствию общества... Вы достигли таких успешных результатов, что оказалось возможным если не вовсе отменить, то значительно смягчить действие принятых временно чрезвычайных мер, и ныне Россия может спокойно вступить на путь мирного развития». К сожалению, император выдавал желаемое за действительное. В конце января 1881 года бывший диктатор представил государю доклад, в котором предлагал план преобразования высших органов государственной власти. Здесь же с гордостью отмечалось, что с февраля 1880 года по январь 1881 года в России не произошло ни одного террористического акта. Граф, как и монарх, оказался чересчур большим оптимистом, а меры, предложенные им, будучи неплохими по сути, явно запоздали по времени их осуществления.

УБИЙСТВО ОСВОБОДИТЕЛЯ

Борьба Зимнего дворца и революционных народников подходила к концу, и ее печальный финал был неотвратим, несмотря на то что консерваторы попытались принять собственные меры против террористов. В начале 1881 года тринадцать деятелей, имена которых остались для современников и историков неизвестными, объединились в Тайную Антисоциалистическую Лигу (Т.А.С.Л.). «Наш девиз, — писал один из этих деятелей, — “Бог и Царь”, наш герб — звезда с семью лучами и крестом в центре. Ныне нас... насчитывается около двухсот агентов, и число их непрерывно растет во всех уголках России». Что касается числа агентов Т.А.С.Л., двести — это явное преувеличение, хотя мы знаем, что лиге покровительствовала сама княгиня Юрьевская, пытавшаяся любой ценой спасти своего венценосного супруга. Вообще же легионерам-любителям оказалось не под силу играть на чужом поле (конспирация, террор) с настоящими профессионалами. Видимо, поэтому никакой реальной помощи от Лиги император так и не дождался.

Между тем вокруг монарха не только сжималось кольцо “охотников”, но и сгущались полумистические тучи примет и предзнаменований. Недели за две до своей гибели Александр Николаевич стал каждое утро находить на подоконнике

спальни убитых и растерзанных голубей. Выяснилось, что огромная хищная птица поселилась на крыше Зимнего дворца, но все попытки ее поймать оказались тщетными. Наконец, поставили капкан. Совладать с ним в полете птица все же не сумела и рухнула на Дворцовую площадь. Хищником оказался коршун таких исполинских размеров, что чучело его было помещено в Кунсткамеру. Позже об эпопее с хищником вспомнят, как о мрачном и последнем предзнаменовании александровского царствования, но все это будет позже...

Однажды гадалка предсказала Александру II, что у него будет трудная жизнь, полная смертельных опасностей. В общем-то не надо быть провидцем, чтобы напророчить самодержцу трудности и опасности на его жизненном пути. Однако дама, гадавшая Александру Николаевичу, поведала ему, что он умрет от седьмого покушения, произведенного на его жизнь. Если у вас есть желание, посчитайте, сколько покушений пережил император, включая бомбу Рысакова, и окажется, что гадалка не ошиблась. Она, правда, не смогла (или не захотела) поведать ему о тех покушениях, которые готовились, но по тем или иным причинам не состоялись. А ведь было и такое...

Александра Михайлова давно привлекал Каменный мост, перекинутый через Екатерининский канал. Императорский экипаж, следуя с Царскосельского вокзала в Зимний дворец, никак не мог миновать этот мост. Когда Михайлов поделился своими наблюдениями с товарищами, возникла идея минировать этот мост и взорвать его под царским экипажем. Осуществление этого плана поручили, конечно, Желябову.

Опыт подпольной работы научил народовольцев прежде всего основательности. На разведку по поводу минирования моста выехала целая экспедиция: на руле лодки — Макар Терка, на веслах — Желябов. Кроме них, Баранников, Пресняков, Грачевский. Осмотрели мощные опоры, промерили дно под мостом. Выяснилось, что динамит необходимо заложить в опоры моста, что можно сделать только под водой. Взрывать же удобнее всего с мостков, на которых прачки полоскали белье. Кибальчич подсчитал, что для успешного покушения нужно семь пудов взрывчатки. Он же придумал и оболочку для нее — четыре гуттаперчевые подушки. Их спустили с лодки к опорам моста, провода подвели под мостки прачек. Однако позже от взрыва опор моста решили отказаться, поскольку стопроцентной уверенности в удаче покушения не было, да и лишние жертвы были народовольцам ни к чему. Впрочем, это не означало, что от взрывов в людных местах радикалы раз и навсегда отказались.

Малая Садовая улица, дом графа Менгдена, в котором сдается внаем полуподвал. 7 января 1881 года в нем открывает сырную лавку «крестьянская семья Кобозевых» — члены ИК «Народной воли» Анна Якимова и Юрий Богданович. Снова подкоп, узкая галерея-полумогила, страх перед возможным обвалом, угроза неожиданного посещения квартиры полицией. Последнее реальнее всего. Не та полиция стала в Петербурге, да и дворники не те. Сделались они пугливее, осторожнее, опытнее. Вот и к Кобозевым дворник в конце февраля привел ревизию: участкового пристава и известного техника генерал-майора Мравинского — эксперта полиции.

Запах сыров, скопившийся в полуподвале, так шибал в нос, что генерал не чаял, как поскорее выбраться на свежий воздух. Видимо, поэтому он поинтересовался лишь обшивкой стен, постучал в нескольких местах каблуком в половицы да спросил о происхождении сырого пятна в кладовой. «Сметану пролили, ваше благородие», — отвечал Богданович. А здесь же стояли сырные бочки, наполненные землей из подкопа, куча земли лежала на полу у стены, прикрытая рогожами и драными половиками. Генералу вникать в эти «мелочи» было недосуг. Впрочем, подкоп террористам так и не понадобился.

1 марта 1881 года Александр Николаевич рассказал жене, как он намерен провести текущий день: через полчаса он отправлялся в Михайловский манеж на развод караулов, оттуда собирался к кухне, великой княгине Екатерине Михайловне, жившей поблизости от манежа. Без четверти три монарх обещал вернуться домой и повести супругу на прогулку в Летний сад.

Император выехал из Зимнего дворца в три четверти первого в карете, сопровождаемой шестью терскими казаками. Седьмой сидел на козлах, слева от кучера. Трое полицейских, во главе с полицмейстером А. И. Дворжицким, следовали за каретой в санях. По окончании развода караулов государь вместе с великим князем Михаилом Николаевичем отправился к кухне, а в два часа десять минут вышел от нее и сел в карету, сказав кучеру: «Той же дорогой домой». Проехав Инженерную улицу и повернув на Екатерининский канал, он поздоровался с караулом от 8-го флотского экипажа, возвращающегося с развода. По набережной кучер пустил лошадей рысью, но не успел проехать и ста метров, как раздался оглушительный взрыв, повредивший карету императора. Не будем пытаться беллетризировать дальнейшие события и передадим слово полицмейстеру Дворжицкому как главному свидетелю происшедшего.

«Проехав после взрыва еще несколько метров, — писал

тот, — экипаж его величества остановился; я тотчас подбежал к карете государя, помог ему выйти и доложил, что преступник задержан. Государь был совершенно спокоен. На вопрос мой... о состоянии его здоровья, он ответил: “Слава Богу, я не ранен”. Видя, что карета государя повреждена, я решил предложить его величеству поехать в моих санях во дворец. На это предложение государь сказал: “Хорошо, только покажите преступника”. Кучер Фрол тоже просил государя сесть в карету и поехать дальше, но его величество, не сказав ничего на просьбу кучера, вернулся и направился... по тротуару, влево от него казак Мочаев, бывший на козлах его величества, за Мочаевым — 4 спешившихся казака с лошадьми. Пройдя несколько шагов, государь поскользнулся, но я успел его поддержать.

Царь подошел к Рысакову. Узнав, что преступник мешанин, его величество, не сказав ни слова, повернулся и медленно направился в сторону Театрального моста. В это время его величество был окружен с одной стороны взводом 8-го флотского экипажа, а с другой конвойными казаками. Тут я вторично позволил себе обратиться к государю с просьбой сесть в сани и уехать, но он остановился, несколько задержался, а затем ответил: “Хорошо, только покажите мне прежде место взрыва”. Исполняя волю государя, я повернулся наискось к месту взрыва, но не успел сделать и трех шагов, как был оглушен новым взрывом, ранен и свален на землю.

Вдруг среди дыма и снежного тумана я услышал слабый голос его величества: “Помоги!” Предполагая, что государь только тяжело ранен, я приподнял его с земли и тут с ужасом увидел, что ноги его величества раздроблены и кровь из них сильно струилась...» Скажем прямо, охрана императора осуществлялась из рук вон плохо, и это не было секретом для высших чинов тогдашней полиции. Один из них говорил, что генерал-губернатор Петербурга обязан был всегда лично сопровождать императора и не позволять ему покидать карету в столь критической ситуации. Однако со времен А. Е. Зурова (конец 1870-х годов) сочли, что гвардейскому офицеру неприлично ездить за государем, и эту задачу возложили на полицмейстера. Дворжицкий же, по мнению того же источника, «...на главную свою обязанность смотрел как на дело, которое само собой делается» — он больше красовался перед прохожими, чем думал о безопасности государя.

Александр II, как и его убийца Игнатий Гриневицкий, умерли одновременно, один в Зимнем дворце, другой в тюремном госпитале². Александр Николаевич свято исполнил один из заветов своего отца: «Глава монархического государ-

ства, — говорил ему Николай I, — теряет и позорит себя, уступив на шаг восстанию. Его обязанность поддерживать силу права свои и предшественников. Его долг пасть, если суждено, но... на ступенях трона...» В 15 часов 35 минут 1 марта 1881 года с флагштока Зимнего дворца пополз вниз черно-желтый императорский штандарт. А у гроба деда стоял 12-летний великий князь Николай Александрович, которому предстояло стать последним императором России и встретить не менее мученическую смерть...

И все смешалось в государстве Российском. По данным газеты «Новое время», только на Выборгской стороне Петербурга было арестовано около 200 ни в чем не повинных граждан. В провинции толпы простолюдинов избивали помещиков и интеллигентов, приговаривая: «А, вы рады, что царя убили, вы подкупили убить его за то, что он освободил нас». Около важнейших зданий Петербурга предлагалось проложить противоминные разряжающие кабели, вокруг резиденции нового императора устанавливались рогатки и постоянно дежурили патрули. Паника в «верхах» действительно достигла своего апогея. С этой точки зрения характерны инструкции, данные Александру III его давним наставником К. П. Победоносцевым: «Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собою двери, — не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно следить за замками и наблюдать, чтоб внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты».

Настал черед и фантастических описаний деятельности коварных и хитроумных, как Улисс, революционеров. Говорили о загадочных отравленных пилюлях, якобы присланных императору из-за границы; о трех молодых людях, заказавших у портного кафтаны придворных певчих и намеревавшихся, видимо, проникнуть в Зимний дворец не для того, чтобы спеть фрейлинам серенаду; о миллионных суммах денег, будто бы найденных у Желябова при аресте. Впрочем, некоторые планы народовольцев обгоняли самую буйную фантазию обывателей.

С двадцатых чисел марта ИК разрабатывал операцию по освобождению арестованных и осужденных «по делу 1 марта» товарищей. Их предполагалось отбить по пути к месту казни силами 200—300 рабочих, разделенных на три группы. Рабочих должны были поддержать все петербургские и кронштадтские офицеры, входящие в военную организацию «Народной воли». Группы нападавших планировалось разместить на трех улицах, выходивших на Литейный проспект.

Когда кортеж с цареубийцами проходил бы среднюю группу, все три — по сигналу — должны были броситься вперед, увлекая за собой толпу. Боковым группам шумом следовало отвлечь на себя внимание части войск с тем, чтобы офицеры, идущие в средней группе, могли добраться до осужденных и скрыться с ними в толпе.

Неизвестно, было ли в распоряжении народовольцев требуемое количество рабочих, но что касается офицеров, то они согласились участвовать в нападении на кортеж с осужденными. Исполнительный комитет в последний момент отказался от своего плана, поскольку пятеро осужденных были окружены невиданным конвоем (всего в оцеплении места казни было задействовано от 10 до 12 тысяч солдат). 3 апреля А. Желябов, С. Перовская, Н. Кибальчич, А. Михайлов и Н. Рысаков были повешены на Семеновском плацу. Это была последняя публичная казнь в России.

Вообще же с самого начала царствования нового императора его отношения с «Народной волей» и другими народническими кружками приняли характер непримиримых военных действий, причем победа в них все явственнее склонялась на сторону правительства. Да, террористам удалось заставить монарха переехать из Зимнего дворца в Гатчину, но вряд ли это можно считать значительным успехом революционеров. Причиной смены резиденции императором стал не столько страх (личную храбрость Александр III проявлял не только прежде, во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, но проявит ее и позже, скажем, во время крушения царского поезда в Борках), сколько желание уберечь страну от потрясений, которые были бы неизбежны в случае второго удачного покушения на главу государства.

Да и обдумывал Александр Александрович в Гатчине совсем не проекты конституционной реформы, как требовали продолжавшие угрожать ему народовольцы, а предложения по полному искоренению крамолы и установлению в империи спокойствия и порядка. Жандармский подполковник Г. П. Судейкин рекомендовал бороться с революционерами их же оружием, ответить на создание антиправительственного подполья учреждением подполья, действующего под контролем полиции (позже сходную тактику использует знаменитый С. В. Зубатов). Проект подполковника был Высочайше одобрен, и вскоре уже сами оставшиеся на свободе народовольцы не могли с уверенностью сказать, какой из кружков образован ими, а какой контролируется Судейкиным.

К весне 1882 года с революционным народничеством было покончено: все члены «великого ИК» или были арестова-

ны, или вынуждены были эмигрировать. Это не означало, что жизни императора не угрожали покушения революционеров, зараза политического террора глубоко проникла в радикальное движение и с годами вновь дала уродливые всходы. Однако покушения на какое-то время потеряли организованно-партийный характер, став, как в 1860-х годах, делом индивидуальным, то есть достаточно случайным. На ближайшие двадцать лет опасность убийства монарха резко уменьшилась, позже она вообще сошла на нет, поскольку боевые группы социалистов-революционеров сосредоточили огонь против видных министров Николая II.

Вернемся, однако, в 1881 год. Сразу после убийства Александра Николаевича Лорис-Меликов обратился к новому монарху с вопросом: должен ли он, согласно инструкции, полученной накануне от покойного императора, велеть опубликовать Манифест о созыве комиссий и выборных? Без малейших колебаний Александр III ответил: «Я всегда буду уважать волю отца. Велите печатать завтра же». Однако глубокой ночью с 1 на 2 марта Лорис-Меликов получил распоряжение приостановить печатание Манифеста. Начиналось новое царствование, всходила звезда императора, который исповедовал совершенно иные, нежели Александр II, методы решения насущных задач, стоящих перед Россией.

Кто же виноват в трагедии, случившейся на Екатерининской набережной? Кто виноват в неудачах, постигших Александра II во второй половине его царствования? Кто виноват? — без этого вопроса вряд ли может обойтись любая работа, посвященная истории России. Можно сформулировать проблему мягче: почему такое стало возможно? Суть от этого не изменится. Вряд ли мои собеседники будут удовлетворены, если инициатор разговора отделается простой констатацией того факта, что во всем виновато одиночество Александра Николаевича. Можно, конечно, попытаться обвинить в происшедшем какой-нибудь общественный лагерь. Но над такими попытками издевался еще Г. Гейне, когда писал:

Это все революции плод,
Это ее доктрина.
Всеми виною Жан Жак Руссо,
Вольтер и гильотина...

Что ж, постараемся дать более вразумительное, хотя и не окончательное резюме. Начнем с того, что уникальность поста монарха приводила к борьбе революционеров не с реакционерами и не с консерваторами, а именно с императором

как символом старой ненавидимой «прогрессистами» России. Возможности для компромисса в этой борьбе встречались очень редко, в частности, мирное решение вопросов, теоретически возможное в начале 1860-х годов, осталось далеко позади³. Теперь стороны абсолютно не понимали друг друга, да и не могли понять, поскольку тщательно скрывали от противника истинные цели своих действий.

Зимний дворец искренне считал, что он облагодетельствовал крестьянство, позаботился о введении в стране современной системы судопроизводства, укрепил военную мощь государства, поднял на новую ступень развития его просвещение и культуру, не забыв и об интересах первого сословия. Однако «верхи» старательно скрывали, что считают реформаторскую деятельность в основном завершенной. Реформа высших органов власти, изменение образа правления ими не планировались и могли произойти только случайно, под давлением чрезвычайных обстоятельств. Революционеры же вроде бы исходили из того, что царизм обманул крестьянство, разорил его и не уравнивал на деле в правах с другими сословиями; с их точки зрения, он отделался от общества жалкими подачками, сохранив свою власть в неприкосновенности.

Эти обвинения лежали на поверхности, служили, так сказать, лозунговым обеспечением действий революционных организаций. Главное же заключалось в том, что идеал равенства и справедливости виделся народникам в свободном общинном устройстве будущей России, вне рамок общины этого идеала не существовало. Император же своими реформами, быть может, невольно, дал сигнал к более быстрому развитию капитализма, который разрушал прежде всего именно крестьянскую общину. Поэтому в столкновении революционеров и власти речь шла не просто об обмане народа и общества, а о лишении их светлого будущего — какие уж тут компромиссы!?

Что же касается террористического метода борьбы, выбранного народниками, то и здесь все обстоит не так просто. Сразу отбросим разговоры об особой кровожадности или иных патологиях, якобы свойственных российским революционерам⁴. Иначе нам придется обращаться не к историкам, а к психиатрам. Кстати, а вам не кажется, что покушения на жизнь венценосцев начали отнюдь не радикалы? Оправдывая отстранение от престола Ивана Антоновича, Петра III, Павла I, их преемники создавали опасный для династии прецедент. Ведь незаконные убийства монархов в данных случаях трактовались как «правильные», логичные и

потому вроде бы законные. Вряд ли после этого можно было всерьез рассчитывать на то, что общество постоянно будет придерживаться принципа, провозглашенного древними римлянами: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Но дело не только в этом. Интересно было бы знать, почему индивидуальные покушения, совершавшиеся по конкретным поводам (Каракозов — обман крестьян реформой 1861 года; Березовский — разгром польского восстания 1863 года; Соловьев — расправа правительства с мирными пропагандистами), стали для народников конца 1870-х годов делом принципа, методом переустройства страны?

Не потому ли, что император и члены его правительства в свое время не захотели прислушаться к справедливым даже не требованиям, а предложениям общества (в том числе и революционной его части)? Ведь тот же народнический террор в 1870-х годах прошел ряд стадий и на некоторых из них его можно было легко и безболезненно остановить. Трепов пострадал потому, что нарушил законы Российской империи; высшие полицейские чины — оттого, что в тюрьмах и ссылках не соблюдались правила содержания арестованных и осужденных; агенты полиции и предатели были убиты, так как «Земля и воля» и «Народная воля», будучи организациями подпольными, оказались вынужденными защищаться от провала, грозившего их членам многолетним заключением в местах весьма отдаленных. Могло ли правительство на этих этапах способствовать прекращению революционного террора? Конечно, могло, но не захотело, не осмелилось, не поверило в романтический идеализм оппонентов. Когда же террор стал для народников методом переустройства общества, никакие договоренности между ними и властью были уже невозможны⁵.

Причины «охоты на царя» или «на красного зверя», устроенной «Народной волей», заключались не только в том, что император был уникальной фигурой, символом чего-то... Стоп! Давайте спросим себя: символом чего являлся Александр II в конце 1870-х годов? Помимо всего прочего он ведь был еще и символом неразвитости российской политической жизни, ее недостаточной цивилизованности. Для любой страны, переживающей период коренных реформ и бурных перемен всех сфер жизни, самым важным в общественной жизни становится политический центр, а самой разумной линией поведения — политика централизма. Это происходит вовсе не потому, что эта политика является совершенной и отвечающей интересам всех слоев общества. Дело в том, что без создания оберегаемого всеми обществен-

ными лагерями центра очень быстро происходит непродуктивное в своей основе столкновение крайне правых и крайне левых сил. Самое же безысходное при таком развитии событий заключается в том, что даже окончательная на первый взгляд победа тех или других не приводит к установлению спокойствия в стране. Рано или поздно за «сокрушительной» победой следует не менее сокрушительное поражение, приносящее стране новый политический кризис.

С другой стороны, истинный центризм не может быть метаниями из стороны в сторону в попытках соединить несоединимое. Он представляет собой поиск у правых и левых приемлемых конструктивных решений, способных привести общество к намеченной им цели и одновременно примирить в конкретной работе противоборствующие стороны. Политический центр становится щитом против экстремизма, неумных социальных фантазий, которые не поддерживаются и не могут поддерживаться здравомыслящими силами. В политических битвах, кипевших в империи, Александр II попытался занять исключительное, уникальное положение — он хотел один олицетворять тот центр общественной жизни, который призван амортизировать действия крайне правых и крайне левых сил.

В результате он подвергся жестким и, как оказалось, смертельно опасным нападкам и с той, и с другой стороны. Политическая позиция в отличие от сакрального поста монарха отнюдь не является священной, и Александр Николаевич, попытавшись сделаться, помимо самодержца, еще и одним из политических деятелей России, стал на самом деле мишенью для своих противников. Сначала мишенью в переносном смысле этого слова, а затем... И вновь вернемся к личной жизни нашего героя. Его упорное стремление подчеркнуть права своего человеческого «я», желание, чтобы в нем видели не только самодержца, но и личность, принесли свои плоды. Для широких слоев общества он действительно стал ближе, понятнее и, я бы сказал, доступнее во всех смыслах этого слова. Время, конечно, берет свое. Для многих декабристов, скажем, поднять руку на монарха означало замахнуться на что-то святое, во всяком случае, освященное многовековой традицией. Для родственников таких проблем уже не существовало, все-таки прошло полвека и каких полвека!.. Однако не покидает ощущение, что дело не только в прошедших годах, но и в постоянном желании нашего героя отстраниться от того, что отделяло его от простого личного счастья, отличало от обычных подданных...

Александр Николаевич, безусловно, не был доктринером; за годы своего царствования ему пришлось от многого отказаться, пересмотреть устоявшиеся взгляды и позиции. В конце жизни император, похоже, убедился в том, что человек, какого бы уровня и масштаба ни была его личность или пост, им занимаемый, не может в одиночку являться политическим центром общественных сил. К этому выводу его подталкивала даже такая, в общем-то внешняя вещь, как постепенное измельчание собственного окружения. Княгину Юрьевскую трудно сравнить с великой княгиней Еленой Павловной; Шувалова, Толстого, Плеве — с воодушевленной и профессионально подготовленной когортой деятелей конца 1850-х — начала 1860-х годов.

Император менялся. Казалось, еще совсем немного, и будет найдено средство установления если не союза, то нормальных цивилизованных отношений власти и общества. Не судьба... Одиночество, окружившее Александра Николаевича тремя почти непроницаемыми кольцами, может быть, и не одно виновато в трагической гибели монарха, но уж уникальной-то судьбу этого человека сделало именно оно.

Царь-Освободитель. Царь-Вешатель. Несчастный царь...

ОЩУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ

(весна 1881 года)

В отличие от других разделов нашей беседы, носящих название «Ощущение времени», в этом, последнем, мы, во-первых, воздержимся от комментариев, а во-вторых, предоставим слово газетам и журналам, вышедшим весной 1881 года. Повод, чтобы поговорить об ощущении времени россиянами именно в эти месяцы, настолько грустен и ответственен, что не хочется растекаться по древу ни мыслью, ни «мысью». Кажется более правильным и человеческим просто пережить вместе с Россией случившееся 1 марта...

«Голос» 2 марта 1881 года: «Россия в трауре! Не стало великого царя-освободителя. Адские силы совершили свое темное злодейское дело. В настоящую минуту, под тяжестью страшного ощущения, русскому человеку трудно справиться с наплывом овладевающих им чувств. Царь-освободитель будет жить вечно в сердцах освобожденного им от цепей рабства русского народа. Имя его вознесется высоко, облечется в неувядаемую славу на скрижалях истории.

Через тяжелое, страшное событие вступает наследник на престол. Народ, им возлюбленный, окружит его своею любовью, и в единении царя с народом Россия совершит со славой предстоящий ей исторический путь. С надеждой и упованием встречает Россия нового государя. Он будет верным памяти своего родителя, да продлит и довершит он благие начинания: да царствует в России закон и да развиваются те начала правильного, разумного гражданского быта, первый камень которого заложен императором Александром II».

«Голос» 3 марта 1881 года: «Когда император Александр II вступил на престол, предстоявшая ему задача была ясна. Необходимость освобождения крестьян, предоставление всему русскому народу гражданского равноправия, снятие оков, в которых задыхалась личность, назрела уже во время предшествующей Крымской войны; война прибавила только доказательство, что и самый правительственный режим предшествующего царствования не мог устоять. Александр II совершил свою задачу, увековечив себе в истории и благодарной памяти русского народа имя царя-освободителя. Последующие реформы царствования по обстоятельствам, о которых теперь не время говорить, не получили ни того дальнейшего движения, ни того значения в реальной жизни народа, которое предназначал им покойный император. Реформы, имевшие главной целью своей подъем общественного самосознания и призыв к деятельности общественных сил, оказались при своем исполнении далеко не достигающими предназначенной им цели, так как для действительно полезного применения этих начал требовалось взаимодействие правительственных и общественных сил, чего в действительности, к сожалению, долгое время не оказывалось... Правительство призывало общество к деятельности, но органов, через которые общество могло бы помогать правительству, в распоряжении общества не оказалось».

«Молва» 2 марта 1881 года: «Погиб порфиноносный страдалец. Государь России, стяжавший себе при жизни народное наименование «царя-освободителя», погиб насильственной смертью. Погиб после неисчислимых нравственных страданий, после горького сознания, что его чистейшие намерения... были часто искажены и обращены в тяжкое бремя для того самого народа, для которого они должны были служить источником счастья и благоденствия...»

«Молва» 3 марта: «Преобразования, благополучно начавшиеся, сейчас же возбудили против себя ожесточенную злобу всех затронутых ими интересов. Каждый, считавший себя обиженным или обделенным, печаловался на верховную власть. Государя уверяли, что реформы идут будто бы слишком быстро, что к реформам следует ставить точки. Начались замедления, остановки, а разгоряченное воображение пылких мечтателей, возбужденное веяниями свободы, тем с большим увлечением поскакало вперед, не справляясь с действительностью. Государь сделался виноватым и в том, что реформы идут слишком быстро, и в том, что они двигаются слишком медленно. Одна сторона тормозила, шипела, клеветала, возбуждала недоверие и подозрительность; другая... тем более рвалась вперед и, удерживаемая насилием, переходила к заговорам и, наконец, бросилась в покушения против верховной власти... Логические последствия этого неизбежного раздора всею тяжестью упали на судьбу государя».

«Молва» 4 марта: «Верховная власть должна стоять выше какой бы то ни было борьбы политических партий. Обаяние и значимость верховной власти не может быть поставлено в зависимость от исхода подобной борьбы... Общество само должно разбираться в сумбуре среди него возникающих и развивающихся политических мнений и увлечений. Верховная власть должна стоять выше всех этих мнений и увлечений, она не может быть ни соучастником какой бы то ни было из политических партий, ни тем более ответчиком за которую-либо из них. Носитель верховной власти не может быть мишенью для политических фанатиков... Иначе порядок государственный никогда не получит твердого основания. Надо твердо увериться в непреложности этого вывода: надо проникнуться сознанием необходимости привести его к осуществлению... и тогда рассеется туман, нас теперь окружающий, водворится во всех нас спокойствие и исчезнут навсегда наши страхи и опасения за неприкосновенность главы государства».

«Страна» 3 марта: «Какое преступное нетерпение дерзало винить лично монарха, сделавшего столь много, за то, что он не сделал еще больше? Кто мог знать, почему монарх-преобразователь остановил дело русского возрождения на таком-то временном пределе; кто мог знать, был ли он нравственно волен идти далее, не связывал ли его безусловно какой-нибудь данный им обет? Периоды задержек, временных

приостановок в развитии, неосуществление надежд бывали в разных странах. Русский народ, с образованным русским обществом во главе, переносил недоделанность наших реформ, неудовлетворение некоторых, совершенно законных, нравственных нужд. Перед личностью царя-освободителя двадцати миллионов преклонялись в России и те двести тысяч людей, которые уже прозрели необходимость, даже неотложность дальнейшего освобождения. И вот несколько человек, которые не хотели признать этого... не остановясь перед самым возмутительным средством, умертвили государя. Но их дело не избегнет самого беспощадного приговора, как в родной стране, так и во всем образованном мире... Чрезвычайные обстоятельства побуждают дать совет, свободный от чувства негодования и мести... Нет иного выхода, как уменьшить ответственность главы государства, а тем самым и опасность, лично ему угрожающую. Пусть впредь исполнители, которые зовутся исполнителями только на словах, сами несут ответственность на себе. Надо устроить в правильном общественно-государственном порядке громомовод для личности главы государства. Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли, а потому и лежали на их ответственности. А личность русского царя пусть служит впредь только светлым, всем сочувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспеяния России».

«Русские ведомости» 2 марта: «Адский умысел совершил свое адское дело. Глава государства пал жертвой злодейской руки. Впечатление так громогласно, так потрясающе, что под его ударом мысль с трудом овладевает собой... Удар упал на Россию, начавшую после долгих лет томления освежаться надеждой на возможность радующего просвета. Злой рок, повергший в скорбь наше отечество, застелет ли туманом готовившийся просветлеть горизонт?... Злая язва, заразившая наш государственный организм, требует всех сил народных для ее врачевания, и эти силы придут и поборют зло, лишь бы их не чуждались. Доверия, побольше доверия к этому лучшему из советчиков».

«Земство» 4 марта: «Страшная, потрясающая весть разнеслась по русской земле, распространяя ужас, разливая глубокую, беспредельную скорбь во всех концах России. Император Александр II погиб от руки убийцы! Великие преобразования, ознаменовавшие царствование Александр

ра II, займут одно из самых почетных мест в русской истории. Ужасное злодеяние совершено в то самое время, когда наше отечество, после мрачной эпохи смуты, приостановившей было правильное течение государственной жизни, вновь вступило на предуказанный ему государем путь мирного развития, когда новые преобразования готовы были упрочить народное благосостояние и благополучно явить новое доказательство заботливости царя о благе всего народа».

«Порядок» 2 марта: «В такой день, какой пришлось пережить сегодня, каждому из нас нужно много самообладания, чтобы подавить в себе самые естественные чувства, просящиеся наружу, и произнести, в минуту всеобщей тяжелой тревоги, успокоительное разумное слово. Трудно теперь же измерить и взвесить все значение этого глубоко горестного, ужасного события для тех, на долю которых выпало быть его современниками. Знаем только одно, что дело истории — связывать настоящее с прошедшим; для современников необходимо искать в настоящем опоры для будущего. Это будущее не наше личное будущее. а будущее многомиллионного народа; его вековыми трудами создано государство... Новый вождь земли русской найдет... много непочатых сил, которые тесно окружают его с любовью к нему и преданностью к общей всем нам родине всякий раз, когда верховная власть мужественно и не колеблясь поведет свой народ по пути правды, мира и свободы. Воля Всевышнего свершилась. Теперь остается только смириться перед несокрушимой волей провидения и, не вступая с ней в тщетную борьбу, посвятить все заботы тому, чтобы положить прочное основание для будущего».

«Порядок» 3 марта: «В минуты исторической важности необходима полная и бестрепетная искренность. Дай Бог, чтобы вблизи престола были теперь люди, которые сказали бы: — Государь! Вы начинаете свое царствование в трудную минуту, когда тяжесть вашего венца усугубляется скорбью растерзанного сыновьего сердца. Но идите смело по ступеням трона на ваше великое положение и станьте на страже порядка и законной свободы. За вами доверие многомиллионного народа, в ваших руках его любовь, с помощью которой можно все сделать. Будьте другом и оберегателем начал, вложенных в реформы вашего родителя. Пусть как дым раз-

летятся сомнения в том, что этим началам не суждено развиваться и дальше и шире. Суровые меры стеснения доказали свою непригодность и односторонность... Вы в расцвете сил, — перед вами давно уже раскрыта книга государственного управления, — раскройте же душу народа вашего и дайте выйти на свет желаниям, давно живущим в ней. Они все имеют целью успокоение и развитие России».

«Русская мысль» 2 марта: «... совесть наша... громко вопиет, что между нею и проклятым, невозможным для нее делом — бездна непроходимая. Чиста совесть русского народа, светла, как солнце, и пламенная любовь его к почившему и горяча молитва за него к Богу. Нет, нет, русский народ не может принять на свою голову этого позора; он всецело падает только на отверженцев русской земли, слепых и бессмысленных орудий замысла врагов наших за пределами русского государства, куда ведут и все нити неестественного для русских дела».

«Гласность» 15 марта: «С последней горстью земли, брошенной на могилу покойного государя, закончились его мирское величие и власть, которой русский народ обязан за те начатки свободы и правды, семена коих насаждены в нашем отечестве его властною рукой. В сознании народа ясно, что покойный государь принял мученический венец ни за что другое, как за свой народ, за несомненную любовь к нему. Молчаливо, с глубокой и смутной думой проявляет народная масса свои чувства, вызванные внезапной смертью искренне любимого государя, убитого одичалыми безумцами. Кто не отделяет себя от народа, тот считает безумством насильствовать народную волю и его сознание, кто хочет стоять в передовых рядах этого народа, тот должен разделить глубокую и истинную народную печаль».

«Русь» 4 марта: «Царь убит. Русский царь у себя в России, в своей столице, зверски, варварски, на глазах у всех — русскою же рукою... Небывалое, неслыханное творится на святой Руси! Кто те, что смеют пятнать грехом наше историческое бытие, класть позор и срам на наши головы? Посягательство на царя — это посягательство на самый народ, это насилие над народной волею и свободой... Никакие правосудные казни не смогли до сих пор его истребить и

никакими внешними силами не извести этого семени зла. Неужели, однако, это новое страшное поругание над русской совестью пройдет и на сей раз бесследно, и не воспрянет русская совесть, и не страхнет с себя греха, лени, праздного коснения и недомыслия?»

Журнал «Дело», № 3 за 1881 год: «Шестидесятые годы явились моментом необыкновенного подъема нашего духа, необыкновенного напряжения наших умственных сил и небывалого еще развития критической мысли, во главе которого встало само правительство, для которого совершенно было ясно, что для борьбы России за свое международное государственное существование ей необходимо открыть новые возможности для развития внутренних сил. Во время шестидесятых годов, когда возвышенные идеи носились у нас в воздухе, всякий стремился думать в направлении общего блага, блага народа, и только в этом возвышенном направлении мысли... всякий видел свое достоинство и признак умственной силы. Тогда все думали или старались думать в этом направлении. Другого, более напряженного состояния критической мысли в истории России никогда не бывало. Умственная революция, которую мы пережили в шестидесятых годах, была не меньше умственной революции, которую пережила Франция с половины XVIII века».

«Новое время» 4 марта: «Во всех фанатиках, во всех этих поклонниках крови и ужасов есть что-то родственное, однородное, какими бы названиями и партиями они себя ни величали — террористами, анархистами и прочими. Родственное именно в средствах для достижения самой широкой революции. Да, не конституции, хотя и эту идею они выставляют, как бандиты знамя мира. Самой широкой революции, резни, бешенства убийц, торжества крови, передела всего существующего порядка — вот любимая цель. Перед нами не просто фанатическая идея, ищущая выхода, но какой-то особый, страшный вид маньячества, и притом заразительного».

«Московские ведомости» 4 марта: «Не будем самообольщаться, не будем сваливать всю вину на ничтожную кучку ошалелых мальчишек. Мы сами еще более виноваты. Мы вскормили эту среду, среди нас они выросли, мы ее поддерживали нашей дешевой насмешкой, легкомысленным, детским отношением ко всем основам общественной жизни... Мы оставили наших детей на произвол всяких веяний, и нашим

молчанием давали этим вздорным веяниям укореняться... Могли ли мы в таком положении сохранить свой законный авторитет? Естественно, нет. Мы выпустили его из рук, и он перешел к болтунам, фразерам, якобы несущим нам последнее слово науки и прогресса, и чем менее смысла и нравственного достоинства имело это слово, тем казалось оно истиннее, патентованнее. Гоняясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы, мы попали в самый худший вид рабства — духовное рабство со всеми его последствиями. Оно развило в нас присущие ему пороки: трусость, лицемерие, угодливость, бесхарактерность... Мы потеряли естественность и самостоятельность, мы перестали быть самими собой... Дошло до того, что люди стыдятся лучших своих чувств и, если эти чувства проскальзывают в них по неизбежной потребности натуры, торопятся как можно скорей задушить это отсталое, несвоевременное проявление».

«Санкт-Петербургские ведомости» 10 марта: «В минуту цареубийства сказалось все бессилие охранителей и нравственное бессилие общества, из которого выходят цареубийцы. Бессилие — произведение не одного дня. Это продукт постепенного умаления и исчезновения государственных идей в общественном сознании, во внутренней нашей жизни. Ее заменила идея наживы и меркантилизма. Одушевленная сверху донизу одной наживой, наша администрация прикрывала свою бессодержательность или официозным либерализмом... или репрессивными мерами... Именно нажива определяла чиновничий либерализм, который здравый ум называл просто ничегонеделанием... Если такая администрация являлась преступной относительно государства, то вдвое преступнее она становилась относительно русского общества... Под камертоном тунеядной администрации могло образоваться только общество повального тунеядства. И в самом деле: по мере того, как наши общественные слои приближались к административным центрам, они становились все более и более тунеядными так, что, наконец, в центре обиталища русского царя тунеядство общества достигло состояния принципиальности!.. Таким образом тунеядная среда наживы, разврата и мещанского цинизма давали те ручьи своих отпрысков, которые, сливаясь в реки, образовали моря нигилистов, самоубийц, из которых враги России выуживают цареубийц... Что же это свидетельствует? А то, что не практическая жизнь, не превратности зрелой, сознательной жизни размножили это охлаждение к жизни, которое берет бритву и режет себе гор-

ло; не сознательный, разумный протест, приобретенный опытом жизни, творит у нас политического преступника, а домашняя, семейная среда и школа тунеядного общества».

Из газетной хроники: «Надо было видеть улицы Петербурга в ночь с 1 на 2 марта, чтобы судить о силе всеобщего оцепенения жителей столицы. Самые многолюдные улицы, на которых никогда не прекращается движение, были совершенно пусты» («Петербургская газета», 7 марта).

«Все время в Аничковом дворце стоит караул л. гв. Павловского полка. Мы слышали, что тотчас после катастрофы 1 марта командир Павловского полка Шмидт, взяв из казарм роту в полном составе, бегом явился в Аничков дворец, чтобы охранять государя наследника и его семейство; сам генерал не оставлял дворца в течение двух суток» («Сын отечества», 11 марта).

«Газеты сообщают, будто бы в клинику профессора душевных болезней Мержеевского за последние три дня поступило около десяти человек больных, внезапно помешавшихся, видя все, что в настоящее время в Петербурге натворилось» («Порядок», 8 марта).

«Все фабрики и заводы, находящиеся на Выборгской стороне, за Московской и Нарвской заставами, приостановили 6 марта на два дня работы свои, дабы дать возможность рабочим присутствовать в церквях при совершающихся ежедневно панихидах по почившему государю» («Петербургская газета», 7 марта).

«... все питейные дома и портерные вечером 1 марта были закрыты и нельзя не признать эту меру вполне разумной, так как легко могли произойти буйства. Нам сообщают, что на Дворцовой площади в 3.30 часа дня, 1 марта толпа бросилась на двоих человек с криком: «держи, бей». Затем раздались раздирающие вопли истязуемых. Кто они были и остались ли живы, не удалось узнать» («Порядок», 4 марта).

«Юнкер конвоя Койтов после катастрофы находился на площади Зимнего дворца, где около трех часов ему удалось спасти от ярости толпы три личности, вызвавшие подозрение ее своими замечаниями. Откуда-то нашлась уже веревка, на которой хотели повесить на фонаре этих субъектов, но их успели вовремя загнать во двор Главного штаба, и они поплатились только боками» («Порядок», 6 марта).

«К появившимся сообщениям о народной расправе мы можем добавить еще следующие два. Один из университетских студентов был 2 марта у Зимнего дворца; почему-то на

него народ обратил внимание и хотел бить. Тогда молодой человек сказал, что он не студент. — Перекрестись! — Студент перекрестился, и его оставили в покое. Другой случай был на Невском проспекте, на углу Троицкого переулка. Один из типографских работников ударил несколько раз слушательницу женских курсов, которая вышла из квартиры. Она вскочила на первого попавшегося извозчика и приехала на курсы, где сейчас же упала без чувств... Многие из студентов приняли все меры, чтобы не вовлекать народ в ошибку. Одни оставляли дома пледы и форменные фуражки, другие снимали очки, заботились о внешности; студенты постригали волосы, женщины закутывали голову в платки; рассказывают, что многие продавали пледы по самой дешевой цене» («Петербургская газета», 15 марта).

Отклики на 1 марта 1881 года в революционной заграничной печати: «Набат» П. Н. Ткачева, № 1, 20 июня 1881 г.: «Казнь официального представителя правительствующей, то есть грабительствующей шайки народных эксплуататоров и палачей повергла “злодеев” в неописуемый страх и трепет. Боязнь за свою жизнь и предчувствие близкого, беспощадного народного суда окончательно свели их с ума и заставили их, очертя голову... броситься в засасывающий омут такого дикого варварства, такого самодурного произвола, такого идиотического террора, которые даже в незлобивых сердцах самых верноподданнейших их “верноподданных” невольно вызывают чувство ужаса и омерзения...

Таковы в общих чертах главнейшие и наиболее бросающиеся в глаза благие (т. е. благие, конечно, лишь для друзей, а не для врагов народа) результаты события 1 марта. Не ясно ли, что они не только вполне оправдали, но даже превзошли самые оптимистические надежды и самые смелые ожидания наиболее убежденных революционеров.

Казню палача революционный терроризм в самое короткое время сделал то, чего при других способах и приемах революционной борьбы мы не могли бы добиться в течение десятков, сотен лет. Дезорганизовав, дискредитировав в глазах всех честных людей правительственную власть, он привел к брожению, он революционизировал общество снизу и доверху...

«Le Revolte» П. А. Кропоткина, № 2, 18 марта 1881 г.: «Какое же значение будет иметь событие 1 марта? Конечно, нечего надеяться, что Александр III изменит политику сво-

его отца. Всем известен властный и ограниченный характер нового царя, и, кроме того, мы знаем, что всякий самодержавец всегда стоит и будет стоять на страже интересов правящих классов, в данном случае русского дворянства... Значение события 1 марта важно не с этой точки зрения. Событие на Екатерининском канале имеет для нас большое значение прежде всего потому, что это событие нанесло смертельный удар самодержавию. Престиж “помазанника божия” померк перед простой жестянкой с нитроглицерином.

Теперь цари будут знать, что нельзя безнаказанно угнетать народ, нельзя безнаказанно попираť народные права. С другой стороны, сами угнетаемые научатся теперь защищаться... Как бы то ни было, первый удар, и удар сокрушительный, нанесен русскому самодержавию. Разрушение царизма началось, и никто не сможет сказать, когда и где это разрушение остановится...

Событие 1 марта — это огромный шаг к грядущей революции в России, и те, кто подготовил и совершил это дело, запечатлевшие своей кровью этот подвиг, — не напрасно принесли себя в жертву».

Отклики зарубежной печати и общественности на события 1 марта 1881 года: «Times», 14 марта 1881 г.: «Народ работает при неблагоприятных условиях поздно вступившего на путь цивилизации... Низшие классы едва ли ушли дальше в развитии, чем английские крестьяне времен Алой и Белой Розы... И рядом с этим тысячелетним раем самозванных реформаторов повседневные столкновения с продажностью и тиранией чиновников, с полицейским шпионством, тайными арестами и произвольными наказаниями, со страданиями невинных и безнаказанностью невиновных. Из всех предрассудков, вынесенных из детства, сохранился лишь один, что царь не только номинальный, но и действенный глава правительства и что удар, нанесенный ему, может исправить что-то в том зле, которое правительство причиняет народу... Властелин 80 миллионов людей, с миллионом солдат, убит в своей столице, в день воскресного отдыха и вопреки беспримерным предосторожностям... Чего теперь можно ждать от перемены на троне? Александр II после тринадцати месяцев спокойствия мог бы сделать либеральные уступки; но может ли Александр III ответить ими на убийство отца?..»

«Revue bleue», № 35, 14 марта 1881 г.: «Петербургская драма потрясла весь мир. Зловещие глупцы, которые хотят скрепить свою подписью это “мане, факел, фарес”, написанные нигилистами кровью, такие же сумасшедшие, как и

те, которые думают извлечь из этого убийства императора аргумент в пользу монархии.

Перед этой катастрофой надо остановиться, как перед взрывом вулкана: феномен ужасный, зависящий от свойства почвы, из которой он произрастает. Нельзя из него делать ни угрозы, ни урока, ни примера ни для кого...

Здесь Русью пахнет — вот и все. Но если и есть еще возможности цареубийства в Европе, если даже республики могут иметь своих свирепых сумасшедших, как это показало убийство президента Линкольна, то это покушение предшествовавшими обстоятельствами еще более, чем своей жестокостью, остается фактом исключительным, устрашающим для России, но только для России».

В одном Париже в годовщину Коммуны было устроено 28 революционных банкетов. На многих Рысаков был провозглашен почетным председателем. Почти на всех банкетах прославлялись русские социалисты, и их пример признан достойным подражания.

4 (16) марта в Париже были расклеены прокламации с поздравлениями русских социалистов и восхвалением их мужества и энергии. Полиция срывала эти прокламации.

В Чикаго собрался двухтысячный митинг, приветствовавший цареубийство. В Нью-Йорке и других городах происходили подобные же митинги.

В Лондоне журнал «Свобода» 7 (19) марта вышел с широкой красной полосой и крайне революционной статьей по поводу петербургской катастрофы. Редактор Мост арестован за эту статью.

Из вопроса м-ра Биллингэма в заседании палаты общин 31 марта 1881 года видно, что в Лондоне по приглашению социалистического и демократического клуба на Розовой улице состоялся митинг в Графтонгалле в память революции 1848 года и Парижской коммуны 1871 года и для прославления казни русского императора.

В Вене, в одном из предместий, происходил нигилистический банкет, устроенный по случаю петербургской катастрофы. Произносились тосты за «удачное петербургское дело». Полиция, как и подобает, явилась слишком поздно.

ЧТО ЕСТЬ ВЕЛИЧИЕ?

(несколько слов для завершения разговора)

*Только в России на грани 1855 года,
и только переходя эту грань, мы в
нашей России, а не в России наших
предков.*

Б. Э. Нольде

На протяжении всего нашего, хочется верить, не слишком утомившего вас разговора мы старались доказать именно то, о чем барон и историк Б. Нольде сказал как о чем-то само собой разумеющемся в нескольких строчках. Он мог себе такое позволить, поскольку писал не об Александре II, а о славянофилах, и поворотность, этапность царствования нашего героя ощущал через судьбы своих персонажей. Нам же пришлось доказывать выдвинутый им тезис, беседуя обо всех сторонах жизни Александра Николаевича, обсуждая все этапы жизни монарха. И теперь, когда сказано главное, когда совершенно ясно, на что хватило наших скромных сил и на что их не достало, остается подвести итоги и тепло попрощаться друг с другом.

Кстати, почему автор так упорно и порою нудно настаивал на том, что написанная им книга ближе всего именно к разговорному жанру? Видимо, потому, что все эти попытки проникнуть в механизмы прошедшей эпохи и описать их есть дело сугубо и исключительно субъективное. Еще более субъективными являются его старания проникнуть в психологию героя книги — реально существовавшего человека. Да, конечно, любое произведение исторического жанра нельзя считать отстраненно-объективным. Однако академические монографии, опираясь на признанные учеными фак-

ты и разработанные методики исследований, стремятся дать общую картину происшедшего, и им это более или менее удается сделать. Исторические романы заведомо не претендуют на абсолютную точность изложения, сосредоточиваясь, по сути, на столкновении характеров героев вокруг проблем вневременных, общечеловеческих.

Историко-биографические произведения — дело иное. С одной стороны, их объекты, безусловно, существовали, а потому, если объекты интересны и значимы, существует их устоявшийся в людской памяти образ, своего рода стереотип, обросший сотнями, если не тысячами вариаций, пусть и менее устоявшихся, но дорогих для тех, кто их выстраивал. С другой — герои таких книг не могут быть безоглядно выдуманы, как герои романов и повестей, ведь существуют непреложные факты их биографии, хронология событий, за границы которых ход запрещен. И это ограничение иной раз интереснее, чем самые буйные фантазии.

Может быть, поэтому историко-биографические книги являются одним из лучших поводов для неспешного, заинтересованного и приятного разговора под уютным абажуром в гостиной или в привычной тесноте кухни, где до всего необходимого можно достать рукой, не поднимаясь со стула. Каждый из нас при желании без особых затруднений ощущает себя героем литературного произведения, кинодействия или театрального спектакля. С историко-биографическим жанром такое происходит гораздо реже. Здесь мы можем только спорить, проводить параллели между эпохами, сходиться или не сходиться в нюансах мотивов поведения главного героя и его окружения, спорить о возможных вариантах их судеб и о Судьбе вообще. Здесь автор менее всего является диктатором, он лишь задает начало и тон разговора, а потом участвует в нем наравне с читателями-собеседниками...

Государей и правителей в России, как известно, не выбирали, они даровались ей, можно сказать, случайно, а можно сказать, от Бога, это уж как кому нравится. При всех недостатках монархического способа правления, в нем имелось большое достоинство: российские цари и императоры, при значительном перепаде их личных достоинств и недостатков, исходили из главного принципа монархии — богоданности получаемой ими власти над страной и народом. Поэтому и не было среди них, как правило, временщиков, пренебрегающих трудными государственными обязанностями. Конечно, само отношение их к безграничной власти не оставалось неизменным, особенно в последние века существования монархии. «Радостная власть», власть ради власти в

XVIII веке уступает дорогу власти ради долга в веке девятнадцатом. Бурление на троне и вокруг него в XVIII столетии заменялось исполнением монархом своих обязанностей через «не могу», потому что «так должно». Красной нитью проходит через дневники, письма, воспоминания Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II идея ответственности монарха перед земными подданными и небесным Владыкой. Долг государя стал чуть ли не единственным двигателем жизни российских «верхов».

Кто в таком случае имел и имеет право судить царей? Умный наблюдатель и острый публицист Жозеф де Местр еще в первой половине XIX века называл **Время** «первым министром Бога по делам монархов». Со дня гибели Александра II прошел достаточно долгий срок, и оценки его личности должны были бы уже устояться и как-то унифицироваться, но этого не произошло. Не произошло совсем не из-за недостатка усердия историков, публицистов, общественных деятелей и в то же время далеко не случайно. По словам одного из современных философов: «Мощь человека измеряется шириной спектра оценок — от злобных пасквилей до признания в любви. Чем меньше можно сказать, тем мельче человек». Если это утверждение верно, то Александр II, в чем мы, вообще-то, и не сомневались, — личность явно незаурядная.

С конца XVIII века проблема отмены крепостного права (и тесно связанная с ней проблема наделения сословий гражданскими правами) стала одной из главных в политике российских монархов. Уничтожение крепостничества оказалось необыкновенно сложным и длительным процессом, потребовавшим сверхусилий от ряда самодержцев, пока Александру II не удалось завершить задуманное его предшественниками. Мало кто из них мог себе представить, что кардинальная проблема жизни страны окажется подобна многоступенчатой ракете, когда решение первой задачи дает старт задаче не менее, если не более, значимой.

Не представлял себе этого и главный герой нашего разговора. Основной мотив поведения власти в его царствование — это рывок в неведомое. Мы очень часто смешиваем две вещи: теоретическую предпочтительность и реальную жизненность программ, проектов, конкретных преобразований. В большинстве случаев карнавальный искус предпочтительности загораживает от нас будничную простоту жизненности, а то и вовсе побеждает ее. Российское общественное движение, начавшее играть столь заметную роль в жизни страны именно в 1850—1860-х годах, не избежало этой

ошибки. В отличие от власти (не столько мудрой, сколько осторожной) оно предлагало порой пути не в неведомое, а в незнаемое. Можно сказать, что история России в XIX веке — это поиск и борьба путей в неведомое (пока еще именно Россией) и в незнаемое (мировым сообществом вообще).

Трудно однозначно утверждать, что Александр II, подобно Петру Великому, уверенно возглавил движение за решительные реформы. Он, скорее, оказался внутри этого движения и формировался вместе с ним. Наш главный герой жил в переломную эпоху и не просто жил, а во многом творил ее, поскольку, будучи монархом, нес на себе весь груз наследия великого и не очень великого прошлого и ростки неясного будущего. Именно поэтому Александр II — это почти всегда нерешительность. Проще всего считать ее источниками слабость характера, невыработанность позиций царя, отсутствие у него продуманной тактики. С подобными утверждениями трудно спорить, но нельзя не вспомнить и о другом. Дело было еще и в сложности выбора, поскольку монарх всегда помнил, что он выбирает путь не только для себя, как каждый из нас, его строгих и не очень строгих судей, но и для страны, общества, народа. Странное сближение, но рискну упомянуть о нем. Декабристы до восстания 14 декабря 1825 года горячо и бесстрашно рассуждали о путях кардинального преобразования страны, о том, чем им грозит революционное выступление в случае неудачи; до определенного момента все это касалось только их лично. И они же с величайшим сомнением выходили на Сенатскую площадь, поскольку теперь начинала сказываться огромная ответственность их за свои действия, которые могли изменить судьбу страны, общества, народа. Имеет ли вообще человек право, если он не считает себя богоизбранным, один делать выбор за других людей, за государство в целом? А если он считает себя богоизбранным, то всегда ли у него хватит душевных сил, чтобы без колебаний сделать такой выбор?

Сложность положения Александра II усугублялась и его личными качествами и пристрастиями. Он был, с одной стороны, типичным, а с другой — несколько необычным Романовым. Лучше всех об этом в начале XX века сказал замечательный историк В. О. Ключевский: «Он отличался от своих ближайших предшественников отсутствием склонности играть в царя. Александр II по возможности оставался самим собой и в повседневном и в выходном обращении. Он не хотел казаться лучше, чем был, и часто был лучше, чем казался... Когда завязывалось сложное и трудное дело, дававшее досуг для размышлений, Александром овладевало

тягучее раздумье, пробуждалось мнительное воображение, рисовавшее возможные отдельные опасности... Но в минуты беспомощности Александра II выручал тот же недостаток характера, который так вредил всему ходу его преобразовательной деятельности: эта его опасливая мнительность... Мнительность становилась источником решимости».

Среди современников, а следом за ними и в исторической литературе, за нашим героем утвердилась парадоксальная оценка: Александра Николаевича называли великим императором, который не принадлежит к числу великих. Видимо, ее авторы имели в виду то, что реформы его царствования были далеко не безгрешны и до сих пор подвергаются критике. Как справедливо заметил один далеко не глупый человек: «Слава может способствовать успеху, может не способствовать, но успех всегда вредит славе, он превращает ее в лучшем случае в известность». Споры об успехе или неуспехе преобразований Александра II будут вестись вечно, но слава проведения этих преобразований безоговорочно принадлежит нашему герою. Вообще же, если пользоваться словами крупного французского историка Ф. Блюша: «Величие царствования того или иного монарха нельзя определять исходя из личного к нему отношения того или иного человека». К тому же давать оценку деяниям или характеру монарха гораздо труднее, чем действиям обычного человека — мешает многоликость правителя. Александру II на протяжении своей жизни пришлось играть много социальных ролей, важнейшими из которых были роли монарха, семьянина, политического деятеля. К сожалению, и в главных, и в большинстве второстепенных ролей самодержец оказался пугающе незащищен как перед бомбами террористов, так и перед наветами «доброжелателей». А ведь находились люди, обвинявшие его не только в незавершенности «здания реформ» или неустроенности пореформенного дворянства и крестьянства, но и в грядущем распаде государства Российского.

Подобные критики представляются ослепленными сиюминутными, а иногда и чисто внешними моментами, а потому их оценки оказываются эффектными, но достаточно поверхностными. Они не учитывали и не учитывают сложности задач, стоявших перед Россией и Александром II, масштабности того, что им сделано, пусть это сделанное и далеко от идеала. Но в реальной политике об идеальных решениях говорить вообще вряд ли приходится. Проблемы же, распутываемые страной, оказались действительно сверхсложными. По свидетельству Б. Н. Чичерина, император должен был: «... обновить до самых оснований вверенное его

управлению огромное государство, упразднить веками сложившийся порядок, утвержденный на рабстве, и заменить его гражданственностью и свободой, учредить суд в стране, которая от века не знала, что такое правосудие, переустроить всю администрацию, водворить свободу печати...» И Александр Николаевич сделал все это в меру своих сил и способностей. Сетовать же на то, что ему недостаточно было отпущено этих самых сил и способностей, значит вновь и вновь мечтать о чуде, предаваться сладким грезам на тему того, что было бы, если бы на престоле в эти годы находился не Александр II, а Петр Великий или еще кто-нибудь из правителей, признанных великими.

Что же касается распада Российского государства, то, понимая и разделяя искреннюю боль по поводу трагедии страны в начале XX века, давайте согласимся с тем, что причины этой трагедии совершенно естественны и достаточно понятны. Неумолимая логика и опыт истории беспрестанно напоминают нам о том, что вечных империй не бывает. Они или плавно, без катаклизмов меняют свой облик, или рушатся, вызывая непредсказуемые последствия для национальной и мировой истории. В связи с этим возникает законный вопрос: кто же был более прав — Александр II, пытавшийся совершить медленный поворот России к новой для нее судьбе, или его преемники, упорно державшиеся традиционной социальной и политической ориентаций? Ответ на данный вопрос у каждого, естественно, свой, но обвинять Александра II в российских бедах начала XX века, по крайней мере, несерьезно.

Интересно, что на протяжении всей беседы мы говорили о нечеловеческом одиночестве нашего героя, но очень редко могли сослаться на свидетельства тому самого монарха. Почему так произошло? Почему Александр I откровенно писал и говорил близким людям о тяготах проблем, легших на его плечи, о том, что эти проблемы «некем взять» (то есть жаловался на отсутствие помощников, отсутствие понимания и участия), а Александр II был лишен даже такого утешения? Мы, живущие в достаточно рассудочном и циничном веке, считаем, что во второй половине девятнадцатого столетия люди стали осторожнее, скупее в выражении своих чувств, что в этом они сделались похожими на нас. Может быть, и так. А может быть, дело опять-таки в том одиночестве, которое, как коконом, окружило Царя-Освободителя? Одиночество, которое часто становится наградой для обычных граждан, редко имеющих возможность вкусить его прелестей, и которое является суровым наказанием для прави-

телей, не знающих, куда от него спрятаться. Не с кем поговорить, некому написать...

Конечно, всякий человек экзистенциально одинок, то есть он одинок перед Богом (если следовать Кьёркегору) или перед ничто (если вам больше по душе Сартр). Отсюда у него возникает постоянное ощущение неуверенности или страха, с которым надо или смириться, или попытаться его преодолеть. Именно этот выбор, а также то, что существование — это «всегда моё», приводит к тому, что экзистенциальное одиночество не уравнивает людей, не делает их кровными братьями по одиночеству. Составляющие последнего остаются у каждого человека слишком «свои», слишком разные, и, в каком-то смысле, индивидуальность судьбы — это и есть непохожесть твоего одиночества на одиночество других. С этой точки зрения, судьба нашего героя была индивидуальна и удивительна.

Если вновь коснуться личности императора, его поведения, то следует признать, что Александр Николаевич решительно выламывался из привычных рамок, диктовавшихся его монаршим постом, да и его временем. Будучи освободителем крестьян, он попытался стать и освободителем самого себя, пожелав сбросить не обязанности верховного правителя, а заскорузлую, мертвящую необходимость быть в частной жизни кем-то большим, чем Александр Николаевич Романов. Он старался разрушить — осознанно или нет, другой вопрос — стереотип «монаршего» поведения на бытовом уровне, не слишком понимая, чем это грозит стране и ему лично. Когда мы говорили о нем, как о «мещанине во монаршестве», мы не имели в виду ничего унижающего или возвышающего Александра II. Это определение лишь подчеркивает, что он попытался совместить трудно совместимое: остаться самодержцем, но вести существование зажиточного обывателя, то есть превратить пост монарха в некую чиновничью должность, отправляемую человеком ежедневно, скажем, с 9.00 до 18.00 с перерывом на обед. Оставшееся время суток император, по мнению Александра Николаевича, имел право проводить так, как ему хотелось.

Кстати, если бы Мольеру пришлось в голову написать пьесу не о том, как напыщенный торговец рвется в бароны или турецкие паши, а о том, как его насильно пытаются сделать дворянином, то было бы это комедией или нет? Не пришлось бы тогда прославленному французу звать на помощь великого англичанина Шекспира?.. Во всяком случае, нашему герою не было суждено добиться желаемого. Хотя сама его попытка говорит о многом, в частности, о желании при-

соединиться к таким правителям, как Петр I и Екатерина II, которые умели и на престоле оставаться самими собой, людьми, личностями, а не только символами власти. Может быть, он в чем-то пошел даже дальше своих великих предшественников.

Боюсь, собеседника не покидает малоприятное ощущение, будто мы на протяжении всего разговора только и делаем, что защищаем своего героя от кого-то или чего-то. Он (герой) настолько нам дорог, что мы пытаемся подсадить императора не на ту ступеньку исторической славы или, скажем скромнее, исторической памяти, которая отведена Александру Николаевичу в большинстве научных трудов. Можно было бы утешить себя, гордо заявив, что подобное ощущение неверно в корне, что монарх, подобный Александру II, не нуждается в защите, но почему-то не хочется этого делать. Иногда действительно начинает казаться, что мы, если не все время, то значительную его часть, занимаемся, пусть и невольно, именно этим.

Как же быть? А почему бы не напомнить себе о том различии, которое существует между защитой и пониманием? Ведь если в защите царя-Освободителя действительно есть что-то унижительное, вернее, унижающее не столько его, сколько нас, потомков, то попытка понять человека ушедшей эпохи заслуживает всяческого уважения. Постойте. Понять человека? Но здесь-то и начинаются главные трудности.

Когда речь заходит о крупном (пусть только по рангу, по должности) государственном деятеле, становится невероятно тяжело отделить его личность от того образа или, как сейчас говорят, имиджа, который складывался по поводу данной должности у общества на протяжении длительного времени (и уже поэтому обрел устойчивые непререкаемые черты). Такой деятель обречен на постоянное сравнение с идеальным императором, министром, директором, военачальником, причем идеалы монархов или полководцев в чем-то для разных слоев общества одинаковы, а в чем-то существенно разнятся. Что в подобном положении делать человеку, волей судьбы или сограждан занявшему высокий государственный пост? Судя по всему, перед ним открываются два пути.

Первый — раствориться в должности, всеми силами пытаться соответствовать общественному идеалу. Именно так жил отец нашего героя, император Николай I. Весьма показательно, что он даже в мелочах копировал Петра Великого, который был и остается для россиян идеальным правителем. Второй вариант поведения государственного человека состо-

ит в том, чтобы, не обращая внимания на сложившийся у общества образ, делать свое дело, привнося в привычные, традиционные представления новые краски, черточки своего времени и своей неповторимой личности. Примеры такого поведения дали некоторые министры Александра II (братья Милютины, Головин, Лорис-Меликов).

Наш герой выбрал свою линию поведения. Трудно сказать, насколько эта линия проводилась им осознанно, но чем дальше, тем жестче он отделял свою должность от личности, выполнение им государственных обязанностей от своей частной жизни. Желание вполне естественное и понятное, но насколько оно законно? Иными словами, каким перед нами предстает император Александр II, человек Александр Николаевич Романов и что подобное раздвоение дало той стране, которой он был призван управлять?

В обеих своих ипостасях наш герой был обречен на борьбу с устоявшимися веками понятиями о том, каким должен быть государь в бытовом и парадно-общественном отношениях. Выполняя монаршьи представительские функции, он или оказывался недостаточно внушительным, царственным, монументальным, или, безуспешно пытаясь копировать отца, разочаровывал окружающих неестественностью своего поведения и облика. Не будем вновь возвращаться к перипетиям личной жизни императора, которые в глазах современников выглядели не столько ниспровержением старого, отжившего, сколько непозволительным скандалом в царской семье, снижали образ императора до личности простого смертного. В результате наш герой, казавшийся между Николаем I и Александром III некой «беззаконной кометой», не смог утвердить в обществе ни нового образа монарха, ни избавить себя от одиночества, в своем триединстве неотступно сопутствовавшего царскому положению.

Что касается России, то борьба Александра II за право на личную жизнь, на простое человеческое счастье вызывала недоумение и раздражение как в «верхах», так и в широких слоях общества. Что же здесь удивительного? Ведь такое поведение вполне пристало какому-нибудь европейскому конституционному монарху, но не вождю нации, не наместнику Бога на земле, каким россияне привыкли видеть своего владыку. Александр Николаевич, стремясь к личному освобождению от пут и вериг прошлого, порывал не с пустыми условностями, а разрушал, как оказалось, нечто несравненно более важное. Абсолютно не желая этого, он покушался на ореол царской власти, на ту мистическую связь между царем и народом, которой во многом удерживалась Россий-

ская империя. Разрушив ее старые физические скрепы (крепостное право), он почти одновременно начал подкоп под ее старые духовно-идеологические основы...

Порицать его за это или хвалить — да разве в этом дело?! История жестока, но объективна и справедлива, она давно воздала должное нашему герою, как, собственно, и исследователи, внимательно прислушивавшиеся и прислушивающиеся к ней. «Во всей нашей истории, — писал В. О. Ключевский, — нет другого события, равного по значению освобождению крестьян... Пройдут века, и все же нам трудно будет узреть другое общественное событие, которое отразилось бы на столь многочисленных областях нашей жизни». Вроде бы все ясно, но тут, как залп из орудий главного калибра, оглушает мнение Л. Н. Толстого. «Освободил крестьян, — пишет великий писатель, — не Александр II, а Радищев, Новиков, декабристы. Декабристы принесли себя в жертву». Несмотря на все уважение к классику и преклонение перед декабристами, хочется заметить, что попытки найти какую-то единственную причину важнейшего, переломного события в истории страны чаще всего являются неудачными. В данном случае сразу возникает вопрос ко Льву Николаевичу: почему мы должны ограничиться декабристами? А как же петрашевцы (тоже пожертвовавшие собой), Белинский, Герцен?.. Видимо, все же крестьян освободили сами крестьяне, отчетливо и напряженно ожидавшие «воли», общественный авангард, который не давал правительству забыть об этом ожидании, и, наконец, Зимний дворец, убедившийся к середине XIX века в недостаточной состоятельности крепостного права. Оформил же это освобождение человек по имени Александр Николаевич Романов, император Александр II.

Очевидцы преобразований 1860—1870-х годов по-своему, часто стихийно, поддерживали оценку, данную нами государственной деятельности императора. Мало найдется в мировой истории правителей, которым благодарные современники поставили бы по собственной инициативе больше десятка памятников, в том числе огромный, излишне помпезный в Московском Кремле¹. После событий 1917 года сохранилось лишь два памятника Александру II (и оба не в России, потому, видимо, и сохранились): в Хельсинки и в Софии. После освобождения Советской армией Болгарии от фашистского ига в 1944 году с софийского монумента исчезли выбитые на нем слова: «Императору Александру Второму. Волей и любовью Его освобождена Болгария». Жаль, ныне эти слова были бы далеко не лишним воспоминанием о

братских связях и сложных исторических судьбах славянских народов. Оценивая происшедшее и происходящее в нашей стране, нужно признать, что, несмотря на минувшие десятилетия и труды многочисленных правителей и общества, далеко не все из поставленного в повестку дня во второй половине XIX века выполнено и в наше время... А значит, нам еще рано навсегда расставаться с тем, что так живо волновало людей в 1860—1880-х годах.

Но это «рано» относится, скорее, к практической политике, а наш разговор все же подошел к концу. До свидания, дорогой собеседник! До свидания и Вы, Александр Николаевич, и ты, Россия, та, что еще «наших предков», и та, что уже «почти наша»! Одним — вечная память, другим — всего наилучшего!

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Лекции Т. Н. Грановского по истории Средневековья. М., 1961. С. 46.

² Герцен А. И. Собр. соч. Т. 3. М., 1975. С. 380.

³ Читатели, еще не забывшие школьной программы, узнают, конечно, строку из «Телемахиды» В. К. Тредиаковского, так удачно использованную А. Н. Радищевым в качестве эпиграфа к своему «Путешествию из Петербурга в Москву».

⁴ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 161—163.

⁵ Особо отметим исследование Л. Г. Захаровой «Самодержавие и отмена крепостного права в России». М., 1984.

⁶ На первом плане здесь, несомненно, работы Л. Г. Захаровой — ее статья об Александре II в сборнике «Российские самодержцы. 1801—1917 годы» (М., 1993) и подготовленные ею совместно с Л. И. Тютюнник интереснейшие публикации: «Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем» (М., 1994) и «Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г.» (М., 1999). Отметим также содержательный сборник «Александр II. Воспоминания. Дневники» (СПб., 1995), которому предпослана очень любопытная статья В. Г. Чернухи; само название ее — «Великий реформатор и великомученик» — свидетельствует о начавшейся переоценке ценностей.

⁷ Наряду со многим прочим здесь, несомненно, выделяется позиция Н. А. Троицкого, последовательного тираноборца, который трактует Александра II как «самого кровавого самодержца» за всю историю России. См.: *Троицкий Н. А. Друзья народа или бесы*// Родина. 1996. № 2.

ВЛАСТЬ И ОДИНОЧЕСТВО

(несколько слов для начала разговора)

¹ Упомяная здесь и в других местах о разногласиях среди историков по поводу оценок тех или иных событий и лиц, хочется обратить внимание не столько на исконную дискуссионность нашей науки, сколько еще раз порадоваться плюрализму, восторжествовавшему в ней. Ведь историки говорят на одном языке, но на разных его диалектах, и если не объявлять один из этих диалектов государственным, то есть обязательным и единственно возможным, то наука от этого только выиграет. Написать окончательную историю мировой цивилизации или какой-нибудь отдельной страны все равно никогда не удастся; они каждый раз будут в чем-то новыми и у разных поколений исследователей, и у разных представителей одного и того же поколения. Понятно, что речь в данном случае идет о профессионалах, а не о дилетантах, вообразивших себя первооткрывателями.

² Понятно, что любые реформы в самодержавном государстве немыслимы без активного участия в них императора. Как отметил

Н. Я. Эйдельман, теоретически это участие могло принимать троякую форму: а) объективные обстоятельства экономического или политического характера увлекают страну на путь реформ, но монарх противится им, опираясь на те права, которыми он наделен; б) император отчетливо видит целесообразность или своевременность реформ и становится во главе их, побуждая к активной деятельности свое правительство; в) в данный момент реформы возможны, но вовсе не жизненно необходимы, и самодержец выжидает, не форсируя событий, но и не сопротивляясь им. В случае с Александром II сложность заключается в том, что нет достаточной ясности, какую из указанных позиций занимал император и какие причины влияли на ее формирование и изменение.

Часть I ОДИНОЧЕСТВО ПЕРВОЕ. ПУТЬ

¹ Александра Федоровна была талантливой, весьма образованной женщиной. Учителя с детства сумели привить ей интерес к изучению истории, к литературе, живописи, театру. Высокого роста, голубоглазая, она при первом своем появлении в России произвела очаровательное впечатление. Жуковский, преподававший ей русский язык, считал Александрю Федоровну эталоном женщины, недаром он писал в стихотворении, посвященном ей:

Для нас природа ей все прелести дала,
Для нас ее душа цвела и вызревала:
Как гений радостей она пред нами стала
И все прекрасное с собой нам принесла...

Отдыхая от утомительных государственных забот, Александра Федоровна любила уединяться на природе, которая, по словам Тютчевой, заменяла ей «хорошую проповедь».

² Впервые Александр I сообщил Николаю Павловичу и его супруге о том, что он намерен через некоторое время отказаться от престола, летом 1819 г. Поскольку к тому времени стало ясно, что уговорить великого князя Константина Павловича вступить на престол не удастся, то наследником становился Николай. «Мы, — записала свои первые впечатления Александра Федоровна, — были поражены как громом. В слезах, в рыданиях от этой ужасной, неожиданной вести мы молчали». Манифест, подписанный Александром I и провозглашавший наследником престола Николая Павловича от 16 августа 1823 г. не был опубликован до смерти императора.

После же его смерти документ оказался юридически не действителен. Воля мертвого императора ничего не значила, если не была вовремя объявлена. Кстати, Николай Павлович не выказал достаточного уважения к воле покойного брата, поскольку сам присягнул на верность Константину как новому императору. Эта неразбериха вокруг трона и дала возможность декабристам организовать восстания в Петербурге и на Украине.

³ Капитан К. К. Мердер был лично известен Николаю Павловичу в качестве ротного командира школы гвардейских подпрапорщиков, сформированной в столице в 1823 г.

Мердер родился в 1787 г. в дворянской семье в Белоруссии. Позже он стал одним из лучших воспитанников 4-го кадетского корпуса в Петербурге. Карл Карлович зарекомендовал себя храбрым и умелым офицером в походах 1805—1807 гг., особенно отличившись в битве при Аустерлице. В 1809—1823 гг. являлся дежурным офицером 1-го кадетского корпуса. О Мердере говорили, что он был рыцарем чести, и он действительно гордился своей дворянской и офицерской честью больше всего на свете.

⁴ 14 декабря 1825 г. Николай Павлович приказал приготовить два экипажа, чтобы в случае необходимости вывезти мать, жену и детей в Царское Село. Однако во время событий на Сенатской площади обе императрицы оставались в Зимнем дворце под охраной гвардейского саперного батальона. Накануне восстания декабристов, 12 декабря 1825 г., Александр Николаевич был провозглашен наследником престола.

⁵ Воспитатели Павла I Н. И. Панин и С. А. Порошин не только укрепляли в ученике сознание собственных его прав на престол, интерес к судьбе отца, Петра III, но и связывали с воцарением Павла Петровича надежду на ограничение абсолютизма императорским Советом по шведскому образцу. Ф. Лагарп попытался пробудить в наследнике престола великом князе Александре Павловиче интерес и уважение к ценностям европейского либерализма. Позже Н. М. Карамзин старался объяснить Александру I, что есть истинно просвещенная монархия и почему, воспитывая в своих подданных высокие нравственные качества, она должна сначала стать еще более единодержавной, а затем постепенно превращаться в конституционное государство, приближаясь к республиканскому образу правления. Об истинном просвещении и просветительстве вел диалог с Николаем I А. С. Пушкин. Однако усилия всех этих замечательных людей пропали втуне, абсолютизм не хотел сдавать своих позиций, считая, что только он имеет право и возможность вырабатывать пути национального развития.

⁶ Намерение Жуковского отвратить воспитанника от излишнего увлечения армейскими экзерцициями так и осталось лишь намерением. Красивая форма, громкие команды, громады полков, четко им подчинявшиеся, прельщали Александра Николаевича с детства. Уже будучи императором, он любил, присев у окна в покоях императрицы, рисовать новые знаки различий, элементы формы или просто пуговицы для тех или иных полков. Как и многие Романовы, он не любил войну, но армия всегда оставалась для него любимым детищем.

⁷ Когда наследник престола близко познакомился с М. М. Сперанским, тот уже не был тем пылким реформатором, который в начале царствования Александра I разрабатывал планы преобразования высших органов власти России. После ссылки 1812—1818 гг. Сперанский вернулся в Петербург другим человеком, говорившим, что его планы реформ были явно преждевременны. Однако он оставался «светилом российской бюрократии», человеком широких знаний, блестящих способностей, умелым организатором и умным лектором.

⁸ Г. В. Жомини в 1805—1809 и 1813 гг. был начальником штаба знаменитого наполеоновского маршала М. Нея. С августа 1813 г. Жомини перешел на российскую службу, где со временем стал генералом от инфантерии. Разработал положение о военной академии, а также теорию военного искусства, построенную на «вечных и неизменных началах». Отголоски этой теории слышны в военной мысли разных стран вплоть до Первой мировой войны.

Е. Ф. Канкрин — граф и генерал от инфантерии — заинтересовался экономикой еще в царствование Александра I. В 1821 г. он опубликовал труд под названием «Всемирное богатство, национальное богатство и государственное хозяйство». С 1823 г., став министром финансов, проводил политику гибкого покровительства отечественной промышленности. При Канкрине в России возникли первые общества страхования, началась организация сберегательных касс, восстановлена система винных откупов, выпущены первые билеты Государственного казначейства (займы). В 1839—1841 гг. министр провел денежную реформу, в результате которой главной платежной монетой в России стал серебряный рубль, а государственные ассигнации сделались вспомогательным платежным средством.

⁹ Подобное происходило не только в Костроме. Например, в Оренбурге специально прикомандованная сюда Киргизская орда забавляла наследника скачками детей на низкорослых лошадях, национальной борьбой, заклинанием змей, хождением босиком по сабельным остриям и прочими сугубо национальными развлечениями. В Уральске Александру Николаевичу была показана ловля осетров. Причем из пойманных рыб тут же вынули икру, посолили ее и подали в качестве закуски к завтраку, состоявшемуся на специально построенном плоту. А в Симбирске, где толпа народа долго бежала с криками за коляской наследника, Жуковский не выдержал и воскликнул: «Беги за ним, Россия, он стоит любви твоей!»

¹⁰ Александра (1842—1847); Николай (1843—1865), Александр (1845—1894); Владимир (1847—1909); Алексей (1850—1908); Мария (1853—1920); Сергей (1857—1905. Убит эсером И. П. Каляевым в Московском Кремле); Павел (1860—1919. Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости).

¹¹ Только в период с 1855 по 1857 г. императору было подано 63 записки с различными проектами преобразований. Наиболее интересными из них были сочинения Б. Н. Чичерина, К. С. Аксакова, А. И. Кошелева, К. Д. Кавелина. В записке «Восточный вопрос с русской точки зрения» Чичерин подверг николаевское правление столь резкой критике, что Александр II заметил: «К сожалению, много есть правды, но направление прескверное». Записка Аксакова «О внутреннем состоянии России» говорила о необходимости свободы печати и созыва Земского собора. В ней требовалось, чтобы царь, сохранив всю полноту самодержавной власти, предоставил обществу неограниченную свободу совести и слова. Кошелев предлагал немедленно созвать собрание представителей всей русской земли, дабы решить насущнейшие вопросы жизни империи. Кавелин же строго научно показал, каким тормозом является крепостничество для экономического развития России.

¹² Воцарение Александра II не обошлось без неприятных сюрпризов. В день восшествия его на престол в Москве с колокольни Ивана Великого сорвался большой колокол и убил двух человек. Сомнения у современников вызывала сама способность нового монарха действовать решительно и твердо. «Он, — писала об Александре II Тютчева, — был бы прекрасным государем в хорошо организованной стране и в мирное время, где приходилось бы только охранять». Как показало время, Александр Николаевич умел не только «охранять», но и преобразовывать, но интересно, что то же самое и почти теми же словами писали позже о его внуке, императоре Николае II.

¹³ А. Ф. Тютчева провела при императорском дворе 13 лет (1853—1866), то есть как раз время, пришедшее на преобразования Александра II. Как свидетельница повседневной жизни двора, она наблюдала в частной обстановке как самих венценосцев, так и их ближайшее окружение. Рожденная в Германии, Тютчева только в 18-летнем возрасте попала в Россию. Стесненное материальное положение заставило ее отца хлопотать о назначении дочери фрейлиной к супруге наследника престола Марии Александровне. Анна Федоровна стала не только фрейлиной, но и воспитательницей сначала великой княгини Марии, а затем младших сыновей Александра II — Сергея и Павла.

Попавшая после возвращения в Россию в окружение славянофилов, Тютчева осталась верной этому течению мысли до конца жизни. Со всем пылом неофитов она и при дворе пыталась вести пропаганду славянофильских идей. Это плюс бескрайнее обожание, с которым Анна Федоровна относилась к царской чете, со временем стали обузой для любимых ею Александра и Марии. В 1866 г. она, выйдя замуж за известного славянофила И. С. Аксакова, навсегда рассталась с императорской семьей, к взаимному облегчению обеих сторон.

¹⁴ III отделение с.е.и.в. канцелярии было образовано в 1826 г. и включило в себя особую канцелярию Министерства внутренних дел, тайную агентуру и жандармерию (единый Отдельный корпус жандармов был сформирован в 1836 г.). Первоначально личный состав III отделения насчитывал 16 человек, обслуживавших четыре экспедиции (наиболее секретные политические дела вела 1-я экспедиция, которой и была подчинена тайная агентура). Для удобства выявления «неблагонадежных» граждан и наблюдения за ними империя была поделена на восемь жандармских округов, во главе которых стояли высшие жандармские чины. Округа распадались на отделения, включавшие в себя две-три губернии.

Штат III отделения никогда не был велик. В 1857 г. один из современников записал в дневнике: «Вчера в Знаменской гостинице собралось все III отделение, вероятно, чествовали кого-то из начальства. Выпили на 30 человек 35 бутылок шампанского, кричали “ура”». Сила отделения была не столько в этих любителях шампанского, сколько в широкой сети тайных агентов, доносы которых и наводили ужас на российское общество, заставляя его в каждом знакомом и незнакомом подозревать шпиона.

¹⁵ О вопиющих безобразиях при организации снабжения русских войск во время Крымской войны сохранилось много свидетельств. Например, М. А. Вроченский писал в воспоминаниях «Севастопольский разгром», вышедших в Киеве в 1893 г.: «... о снабжении же наших войск теплой одеждой в это время (осень 1854 г. — Л. Л.) еще никто и не помышлял... наши солдатики всю зиму пробавлялись в своих истасканных шинелишках, добавляя к ним, и то на собственные гроши, рогожи, которые надевали на себя в виде ризы на плечи, а во время дождя даже на голову, образуя огромный башлык... Этот наряд приводил в недоумение неприятелей, никак не могших решить вопроса — что это за особый род военного костюма...»

Или воспоминания Е. Арбузова: «Зачастую приходилось по три дня не иметь ни сена, ни овса; сухари и крупа выдавались людям неаккуратно...» А вот еще из «Моих воспоминаний» А. И. Дельвига: «Слабость русской пехоты Буэ (французский генерал в Крыму. — Л. Л.) приписывал дурной пище и бивакам открытым и недостатку карабинов Минье.

О пище говорил с большим удивлением: сухари из черного хлеба и вода — вот и все, что едят наши... Многие из русских дезертиров показывают, что бежали по причине голода».

Часть II

ОДИНОЧЕСТВО ВТОРОЕ. БЕГСТВО

¹ Свое понимание роли главы семейства и отца Николай I мог почерпнуть из собственных детских лет. Как известно, Павел I не доверял ни своей жене, ни старшим сыновьям, так что нормального домашнего очага Николай Павлович в детстве не ощущал. Отец, правда, охотно возился с младшими сыновьями, но у него не было для этого достаточно времени, да и погиб он, когда Николаю исполнилось лишь пять лет. Надзор за воспитанием великого князя был возложен на генерала М. И. Ламздорфа, который не обладал никакими педагогическими навыками или способностями. Относясь к воспитаннику, как к рекруту, он частенько наказывал его линейкой, а то и ружейным шомполом, а то и просто — кулаком. Мать Николая, вдовствующая императрица Мария Федоровна, вполне разделяла традиционность педагогических приемов генерала. Так что с родительской заботой и семейным теплом Николай Павлович знаком не был, а потому и не считал их чем-то необходимым для своих детей.

² Обычай ставить елку был возрожден Александрой Федоровной, поскольку попытки Петра I приучить подданных к этому красивому и теплому обряду не увенчались успехом. Помешало и то, что на протяжении XVIII в. этот обычай не поддерживался Православной церковью, которая видела в нем отголосок язычества. Так или иначе, к началу XIX столетия новогодняя елка оказалась в России прочно забытой.

³ Николай I оказался в данном случае providцем. Его первенец ни разу во время своего правления не воспользовался правом монарха смягчить приговор, когда речь шла о террористах, покушавшихся на его жизнь или на жизнь высокопоставленного чиновника.

⁴ Через пять лет после окончания Крымской войны Россия уже имела около 60 канонерских лодок. Великому князю Константину Николаевичу пришлось не только переоборудовать Балтийский флот, но и воссоздать флот Черноморский, а также, по сути, заново строить флот Тихоокеанский. Понятно, что эти мероприятия требовали огромных финансовых затрат, а потому великий князь всегда был противником военных конфликтов, которые могли привести Россию к столкновению с ведущими европейскими державами и требовали значительных капиталовложений.

⁵ Князь Петр Владимирович Долгорукий (1817—1868) происходил из древнейшей аристократической фамилии России. Он учился в привилегированном Пажеском корпусе, но за какую-то провинность был лишен звания камер-пажа и решил посвятить себя изучению истории. В самом начале 1840-х гг. он печатает «Российский родословник», вызвавший сочувственное внимание общества. Однако в 1842 г. Долгорукий публикует в Париже «Заметки о главных фамилиях России», где предаст гласности многие из событий, скрывавшихся правительством (существование Земских соборов; хартия, подписанная Михаилом Романовым в 1613 г.; убийства Петра III и Павла I; восстание декабристов). По возвращении в Россию Петр Владимирович был арестован и сослан в Вятку.

Там князь работал над четырехтомной «Российской родословной книгой», упрочившей за ним звание крупного специалиста по генеалогии. Эта работа открыла перед ним двери частных архивов знатнейших дворянских фамилий. Однако непредсказуемый Долгорукий вновь удивил Россию и эмигрировал в Западную Европу. Здесь он публикует знаменитую «Правду о России» и начинает издание газеты «Будущность». В 1860-х гг. имя Долгорукого страшило власти больше, чем деятельность Герцена. Дело, видимо, в том, что стрельба «Колокола» по общественным мишеням казалась Зимнему дворцу менее опасной, нежели выпады князя против виднейших фамилий империи. Долгорукий умер во Франции, а его огромный архив сумел купить и вывезти в Россию агент III отделения Карл Роман. Благодаря разысканиям историков значительная часть архива ныне обнаружена, но очень многое пока не найдено.

⁶ У Александра I было много мимолетных связей, например, с мадемуазель Жорж, актрисой Фелис, с госпожой Шевалье. Он был очарован королевой Пруссии и ее сестрой, принцессой Сальмской, но отношения с ними, по словам А. А. Чарторыйского, были чисто «платоническим кокетством». Однако истинную страсть он испытал лишь к М. А. Нарышкиной, от этой почти официальной связи родилась дочь, названная Софьей. Ее смерть в 1824 г. в 18-летнем возрасте Александр Павлович пережил как подлинную трагедию, от которой долго не мог оправиться.

⁷ Жуковский был безнадежно влюблен в Марию Андреевну Протасову, которая была дочерью сводной сестры поэта. Столь близкое родство исключало, с точки зрения Православной церкви, возможность брака. Долг религиозного закона оказывался не легче долга монаршего и отдалял Василия Андреевича от любимой девушки так же надежно, как трон. Он, правда, пытался ему сопротивляться: путешествовал вслед за Протасовыми, трижды обращался за благословением к матери Маши — ничего не помогало. Рисунок личной жизни Жуковского и дальше оказался схож с судьбой его воспитанника. Александр Николаевич нашел жену в Дармштадте, Василий Андреевич — тогда же в Дюссельдорфе. Весной 1841 г. состоялись свадьбы ученика и учителя. Жуковский был счастлив в браке с Е. А. Райтерн, но перед смертью вспоминал умершую к тому времени от туберкулеза Машу Протасову.

⁸ Княгиня Ливен рисует следующий портрет королевы Виктории в молодости: «Красивая, элегантная, очаровательная девушка, с глубокими синими глазами, полуоткрытым ртом, белыми правильными зубами...» Виктория слыла весьма деятельной, образованной девушкой, которая умела поддержать разговор и о литературе, и об искусстве, и о мировой политике.

⁹ После отъезда Александра Николаевича из Лондона королеве Виктории остались на память о нем альбом гравюр с портретами наследника русского престола и овчарка Казбек, считавшаяся вплоть до своей смерти любимицей королевы. Однако постепенно политические реалии начали брать свое. Во время восточного кризиса второй половины 1870-х гг. Александр II отзывался о своем предмете давней любви совершенно непочтительно: «Ах, эта упрямая старая карга!» или: «Ах, опять эта старая английская дура!»

¹⁰ Б. Н. Чичерин (1828—1904) — известный юрист, историк, философ, либерал-западник — родился в семье богатого помещика и получил прекрасное домашнее образование. Закончил Московский универ-

ситет, где с 1861 г. стал профессором государственного права. В 1868 г. вместе с С. М. Соловьевым, И. К. Бабстом и другими профессорами подал в отставку из-за принципиальных разногласий с большинством Ученого совета университета. В течение двадцати лет проработал в Тамбовском земстве. Его труды об областных учреждениях России в XVII в., представительных учреждениях Англии и Франции, трехтомный курс «Государственной науки» были новым словом в российской юридической науке.

Кроме того, Чичерин является автором интереснейших и точных воспоминаний: «Московский университет», «Москва сороковых годов», «Земство и Московская дума», — в которых отразилась жизнь столиц и провинции в 1840—1880-х гг. Его с большим основанием, чем кого бы то ни было из либералов, можно назвать «государственником», поскольку свои надежды на политический и экономический прогресс России Борис Николаевич связывал не столько с деятельностью общества, сколько с четкой работой органов государства, в первую очередь престола.

¹¹ Воспитатели и учителя вспоминали о великом князе Николае Александровиче, как о прелестном юноше с образованным умом, с горячим любящим сердцем, веселом, обходительном, принимавшем во всем живое участие. После смерти наследника один из его учителей Б. Н. Чичерин написал: «В этой ранней могиле были похоронены лучшие мои мечты и надежды, связанные с благоденствием и славой отечества. Россия рисковала иметь образованного государя с возвышенными стремлениями, способного понять ее потребности... Провидение решило иначе. Может быть, нужно было, чтобы русский народ привыкал надеяться только на самого себя».

¹² Согласно воспоминаниям современников, Варвара Шебеко и ее брат за спиной императора торговали железнодорожными концессиями и втянули в эту деятельность Е. М. Долгорукую. Причем речь на этих «торгах» шла о сотнях тысяч, а то и миллионах рублей. Может быть, на этом и основаны слухи о том, что Долгорукая вмешивалась в государственные дела и вообще «управляла» монархом. Впрочем, в железнодорожных «гонках» принимали участие и некоторые «законные» родственники государя, но их почему-то не подозревали в излишнем влиянии на него.

Часть III

ОДИНОЧЕСТВО ТРЕТЬЕ. НАЧАЛО

¹ Еще в феврале 1855 г. Александр II назначил главнокомандующим Крымской армией М. Д. Горчакова; командующим Южной армией генерала А. Н. Лидерса; главным начальником флота и Морского ведомства великого князя Константина Николаевича. Позже К. В. Несельероде на посту министра иностранных дел сменил А. М. Горчаков; В. А. Долгорукого на посту военного министра — Н. О. Сухозанет; Д. Г. Бибикова на посту министра внутренних дел — С. С. Ланской; П. А. Клейнмихеля на посту главноуправляющего путями сообщений и публичных зданий — К. В. Чевкин; А. И. Чернышева на посту председателя Государственного Совета и Комитета министров — А. Ф. Орлов.

² В первые месяцы царствования Александра II «оттепель» сказывалась на многих сторонах жизни страны. Было разрешено издание новых

журналов, заслуженным профессорам университетов были возвращены пенсии, отнятые у них указом 1852 г. Принято решение об открытии университетов в Сибири, восстановлена Медицинская академия в Варшаве. В начале 1856 г. вновь разрешили посылать за границу молодых ученых для подготовки к профессорской деятельности. Отменена принудительная военная служба для детей разночинцев, а также закон, по которому дети солдат с 7-летнего возраста поступали на службу кантонистами (эта мера коснулась 400 тысяч детей).

Растроганные милостями нового императора петербургские литераторы начали свое очередное собрание с тоста, в котором говорилось: «С Петра Великого вы не назовете никакой эпохи в нашей истории, где бы так много было сделано в такое небольшое время. Поднимем же... наши бокалы во здравие и во славу того, чье высокое имя начертано... под словами: "отменить, простить, возвратить"».

³ Сравнивая положение различных слоев крестьянства, следует отметить, что печальнее всего оно было именно у помещичьих крестьян. С конца XVIII в. закон дал помещикам правосылать своих крепостных без суда и следствия в Сибирь, в ссылку или на каторгу, отдавать в солдаты. Помещики вмешивались в личную жизнь крепостных, распоряжались их имуществом. Правительство возложило на землевладельцев обязанность собирать с крестьян государственные налоги и вносить их в казну. Это отстранило крестьян от общения с коронной администрацией, между ними встал помещик, по выражению Павла I, — «полицмейстер над крестьянами». У крестьян оставалось право свидетельствовать в суде, платить налоги, служить в армии, получать небольшую компенсацию «за бесчестие», получать помощь от помещика во время неурожая и других бедствий.

Попытки правительства в XIX в. ограничить права помещиков на продажу и дарение крепостных, а также на ссылку их в Сибирь серьезных последствий не имели. Во всяком случае в 1817—1831 гг. в Сибирь землевладельцами было сослано 1249 человек, а в 1842—1848 гг. — 2715 человек. Правительство пыталось, и довольно активно, препятствовать превышению помещиками своих прав над крепостными. В 1834—1845 гг. было привлечено к ответственности 2838 землевладельцев, из них 630 осуждены, но это мало меняло общую ситуацию в крепостной деревне.

⁴ В московской речи императора некоторые исследователи видят желание монарха снять с себя ответственность за трудное решение, а то и просто увильнуть от проблемы. Говорят и о том, что эта речь свидетельствовала о недостаточной подготовленности Александра II для решения важнейшего вопроса русской жизни. Вряд ли подобные утверждения справедливы. В словах императора действительно чувствуется неуверенность, даже, если хотите, смятение. В этом нет ничего удивительного: он, безусловно, рисковал, поскольку никто не мог сказать, как отреагирует на его речь российское дворянство, да и вообще, насколько благоприятен для начала реформы именно этот момент.

⁵ Обращает на себя внимание отсутствие идеологического обеспечения будущих мероприятий императора. Вспомним, что Александр I действовал под эгидой Просвещения. Николай I использовал знаменитую формулу-лозунг: православие, самодержавие, народность. Александру II не понадобились идеологические одежды — необходимость перемен была слишком очевидна, да и касались эти перемены, как казалось, социально-экономических проблем, которые менее идеологизированы, чем политические.

⁶ В состав Секретного комитета 1857 г. вошли: А. Ф. Орлов, С. С. Ланской, В. Ф. Адлерберг (министр двора), П. Ф. Брок (министр финансов), М. Н. Муравьев (министр государственных имуществ), В. К. Чевкин, Д. Н. Блудов (главноуправляющий II отделением с.е.и.в. канцелярии), В. А. Долгорукий (шеф жандармов), П. П. Гагарин, М. А. Корф, Я. И. Ростовцев (как члены Государственного Совета) и государственный секретарь В. П. Бутков.

⁷ В начальный период подготовки отмены крепостного права не было более крупного специалиста по крестьянскому вопросу, чем П. Д. Киселев. В его руках находилось созданное им Министерство государственных имуществ со слаженным, им самим подобранным аппаратом, разбиравшимся во всех тонкостях сельского хозяйства. И хотя Павлу Дмитриевичу было далеко за шестьдесят, он оставался достаточно крепким и активным человеком. Антиреформаторские силы в Петербурге именно против него и направили первый удар. Им удалось переместить Киселева с поста министра государственных имуществ на дипломатическую работу. Александр II, не догадываясь о подоплеке интриги, сам уговаривал Киселева стать послом в Париже, говоря, что просит даже не о согласии, а о пожертвовании. Пост посла России во Франции в конце 1855-го — начале 1856 г. был действительно очень важен, так как предстояла большая работа по сближению позиций двух недавно воевавших друг с другом стран.

Прогрессисты с ужасом думали о том, что будет, когда умрут немногочисленные старики-либералы, находящиеся рядом с новым императором. Действительность оказалась намного проще — самый достойный государственный деятель, способный возглавить проведение реформы, был от нее отстранен. Киселеву, правда, позволили самому избрать себе преемника, и министром государственных имуществ стал В. А. Шереметев. Однако он вскоре умер, а на одном из ключевых постов государства оказался М. Н. Муравьев, проводивший, как мы увидим, совсем иную политику, нежели Киселев.

⁸ Рескрипт Назимову содержал, по сути, первую правительственную программу отмены крепостного права. Она предусматривала уничтожение личной зависимости крестьян от помещиков при сохранении всей земли в собственности последних. Для поддержания хозяйства крестьян «и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком» им должно было быть предоставлено определенное количество земли, за которую они или платят оброк, или отбывают барщину. Со временем крестьяне должны были получить право выкупать свои усадьбы. Полицейская власть в деревне оставалась в руках помещиков.

⁹ 23 августа 1858 г. Александр II, будучи во Владимире, выразил неудовольствие дворянам по поводу насильственного переселения ими крестьян в Сибирь. Еще строже прозвучала его речь, обращенная к дворянству в Москве. То же самое повторилось в Смоленске, Костроме, Вильно. Двухмесячная поездка императора по России, хотя и не достигла своей главной цели, имела большое значение, поскольку тысячи людей слышали лично от него слова о непреклонной воле императора отменить крепостное право. Рубикон был перейден — обсуждение крестьянского вопроса в губерниях началось. Правда, шло оно достаточно вяло и чаще всего не в том направлении, какого желало правительство, но все же шло.

¹⁰ В то же время в конце 1858 г. Александр II приветствовал любые инициативы, выражавшие сочувствие освобождению крестьян. Однако

даже при этом условии проявлять такие инициативы оказалось делом далеко не простым, грозившим серьезными неприятностями. В 1858 г. московские либералы решили дать обед в поддержку отмены крепостного права и пить за здоровье государя. Генерал-губернатор Москвы А. А. Закревский, узнав об этом, отправил в столицу донос, в котором выражал опасение, что обед может перерасти в антиправительственную демонстрацию.

Александр II, выяснив обстоятельства дела, немедленно разрешил проведение обеда и поблагодарил московских дворян за сочувствие к великому начинанию. Однако даже это не спасло В. В. Кокорева от неприятностей. Он произнес вдохновенную речь в поддержку освобождения крестьян, в которой, кстати, превозносил императора как инициатора реформы. С этого дня Кокорев надолго попал под негласный надзор полиции, которая не пожелала отличать патриотического воодушевления от оппозиционного протеста.

¹¹ Работа Редакционных комиссий продолжалась и после окончания их официальных ежедневных заседаний. «Собирались мы, — вспоминал П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — у Милютин по вечерам пять или шесть раз в неделю. Приезжали мы к 9 часам вечера и засиживались до 3, 4 и даже 5 часов утра». Уходили собравшиеся от Николая Алексеевича через парк возле Министерства внутренних дел, где уже вовсю заливались соловьи. Милютин, смеясь, говорил, что поют не птицы, а спрятавшиеся в кустах чиновники министерства, которые таким образом выражают сочувствие коллегам-полуночникам. Названия печатных трудов Редакционных комиссий занимают в библиографическом указателе 12 страниц убористого текста — и все это за полтора года работы.

¹² Депутаты губернских дворянских комитетов съезжались в Петербург не одновременно, а как бы в два приема. В августе 1859 г. столица приняла представителей 21 губернского комитета («депутаты первого созыва»), а в феврале 1860 г. — «депутатов второго созыва», то есть представителей оставшихся губерний. В силу различных почвенно-климатических условий губерний и неодинаковой собственной политической позиции депутаты так и не сумели договориться о совместном выступлении против правительственной программы преобразований.

¹³ Первая неясность, которая бросается в глаза, когда речь заходит о демократии, — это то, какой, собственно, ее тип имеется в виду. Ведь существует понимание демократии с позиции силы: «Народ всегда прав!», то есть абсолютизирующее правоту большинства по отношению к меньшинству. И существует понимание демократии, базирующееся на общечеловеческих ценностях, с точки зрения которого большинство может быть право далеко не всегда.

На взгляд автора, демократия — это принятие законов, в основу которых положено признание ценности личности, уважения ее прав, а также неукоснительное соблюдение этих законов всеми органами, организациями и частными лицами. Сложности начинаются позднее, когда выясняется, что демократия в чистом, идеальном виде не существует. Ведь защита интересов одного субъекта демократического общества часто (если не всегда) приводит к нарушению каких-то прав или интересов другого его субъекта.

Значит, речь должна идти о преимущественной защите интересов определенных слоев населения. Каких же именно? Здесь дело не в количественном составе слоев, а в том, какой из них в данный момент

ближе к идеалу, выбранному данным обществом. Иными словами, основная трудность заключается в определении идеала для неустойчивых или неопределившихся обществ. В них идеалом зачастую становится то, что не было, нет и не может быть идеалом, или то, о чем его члены имеют смутные, превратные представления.

Чтобы избежать нежелательных последствий политических баталий, нужно, наверное, согласиться с тем, что демократия — это не solo какой-то одной социальной или политической силы, считающей себя хранительницей демократических сокровищ. Говоря широко, демократия — это и есть общественное согласие, ради которого все цивилизованные политические силы готовы пойти на серьезный компромисс, не выбрасывая при этом, естественно, своих программных установок.

¹⁴ В самом начале 1862 г. тверское дворянство обратилось к императору с адресом, в котором, в частности, говорилось: «Осуществление этих реформ невозможно путем правительственных мер... Свободные учреждения, к которым ведут эти реформы, могут выйти только из самого народа, а иначе будут одною только мертвою буквою и поставят общество в еще более натянутое положение. Посему дворянство... ограничивается указанием того пути, на который оно должно вступить для спасения себя и общества. Этот путь есть собрание от всего народа без различия сословий». В результате этого обращения к монарху тринадцать тверских дворянских депутатов были арестованы и пять месяцев провели в Петропавловской крепости. После этого им грозило двухлетнее тюремное заключение, но по ходатайству генерал-губернатора Петербурга дело ограничилось уже закончившимся предварительным заключением.

¹⁵ На заседаниях Редакционных комиссий Н. Милютин и В. Панин схватывались по любому поводу. Так, когда Панин предложил внести в проект реформы, подготовленный комиссиями, вставки из всех законов, касающихся крепостных и не отмененных подготовленным Положением, Милютин, Черкасский и другие члены комиссий возразили, что подобная работа заняла бы не менее полугода. Тогда Панин посетовал, что при Ростовцеве они были бы сговорчивее. Милютин, вспыхнув, возразил, что на предложения, подобные панинскому, члены комиссий никогда не соглашались и не могли согласиться. Чуть позже председатель вообще обвинил Милютина чуть ли не в саботаже, хотя затягивал работу комиссий не и. о. министра внутренних дел, а именно Панин.

¹⁶ В селе Бездна Казанской губернии местный житель раскольник Антон Петров (Антон Петрович Сидоров) принялся по-своему толковать Положение 19 февраля. По его словам выходило, что с 1858 г. крестьяне имели право прекратить работы на помещика и за ними оставалась вся земля за вычетом неудобных мест. Слух о новом прочтении Положения привлек в Бездну около 5 тысяч крестьян из других деревень. Властям пришлось высылать туда две роты Тарутинского полка под командованием графа А. С. Апраксина. На требование выдать Петрова крестьяне ответили отказом, и он был схвачен только после нескольких залпов по плотной толпе селян. По сообщению врача, лечившего раненых, общее число жертв расстрела превысило 350 человек. В том числе был расстрелян и сам Петров.

Тогда же в селах Черногай и Кандеевка Пензенской губернии начались волнения 10 тысяч крестьян из 26 окрестных сел. И здесь толпа была расстреляна солдатами, в результате чего 9 человек погибло и де-

сятки были ранены. 114 крестьян оказались осужденными на каторгу и поселение в Сибири. Вообще же крестьянские беспорядки в 1861 г. угасли довольно быстро. Подошла страдная деревенская пора, да и надежда стать самостоятельными хозяевами заставила крестьян не бунтовать, а обустроить свое хозяйство в новых условиях.

¹⁷ Несмотря на многочисленные утверждения, что крестьянская реформа была проведена исключительно в интересах помещиков, само дворянство видело в ней нарушение своих прав и интересов. Вот несколько откликов провинциальных дворян на реформу. Один из них отмечал: «... первое впечатление на большинство дворян не могло не быть тягостно и грустно... Не все имеют достаточно твердости, чтобы не сожалеть о важных правах, может быть, и не своевременных, но составляющих материальную основу жизни сословия». Другой помещик предвидел, что он будет «висеть на фонаре параллельно и одновременно с петербургскими реформаторами» (последнее его, видимо, несколько утешало). Третий заявлял: «... вместе с дарованием крестьянам вольности государь подпишет мне и многим тысячам помещиков смертный приговор. Миллион войска не удержит крестьян от неистовства». Наконец, их четвертый коллега замечал, что «разрушить этот порядок значит приготовить гибель государству».

¹⁸ Раздача крестьянам помещичьих и государственных земель не могла разрешить аграрного кризиса, поскольку «прирезка», по подсчетам специалистов, составила бы всего по 0,8 гектара на семью. Российский земельный вопрос заключался не в нехватке земли у крестьян, а в устаревших способах землепользования, экстенсивности крестьянского хозяйства. В данном случае прирезка земли крестьянам привела бы не к расцвету сельского хозяйства, а к сохранению малоэффективных способов земледелия, а значит, и к новому росту трудностей.

¹⁹ Автор далеко не разделяет точку зрения тех исследователей, которые утверждают, что подготовка условий возникновения индустриального общества в Европе есть результат аномалии европейского развития. Общие принципы этой аномалии заключаются в наличии феодальной анархии и долговременном конфликте между светскими и религиозными авторитетами. Маневрируя между Церковью и королями, европейские города добились свободы. Лавируя между королями и Церковью, стали независимыми университеты. Ничего подобного в России не существовало. По словам одного из ученых: «Русское общество расколото на Обломова, который не хочет переезжать (на новую квартиру. — Л. Л.), и Петра I, который гонит его в шею». Впрочем, ничего подобного европейским порядкам мы не находим в Китае, Византии, странах Африки и в большинстве других регионов мира. Если следовать этой логике, то эллинистические порядки не только не могли возникнуть нигде, кроме Греции, но и не могли быть нигде, кроме нее, восприняты. Это далеко не так. Однако не упомянуть об изложенной точке зрения я не мог.

²⁰ В ходе подготовки судебной реформы в русском обществе отчетливо просматривались три точки зрения на ее основы. Сторонники первой из них считали, что в годы правления Николая I было сделано достаточно для исправления судов, а потому необходимо только упорядочить сделанное. Другие говорили о том, что подлинно российское судопроизводство подверглось искажению в XVIII — первой половине XIX в., и задача состоит в том, чтобы восстановить его, не прибегая к заимствованиям теоретических начал европейского правоведения.

Наконец, третьи призывали полностью отказаться от наследия прошлого и взять за образец институты, победившие в западных странах.

Первым документом, предварявшим судебную реформу, стал проект устава гражданского судопроизводства, представленный в Государственный Совет главноуправляющим II отделения с.е.и.в. канцелярии Д. Н. Блудовым. По словам одного из оппонентов, Блудов пытался «изыскать средство отворотить злоупотребления, не касаясь источника злоупотребления». Тем не менее Блудов дал мощный толчок работе над проектом реформы, поскольку подал в Государственный Совет еще 14 законопроектов, касающихся различных сторон судопроизводства. В конце 1861 г. по распоряжению императора была создана комиссия, составленная из опытных юристов, во главе которой встал князь П. П. Гагарин. Ее работа получила широкую огласку, во всяком случае, в комиссию пришло почти 450 писем с различными замечаниями и предложениями. В декабре 1863 г. новые судебные уставы были переданы в Государственный Совет, где и рассматривались до ноября 1864 г.

²¹ Земская реформа начала подготавливаться с 1858 г., когда в Главном комитете по крестьянскому делу были рассмотрены предварительные соображения о новом устройстве уездного управления. Однако эти соображения не были поддержаны комитетом, да и большинство губернаторов остались ими недовольны. В 1859 г. по распоряжению Александра II учреждается комиссия «О хозяйственно-распорядительном управлении в уезде» под председательством Н. А. Милютина. Несколько позднее этой же комиссии поручили составление проекта преобразования губернского управления. Однако Милютину не довелось закончить работу над проектом, в апреле 1861 г. он был уволен в отставку.

Председателем же комиссии стал новый министр внутренних дел П. А. Валуев. Подготовленный под его руководством проект, а также замечания на него различных министров летом 1863 г. были отправлены в Государственный Совет. Надо отметить, что земская реформа вызвала в бюрократических кругах особо негативную реакцию, а потому обсуждение проекта в Совете затянулось до ноября. Император был вынужден подтолкнуть членов Совета, написав знакомое нам: «Требую, чтобы дело было закончено до января».

²² Учебная система начала преобразовываться при Александре II после доклада министра просвещения А. С. Норова от 5 марта 1856 г. В том же году по указу императора был восстановлен Ученый комитет Министерства народного просвещения; на факультеты университетов стало приниматься неограниченное количество студентов, а в 1857 г. последовало разрешение частным лицам открывать пансионы и школы. Было открыто Педагогическое общество, объединившее лучших педагогов своего времени.

Одним из важнейших вопросов университетской реформы стали попытки правительства решить проблему получения высшего образования женщинами. С 1859 г. женщины были допущены в качестве вольнослушательниц к посещению лекций в университетах, но это не удовлетворило их тягу к знаниям. Российские женщины начали уезжать в зарубежные университеты, и к концу 1860-х гг. только в швейцарских вузах их насчитывалось 108. Обеспокоенное таким поворотом событий правительство в 1872 г. открыло Высшие женские курсы в Москве, а в 1876 г. — Бестужевские в Петербурге. Однако в целом вопрос о женском образовании в царствование Александра II решен не был.

²³ Попытаемся развеять внешнее противоречие между тем, что говорилось выше о чиновничестве, как основном и единственном инструменте проведения реформ, и тем, что значительная часть бюрократии тормозила и выхолащивала суть реформ. Дело в том, что бюрократизация всех сторон жизни России сделала необычайно важным личностный момент в проведении преобразований. Министр-реформатор подталкивал и развивал реформу, министр-консерватор имел все возможности для того, чтобы придать реформе вид очередного административного выкрутаса.

²⁴ Даже накануне Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. военному министру приходилось защищать реформированную армию от нападков на нее с разных сторон. «Никогда еще, — писал Д. А. Милютин, — Россия не имела в готовности такой силы со всеми материальными средствами, как теперь; никогда и не могло быть прежде такого приготовления к быстрой мобилизации. Досадно, что на превратные толки, злые клеветы и ругательства приходится отвечать молчанием. Не публиковать же нашего плана мобилизации, цифры наших сил, наших запасов».

²⁵ Жизнь А. В. Никитенко (1804—1877), профессора Петербургского университета и цензора, была долгой и непростой. Он родился в семье крепостного крестьянина и до 1824 г. числился таковым, пока не был выкуплен на волю при активнейшем участии К. Ф. Рылеева. В 1828 г. Никитенко заканчивает философско-юридический факультет Петербургского университета, а с 1830 г. становится «помощником профессора» политической экономии в том же университете. Александр Васильевич усердно трудится и на чиновничьем поприще, составляя по заданию высокопоставленных лиц докладные записки, проекты, «особые мнения» и т. п.

Последнее ему удается настолько хорошо, что в середине 1850-х гг. Никитенко становится первым советником министра народного просвещения, а в 1859 г. — одним из вершителей цензурной политики правительства. Однако к середине 1860-х гг., когда надо было четко обозначить свою позицию, сторонник общественного компромисса Никитенко оказывается не ко двору и расстается как с университетской, так и с чиновничьей карьерой. Благодарность потомков ему принесли не научные, преподавательские или государственные занятия, а трехтомный дневник и записки, которые он вел ежедневно начиная с 1818 г. и по 1877 г. Мемуары Никитенко являются одним из классических источников для изучения истории России XIX в.

Часть IV

ОДИНОЧЕСТВО ТРЕТЬЕ. АПОГЕЙ

¹ Помимо декабристской истории, Горчакову мешало еще и то, что он не сумел найти общий язык с всесильным А. Х. Бенкендорфом во время визита императора и шефа жандармов в Вену в 1835 г. Вот как об этом рассказывает сам Горчаков, исполнявший в тот период обязанности посланника при австрийском дворе и нанесший Бенкендорфу визит в гостинице: «После нескольких холодных фраз он, не приглашая меня сесть, сказал: “Потрудитесь заказать хозяину отеля на сегодняшний день мне обед”. Я совершенно спокойно подошел к колокольчику и вызвал метрдотеля гостиницы. “Что это значит?” — сердито спросил граф Бенкендорф. “Ничего более, граф, как то, что с заказом об обеде

вы можете обратиться к метрдотелю гостиницы". Этот ответ составил для меня в глазах всесильного тогда графа Бенкендорфа репутацию либерала». Вернее, конечно, не либерала, а человека, не желающего услужить любимцу императора.

² Свобода рук на Черном море имела для России не только политическое или стратегическое, но и важнейшее экономическое значение. Известно, что в 1856—1860 гг. через порты Азовского и Черного морей шло 77,1% всего российского экспорта пшеницы, в среднем по 29,4 миллиона пудов в год. Позже в 1860—1865 гг. — 85%. В таких условиях нейтрализация Черного моря являлась фактором крайне нежелательным, сковывающим дальнейшее развитие внешней торговли страны.

³ В науке существует устоявшееся мнение, что первым о возможности отмены статей Парижского договора с императором заговорил Горчаков. Во всяком случае в конце жизни, несколько путая хронологию событий, Александр Михайлович утверждал: «В 1871 г. в эпоху франко-прусской войны никто другой, как именно я подал мысль государю Александру Николаевичу и поддержал затем его решимость смыть пятно, оставшееся на страницах новейшей истории нашего отечества: уничтожить запрет, наложенный на Россию парижским трактатом, запрет строить корабли в портах Черного моря».

⁴ В своем отношении к Герцену и материялам «Колокола» Александр II не был новатором. Руководя следствием над декабристами, его отец, Николай I, прекрасно понимал, что имеет дело с людьми, тщательно продумавшими свои планы. Поэтому он приказал составить свод показаний дворянских радикалов, касавшихся внутреннего состояния России. В результате получился документ, напоминающий проект правительственной программы. В нем говорилось: «... надобно даровать ясные, положительные законы; водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства; возвысить нравственное образование духовенства; подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях; воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами; направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию; улучшить положение земледельцев; уничтожить унизительную продажу людей...» Многие пункты этой программы Николай I принял к сведению и попытался, в меру своего понимания проблем, провести в жизнь.

⁵ Памятник 1000-летию России был построен на действительно народные деньги (за два года на него было собрано 150 тысяч рублей добровольных пожертвований). Памятник представляет собой бронзовый колокол, разделенный на три яруса (православие, самодержавие, народность). На вершине монумента — крест, поддерживаемый ангелом и коленопреклоненной женщиной (изображавшей Россию). Крест стоит на державе — символе русской государственности — вокруг шара-державы расположены шесть скульптурных групп (шесть периодов русской истории). Всего на памятнике — 109 скульптурных фигур, представляющих деятелей различных эпох и разных социальных слоев: просветители, государи, военачальники и герои, писатели, художники, актеры. Памятник уникален прежде всего тем, что посвящен не какому-то конкретному событию, а истории страны в целом.

⁶ Краткая история взаимоотношений России и Польши в XIX в. выглядит следующим образом. Приняв в 1815 г. польскую корону, Александр I даровал полякам конституцию, по которой они получали свой парламент, суд, независимые школы и 80-тысячную армию. Царь

признал католичество государственной религией Польши со всеми правами, которые имело православие в России. Однако поляки продолжали борьбу за национальную независимость, о чем говорят восстания 1830—1831, 1846 и 1847—1848 гг. В результате первого из них автономия Польши была упразднена, конституция сменилась Органическим статутом, и край стал составной частью Российской империи. Николай I, с трудом исполнявший роль конституционного монарха, воспользовался мятежом 1830—1831 гг., чтобы восстановить самодержавную власть над Польшей.

⁷ По поводу чудесного спасения Александра II в апреле 1866 г. существуют две версии. Согласно первой из них причина неудачи покушения Каракозова заключается в том, что стрелявший был не слишком искусен в обращении с оружием, а потому мог поразить императора только случайно. Вторая версия существует в виде красивого рассказа о том, что монарха от выстрела радикала-интеллигента спас простой крестьянин, который, находясь в момент покушения рядом с Каракозовым, не растерялся и толкнул убийцу под локоть. Этот счастливый жест и послужил причиной промаха террориста. Звали крестьянина Осип Иванович Комиссаров. Однако со второй версией происшедшего дело обстоит не так просто.

Даже очевидцы печального события не могут однозначно ответить на вопрос, действительно ли толкал Комиссаров покушавшегося. Более того, те, кто утверждает, что толчок, безусловно, имел место, спорят о том, был ли этот жест сознательным или Осип Иванович, отпрянув от человека с револьвером, поскользнулся на замерзшей луже и, инстинктивно взмахнув руками, угодил тому по локтю. Впрочем, для нас с вами более всего в данном случае важен результат: император остался невредим, Каракозова схватили, а Комиссаров...

О! С ним начали происходить чудесные метаморфозы. Выхваченный из толпы, собравшейся на месте покушения, генералом Э. И. Тотлебенем, Осип Иванович был доставлен в Зимний дворец и представлен императору в качестве спасителя отечества. Ко всему прочему оказалось, что Комиссаров родом из Костромской губернии, то есть сама собой выстраивалась знаменательная цепочка от костромича Сусанина, спасшего в 1613 г. первого царя из рода Романовых, к костромичу же Комиссарову (прямо какой-то местный промысел). После того как Александр II пожаловал своему спасителю потомственное дворянство, ура-патриотическая волна поднялась до уровня девятого вала. Костромское дворянство нарезало из собственных земель имение новому собрату, который не только стал членом первого сословия, но и переименовал имя, превратившись в Иосифа Иоанновича Комиссарова-Костромского.

Он был принят сначала в военную, а затем в придворную службу, но вдоволь насладиться плодами своего героического поступка ему не пришлось. Трудно сказать, что тому виной: то ли непривычные напитки, которыми потчевали его в лучших домах Петербурга, то ли общее их количество, но спустя год после покушения Иосиф Иоаннович скончался от белой горячки. Так и осталось непонятным, был ли его подвиг реальностью или мы имеем дело с очередным мифом, которых в истории (по сугубо политическим соображениям) набралось не так уж мало.

* Кружок Н. Ишутина образовался в 1863 г. в Москве из представителей студенчества и вольнослушателей различных учебных заведений

древней столицы. Он включал в себя 20 человек, ставивших своей целью построение в России социалистического строя. Для достижения указанной цели члены кружка попытались на практике осуществить мечту Веры Павловны, героини романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», и доказать преимущество свободного коллективного труда над принудительным. Из организации мастерских-коммун, естественно, ничего не вышло, и тогда в кружке возникает сугубо тайное ядро под названием «Ада», которое и начинает разрабатывать планы насильственного переворота. Именно участникам «Ада» (интересно, как они называли друг друга?) приходит в голову мысль о цареубийстве как ускорителе истории страны, а на роль исполнителя Ишутин предлагает своего двоюродного брата Дмитрия Каракозова. Таким образом, слепое эпигонство и попытка претворения в жизнь литературной утопии приводят молодых экстремистов к не менее утопической мысли о возможности изменить ход развития России с помощью убийства монарха. К сожалению, в отличие от героев Чернышевского, деятельность ишутинцев разворачивалась не на бумаге, а в совершенно реальной жизни.

⁹ «Хождение в народ» принесло радикалам в основном разочарование. Лукашевич и Аитов, например, пытавшиеся вести пропаганду во Владимирской губернии, столкнулись с тем, что крестьяне отнеслись к ним недоверчиво: отказывали в ночлеге, подозревали в воровстве. Лукашевич, проработавший несколько месяцев в плотницкой артели, не заметил в результате своих разговоров с рабочими никакого «шевеления их интеллекта».

В целом же оказалось, что надежды на бунтарский характер крестьянства сильно преувеличены. Даже отчаянным бунтарям-бакунистам приходилось в основном заниматься разговорами о прелестях социалистического строя, распространением соответствующих книжек и брошюр. Впрочем, и у «чистых» пропагандистов дела шли не лучше. Идея нового передела земель в деревне действительно была популярна, но сигнал к переделу ожидался крестьянами отсюда же, откуда ранее пришло освобождение их от крепостничества, то есть от императора. Прочность царистских иллюзий в деревне оставила ее абсолютно равнодушной к социалистической пропаганде. Нет, крестьяне не отказывались слушать пропагандистов, но воспринимали их рассказы как новую интересную сказку.

¹⁰ Провал во многом стихийного «хождения в народ» заставил народников объединиться в организацию «Земля и воля», у истоков которой стояли М. Натансон, А. Михайлов, Г. Плеханов, О. Аптекман. Программные документы «Земли и воли» свидетельствуют, что цель революционеров оставалась неизменной — осуществление народного востания в ближайшем будущем. Именно этому должно было содействовать создание «основного кружка», состоявшего из нескольких десятков человек и возглавившего новую организацию. Для оперативного решения текущих вопросов создавалась «комиссия» из трех — пяти человек, наделенных широкими полномочиями. Вокруг членов «основного кружка» образовывались территориальные и специальные группы.

Программа «Земли и воли» распадалась на две части: организаторскую и дезорганизаторскую. В первой из них раскрывались методы деятельности революционеров: «заведение... прочных связей в местностях, где недовольство наиболее заострено, и устройство прочных поселений... среди крестьянского населения этих районов»; «заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих»; «пропа-

ганда и агитация в университетских центрах»; «заведение собственного печатного органа и распространение листовок».

Дезорганизаторская часть программы предписывала, как ослабить, «дезорганизовать» государственный аппарат. В ней землевольцы провозглашали установление связей в армии, привлечение на свою сторону чиновников, служащих в важных правительственных учреждениях. Наконец, истребление наиболее вредных или выдающихся лиц «из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный... порядок».

Постепенно народникам становилась понятной бесперспективность пропагандистской работы в деревне при существующем политическом режиме. Единственным реальным делом, проведенным народниками в деревне, стал Чигиринский заговор 1877 г., организованный Я. Стефановичем, Л. Дейчем и Н. Бохановским. В течение 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии проходили упорные волнения крестьян. Селяне, как обычно, твердо надеялись на помощь царя в их спорах с местными властями, и Стефанович решил построить на этой наивной вере свое революционное предприятие. Отрекомендовавшись чигиринцам крестьянином соседней губернии, он предложил им стать их ходяком в Петербург к царю. Получив согласие схода, Стефанович исчез, а через некоторое время вернулся обратно с «Высочайшей тайной грамотой» (отпечатанной в подпольной типографии). «Мы повелеваем, — говорилось в ней, — оставить помещикам только усадьбы и такое количество земли и леса, какое придется и всякому бывшему их крепостному... Непрестанная 20-летняя борьба наша за вас с дворянством убедила нас... что мы единолично не в силах помочь вашему горю и что только вы сами можете свергнуть с себя дворянское иго, освободиться от тяжких угнетений и непосильных поборов, если единодушно с оружием в руках восстанете против ненавистных вам врагов и завладеете всею землею... Всякий, кто готов положить жизнь свою за великое и святое крестьянское дело, обязан дать присягу на верность обществу «Тайной дружины»».

За восемь месяцев существования в Чигиринском уезде «Тайной дружины» в ее члены вступило около 3 тысяч крестьян. Общество было раскрыто благодаря несдержанности и неопытности одного из ее членов, который сначала стал во всеуслышание утверждать, что крестьяне скоро покончат с помещиками, а позже на допросах рассказал все, что ему было известно о «Тайной дружине». Авантюра Дейча, Стефановича и Бохановского вызвала бурю негодования среди радикалов. «Принцип стефановичевского плана, — писал С. Кравчинский, — обман народа, хотя бы для его же блага, и поддержание гнусной царской легенды, хотя бы и с революционными целями, — был, безусловно, отвергнут партией и не имел ни одного подражателя... Это была старая «самозванщина», облеченная в новую канцелярскую форму». Действительно, подложный царский манифест, обман народа — все это являлось хитростью от бессилия, от разочарования в крестьянстве и в бакунистских лозунгах, обещавших быстрое достижение социалистического будущего.

В то же время общая растерянность «верхов» вселяла в землевольцев уверенность в том, что постоянным давлением на правительство удастся вырвать у него провозглашение политических свобод, без которых невозможно вести пропаганду социалистических идей в народе. Иными словами, степень противоречий между «пропагандистами»

(сторонниками работы в деревне) и «политиками» (желавшими заняться организацией давления на правительство) становилась все более острой.

Часть V ОДИНОЧЕСТВО ТРЕТЬЕ. ФИНАЛ

¹ Присутствуя на похоронах солдат, погибших от взрыва в Зимнем дворце, Александр II припомнил совсем недавнее прошлое и прошептал, глядя на выстроенные в ряд гробы: «Кажется, что мы еще на войне, там, в окопах под Плевной». Ситуация действительно выглядела похожей, только в роли осажденных выступали совсем не турки, да и осаждающими оказались не русские регулярные войска.

² Кроме Александра II и Гриневицкого, от взрыва на набережной Екатерининского канала пострадали двадцать человек. Двое из них умерли от ран.

³ В начале 1880-х гг. и власть, и революционный лагерь оказались на очередном перепутье. Власть могла попытаться сделать то, на что так долго не решался Александр II, — привести в какое-то соответствие социально-экономические и политические порядки в стране. Иной путь предполагал окончательное возвращение к попыткам Николая I стабилизировать ситуацию в стране традиционными авторитарными методами, что в конечном итоге вело к искажению исторического смысла преобразований 1860—1870-х гг. Остроту, переломность момента чувствовала и российская пресса. В передовице «Московских ведомостей» от 1 января 1881 г. год предыдущий назван «годом кризиса и перехода... годом, который недосказал своего слова и передаст теперь преемнику неизвестное наследие». Наследие оказалось столь непредсказуемым, что журналист «Московских ведомостей» вряд ли мог такое представить даже в кошмарном сне.

У революционного лагеря тоже имелось два варианта дальнейших действий. Он мог оставаться на прежних народнических позициях, стараясь поднять деревню на социалистическую революцию. Однако в 1882—1883 гг., после окончательного разгрома народнических кружков, этот вариант оказался нежизнеспособен. Второй путь был связан с изменением идейных основ движения радикалов, его тактики с ориентацией на пролетариат как главную силу революции. Выбор правительственного и революционного лагерей известен так же хорошо, как и его итоги, не принесшие России ни процветания, ни покоя.

⁴ Проклинать революционеров за то, что они — революционеры, или требовать запрещения революционных организаций (если они не пытаются сокрушить устои правильного гражданского общества) — это занятие совершенно бесполезное. Революционное движение есть всего лишь наиболее острое проявление явственно ощущающегося недовольства общества; оно — наиболее резкая реакция на бесправие общества, вопиющую социальную незащищенность народных масс, нарушение прав личности и т. п. Требовать того, чтобы революционное движение приняло более или менее адекватные формы, можно только в том случае, если в стране налажена правильная цивилизованная политическая жизнь. Россия Александра II к гражданскому обществу даже не начала приближаться, а потому политический террор оказался вполне адекватен рамкам той системы, которая существовала в государстве.

⁵ Наибольшая беда от разгула террора в России заключалась в том, что и правительственный, и революционный террор делались губительной силой для нравственного здоровья общества. Они сливались в единую цепь усиливающих репрессий и покушений, приучая людей к крови, насилию, дешёвизне человеческой жизни. Они перестали потрясать людей своей бесчеловечностью, нецивилизованностью. В результате атрофировалось чувство неповторимости человеческой личности, что уж говорить о ценности ее прав...

ЧТО ЕСТЬ ВЕЛИЧИЕ?

(несколько слов для завершения разговора)

¹ Памятник Александру II в Московском Кремле был установлен, что далеко не случайно, по проекту П. В. Жуковского — сына поэта и воспитателя императора-мученика. Он закончил Боннский университет и преподавал в Строгановском училище по классу ваяния. Памятник получился не слишком удачным, прежде всего излишне помпезным для человека, который пытался отрешиться от привычной для российских монархов византийской пышности. С другой стороны, памятник оказался добросовестным свидетелем эпохи, так как наглядно демонстрировал эстетические пристрастия «верхов» времен Александра III. Сам Жуковский, видимо, угодивший своим творением императору, в 1893 г. получил за памятник царю-освободителю чин шталмейстера двора.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА II

- 1818, 17 апреля — в Московском Кремле родился старший сын императора Николая I Александр.
- 1825, 12 декабря — великий князь Александр Николаевич объявлен наследником престола.
- 1826 — наставником наследника назначен В. А. Жуковский, разработавший в том же году 10-летний план воспитания Александра Николаевича.
- 1834, 17 апреля — наследник в день своего совершеннолетия принес присягу на верность императору.
- 1837, 2 мая — 10 декабря — Александр Николаевич совершает путешествие по России, во время которого посещает 29 губерний империи.
- 1838 — 1839, 2 мая — 23 июня — наследник совершает путешествие за границу, подводящее итог его обучению.
- 1841, 16 апреля — свадьба Александра Николаевича и принцессы Гессен-Дармштадтской Марии Александровны.
- 1839 — 1842 — наследник стал членом Государственного Совета и Комитета министров.
- 1852 — назначен главнокомандующим Гвардейским и Гренадерским корпусами.
- 1855, 18 февраля — смерть Николая I.
- 1855, 19 февраля — вступление на российский престол императора Александра II.
- 1856, 19 марта — заключение Парижского мирного договора.
- 1856, 26 августа — коронация Александра II в Москве.
- 1857, январь — открыт Секретный комитет для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян.
- 1857, 20 ноября — публикация рескрипта Назимову.
- 1859, 19 февраля — создание Редакционных комиссий.
- 1859 — 1860, август — февраль — заседание в Петербурге депутатов губернских дворянских собраний.
- 1861, 19 февраля — Александр II подписал Манифест и Положения об освобождении крестьян от крепостной зависимости.
- 1861, 5 марта — обнародование документов об отмене крепостного права.
- 1863, 18 июня — принятие нового университетского устава.
- 1864, 1 января — Александр II подписал указ о введении в действие «Положения о губернских и уездных земских учреждениях».
- 1864, 19 ноября — утверждение монархом нового устава гимназий.
- 1864, 20 ноября — император санкционировал введение новых судебных уставов.
- 1856 — 1874 — проведение военной реформы в России и введение всеобщей воинской повинности.
- 1863 — 1864 — война горцев Кавказа за свою независимость.
- 1865, 12 апреля — смерть наследника престола великого князя Николая Александровича и провозглашение наследником великого князя Александра Александровича.
- 1866, 4 апреля — покушение Д. Каракозова на жизнь Александра II.
- 1867, 25 мая — покушение А. Березовского на жизнь Александра II.
- 1870, 1 июня — император утвердил новое Городовое Положение.

- 1871, 13 марта — отмена статей Парижского мирного договора.
- 1874 — 1875 — «хождение в народ» членов революционных народнических кружков.
- 1877—1878, октябрь — январь — судебный «процесс 193-х».
- 1877—1878, 12 апреля — 19 февраля — Русско-турецкая война, освобождение балканских народов от турецкого ига.
- 1878, 1 июля — подписание Берлинского трактата, зафиксировавшего новое положение на юге Европы.
- 1876 — 1879 — деятельность организации «Земля и воля».
- 1879, 2 апреля — покушение А. Соловьева на жизнь Александра II.
- 1879, 15 августа — образование организации «Народная воля».
- 1879, 19 ноября — взрыв царского поезда под Москвой.
- 1880, 12 февраля — взрыв царской столовой в Зимнем дворце.
- 1880, 12 февраля — учреждение «Верховной распорядительной комиссии».
- 1880, 19 февраля — празднование 25-летия вступления на престол Александра II.
- 1880, 22 мая — смерть императрицы Марии Александровны.
- 1880, 6 июля — женитьба Александра II на Е. М. Долгорукой-Юрьевской.
- 1881, 17 февраля — одобрение императором конституционного проекта М. Т. Лорис-Меликова.
- 1881, 1 марта — смерть Александра II от рук террористов из организации «Народная воля».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Александр II. Воспоминания. Дневники. — СПб., 1995.
- Балезин В. Н. Самодержцы. Любовные истории царского дома. Т. 1—2. — М., 1999.
- Богданович А. В. Три последних самодержца. — М., 1990.
- Боханов А. Н. Император Александр III. — М., 1998.
- Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. V. — М., 1912.
- Великие реформы в России. 1856—1874. — М., 1997.
- Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837. — М., 1999.
- Глинский Б. Б. Царские дети и их наставники. — СПб., 1912.
- Головачев А. А. Десять лет реформ. 1861—1871. — СПб., 1872.
- Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. — М., 1898.
- Дневник Д. А. Милютина. Т. 1—4. — М., 1947—1950.
- Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1—2. — М., 1961.
- Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. — М., 1934.
- Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. — М., 1954.
- Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. — М., 1984.
- Захарова Л. Г. Александр II // Российские самодержцы. 1801—1917. — М., 1993.
- Ключевский В. О. Курс истории России. Т. V. — М., 1989.
- Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. 1864—1914. — М., 1914.
- Корнилов А. А. История России в XIX веке. Ч. I—III. — М., 1918.
- Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II. Исторические очерки. — М., 1909.
- Кропоткин П. А. Записки революционера. — М., 1988.
- Кюстин А. Николаевская Россия. — М., 1990.
- Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. — М., 1991.
- Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. I—III. — СПб., 1897.
- Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. — М., 1990.
- Николаев В. Александр Второй — человек на престоле. — Мюнхен, 1986.
- Николай I. Муж. Отец. Император. — М., 2000.
- Палеолог М. Александр II и Екатерина Юрьевская // Царская Россия накануне революции. — М., 1991.
- Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1857—1861. — М., 1994.
- 1 марта 1881 года. — М., 1933.
- Перетц Е. А. Дневник. — М., 1927.
- Российская дипломатия в портретах. — М., 1992.
- Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Т. I—II. — СПб., 1890.

Тайны царского двора (из записок фрейлин). — М., 1997.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1—2. — М., 1996.

Толмачев Е. П. Александр II и его время. Кн. 1—2. — М., 1998.

Толстая А. А. Записки фрейлины. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. — М., 1996.

Фсоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. — Л., 1929.

Фирсов Н. Н. Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре II в юности // Исторический Вестник. 1909. Т. 115. № 1.

Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. — Л., 1978.

Чичерин Б. Н. Московский университет. — М., 1929.

Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов. — М., 1929.

Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. — М., 1991.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 1—2. — М., 1903.

Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. — М., 1989.

Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861) в воспоминаниях П. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. I—II. — СПб., 1913.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Левандовский. Предисловие</i>	5
---	---

Власть и одиночество (<i>несколько слов для начала разговора</i>)	27
---	----

Часть I

ОДИНОЧЕСТВО ПЕРВОЕ. ПУТЬ

Ощущение времени (<i>конец 1810-х годов</i>)	34
Образован поэтом, воспитан дворцом	39
Монарх в России больше, чем монарх	69
Шапка Мономаха	78
Царь и корона	96

Часть II

ОДИНОЧЕСТВО ВТОРОЕ. БЕГСТВО

В кругу родных.	103
От первой до последней любви Александра II	117
А тем временем в Ницце.	148

Часть III

ОДИНОЧЕСТВО ТРЕТЬЕ. НАЧАЛО

Ощущение времени (<i>вторая половина 1850-х годов</i>)	156
Страсти по крепостничеству	161
«Цепь великая».	165
Страсти по крепостничеству (<i>продолжение</i>)	168
Здание реформ	201

Часть IV

ОДИНОЧЕСТВО ТРЕТЬЕ. АПОГЕЙ

Ощущение времени (<i>первая половина 1870-х годов</i>)	223
Дипломатия и пушки	227
Общество, общество....	249
Охота на «красного зверя».	262

Часть V

ОДИНОЧЕСТВО ТРЕТЬЕ. ФИНАЛ

Взрыв в Зимнем дворце	287
Убийство Освободителя	298
Ощущение времени (<i>весна 1881 года</i>)	308

Что есть величие? <i>(несколько слов для завершения разговора)</i>	320
Примечания	331
Основные даты жизни Александра II	352
Краткая библиография	354

Ляшенко Л. М.

Л99 Александр II, или История трех одиночеств /
Предисл. А. А. Левандовского. — М.: Мол. гвардия,
2002. — 357[11] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей:
Сер. биогр.; Вып. 815).

ISBN 5-235-02479-6

Историко-биографическая книга Л. М. Ляшенко является одним из первых в мировой литературе исследованием, где сделана попытка всестороннего описания жизни человека, занимающего исключительное место в ряду российских самодержцев. Личность Александра II, заслоненная грандиозностью его реформ, прежде всего отменой крепостного права, предстает во всей полноте человеческих черт, бытовых поступков и государственных деяний. Наряду с противоречивой натурой Царя-Освободителя, монарше одиночество которого было разорвано бомбами народовольцев, в книге выведены образы его возлюбленных и жен, дается галерея живых портретов людей императорского окружения, осмысливается сама природа верховной власти.

Драма жизни, слава и бесславие Александра II показаны на широком историческом фоне, раскрыты на разнообразных мемуарных и архивных материалах.

УДК (974+957)•18•(092)
ББК 63.3(2)5

Ляшенко Леонид Михайлович

АЛЕКСАНДР II, или ИСТОРИЯ ТРЕХ ОДИНОЧЕСТВ

Главный редактор издательства А. В. Петров

Редактор В. М. Петров

Художественный редактор А. Б. Романова

Технические редакторы Н. А. Тихонова, В. В. Пилкова, Р. А. Косыгин

Корректор Т. М. Новицкая

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 02.08.2001. Подписано в печать 24.12.2001. Формат 84х108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 19,32+1,68 вкл. Тираж 7000 экз. Заказ 17995.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, Сушевская ул., 21. www.mg.gvardiya.ru. ds@mg.gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02479-6

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефон: 787-64-77.

gvardiya.ru • dsel@gvardiya.ru